

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(14)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2007

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Л. П. Крысин</i>	
Русская литературная норма и современная речевая практика	5
<i>Д. О. Добровольский</i>	
Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы.....	18
<i>Ю. Д. Апресян, П. В. Дяченко, А. В. Лазурский, Л. Л. Цинман</i>	
О компьютерном учебнике лексики русского языка	48
<i>О. Н. Лагута, М. К. Тимофеева</i>	
Национальный корпус русского языка и Интегрум: итоги и перспективы.....	113
<i>Э. М. Береговская</i>	
Реализация стилистических потенций хиазма в творчестве Феликса Кривина.....	133
<i>О. Е. Иванова</i>	
Правописание наречий: правила и словарь	147
<i>Е. В. Ягунова</i>	
Фонетические признаки опорных сегментов и восприятие русского текста ...	164
<i>И. И. Макеева</i>	
История семантики слов со значением протяженности по вертикали в русском языке	187
<i>М. Н. Шевелева</i>	
«Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах	214

Полемика

<i>Л. Л. Касаткин</i>	
Что такое диалектный язык.....	253
<i>П. В. Петрухин</i>	
<i>Жили-были</i> : вопрос закрыт?	268

Информационно-хроникальные материалы

Симпозиум памяти Герты Хюттль-Фольтер (Венский университет, 10—13 мая 2007) (<i>А. А. Алексеев</i>).....	283
---	-----

Рецензии

- Т. Б. Р а д б и л ь. Языковые аномалии в художественном тексте:
 Андрей Платонов и другие. М.: МПГУ, 2006. — 319 с. (*Е. В. Падучева*) 286
- Е. С. О т и н. Словарь коннотативных собственных имен.
 М.: ООО «А Темп», 2006. — 440 с. (*И. В. Родионова*)..... 294
- О. А. А н и щ е н к о. Словарь русского школьного жаргона XIX века.
 М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2007. — 368 с. (*В. В. Шаповал*) 296

Обзоры

- Русское правописание сегодня: О «Правилах русской
 орфографии и пунктуации» / Под ред. В. В. Лопатина.
 М.: Дрофа, 2007. — 254 с. (*О. Е. Иванова*)..... 313
- Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4 / Отв. ред. Т. В. Попова.
 М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. — 176 с.
 (*Д. М. Савинов*)..... 314
- Р. Б. Т а р к о в с к и й. Русская поэзия и московские орфоэпы.
 О произношении слов «скучно», «нарочно», «конечно» и подобных.
 СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 396 с. (*А. А. Алексеев*) 315
- Р. Б. Т а р к о в с к и й. Русская поэзия и московские орфоэпы.
 О произношении слов «скучно», «нарочно», «конечно» и подобных.
 СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 396 с. (*М. Л. Каленчук*) 316

ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. П. КРЫСИН

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА И СОВРЕМЕННАЯ РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА *

1. Термин *норма* часто используется в двух смыслах — широком и узком.

В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов. В этом понимании норма близка к понятию *узуса*, т. е. общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка. Так, можно говорить о норме применительно к территориальному диалекту: например, нормальным для севернорусских диалектов является оканье, а для южнорусских — аканье. По-своему нормативен и любой из социальных или профессиональных жаргонов: например, то, что используется в торговом аргументе, будет отвергнуто как чуждое теми, кто владеет жаргоном плотников; устоявшиеся способы использования языковых средств существуют в армейском жаргоне и жаргоне музыкантов-«лабухов», и носители каждого из двух этих жаргонов с легкостью отличат чужое от своего, «нормального», и т. д.

В узком смысле норма — это результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием *литературного* языка, который иначе называют нормированным, или кодифицированным¹. Территориальный диалект, городское просторечие, со-

* Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на 38-х Виноградовских чтениях в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН в январе 2007 г. Доклад и статья подготовлены в рамках проекта «Русская литературная норма и современная речевая практика (социолингвистическое исследование)», разрабатываемого коллективом исполнителей по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

¹ В западной лингвистической традиции принят термин «стандарт»; из отечественных языковедов этот термин предпочитал употреблять Е. Д. Поливанов (см., например: [Поливанов 1968]). Некоторые современные исследователи считают, что термин *стандарт*, или *стандартный язык*, более точно соответствует сущности того, что принято называть литературным языком (см., например: [Шайкевич 2005: 220], а также [Живов 2005], где термину *литературный язык* предпочитается термин *языковой стандарт*).

циальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации, и поэтому к ним не применимо понятие нормы в узком смысле этого термина².

Получается, что применительно к некодифицированным сферам языка мы можем употреблять термины «узус» и «норма» безразлично: то, как принято говорить, скажем, на данном диалекте, это языковой обычай, узус, но это и диалектная норма, отличающая его от других диалектов. Однако относительно кодифицированной подсистемы, каковою является литературный язык, такое безразличие в использовании терминов «узус» и «норма» явно не оправдано: одно дело, как предписывают употреблять языковые средства словари и грамматики (норма), и другое — как в повседневном речевом общении следуют этим предписаниям носители литературного языка (узус, речевая практика). Несовпадение нормативных прескрипций и речевой практики более или менее очевидно, и современная устная и письменная речь предоставляет нам массу примеров такого несовпадения.

2. Из сказанного следует, что применительно к литературному языку полезно различать три сущности: систему, норму и узус.

Система языка понимается как совокупность возможных способов и средств выражения, которыми обладает каждый национальный язык, а норма — как совокупность правил отбора таких способов и средств выражения (возможных в системе данного языка), которые приняты в данном обществе в данное время и которые признаются большинством говорящих наиболее пригодными для использования в той или иной коммуникативной ситуации. Норма реализует далеко не все из тех возможностей, которыми обладает система языка. Между системой и нормой находится узус — использование языка в разных сферах человеческой деятельности, речевая практика. В узусе нередко реализуется, с одной стороны, то, что не является нормой, но разрешает языковая система, а с другой, то, что не только не является нормой, но и выходит за пределы системных возможностей языка. Иначе говоря, узус «перекрывает» и нормативные рекомендации и запреты, и системные потенции языка.

Примеры.

- 1) Фонетическая система русского языка допускает сочетания мягких задненёбных согласных с последующим /o/: [к'о], [г'о], [х'о]. Лите-

² Одним из первых в лингвистической науке двойное понимание нормы (дескриптивное: то, как *говорят*, как *принято* говорить в данном обществе, и прескриптивное — как *надо*, как *правильно* говорить) выдвинул уругвайский лингвист Э. Косериу: в широком смысле «норма соответствует не тому, что „можно сказать“, а тому, что уже „сказано“ и что по традиции „говорится“ в рассматриваемом обществе» (см. [Косериу 1963: 175]), а в узком смысле норма — результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению. Ближкое к этому понимание нормы можно найти и в работах представителей Пражского лингвистического кружка (например, Б. Гавранка, А. Едлички).

ратурная же норма отвергает словоформы типа *берегёт, жгёт* (хотя в речевой практике литературно говорящих людей эти формы встречаются³), словоформы со звуко сочетанием [к'о] единичны: *ткёшь, ткёт, ткём, ткёте*, а слова с [х'о] в русском литературном языке не встречаются. Тем не менее, эти звуко сочетания «фонетически закономерны», и «можно уверенно ожидать, что какое-нибудь заимствование типа *гёла*⁴ или необычное имя собственное с этим сочетанием (*Хёлин*) будет произноситься людьми, владеющими русским литературным языком, без звуковых замен и без артикуляционных запинок: они сохранят именно такой свой облик, с [г'о] и [х'о], даже если войдут в число общеупотребительных, частых в бытовой речи слов» [Панов 1967: 79—80].

- 2) Грамматическая система разрешает образовывать форму 1-го лица ед. числа от всех глаголов, а норма запрещает такую форму от глаголов *победить* и *убедить* (ср. *наследить, огородить* и под., где такая форма нормативна: *наслежу, огорожу*).
- 3) Система не содержит в своем арсенале возможности образовывать страдательные причастия настоящего времени от непереходных глаголов. В узусе, а затем и в норме такие причастия есть: *несгораемый шкаф, управляемая* именная группа и т. п.
- 4) Система «не разрешает» образовывать слова от несуществующих лексических единиц. Узус, в особенности социально или профессионально специфический, дает примеры подобных образований: медики говорят *тощак* (в русском языке нет существительного **тощак*); нарушена и система, и норма.
- 5) Правила глагольного управления предусматривают общую для сочиняемых глаголов именную группу в определенном падеже только в том случае, если все сочиняемые глаголы имеют одну и ту же модель управления: *писал и отправлял письма, беспокоился и заботился о детях* и т. п. Если глаголы разноуправляющие, то постановка общей именной группы при сочиняемых глаголах запрещена: **опекал и заботился о детях*. Современная речевая практика — не только разговорная речь, но и язык СМИ — дает обильные примеры именно таких ненормативных конструкций: **организовал и руководил оркестром; *прием и собеседование с абитуриентами; *контролировать и спрашивать с подчиненных* и т. п. (подробнее об этом см. [Крысин 2007]).

³ По данным массового обследования носителей русского литературного языка в 60-х гг. XX в., приблизительно пятая часть опрошенных сочла допустимым употребление форм *волокёт* и *жгёт* [РЯДМО: 215 и сл.].

⁴ Ср. слова *гёрлс, гёрлскаут, гёрлфренд*, заимствованные русским языком в самом конце XX в. и уже зафиксированные словарями (см., например: [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: 152; Крысин 2005: 192; РОС 2005]).

Языковое творчество детей и некоторых писателей также может служить свидетельством того, что возможности системы языка значительно шире того, что разрешает литературная норма и что закреплено в узусе.

В знаменитой книге Корнея Чуковского «От двух до пяти» приведены многочисленные факты «незаконных» (а на самом деле вполне допускаемых системой русского языка) детских формо- и словообразований типа *зададу, спрятаю, пивнул, откуснул, всколькером, рукти* (по образцу слова *ногти*: «на ногах *ногти*, а на руках *рукти*»), *окошный* дом, *зубовный* врач, *пугательные* сказки и т. п. [Чуковский 1990: 105 и сл.]. Один из персонажей романа А. Солженицына «В круге первом», Илларион Герасимович, «не слабел, а, наоборот, *сильнел* от такой жизни». Система языка не запрещает образование глагола *сильнеть* от прилагательного *сильный*, поскольку словообразовательная модель производства глаголов со сходной семантикой ('приобретать свойство, обозначенное прилагательным, в большей степени') от других прилагательных, имеющих в своем составе суффикс *-н-*, существует: ср. *полный* — *полнеть*, *умный* — *умнеть*, *ясный* — *яснеть* и под. Однако ни в нормативных словарях, ни в речевой практике большинства говорящих по-русски глагола *сильнеть* нет. Заметим, что А. И. Солженицын вполне осознанно и целенаправленно расширяет русский словарь, вводя в него слова, отчасти забытые, отчасти стоящие на периферии языка, отчасти придуманные им самим, но образованные в большинстве случаев в соответствии с системными закономерностями русского языка: *выкоренить* (искоренить, истребить), *головаотряс* (недуг), *думчивый* (требующий призадуматься), *изломистый*, *крохотá* (мелюзга, мелкота), *лют* (сильный мороз, стужа; ср.: «Ой, *лют* там сегодня будет, двадцать семь с ветерком, ни *укрыва*, ни *грева!*») — «Один день Ивана Денисовича»), *неуют*, *скорodelьный*, *сличка* (сравнение), *хрусткий* (жесткий, твердый и ломкий), *чашиничать* (бражничать, пировать) и под. [Солженицын 1990].

3. В разные периоды развития языка литературная норма имеет качественно разные отношения с речевой практикой.

3.1. В эпохи демократизации языка тенденции, действующие в узусе, преодолевают сопротивление традиционной нормы, и в литературном языке появляются элементы, которые до того времени норма не принимала, квалифицируя их как чуждые нормативному языку. Например, характерное для современной речевой практики распространение флексии *-á* (*-я́*) в именительном падеже множественного числа на всё более широкий круг существительных мужского рода (*инспектора, прожектора, сектора, цеха, слесаря, токаря* и под.) означает, с одной стороны, что конфликт между системой и нормой разрешается в пользу системы, а с другой, что постоянно изменяющийся, пополняемый новшествами узус, живая речевая практика оказывает давление на традиционную норму, и для некоторых

групп существительных образование форм на *-á* (*-я*) оказывается в пределах кодифицированной нормы (и, значит, конфликт между нормой и узусом разрешается в пользу узуса).

Речевая практика может способствовать не только проникновению в нормированный язык новых для литературного языка единиц, но и укреплению в нем новых моделей — словообразовательных, синтаксических и других. Например, многочисленные лексические заимствования из других языков, главным образом из английского, расширившие нормативный русский словарь в конце XX в., способствуют и тому, что активизируются структурно новые типы слов. Таковы, например, некоторые словосочетания с так называемыми аналитическими прилагательными — типа *бизнес-план*. Надо сказать, что образование подобных словосочетаний — явление не новое для русского языка, их массовое возникновение (на основе сокращений типа *парт-*, *проф-*, *сов-* и т. п.) относится еще к 20-м годам XX в.; грамматические свойства аналитических прилагательных достаточно хорошо изучены (см. в первую очередь работы М. В. Панова, который предложил и сам термин «аналитические прилагательные», — [Панов 1956; 1971]). В большинстве случаев аналитическое прилагательное представляет собой неизменяемую единицу: *аудио-*, *био-*, *видео-*, *гидро-*, *кардио-*, *космо-*, *нарко-*, *шоу-* и под., и препозитивное присоединение ее к знаменательному слову — явление вполне естественное, аналогичное тому, как присоединяются к определяемым словам обычные, изменяемые определения-прилагательные. Однако когда в качестве аналитического прилагательного выступают слова, которые могут существовать и в виде склоняемых существительных, — типа *бизнес*, *Интернет*, то речь может идти не только об образовании словосочетаний с аналитическими прилагательными: *бизнес-план*, *Интернет-карта*, но и о более традиционных для системы русского синтаксиса генитивных словосочетаниях типа *план бизнеса*, *карта Интернета* или о предложно-падежных конструкциях: *план по бизнесу*; *карта для Интернета*; кроме того, вполне в духе языка употребить и относительное прилагательное, образованное от такого существительного: *бизнесный план*, *интернетная карта*, но ни современная речевая практика, ни тем более литературная норма не воспользовались возможностью образования таких прилагательных.

3.2. В периоды укрепления языковых традиций — что, несомненно, связано с определенной социальной, политической и культурной стабилизацией общества — фильтрующая сеть нормативной кодификации становится более частой, и тогда ненормативное, но при этом достаточно широко представленное в узусе с большим трудом попадает в литературный язык. Например, в 30-е гг. XX в. литературная норма отвергает имперфективные глагольные формы, образуемые от двувидовых глаголов: *атаковать*, *использовывать*, *мобилизовывать*, *организовывать* и под., хотя в 20-е гг. XX в. они были весьма употребительны не только в просторечии,

но и в литературной речи и имели определенные социальные перспективы укрепиться в нормативном языке. Академик С. П. Обнорский даже написал специальную статью, посвященную глаголу *использовывать* [Обнорский 1935], в которой выражал крайнее беспокойство по поводу распространения этой просторечной формы в речи литературно говорящих людей. Беспокойство оказалось напрасным, никто из владеющих литературной нормой не скажет сейчас: **Надо использовать такую возможность*. Но другие, сходные формы можно и услышать, и увидеть напечатанными: таковы, например, *организовывать* и *мобилизовывать*⁵.

4. Взаимоотношения языковой нормы и речевого узуса не всегда антиномичны, то есть не всегда имеют форму конфликта, разрешаемого непременно в пользу какой-то одной из сторон. Вариативность, сосуществование, с одной стороны, языковых средств, освященных традицией и закрепленных в норме путем ее кодификации, и, с другой, языковых средств новых, идущих из речевой практики, также представляет собой форму взаимоотношений нормы и узуса. Несмотря на то что литературная норма, как это давно признано ее исследователями, строга и консервативна, она допускает совместное функционирование вариантов одной и той же языковой единицы.

5. Варьирование языковых единиц в пределах нормы имеет несколько типов:

1) свободное: таково, например, вариативное произношение твердого или мягкого согласного перед [э] (ударным или безударным) в некоторых иноязычных словах: *пре[т'э]нзия* — *пре[тэ]нзия*, *[с'э]ссия* — *[сэ]ссия*, *[дэ]зодорант* — *[д'э]зодорант* и т. п.; вариативность ударения в словах *одновременно* (на третьем или на четвертом слоге), *угля́* и *у́гля*; вариативность некоторых падежных форм и личных форм глагола: *в мозгу* и *в мозге*, *чтят* и *чтут*;

2) семантически обусловленное: например, варьирование форм родительного падежа и партитива: *чая* — *чаю*, *сахара* — *сахару*, *коньяка* — *коньяку* и т. п., форм предложного и местного падежей: *(лежать) в снегу* — *в снеге (мало живописности)*, *на самом краю* — *на переднем крае*, *в круге света* — *в своем кругу* и т. п., форм множ. числа в зависимости от значения слова: *тормоза́* (механизм) — *то́рмозы* (в работе), *учителья́* (в школе) — *учите́ли* (о главах учений, научных или социальных теорий), *сыновья́* (в семье) — *сыны́ (сыны́ Отечества)* и др.;

3) стилистически обусловленное: *тракторы*, *инспекторы*, *прожекторы* (книжн.) — *тракторá*, *инспекторá*, *прожекторá* (нейтр.

⁵ В Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) найдено 355 контекстов для словоформы *организовывать*, 8 — для словоформы *мобилизовывать*, 4 — для *атаковывать* и ни одного — для словоформы *использовывать*.

или разг.)⁶, *в отпуске* (книжн. или нейтр.) — *в отпуску* (разг.), *тропою* (устар.) — *тропой*;

4) профессионально обусловленное: *кóмпас* — *компáс* (в речи моряков), *лоску́т* — *лоскут* (остатки в некоторых видах производства, например в ткацком), *се́йнеры* — *сейнерá*, *разбивка* — *разбиение* (второе — в научной речи; при общем для обоих слов значении ‘распределение чего-л. по группам, классам’);

5) социально обусловленное: *по средáм* (главным образом, в речи интеллигенции старшего поколения) — *по сре́дам* (в речи молодого и среднего поколений независимо от социальной принадлежности), *é[ж’:]у*, *дрó[ж’:]у* (в речи интеллигенции, преимущественно московской, старшего поколения) — *é[ж:]у*, *дрó[ж:]у* (в речи других групп носителей современного литературного языка), *ш[ы]гí*, *ж[ы]рá* (в речи москвичей старшего поколения) — *ш[а]гí*, *ж[а]рá* (в речи других групп носителей современного литературного языка) и др.;

6) территориально обусловленное. Этот тип варьирования литературной нормы признается далеко не всеми исследователями: например, Ф. П. Филин отстаивал единство и неварьируемость русского литературного языка на всей территории его распространения (см. [Филин 1981]). Однако языковая действительность расходится с этой точкой зрения на литературную норму. Исследования последних десятилетий убедительно показали, что русский литературный язык существует в определенных локальных вариантах, характеризующих главным образом фонетику, акцентуацию, интонацию, а также словоизменение и лексику (единицы других сфер языка подвержены варьированию в меньшей степени). Так, для речи интеллигенции таких городов, как Вологда, Пермь, Красноярск, Тобольск и нек. др., характерна меньшая, чем в «столичной» норме, редукция гласных в неударных (особенно в заударных) слогах; в речи носителей литературного языка, живущих в городах к югу от Москвы, встречается [γ] фрикативный на месте [г] взрывного; у носителей литературного языка, живущих в Москве и Санкт-Петербурге, наблюдаются различия в использовании наименований одних и тех же объектов, а также некоторые акцентные особенности и т. п. (см. об этом, например, в работах [Беликов 2004; 2006; Григорьева 1980; Ерофеева 1979; Жильцова 1987; Игнаткина 1982; Парикова 1966; РЯДМО; Чуркина 1969]).

Самым «слабым звеном» среди этих шести групп вариантов, допускаемых литературной нормой, является первая группа: свободная вариативность постоянно испытывает давление со стороны нормы, которая в принципе неохотно допускает функционально не оправданную дублетность языковых единиц (ср. основанное на этом свойстве нормы определение М. В. Пановым понятия литературного языка — в [Панов 1966]). Срок существования ничем не обусловленных вариантов в литературном языке

⁶ В «Орфоэпическом словаре» эти формы даны без стилистических помет.

относительно короток: такие варианты постоянно «растаскиваются» в другие группы, где вариативность определяется теми или иными условиями. Например, акцентная вариативность слова *творог* имеет отчетливо выраженную тенденцию перейти в другой тип варьирования — социально обусловленный: *творо́г* предпочитают говорить преимущественно представители интеллигенции старшего поколения, а *тво́рог* — вариант более молодой и социально слабо маркированный; похожая тенденция в распределении акцентных вариантов слова *щавель* (ударение на первом слоге — более молодое и, возможно, еще просторечное, но широкоупотребительное⁷, а *щаве́ль* отмечается преимущественно в речи интеллигенции старшего поколения).

Сосуществующие в литературном языке варианты функционально и коммуникативно подвижны: их использование зависит от сферы и стиля общения, от социальной и профессиональной принадлежности говорящего, от его коммуникативных намерений (например, говорит ли он всерьез или хочет пошутить) и способности переключаться с одной манеры речевого общения на иную (например, с профессиональной речи на общелитературный язык) и от некоторых других факторов (см. об этом, в частности, в работе [Современный русский язык... 2003]).

6. В обновлении нормы, в ее изменении под влиянием речевой практики важна также социальная и культурная среда, в которой то или иное новшество получает распространение. В общем случае: чем выше «общественный вес» той или иной социальной группы, ее престиж в обществе, ее культурный уровень, тем легче иницилируемые ею языковые новшества получают распространение в других группах носителей языка (ср. понятия социального статуса, социального престижа и престижной языковой формы, используемые У. Лабовом при объяснении им фонетических изменений, — см. [Labov 1972; Лабов 1975: 225; 1975а: 323]). Однако обратное не всегда верно: то, что рождается в непрестижной, социально низкой и малокультурной среде, может, конечно, сохраняться в этой среде, не выходя за ее пределы, но может — и нередко! — проникать в речь других социальных групп, в том числе и в речевую практику носителей литературного языка. Ср. замечание А. Д. Швейцера, основанное на анализе инновационных процессов в английском литературном языке и в английских диалектах: несмотря на сопротивляемость кодифицированного языка новшествам, идущим из субстандартных источников, «существует и противоположный путь распространения инноваций — „снизу вверх“, т. е. из субстандартных разновидностей языка в литературный язык. В результате этого процесса происходит сублимация субстандартных языковых форм и их закрепление в узусе, санкционируемом нормами литературного языка» [Швейцер 1996: 74]⁸.

⁷ В «Орфоэпическом словаре» оно дается как неправильное.

⁸ На множественность и разнородность факторов, обуславливающих укрепление в литературном языке одного из вариантов и вытеснение другого (других), об-

В современном литературном языке получают распространение факты, идущие из некодифицированных языковых сфер — главным образом, из просторечия и жаргонов, и традиционно-нормативные единицы постепенно вытесняются новыми. Например, традиционные *обусловливать*, *сосредоточивать*⁹ вытесняются новыми *обулавливать*, *сосредотачивать*; наряду с нормативным *морщить* появляется новое (по-видимому, просторечное) *смарщивать* — как форма несовершенного вида к *сморщить*; жаргонные слова *беспредел*, *тусовка*, *разборка*, *откат* мелькают в речи тех, кого общество привыкло считать образцовыми носителями литературной нормы; многие носители литературного языка уже не замечают, что можно *указывать о чем*, *договориться по чему* (*удалось договориться с Украиной по газу*, *договорились по кандидатуре губернатора*, см. об этом [Гловинская 1996]) — вместо традиционно правильных конструкций *указывать что* и *указывать на что*, *договориться о чем*.

В подобных случаях узус пренебрегает нормативными рекомендациями и запретами, и речевая практика приходит в противоречие с языковой традицией и с предписаниями кодификаторов.

7. Отклонения от традиционной нормы особенно ярко проявляются в тех сферах речевой деятельности человека, где межличностная коммуникация наиболее свободна, не подвержена редакторскому и какому-либо иному контролю. Такой свободной и при этом относительно новой сферой речевой коммуникации является Интернет. Пользователи Интернета идут на сознательное нарушение языковых канонов, как нормативных, так и системных, они склонны к языковым экспериментам, к игре со словом и в слово, и в этих экспериментально-игровых формах использования языка также можно увидеть не только праздные упражнения в остроумии, но и

ращают внимание многие исследователи (см. об этом, в частности, [Горбачевич 1971; 1978; Семенюк 1990], статьи в сборниках [Социальная и функциональная дифференциация... 1977; Литературный язык... 1994; Языковая норма... 1996] и др.). Ср. также: «Выбор того или иного варианта в качестве стандартного (т. е. принадлежащего литературному языку. — Л. К.) может быть обусловлен рядом разнородных факторов (принадлежностью этого варианта к диалекту определенной престижной территории, предпочтением этого варианта в речи элитных социальных групп, предполагаемой древностью этого варианта и т. д.) (...) Стоит, однако же, заметить, что стандартизация обычно не уничтожает вариативность в пределах самого стандартного (литературного) языка: одни варианты подвергаются нормализации, тогда как другие оставляются без внимания и продолжают существовать в языковом стандарте. Решение вопроса о том, что требует нормализации (точнее: кодификации. — Л. К.), а что нет, также зависит от разнородных факторов и нередко основывается на предубеждениях и лингвистическом кругозоре нормализаторов (= кодификаторов. — Л. К.)» [Живов 2005: 178].

⁹ В работе [Янко-Триницкая 1982: 207—208] эти глагольные формы (с сохранением корневого ⟨о⟩) даются как единственно возможные в литературном языке.

определенные точки роста в языковом развитии. Здесь я сошлюсь на недавнюю работу Е. В. Какориной [Какорина, в печати]. Автором с достаточной полнотой рассмотрены особенности речевого общения в Интернете: намеренные искажения письменного облика слов, дуалфавитность письма, использование дополнительных, не предусмотренных системой русской графики знаков, языковая игра, сдвиги в значениях слов и в их сочетаемости друг с другом, специфическая метафорика и др.; см. также посвященную этой теме статью Н. Б. Мечковской [Мечковская 2006].

8. Особого разговора заслуживают сознательные отклонения от нормы. Отклонения от нормы с целью иронии, насмешки, словесной игры могут, в частности, опираться на нереализованные возможности языковой системы или использовать нетрадиционные, не характерные для литературного языка средства. В этом случае перед нами не ошибка, не более или менее распространенное новшество, вступающее в противоречие с принятой нормой, а речевой прием, свидетельствующий о свободе, с которой человек использует язык, сознательно — с целью пошутить, обыграть значение или форму слова, скаламбурить и т. д. — игнорируя нормативные установки (подробнее о различных приемах языковой игры и об их соотношении с системой языка и с литературной нормой см. [Санников 2002]).

Один из распространенных приемов языковой игры — стилистически контрастное использование разного рода расхожих штампов: фразеологических единиц, газетных клише, оборотов какого-либо профессионального языка, канцеляризмов и т. п.: *Он съел в этом деле не одну собаку; Они жили на широкую, но босую ногу; (быть) между Сциллой и харизмой; пипар во время чумы; Ссудный день; Приоткрытая Тверь; Мир — хищникам, война — творцам; Переселение в души; Таланты и полковники* (обыграно название пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники»); *Каждый год он вел борьбу за урожай на этой неказистой грядке* (из газетного очерка); *По достижении пятидесяти лет я оставил большой секс и перешел на тренерскую работу* (М. Жванецкий).

9. Итак, языковая норма имеет разную природу в кодифицированных и некодифицированных подсистемах языка. В некодифицированных она равна узусу — традиционно употребляемым языковым единицам и способам сочетания их друг с другом. В кодифицированных подсистемах, и прежде всего в литературном языке¹⁰, норма объединяет в себе традицию и целенаправленную кодификацию. Норма как совокупность традиционно используемых языковых средств и правил их сочетания противопоставлена с системе языка (как комплексу возможностей, из которых норма реализует лишь некоторые), а норма как результат целенаправленной кодифика-

¹⁰ Помимо литературного языка, к кодифицированным подсистемам могут быть отнесены, например, специальные подязыки науки.

ции может входить в противоречие с речевой практикой, в которой наблюдается как следование кодификационным предписаниям, так и нарушение их. Языковая деятельность носителя литературного языка протекает в постоянном (но при этом обычно не осознаваемом) согласовании речевых действий с возможностями системы, с тем, что предписывают нормативные словари и грамматики данного языка, и с общепринятыми в данное время средствами и способами его использования (речевой практикой, узусом).

Наблюдения показывают, что, несмотря на активность ряда процессов, происходящих в современном русском языке, его система сохраняет свою устойчивость. Изменения касаются узуса, речевой практики, и многие из них свидетельствуют об обновлении литературной нормы или отклонениях от нее. Время покажет перспективность одних новшеств, возможность для них сохраниться и сделаться нормативными — и случайность, временность других. При этом надо принимать в расчет важное свойство естественного языка — его способность к саморегулированию: к самоочищению от функционально излишнего и к адаптации функционально необходимого.

Л и т е р а т у р а

Беликов 2004 — В. И. Б е л и к о в. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2004. С. 23—38.

Беликов 2006 — В. И. Б е л и к о в. Русское языковое пространство и технический прогресс // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2006. С. 62—76.

Гловинская 1996 — М. Я. Г л о в и н с к а я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Под ред. Е. А. Земской. М., 1996. С. 237—304.

Горбачевич 1971 — К. С. Г о р б а ч е в и ч. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.

Горбачевич 1978 — К. С. Г о р б а ч е в и ч. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

Григорьева 1980 — Т. М. Г р и г о р ь е в а. О социолингвистической обусловленности произносительной нормы в условиях диалектного окружения (на материале ассимилятивного смягчения согласных в современном русском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Ерофеева 1979 — Т. И. Е р о ф е е в а. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.

Живов 2005 — В. М. Ж и в о в. Язык и революция: Размышления над старой книгой А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» и над процессами, которые Селищев не успел описать // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 175—200.

Жильцова 1987 — Т. П. Ж и л ь ц о в а. Социолингвистическое исследование локальных особенностей русского литературного произношения (предударный вокализм в речи жителей г. Красноярск): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987.

Захаренко, Комарова, Нечаева 2003 — Н. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. Новый словарь иностранных слов. М., 2003.

Игнаткина 1982 — Л. В. Игнаткина. Территориальное варьирование русского литературного произношения (на материале гласных в речи информантов городов Вологды и Перми): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982.

Какорина, в печати — Е. В. Какорина. Язык интернет-коммуникации // Современный русский язык: система — норма — узус / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., (в печати).

Косериу 1963 — Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143—343.

Крысин 2005 — Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. 6-е изд. М., 2005.

Крысин 2007 — Л. П. Крысин. Об одном типе нарушения синтаксической нормы // Рус. яз. в шк. 2007. № 1. С. 81—82.

Лабов 1975 — У. Лабов. О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика. М., 1975. С. 199—228.

Лабов 1975а — У. Лабов. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика. М., 1975. С. 320—335.

Литературный язык... 1994 — Литературный язык и культурная традиция / Отв. ред. Н. Н. Семенюк, В. Я. Порхомовский. М., 1994.

Мечковская 2006 — Н. Б. Мечковская. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Рус. яз. в науч. освещении. 2006. № 2 (12). С. 165—185.

Обнорский 1935 — С. П. Обнорский. Глагол *использовать* — *использовывать* в современном русском языке // Язык и мышление. Т. 3—4. М., 1935. С. 161—168.

Орфоэпический словарь 1997 — Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под ред. Р. И. Аванесова. 6-е изд. М., 1997.

Панов 1956 — М. В. Панов. О слове как единице языка // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. 1956. Т. 51. Каф. рус. яз. Вып. 5. С. 129—165.

Панов 1966 — М. В. Панов. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966. С. 55—122.

Панов 1967 — М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.

Панов 1971 — М. В. Панов. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. М., 1971. С. 240—253.

Парикова 1966 — Н. Б. Парикова. О южнорусском варианте литературной речи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 125—135.

Поливанов 1968 — Е. Д. Поливанов. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 206—224.

РОС 2005 — Русский орфографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2005.

РЯДМО — Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974.

Санников 2002 — В. З. Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Семенюк 1990 — Н. Н. Семенюк. Норма // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 337—338.

Современный русский язык... 2003 — Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Солженицын 1990 — А. И. Солженицын. Русский словарь языкового расширения. М., 1990.

Социальная и функциональная дифференциация... 1977 — Социальная и функциональная дифференциация литературных языков / Отв. ред. М. М. Гухман. М., 1977.

Филин 1981 — Ф. П. Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.

Чуковский 1990 — К. Чуковский. От двух до пяти // Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1990.

Чуркина 1969 — К. И. Чуркина. Эволюция произносительных норм в речи интеллигенции г. Красноярска: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1969.

Шайкевич 2005 — А. Я. Шайкевич. Введение в лингвистику. 2-е изд. М., 2005.

Швейцер 1996 — А. Д. Швейцер. Роль инновационных и реликтовых элементов в формировании норм кодифицированного литературного языка // Языковая норма: Типология нормализационных процессов / Отв. ред. В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк. М., 1996. С. 68—78

Языковая норма... 1996 — Языковая норма: Типология нормализационных процессов / Отв. ред. В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк. М., 1996.

Янко-Триницкая 1982 — Н. А. Янко-Триницкая. Русская морфология. М., 1982.

Labov 1972 — W. Labov. The social motivation of a sound change // Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972. P. 1—42.

Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

**ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ
ВО ФРАЗЕОЛОГИИ:
ВВОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ В СТРУКТУРУ ИДИОМЫ***

1. Предварительные замечания

Изучение вариантности фразеологических единиц, и в частности идиом, имеет уже достаточно долгую историю [Краморенко 1961; Проблемы 1972; Диброва 1979; Мелерович, Мокиенко 1997]. Многое в этой области исследовано и довольно подробно описано. На этом фоне тем более странным представляется тот факт, что теория фразеологии до сих пор не дала никакого ответа на вопрос, почему в одном случае та или иная модификация структуры идиомы возможна и воспринимается как узуальная или близкая к узуальной, а в другом — если и допустима вообще, то только как нестандартная, игровая реализация данной идиомы. Покажем это на примерах.

- (1) **а.** «Известия» уже неоднократно рассказывали о деятельности ФОГФ, которому президентским указом поручено *«расхлебывать» кашу, заваренную 3—4 года назад компаниями типа «МММ», «РДС», «Хопер» и им подобными* [Известия]; **б.** — Я не специалист по химерологии, — скривился Киллер. — Давно надо было уничтожить этих исчадий ада, а теперь *расхлёбывай* тут *чужую кашу* [В. Головачёв. Корректировщик]; **в.** ОМОН, конечно, специально обучен и потому в организации вывоза техники и оружия, охраны официальных лиц (*заваривших всю эту кровавую кашу*), может, незаменим [Новая газета]; **г.** По-прежнему возле президента молодой и страшно энергичный Шахрай, *заваривший кавказскую кашу*, побывавший и вице-премьером, и министром, и Бог знает кем еще, но всегда высоко [Новая газета]; **д.** *Заварил* Лужков кашу *под назва-*

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 05-04-04026а) и программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи»).

нием «севастопольский борщ» [Российская газета]; е. На саммите Совета Европы в Страсбурге Россия и Франция «заварили кашу», вкус которой под стать знаменитым улиткам [Московские новости].

Чисто «технически» во всех контекстах (1) мы имеем дело с одной и той же модификацией структуры идиомы — вводом в ее состав определения. Это определение может выражаться прилагательным (1б, г), сочетанием прилагательного с кванторными словами и дейктическими элементами (1в), предложной группой в атрибутивной функции (1д), причастным оборотом (1а) или придаточным определительным (1е). Сами модифицируемые идиомы *заваривать кашу* и *расхлебывать кашу* также тесно коррелируют по своему актуальному значению и по образной составляющей. Однако семантико-прагматические эффекты атрибутивной модификации этих идиом весьма различны: контекст (1б) может рассматриваться как способ употребления идиомы, весьма близкий к узуальному, а все остальные контексты явно нестандартны, причем (1д) и (1е) обнаруживают игровую составляющую, т. е. это нестандартные употребления, фокусирующие сам способ языкового выражения той или иной мысли и, тем самым, реализующие «поэтическую функцию» языка (по Р. Якобсону). Интересно, что, даже если сам способ модификации идиомы в принципе совпадает, это еще не значит, что будет получен сопоставимый семантический и прагматический результат. Так, в (1а) и (1е) для атрибутивной модификации используются близкие «техники»: причастный оборот и придаточное определительное. Однако если контекст (1а) содержит скорее незначительное отступление от узуальных норм, достаточно часто встречающееся в журналистских текстах (примеры модификации такого рода см. ниже в разделе 3), то контекст (1е) — это сознательная игра с языком¹. Именно невозможность надежно предсказать заранее, какие виды модификаций для каких конкретных идиом окажутся узуально приемлемыми, делает поиск любых регулярных соответствий в этой области столь нетривиальной задачей.

В качестве наиболее реального решения этой задачи видится установление определенных соответствий между некоторыми типами идиом и некоторыми типами модификаций с учетом специфических для каждой модификации дополнительных условий. Конечной целью подобных исследований должно стать построение своего рода «грамматики идиом». Данную работу мы понимаем как шаг в этом направлении. Идея о непредсказуемости семантических и прагматических результатов модификации на основе ее вида, на которой строится наше исследование и которая, казалось бы, столь очевидно демонстрируется такими примерами, как (1), признается далеко не всеми. Так, в свое время в [Fraser 1970] была предложена «иерархия устойчивости» идиом (*hierarchy of frozenness*), в соответствии с ко-

¹ О видах и способах языковой игры см. [Санников 1999]. Языковая игра в аспекте типологии модификаций структуры идиомы рассматривается в [Добровольский 2007а; в печати].

торой способность каждой конкретной идиомы подвергаться тем или иным трансформациям зависит от ее положения в данной иерархии: чем ближе идиома к полюсу устойчивости, тем меньшее количество трансформаций различных видов она допускает. Конкретные виды трансформаций также образуют градуированный ряд: если определенная идиома допускает трансформацию T_1 , она должна допускать и трансформацию T_2 , но не наоборот. Зная место идиомы в иерархии и место трансформации на шкале, можно, таким образом, предсказать, каким трансформациям может подвергаться эта идиома. Позднее Мак Коли в своей известной статье, опубликованной под псевдонимом Куанг Фак Донг, показал на контрпримерах, что эта теория не работает [McCawley 1971]. Тем не менее, эти идеи оказались достаточно живучими; ср. из последних работ [Trotenko 2003], где подобная «иерархия устойчивости» выстраивается применительно к русской фразеологии. Сходным образом А. Схенк предлагает подразделить все возможные модификации структуры идиомы на два класса: «семантически нагруженные операции» (meaningful operations) и «семантически пустые операции» (meaningless operations). К первым относятся топиализация, клефтинг, псевдоклефтинг, атрибутивная модификация с помощью прилагательного и придаточного определительного, анафорические замены существительного местоимением, частные вопросы и пр. Об этих модификациях утверждается, что они в принципе неприменимы к идиомам в рамках узуса. Приводимые в [Schenk 1992: 104] примеры действительно нестандартны; ср. **It was the bucket that John kicked*; **What John kicked was the bucket*; **Mary spilled their well-known beans*; **The beans that Mary spilled*; **Alexander spilled the beans, since he did not know they were secret*; **Which beans did Yvonne spill?* Но данные примеры лишь доказывают, что та или иная конкретная идиома не допускает ту или иную конкретную модификацию. Из этого, однако, не следует, что эти модификации на любом языковом материале всегда приводят к нарушению норм узуса. В частности, примеры (2) ниже показывают, что по крайней мере некоторые из «семантически нагруженных операций» дают вполне узуальные результаты. Что касается «семантически пустых операций», к ним А. Схенк относит поднятие (raising), стандартное для нидерландского синтаксиса изменение порядка слов в придаточных и вопросительных предложениях (типа verb-second и verb-first) и др., считая такие операции допустимыми для идиом. Однако, как уже было сказано выше, материал показывает, что нормативность той или иной модификации зависит не только от ее положения в той или иной классификации, но и от ряда других факторов, которые еще предстоит выявить и описать.

Для дальнейших рассуждений необходимо прийти к некоторой договоренности по поводу того, что считать стандартной модификацией, а что — нарушением узуальных норм. Естественно, в нестандартных контекстах могут использоваться практически любые модификации идиомы. Говорить здесь о каких бы то ни было правилах вряд ли имеет смысл. Основная

сложность состоит в том, что границу между стандартными и нестандартными преобразованиями идиомы трудно провести на основе четких, проверяемых критериев. В принципе любое отклонение от словарной формы может рассматриваться как более или менее нестандартное употребление. Такая точка зрения представляется, однако, излишне редуccionистской.

В целом, разумно предположить, что носители языка обладают определенной интуицией относительно того, в каких случаях имеет место узуальная или близкая к узуальной модификация, а в каких — значительные отступления от стандарта. Естественно, в этой области остается много места для индивидуальных расхождений в подобных оценках, но отдельные субъективные суждения о стандартности того или иного выражения явно обнаруживают существенные совпадения. При дальнейшем обсуждении модификаций мы в значительной степени опираемся на собственную интуицию. К узуальным или близким к узуальным употреблениям мы относим лишь такие контексты, которые (при учете типичных особенностей журналистского слога) не содержат однозначных нарушений литературной нормы и не имеют явно каламбурного характера. Если принять допущение, что — даже в отсутствие четких операциональных критериев — в принципе разумно противопоставить стандартные (узуальные) модификации модификациям нестандартным, можно поставить на обсуждение следующие вопросы:

- Почему одна идиома стандартно допускает некоторую модификацию, а другая — нет?
- Существуют ли какие-то правила, соблюдение которых в обычном случае приводит к порождению стандартно допустимых (узуальных) вариантов данной идиомы, а их нарушение — к ошибочным или нестандартным употреблениям?
- Связаны ли эти правила с самой модифицируемой идиомой или с модифицирующим элементом?
- Зависит ли синтаксическое поведение идиомы от ее семантики?

Цель данной статьи — найти ответы на эти вопросы. Понятно, что в силу ограниченности материала предлагаемые здесь ответы не могут быть исчерпывающими. В качестве объекта исследования мы выбрали атрибутивную модификацию, в первую очередь ввод прилагательного в структуру идиомы. Проблемы синтаксической трансформируемости фразеологизмов и ее семантических оснований уже обсуждались на материале русского языка; ср. [Баранов, Юшманова 2000], где исследуется отрицание в идиомах, и [Добровольский 2005; 2007б] — о пассивизации идиом. Отличие данной работы состоит прежде всего в том, что она посвящена не чисто синтаксической трансформации (где, по определению, ожидается достаточно высокий уровень регулярности), а лексико-синтаксической модификации², где

² О типологии модификаций см. [Добровольский 2007а]. В результате лексико-синтаксических модификаций изменяется не только синтаксическая структура, но и лексический состав идиомы.

к необходимым условиям, помимо «проницаемости» синтаксической структуры идиомы³, относятся и лексико-семантические факторы, т. е. особенности взаимодействия значений конкретных лексем.

При поисках относительно регулярных условий в этой области (которые, с известными оговорками, можно называть правилами) необходимо иметь в виду, что они никоим образом не отменяют «словарь». Поскольку идиомы — в принципе нерегулярные единицы лексикона, их варьирование зависит не только от соблюдения определенных необходимых условий, но и от «несистемных» факторов. В частности, известно, что определенные трансформы идиомы могут лексикализироваться и, следовательно, восприниматься как ее стандартные варианты не в силу действия некоторых регулярных механизмов, а исключительно из-за распространенности и привычности этих выражений. Задача грамматики идиом состоит не в том, чтобы предсказать «правильные» модификации, а в том, чтобы исключить те модификации, которые невозможны в принципе — по крайней мере в рамках действующих норм.

В связи с проблемой теоретического статуса подобных правил хотелось бы указать на выработанное в Грамматике конструкций (Construction Grammar) противопоставление «штамповки» (coining) и «порождения» (generating). В то время как под понятием «порождения» объединяются продуктивные правила, использование которых позволяет говорящему порождать и понимать новые высказывания, под «штамповкой» понимается создание тех или иных конструкций по определенному образцу, не обладающему предсказательной силой⁴. Модификации идиом (и в частности, ввод в их структуру определения) однозначно подпадают под понятие «штамповки». Любые правила в этой области не следует интерпретировать в продуктивном смысле. Они служат лишь для того, чтобы объяснить, по какой схеме созданы уже существующие в языке выражения.

2. Вариантность в идиоматике

Прежде всего встает вопрос, насколько образование вариантов, способность к модификации компонентного состава и/или синтаксической струк-

³ См. об этом [Баранов, Добровольский 1991; Dobrovol'skij 1995].

⁴ «We can distinguish two kinds of 'creativity' in language. In one case there is the ability of speakers, using existing resources in the language, to produce and understand novel expressions. In the other case, the one for which we use the term coining, a speaker uses existing patterns in the language for creating new resources. (...) Since the ability to create new words, using non-productive processes, is clearly a linguistic ability, it is my opinion that a grammar of a language needs to identify constructions that exist for 'coining' purposes as well» [Fillmore 2006: 4]. Ср. также развиваемые в Московской семантической школе (например, [Апресян 2005]) идеи о роли «лексикографических ожиданий», которые, в отличие от продуктивных правил, не имеют предсказательной силы.

туры вообще свойственны идиомам. В литературе по фразеологии предлагались весьма разные решения: от традиционного взгляда на идиому как на застывшее образование, допускающее варианты лишь в качестве исключений, до признания за вариантами статуса типичных форм реализации идиомы в речи. Так, Р. В. Гиббс и Х. Л. Колстон приводят примеры варьирования идиомы *shake in one's shoes* (букв. «трястись в своих ботинках») со значением 'испытывать сильный страх': *quake in one's shoes, shake in one's boots, quake in one's boots, quiver in one's boots, quake in one's Doc Martens*. Во всех этих вариантах идиома сохраняет свое значение, из чего авторы делают вывод, что устойчивость идиомы (ее семантическая идентичность) обеспечивается не стабильностью лексического состава, а сохранением лежащей в ее основе концептуальной схемы. Иными словами, сочетание практически любого глагола со значением 'трястись, дрожать' и существительного, обозначающего ту или иную обувь, активизирует в сознании носителей английского языка значение 'испытывать сильный страх' и прочитывается как один из возможных вариантов соответствующей идиомы [Gibbs, Colston 2007].

Нужно заметить, что этот пример достаточно уникален. Огромное количество (судя по всему, большинство) идиом не допускают подобных лексических замен. Соответственно, было бы некорректно экстраполировать на всю фразеологию особенность данной идиомы, т. е. ее способность к образованию вариантов, ограниченному лишь рамками определенного семантического класса. В обычном случае устойчивость идиом задается не только идентичностью концептуальной схемы, отвечающей за единство образной составляющей и — как следствие — актуального значения для всех возможных вариантов, но и достаточно сильными ограничениями на образование самих этих вариантов. Ср. *ни дать, ни взять*, где замена любого компонента приведет к разрушению идиомы.

Другая точка зрения — в известной степени противоположная характерному для когнитивно ориентированных работ пониманию вариативности как одного из ингерентных свойств идиоматики — представлена в уже упоминавшейся работе А. Схенка, где все «семантически нагруженные операции» признаются невозможными для идиом [Schenk 1992].

Изучение материала (и в первую очередь работа с корпусами текстов и составление фразеологических словарей) показывает, что истина посередине. С одной стороны, неправильно считать идиомы абсолютно застывшими лексическими единицами, состоящими не из слов, а из семантически пустых компонентов⁵, поскольку каждый компонент обладает неким се-

⁵ Ср. доминировавшую в американской лингвистике в 1970-е гг. концепцию, согласно которой идиомы рассматривались как «длинные слова» (*idioms as long words*), а в отечественной фразеологии — точку зрения А. И. Молоткова, считающего, что «компоненты фразеологизма утрачивают все признаки слова (кроме его звукового облика)» [ФСРЯ: 9].

мантическим потенциалом, который реализуется, однако, весьма поразному. С другой стороны, это положение не отменяет номинативной целостности идиом, обладающих в прототипическом случае достаточно жестко фиксированной лексической структурой. Если некоторое тропеическое выражение допускает практически неограниченное варьирование всех своих составляющих в рамках соответствующих семантических классов, вряд ли вообще целесообразно относить его к сфере идиоматики, поскольку оно может быть более экономно описано как комбинация соответствующих лексем. Для отнесения подобных выражений к идиомам требуется наличие некоторых дополнительных факторов нерегулярности (см. подробнее [Баранов, Добровольский 1996; 2005]).

Достаточно убедительной представляется гипотеза, согласно которой степень устойчивости, фиксированности лексической структуры идиомы зависит от степени семантической спаянности ее компонентов (см. ниже). Каждая идиома занимает определенное место на шкале, один из полюсов которой образуют сочетания, компонентам которых не может быть приписано какого бы то ни было относительно самостоятельного значения, а другой — сочетания, подобные английской идиоме *shake in one's shoes*, допускающие варьирование компонентного состава в весьма широком диапазоне. Понятно, что варьирование такого рода связано с достаточно высокой степенью семантической автономности компонентов. Так, глагол *shake* и его синонимы обладают значением 'страха' и вне соответствующих идиом.

Идеи о широкой распространенности явления семантической членимости идиом и (как следствие) высокой степени их вариативности особенно характерны для когнитивно ориентированных работ по фразеологии [Geeraerts, Bakema 1993; Geeraerts 1995; Dobrovol'skij 1997; Langlotz 2006], и прежде всего для психолингвистических экспериментальных исследований [Gibbs, Nayak 1989; Gibbs, Nayak, Cutting 1989; Abel 2003]⁶. Выводы о том, что вариативность крайне типична для фразеологии, в ряде случаев подкрепляются данными, почерпнутыми из текстовых корпусов (ср., например, на материале немецкого языка [Fellbaum, Kramer, Neumann 2006]). Часто при этом, однако, не учитывается разница между стандартными и нестандартными употреблениями, а также специфика определенных типов дискурса, так что выводы о высокой степени вариативности структуры идиом в целом представляются преувеличенными. Важно также, что столь расширительное понимание вариативности не позволяет выявить конкретные корреляции между внутренним устройством идиомы — и прежде всего ее семантическими особенностями, — с одной стороны, и типом допустимых для нее модификаций — с другой.

⁶ В англоязычной литературе для обозначения семантической членимости идиом чаще всего используются термины (de)compositionality и analysability.

3. Ввод прилагательного в структуру идиомы: условия применимости модификации

Выше уже говорилось о том, что одна и та же модификация может иметь весьма различные семантические и прагматические следствия; ср. контексты (1). В ряде случаев ввод прилагательного в структуру идиомы приводит лишь к интенсификации ее значения или к его спецификации в данном конкретном контексте (ср. (2)), а в других случаях — к явно нестандартным употреблением, оцениваемым как языковая игра (ср. (3)).

- (2) **а.** Пустые коридоры, плакаты на стенах выглядели не многим лучше. Алексей зафиксировал картину лишь краем глаза. Фотография Шуляка в кармане и его утренний визит что-то необратимо сместили в сознании, привычная почва была выбита из-под ног, и в голове заезженной пластинкой крутилась одна и та же фраза: этого не может быть потому, что не может быть никогда [Л. Кожевников. Смерть прокурора]; **б.** В итоге авиаторы из Риги *попали в жуткий переплет*. С одной стороны, они очутились под колпаком международной банды по нелегальной торговле оружием, с другой — получается, запутались в сетях спецслужб, внимательно следивших за ходом этой «оружейной» операции [Известия]; **в.** Однажды их группа *попала в жестокую переделку*, когда они под руководством капитана Воронова в количестве пятнадцати человек возвращались после выполнения задания [В. Доценко. Тридцатого уничтожить!]; **г.** А было так: только вернувшийся из армии двадцатилетний сержант Сергеев *попал в крутую переделку* в аллее нижнего уровня городского парка, где с незапамятных времен и до сих пор собиралась всякая шпана и куда по сумеркам не рисковал заглядывать ни один законопослушный гражданин, если, конечно, был трезвый и находился в здравом уме [Д. Корецкий. Привести в исполнение]; **д.** Зачем *бередить старые раны*, когда новых — навалом? Жизнь-то продолжается. И даже демократия вроде бы торжествует [Российские вести]; **е.** (...) по всей необъятной России, кредитами на жилье (...) воспользовались в течение последнего года максимум 10 тысяч человек. Это сухая капля в многомиллионном море российских семей, мечтающих об улучшении своих жилищных условий [Известия].
- (3) **а.** Да только, как в коварных германских сказках или у древнегреческих трагиков, — все не так, все *выходит каким-то непредвиденным боком*. Вот и книжные развалы сегодня уже не мечта, а реальность, обыденная и поднадоевшая. Но что-то никак не замедлит шага пробегающий мимо Верлен [Независимая газета]; **б.** Тренажеры для спины, для поясницы, для живота (...). Последним громким хитом «Магазина на диване» была большая задница во весь

телевизор, которая обхватывается каким-то поясом на электроприводе, начинающем при включении мелко-мелко вибрировать, отчего и ягодицы американской модели столь же мелко и столь же быстро *ходят отъявленным ходуном*, напоминая одновременно тесто, стюденъ на вилке похмеляющегося первого января деятеля российского шоу-бизнеса и живой мозг солярис из одноименной фильма режиссера Тарковского [Вяч. Курицын. Бусины яички]; **в.** По правде, я не понял вопроса, просто догадался, что ⟨...⟩ был воспринят им как клиент. А раз клиент, да еще в полночь, да еще у *аргентинского черта на куличках*, да еще с беспокойными глазами... Я ткнул пальцем в бутылку красного вина и прочертил выше середины доброго фужера. Бармен ловко откупорил бутылку, и ее содержимое призывно забулькало в бокале [Новая газета]; **г.** Те женщины, которые уже чего-то добились, завели собственное дело и *крепко стояли на своих стройных финансовых ногах* ⟨...⟩. Им нужна была душевная близость, теплота, нежность, дети. Им хотелось о ком-то заботиться или чтобы заботились о них [А. Маринина. Смерть и немного любви].

Очевидно, для того, чтобы данная модификация воспринималась как допустимая узусом, необходимо соблюдение двух условий.

- Во-первых, модифицируемая идиома должна быть семантически членимой, причем чем большей семантической автономностью обладает именная группа в составе идиомы, тем более осмысленной и узуально приемлемой представляется данная модификация.
- Во-вторых, вводимое в структуру идиомы прилагательное не должно вступать в семантическое противоречие ни с ее актуальным значением, ни с ее буквальным прочтением, т. е. с образной составляющей⁷.

Назовем первое из этих правил **условием семантической членимости**, а второе — **условием семантического согласования**. В контекстах (2) оба условия скорее соблюдаются. С одной стороны, каждому из определяемых с помощью прилагательного существительных может быть приписано относительно самостоятельное значение. Например, идиома *капля в море* может быть протолкована следующим образом: ‘нечто количественно очень малое по сравнению с чем-то огромным — целым, мельчайшей частью которого оно является’⁸. Соответственно, и *капля* и *море* обладают в составе этой идиомы собственным семантическим потенциалом: *капля* ≈

⁷ Ср. обсуждение этих условий на материале немецкой фразеологии в [Dobrovolskij 2000b].

⁸ Толкование А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского из материалов к создаваемому в Отделе экспериментальной лексикографии «Толковому словарю современной русской идиоматики».

‘нечто количественно очень малое’, *море* ≈ ‘нечто огромное’. А компоненты *переплет* и *переделка* в идиомах *попасть в переплет* и *попасть в переделку* осмысляются как ‘крайне неприятная, опасная ситуация’. С другой стороны, такие прилагательные, как *жестокый*, *крутой*, *жуткий*, являются разговорными интенсификаторами достаточно общего характера и в силу этого могут сочетаться как с актуальной семантикой идиом, так и с их внутренней формой (впрочем, довольно стертой в таких выражениях, как *попасть в переплет* и *попасть в переделку*). Отметим сразу, что оба эти свойства (семантическая членимость и семантическое согласование) градуальны, т. е. могут иметь разную степень выраженности. Так, в идиоме *бередить раны* именной компонент *раны* явно автономен, а прилагательное *старые* хорошо сочетается и с его буквальным, и с его метафорическим значением. В выражении *привычная почва* нормативность сочетания прилагательного с существительным, понятым буквально, уже не столь очевидна, хотя на уровне семантической сочетаемости (в отличие от лексической — ср. [Апресян 1995]) соположение данных смыслов вполне допустимо. Слово сочетание *сухая капля в многомиллионном море* содержит два прилагательных, причем первое из них — по крайней мере на уровне семантической сочетаемости — соблюдает условие семантического согласования с определяемым существительным, а второе — нет: *многомиллионное море* возможно только в идиоматическом понимании, т. е. как ‘нечто огромное, насчитывающее многие миллионы существей’, но не в буквальном. Отсюда следует и различие в прагматических следствиях из этих атрибутивных модификаций: *сухая капля в море* — вполне узуальное словосочетание, а *капля в многомиллионном море* — сочетание, несколько отступающее от стандарта; если оно и воспринимается как привычное, то скорее из-за того, что довольно часто встречается в журналистских текстах. В целом, чем больше противоречие между одним из планов значения идиомы и семантикой прилагательного, тем сильнее соответствующий контекст воспринимается как отступление от нейтрального стандарта. Требование семантического согласования градуально еще и в том смысле, что условие непротиворечивой сочетаемости по внутренней форме играет тем большую роль, чем сильнее мотивированность данной идиомы. В тех случаях, когда метафора жива, это требование должно выполняться строже, чем в случаях, когда образ, лежащий в основе внутренней формы идиомы, практически стерт.

Обратимся к контекстам (3). Все идиомы в этих примерах нечленимы семантически, так что именованным группам в их составе не может быть приписано никакого относительно самостоятельного значения. Уже по этой причине любая атрибутивная модификация этих именованных групп приводит к нарушению норм узуса. В норме нельзя сказать ни *выходить непредвиденным боком*, ни *ходить отъявленным ходуном* и пр. хотя бы потому, что ни *бок*, ни *ходун* внутри этих идиом собственных автономных значений не имеют. Нарушение второго условия — семантической совместимости при-

лагательного с обоими пластами плана содержания идиомы — особенно хорошо просматривается на примере (3г). Когда идиома *крепко стоять на ногах* модифицируется с помощью двух прилагательных *стройных* и *финансовых*, это приводит к нарушению условия совместимости как по актуальному, так и по буквальному значению: *ноги*, понятые буквально, могут быть *стройными*, но не могут быть *финансовыми*, а если интерпретировать идиому в ее актуальном значении, то прилагательное *финансовый* скорее оказывается осмысленным (*крепко стоять на своих финансовых ногах* может пониматься как нестандартное перифразирование выражения *крепко стоять на ногах в финансовом отношении*), но прилагательное *стройный* при этом типе интерпретации нарушает правила соположения смыслов. Таким образом, данная модификация заставляет осмыслять эту идиому одновременно в буквальном и актуальном значении. В литературе по фразеологии такие случаи получили название «двойной актуализации» (ср., например, [Болдырева 1967])⁹.

Следует обратить внимание на одно дополнительное обстоятельство, подтверждающее значимость выявленных здесь условий стандартной атрибутивной модификации. Лексикализуются, как правило, именно те варианты идиомы с прилагательным в ее составе, которые соответствуют данным условиям; ср., например, (4):

- (4) **а.** Итак, что же произошло? Верно, Россия три года была союзницей стран Согласия и честно *несла нелегкий крест*. Поручкой тому миллионы ее сынов, что не могут уже встать из мокрой галлицийской (*так!*) и привисленской земли [С. Дангулов. Дипломаты]; **б.** Мы *наш нелегкий крест несем* задаром / Морозом дымным и в тоске дождей / И, как деревья, валимся на нары, / Не ведая бессонницы вождей [Юз Алешковский. Песня о Сталине].

Вариант идиомы *нести (свой) крест* с прилагательным *нелегкий* можно считать лексикализированным — в Интернете встретилось около 2000 соответствующих контекстов. Эта идиома семантически членима, а прилагательное *нелегкий* коррелирует и с ее буквальным прочтением, и с ее актуальным значением.

Остановимся на каждом из этих условий более подробно.

3.1. Семантическая автономность именного компонента как условие лексико-синтаксических модификаций

Известно, что традиционно идиомы рассматривались как целостные единицы языка, т. е. как словосочетания, отдельные компоненты которых не имеют самостоятельных лексических значений. Однако эта точка зрения все чаще подвергается сомнению. Современные исследования, осо-

⁹ Ср. также встречающийся в англоязычной литературе термин *double-take effect*, употребляемый в несколько ином, но в целом близком значении.

бенно если они привлекают материал текстовых корпусов, показывают, что в ряде случаев компоненты идиом обладают определенной семантической автономностью. В литературе все чаще высказывается мысль, что идиомам, значение которых не допускает покомпонентного членения, могут быть противопоставлены идиомы, семантическая структура которых гомоморфна их лексической структуре, т. е. таким идиомам, отдельные компоненты которых берут на себя определенные части значения и тем самым ощущаются как относительно автономные; ср., например, [Райхштейн 1980; Мелерович 1982; Добровольский 1990; в печати; Dobrovol'skij 1982; 2000a; 2004; Wasow, Sag, Nunberg 1983; Nunberg, Sag, Wasow 1994; Keil 1997; Titone, Connine 1999]¹⁰.

Так, выражение *за деревьями не видеть леса* ощущается как членимое, поскольку *лес* ассоциируется с идеей некоторого «большого целого», которое упускается из виду из-за того, что внимание субъекта рассеивается на *деревья*, т. е. на какие-то разнородные мелкие детали, многочисленные несущественные подробности. Относительная семантическая самостоятельность компонентов *деревья* и *лес* приводит, в частности, к тому, что каждый из этих компонентов допускает конкретно-референтное употребление, а идиома в целом — определенные синтаксические трансформации и (хотя бы минимальное) лексическое варьирование (ср. *это были те самые деревья, за которыми мы не увидели леса; лес, который мы не разглядели за деревьями второстепенных деталей*). Нестандартные модификации этой идиомы, встречающиеся в корпусах¹¹, весьма разнообразны и используются не только как средство языковой игры или установления содержательной связи между идиомой и контекстом (см. подробнее ниже раздел 3.2), но и для тематической прогрессии текста; ср. контекст (5):

- (5) И вправду, иногда такое ощущение, что нынешние казаки больше заботятся о своем воинственном имидже, нежели о чем другом. И в этом видят лучшую рекламу своих устремлений. В чем-то это резонно. Но недальновидно. Ибо склонно попахивать не столько делом, степенной пользой, сколько бравадой, поветрием, игрой. (Опасной, с кровушкой, но игрой.) Ибо *деревья легко заслоняют лес. А лес — он есть. И еще какой. И видеть его надо — хотя бы затем, чтобы не заблудиться по новой* [М. Кушниров. Аверс и реверс].

¹⁰ В некоторых работах этого направления даже (не вполне корректно, на наш взгляд) утверждается, что семантическая членимость — типичное свойство идиоматики. Ср. характерное утверждение: «⟨...⟩ we claim that pieces of an idiom typically have identifiable meanings which combine to produce the meaning of the whole. Of course, these meanings are not the literal meanings of the parts» [Wasow, Sag, Nunberg 1983: 109].

¹¹ В статье использовался Национальный корпус русского языка, корпусы русских текстов Тюбингенского университета (Германия) и корпусы Отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Противопоставление нечленимых и членимых идиом до известной степени коррелирует с противопоставлением фразеологических сращений и единств в классификации В. В. Виноградова. Однако эти оппозиции неидентичны. В основе противопоставления сращений и единств лежит идея образной мотивированности: идиомы с прозрачной внутренней формой относятся к единствам, а немотивированные идиомы — к сращениям. В основе параметра членимости лежит соотношение между структурой плана выражения идиомы и структурой ее плана содержания. Поскольку членимость можно рассматривать как один из видов мотивированности, случаи, когда среди фразеологических сращений по Виноградову окажутся членимые идиомы, маловероятны. Однако фразеологические единства, будучи мотивированными, необязательно должны быть семантически членимыми. Например, идиома *палец/пальца в рот не клади (кому-л.)* традиционно рассматривается как фразеологическое единство, поскольку ее значение легко выводится из зафиксированной в ее лексической структуре исходной ситуации, т. е. ее образная основа вполне прозрачна. Тем не менее, идиома *палец/пальца в рот не клади (кому-л.)* не является членимой, поскольку ни один из ее компонентов не воспринимается как семантически самостоятельный. В рамках нормы эта идиома не допускает ни лексического варьирования (**мизинца в рот не клади; *пальца в рот не вставляй; *пальца в пасть не клади*), ни каких бы то ни было трансформаций синтаксической структуры (**не клади в рот ему палец; *в рот не клади ему палец; *зря ты положил палец ему в рот; *не нужно было класть ему палец в рот; *палец, который был положен ему в рот; *рот, в который я неосторожно положил палец* и т. п.).

Выделение внутри класса идиом разряда семантически членимых выражений представляется с лингвистической точки зрения более полезным, чем их традиционное деление на фразеологические сращения и фразеологические единства. Во-первых, семантическая членимость идиомы, как будет показано в этом разделе, коррелирует с возможностями ее варьирования и тем самым обладает если не предсказательной, то, по крайней мере, объяснительной силой, а во-вторых, этот параметр не столь субъективен, как параметр мотивированности, лежащий в основе деления идиом на сращения и единства. Объективно определить степень мотивированности идиомы весьма затруднительно, поскольку мотивированность зависит от индивидуального языкового опыта носителей языка, в то время как для определения степени семантической членимости идиомы могут быть выработаны более или менее надежные критерии, основанные на особенностях ее функционирования в дискурсе (см. подробнее [Dobrovolskij 2004]).

С собственно лингвистической точки зрения семантическая членимость, понимаемая как своего рода *post-factum*-разложимость на осмысленные составные части, интересна прежде всего как свойство идиомы, объясняющее ее способность образовывать варианты определенных типов.

Видимо, чем большей семантической самостоятельностью¹² обладают отдельные компоненты идиомы, тем больше потенциал варьирования ее структуры. И наоборот, чем сильнее семантическая спаянность компонентов идиомы, тем сильнее она сопротивляется различным модификациям.

При всем правдоподобии этой гипотезы и ее теоретической привлекательности она разделяется далеко не всеми. Так, А. Абэ́йе [Abeillé 1995], анализируя материал французской фразеологии, отстаивает точку зрения, согласно которой применимость атрибутивной модификации идиомы не зависит от ее семантической членимости. Ср. также [Abeillé, Schabes 1990], где авторы различают между так называемыми «адвербиальными прилагательными» (*adverbial adjectives*) и «аргументными прилагательными» (*argumental adjectives*). Первые семантически эквивалентны наречиям и прочим адвербиальным выражениям, а вторые — именным группам с *de*, т. е. применительно к русскому материалу — именным группам в родительном падеже, заполняющим атрибутивную валентность. Ввод в структуру идиомы прилагательного и того и другого типа признается независимым от ее семантической членимости, поскольку описывается как трансформа, взаимодействующая с идиомой в целом, а не с ее отдельными частями. Ср. примеры (6) и (7) из [Abeillé 1995: 22]:

- (6a) *Paul prend une veste inattendue.*
(букв. «Поль берет неожиданную куртку»)
‘Поль *терпит неудачу* неожиданным образом’;
- (6б) *Jean a pris plusieurs vestes hier.*
(букв. «Жан взял вчера несколько курток»)
‘Жан вчера *потерпел неудачу* несколько раз’.

Высказывание (6a) может быть перифразировано как *Paul prend une veste de façon inattendue* (букв. «Поль берет куртку неожиданным образом»), а в (6б) — как *Jean a pris une veste plusieurs fois hier* (букв. «Жан вчера взял куртку несколько раз»).

- (7a) *Paul tourne la page électorale.*
(букв. «Поль переворачивает избирательную страницу»)
≈ ‘Поль *завершает период* выборов’;
- (7б) *Jean apporte de l’eau au moulin indépendantiste.*
(букв. «Жан несет воду на сепаратистскую мельницу»)
≈ ‘Жан *льет воду на мельницу* сепаратистов’.

Также и эти высказывания могут быть перифразированы таким образом, чтобы смысл, выражаемый прилагательным, передавался с помощью другого — внешнего по отношению к идиоме — слова: (7a) может быть

¹² Очевидно при этом, что семантическая членимость идиомы — градуированная категория, то есть автономность отдельных ее компонентов может иметь разную степень выраженности.

переформулировано в виде *Paul tourne la page des élections* (букв. «Поль переворачивает страницу выборов»), а (7б) — в виде *Jean apporte de l'eau au moulin des indépendantistes* (букв. «Жан несет воду на мельницу сепаратистов»).

С точки зрения семантики глубинных падежей эти аргументы представляются вполне убедительными. Действительно, идиомы типа *лечь в воду на чью-л. мельницу* имеют обязательную атрибутивную валентность, которая в прагматически нейтральных контекстах заполняется именной группой в родительном падеже. Когда эта валентность заполняется прилагательным, семантический результат остается в принципе идентичным. Но это ни в коей мере не доказывает, что данные идиомы нечленимы. Наличие у идиомы той или иной валентности само по себе еще ничего не говорит о соотношении ее лексической и семантической структуры. Все идиомы типа (7), с нашей точки зрения, членимы семантически, поскольку существительное, синтаксически управляющее определением (независимо от того, выражено ли это определение именной группой в родительном падеже или прилагательным), должно восприниматься как семантически автономное. Так, во всех русских примерах типа *разыгрывать карту (кого-л.)*, *разрубить [гордиев] узел (чего-л.)* именному компоненту может быть приписано относительно самостоятельное значение: *карта кого-л.* ≈ ‘выгодное для кого-л. осмысление некоторого положения вещей, событий и т. п.’ *узел чего-л.* ≈ ‘совокупность некоторых представляющихся неразрешимыми проблем, которые требуют для своего разрешения крайне решительных мер’ (ср. контексты (8)). Это и понятно. Как может некоторая именная группа осмысленным образом присоединять зависимые элементы высказывания (особенно когда их наличие является обязательным), если эта именная группа сама по себе ничего не значит? Иными словами, возможность выражения атрибутивной валентности различными способами не может рассматриваться как аргумент против тех или иных особенностей внутренней структуры идиомы.

- (8) **а.** Пресс-секретарь президента призвал российских журналистов воздержаться от эмоциональных оценок, «не разыгрывать карту национал-патриотов и тех, кто делает себе карьеру на проблеме принадлежности Севастополя как «города русской славы» [Корпус публицистики]; **б.** Элита очень надеялась, что возвращение президента к активной политической деятельности позволит разрубить гордиев узел накопившихся неопределенностей [Корпус публицистики]¹³.

ЗАМЕЧАНИЕ: Что касается самой возможности трансформации генитива в прилагательное и тех прагматических эффектов, которые могут быть с ней связа-

¹³ Здесь и далее используются примеры из «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики»; ср. [Тезаурус].

ны, это не столько вопрос семантической членимости данной идиомы (и соответственно не аргумент ни в пользу, ни против относительной автономности компонентов, управляющих этими атрибутами), сколько вопрос семантики данного прилагательного, т. е. вопрос соблюдения условия семантического согласования (см. подробнее ниже в разделе 3.2). Сама по себе замена генитива на прилагательное необязательно приводит к языковой игре и подобным нарушениям стандартного употребления идиом. В ряде идиом выраженная прилагательным атрибутивная валентность фиксируется уже на уровне словарного представления. Так, *тянуть/тащить воз (чего-л.)* альтернирует с *тянуть/тащить (какой-л.) воз*, *разрубить [Гордиев] узел (чего-л.)* — с *разрубить (какой-л.) узел*, а *разыгрывать карту (кого-л.)* — с *разыгрывать (какую-л.) карту*; ср. контексты (9):

- (9) а. День его был распisan не по часам, а по минутам, но он, не жалуясь, безропотно *тянул этот непомерный воз* [Корпус РусПроз.]; б. Практически ни одна страна, кроме Великобритании, не поддерживает США в их стремлении *разрубить иракский узел* с помощью ракетно-бомбовых ударов [Корпус публицистики]; в. Глава ростовской администрации активно *разыгрывает* <...> *реформаторскую карту* [Корпус Публицистики]; г. Так называемую *монархическую карту* *разыгрывают* сейчас в своих узких тактических интересах те, кто больше всего говорит о «монархических планах» [Корпус публицистики].

Вопрос о степени нормативности этих контекстов не связан ни с возможностью переформулировать высказывание с использованием именной группы в родительном падеже, ни с покомпонентной членимостью значения этих идиом. В любом случае контексты (9) более нормативны, чем контексты, в которых прилагательное было бы опущено вообще; ср. *??? безропотно тянул воз, ??? в их стремлении разрубить узел, ??? активно разыгрывает карту*. Это доказывает синтаксическую обязательность атрибутивной валентности и принципиальную возможность ее заполнения с помощью прилагательного. С этой точки зрения вполне правдоподобным представляется допущение, что случаи типа (9) в целом ближе к стандартному употреблению языка, предписываемому литературной нормой, чем случаи замены синтаксически обязательного генитива не предусмотренным «словарной» моделью управления прилагательным. Так, *лить воду на мельницу (чью-л./кого-л.)* в стандартном употреблении не альтернирует с *лить воду на (какую-л.) мельницу*, поэтому выражение *лить воду на мельницу сепаратистов* стандартно, а выражение *лить воду на сепаратистскую мельницу* — нет. Заметим, впрочем, что и словосочетание *разыгрывать монархическую карту* в (9г), по-видимому, менее узуально, чем *разыгрывать карту монархических кругов*. Этот вопрос нуждается в отдельном исследовании.

Возвращаясь к первому выделяемому А. Абэйе и ее коллегами [Abeillé, Schabes 1990; Abeillé 1995] типу адъективной модификации идиом — «адвербиальному», заметим, что чисто семантически любое «адвербиальное прилагательное» (*adverbial adjective*) действительно может быть трансформировано в наречие или словосочетание в функции наречия. Поскольку в сфере действия адвербиала оказывается вся идиома, а не какая-то ее часть, то семантическая членимость соответствующей идиомы не является

обязательным условием ввода в ее структуру адвербиального прилагательного. При этом не учитывается, однако, одно крайне важное обстоятельство. Любая трансформация адвербиала в прилагательное на семантически нечленимой идиоме дает нестандартный с точки зрения узуса результат. Действительно, одно дело сказать *каким-то непредвиденным образом все выходит боком*, и совсем другое — *все выходит каким-то непредвиденным боком* (ср. (3а)).

Таким образом, отрицание роли семантической членимости идиом как одного из факторов, определяющих применимость атрибутивной модификации их структуры, редуцирует объяснительный потенциал концепции, представленной в работах [Abeillé, Schabes 1990; Abeillé 1995]. Эта концепция оказывается неспособной объяснить причину различий между результатами атрибутивной модификации типа *попасть в жестокую переделку* (2в) или *бередить старые раны* (2д), с одной стороны, и типа *все выходит каким-то непредвиденным боком* (3а) или *ходить отъявленным ходуном* (3б) — с другой. Причина этих различий видится именно в том, что идиомы *попасть в переделку* и *бередить раны* семантически членимы, а *выйти боком* и *ходить ходуном* — нет. Кстати, мы совершенно не уверены, что (2в) и (2д) следует интерпретировать как результат трансформации «адвербиал → адвербиальное прилагательное». Действительно ли за выражением *попасть в жестокую переделку* стоит нечто вроде *попасть в переделку с жестокими последствиями*, а за *бередить старые раны* (2д) — *бередить раны по старым поводам*? По крайней мере чисто интуитивно такие семантические корреляции представляются сомнительными.

Еще один аргумент против установления синонимических отношений между адъективно-модифицированными идиомами и соответствующими выражениями с адвербиалом — наличие случаев, когда в структуру идиомы, находящейся в сфере действия адвербиала, не может быть введено коррелирующее прилагательное. Ср. *чувствую, что райотделы, которые эти дела разбирают, крепко сели в галошу* [С. Аскинадзе. Кольцо с бриллиантами]. Сказать **сели в крепкую галошу* (вместо *крепко сели в галошу*) нельзя. Следовательно, постулируемая в [Abeillé, Schabes 1990; Abeillé 1995] трансформация «адвербиал → адвербиальное прилагательное» не является продуктивным правилом, а может рассматриваться лишь как правило «штамповки» и имеет тем самым тот же статус, что и предлагаемые здесь условия — «условие семантической членимости» и «условие семантического согласования».

Преимущество нашего подхода видится в том, что выделение этих условий позволяет ответить на вопрос, почему модификация структуры идиомы посредством ввода прилагательного в одних случаях нарушает действующие нормы узуса, а в других — нет. Поскольку одна из задач данной работы состоит в попытке сформулировать некоторые правила «штамповки» для данной модификации (т. е. условия, соблюдение которых в обычном случае приводит к порождению стандартно допустимых вари-

антов данной идиомы, а их нарушение — к ошибочным или нестандартным употреблением), объяснения, не ориентированные на различение стандартного и нестандартного в этой области, оказываются неприемлемыми.

Тот факт, что семантическая членимость идиомы является одним из необходимых условий для нормативного ввода в ее структуру прилагательного, косвенно доказывается еще и тем, что нарушение этого условия сознательно используется некоторыми авторами как художественный прием. Так, ввод прилагательного в состав нечленимых идиом неоднократно встречается в произведениях Саши Соколова; ср. (10):

- (10) **а.** Бравируя неглиже своей исступленности, они высказывали готовность на любое безумство ради удовлетворения этой слюнявой музыки. А ведь не все, далеко не все из них были, что называется, падшими. Наоборот, в большинстве своем они были весьма и весьма приличные, светские дамы из хороших семейств. Жены и дочери, невесты и невестки, племянницы и кузины министров, значительных дипломатов, всевозможных светил. И все-таки поразительным *прахом* или усилия упомянутых женщин [Саша Соколов. Палисандрия]; **б.** В кубарэ из какой-то ложной гордыни посуды не принимают во вниманье отнюдь и на вынос торгуют с большими скандалами, чем с человеческой точки зрения дают коммерческий *мах* [Саша Соколов. Между собакой и волком]¹⁴.

Перейдем теперь к рассмотрению второго необходимого условия стандартно допустимой атрибутивной модификации идиомы — требования семантической совместимости вводимого определения и определяемой части идиомы, названного здесь условием семантического согласования.

3.2. Условие семантического согласования и атрибутивная модификация

В соответствии с этим условием прилагательное (так же, как и любое другое определение), вводимое в структуру идиомы, не должно вступать в семантическое противоречие ни с ее актуальным значением, ни с ее буквальным прочтением и, соответственно, образной составляющей данной идиомы. Примеры контекстов, в которых это условие выполняется, см., например, в (2). Нарушение условия семантического согласования может быть в принципе двух видов. Если вводимое определение семантически

¹⁴ Ср. также сходный по сути прием ввода кванторного слова в идиому *Матросская тишина* с эффектом «двойной актуализации»: *Лишь в доме блистательно обнищавших духом обрящешь ты благодать. Ибо лишь там **тишина** настолько **матросская**, что рябая кобыла, чьи грезы отобразились в язвах наших душ, ржет и шьет себе из нее мировую тельняшку* [Саша Соколов. Общая тетрадь, или же групповой портрет СМОГа]. В этом контексте обыгрывается также идиома *бред сивой кобылы*.

согласовано с актуальным значением идиомы, но вступает в содержательное противоречие с ее внутренней формой, результирующие контексты выглядят как (11). Вводимое прилагательное привязывает идиому к тематике данного текста *ad hoc* и соответствующим образом конкретизирует ее значение. А если вводимое определение вступает в семантическое противоречие с актуальным значением идиомы, высвечивая тот или иной аспект ее внутренней формы, порождаются контексты типа (14).

- (11) **а.** Кому теперь *расхлебывать* эту нестыковочную кашу — неведомо. Не иначе как правоприменительным органам [Столица]; **б.** Даже в Италии монархический лед тронулся. Недавно правительство страны постановило начать процесс отмены статьи конституции 1948 года, запрещающей проживать в Италии наследникам правившей в стране Савойской династии [Московские новости].

Нестандартные модификации первого типа мы будем называть **контекстно-зависимыми**; ср. (11). Модификация компонента *каша* с помощью прилагательного *нестыковочный* и компонента *лед* — с помощью прилагательного *монархический* содержательно привязывает значение идиом *расхлебывать кашу* и *лед тронулся* к тематической области, обсуждаемой в контекстах (11а) и (11б), и оказывается, таким образом, до известной степени вынуждаемой контекстом. Ср. также обсуждавшиеся выше примеры (1в) и (1г). Модификации типа *заварить кровавую кашу* и *заварить кавказскую кашу*, естественно, представляют собой некоторое отступление от стандартного употребления, причем эффекты нестандартности возникают из-за того, что прилагательные *кровавый* и *кавказский* противоречат лежащему в основе идиомы метафорическому образу ‘приготовления каши’¹⁵.

¹⁵ С формальной точки зрения можно возразить, что само по себе словосочетание *кавказская каша* может быть осмысленно проинтерпретировано: *кавказская каша* — это ‘каша, приготовленная на Кавказе’ или ‘каша, приготовленная по рецептам кавказской кухни’, но поскольку обсуждаемый контекст такую интерпретацию практически исключает, целесообразно считать словосочетание *кавказская каша* интерпретируемым лишь в идиоматическом смысле ≈ ‘проблемы, трудности, неприятности, связанные с ситуацией на Кавказе’. Ср. также контекст *Минск уверенно наступает на «украинские грабли»* [Сегодня], где понимание выражения *украинские грабли* в буквальном значении возможно в принципе, но нерелевантно в данных контекстных условиях. Несколько иначе интерпретируемо выражение *место под колымским солнцем* в следующем контексте: *По бараку сновали, ковыляли, визжа, хохоча и заливаясь слезами, души тридцать ребят в том возрасте, в каком был мой Васька, когда нас разлучили. Каждый отстаивал свое место под колымским солнцем в неустанной борьбе с другими* [Е. Гинзбург. Крутой маршрут]. Словосочетание *колымское солнце*, понимаемое буквально, оказывается в этом контексте вполне осмысленным. Одновременно оно интерпретируемо и в идиоматическом смысле, ср. *место под солнцем в условиях жизни на Колыме*. Нестандартность контекста объясняется в данном случае отсутствием автономного значения у компонента *солнце*, т. е. семантической нечленимостью идиомы.

С другой стороны, эти прилагательные (как и прилагательное *нестыковочный* в (11а)) семантически не противоречат ее актуальному значению 'каузации неприятностей', специфицируя характер этих неприятностей.

Этот тип нарушения условия семантического согласования наглядно иллюстрируется на контрастных примерах. Так, стандартные сочетания типа *попасть в жуткий переплет* (2б) и *бередить старые раны* (2д) могут быть противопоставлены контекстно-зависимым модификациям тех же идиом: *попасть в двусмысленный политический переплет*, *попасть в замысловатый юридический переплет* [Корпус публицистики], *в начале семидесятых новое поколение французских интеллектуалов начало берeditь вишнестскую рану* [Итоги]. Если условие семантического согласования нарушено, соответствующий контекст воспринимается как нестандартный вне зависимости от того, выполняется ли условие семантической членимости или нет. Так, идиомы *заваривать кашу*, *расхлебывать кашу*, *попасть в переплет*, *бередить раны* членимы, а, например, *дать маху* из (10б) — нет. Таким образом, можно сделать вывод об одинаковой релевантности каждого из условий узуальной приемлемости атрибутивной модификации: семантической членимости и семантического согласования. Если одно из них не выполняется, результирующее выражение оказывается нестандартным. Если не выполняются оба условия, степень нестандартности возрастает. Так, контекст (10б) явным образом воспринимается как более игровой, чем контексты типа (11).

Одно из существенных различий в поведении членимых и нечленимых идиом в контекстах нарушения семантического согласования обсуждаемого типа видится в возможности «серийной модификации» членимых выражений по заданному образцу; ср. примеры типа *снимать финансовые сливки*, *снимать служебные сливки* [Независимая газета], а также контексты (12). Семантически членимые идиомы, содержащие в своем составе две именные группы, могут присоединять соответственно различные определения, причем выраженные как прилагательным, так и генитивом; ср. (13). В этом случае способность этих выражений осмысляться как квазикомпозиционные словосочетания профилируется: соответствующие части идиомы содержательно противопоставляются друг другу.

- (12) **а.** Рубленные афоризмы экс-генерала уже основательно приелись. Его литературные труды тоже не вызывают особого интереса. Так можно и окончательно *кануть в политическое небытие*, не дотянув до президентских выборов [Литературная газета]; **б.** Другие страны и народы за это время успели *сойти в историческое небытие* или распасться, как это произошло с арабами, австрийцами, латиноамериканцами [Литературная газета]; **в.** Директор государственного архива, откуда *ушли под покровом ночи в казематное небытие* весьма важные фонды, спросил у одного из бывших столпов государственной архивной службы: что же мне говорить,

если спросят об этих фондах? Получил совет: скажешь, что сгорели, украли [Известия].

- (13) **а.** Пафос утверждения весьма сходен с тезисом Белинского, в статьях об «Онегине» справедливо заметившего, что русский во фраке может быть столь же народен, как и русский в лаптях, — однако Набокову важно не *свести эстетические концы с концами идеологическими* ⟨...⟩, а понять, где именно, при такой валкости элементов, находится безусловное несущее перекрытие строения [М. Шульман. Набоков, писатель]; **б.** Не скрою — искушенность моя в этом деле того же свойства, что и большинства читателей мужского рода, прошедших *сквозь тернии сухого закона к колким звездам стихийного рынка*: искушенность не потребителя, а добытчика, доставалы спиртного [Огонек]; **в.** Одна отрада: *гора Третьяковки* почему-то не *родила* к празднику *очередную мышь*, оставшись ни при чем и разумно ограничившись своим еще весенним «Веком Екатерины» [Итоги]; **г.** Рекордное за 1997 год падение курса акций «Даймлер-Бенца» пришлось на октябрь — ноябрь. Именно в эти осенние дни широко разрекламированный на последней Международной автовыставке во Франкфурте-на-Майне и уже принятый в серийное производство высокотехнологичный карлик А-класса *бросил первую ложку дегтя в бочку медового имиджа концерна* [Московские новости]; **д.** Тема моей первой выставки формулировалась бы примерно так: *Между Сциллой идеологии и Харибдой бизнеса* — двоеточие — противостояние российской творческой эмиграции двум культурным революциям [Саша Соколов. Портрет русского художника в Америке: В ожидании Нобеля].

Нестандартное варьирование второго типа мы предлагаем называть **модификациями двойной актуализации**; ср. (14):

- (14) **а.** У него оказались две знакомые девушки из Ленинграда, и мы славно коротали вечера. Но с каждым днем *на сердце* все тяжелее *наваливался какой-то невидимый камень* ⟨...⟩ [И. Заседа. Бой за рингом]; **б.** Через пять минут после начала съемки ⟨...⟩ Бронная была запружена милицией, которая без церемоний стала заталкивать телевизионщиков в машины ⟨...⟩ Бедные, перепуганные японцы поняли, видимо, какое-то слово, может быть, «японцы», закивали, выдавили из себя: «Джяпан, джяпан!». Сразу ситуация изменилась. Их из загончика проводили в комнату. Приехали дежурный по городу и человек в штатском, потому что было уже понятно: милиционеры *попали в неприятную прохладную лужу*. Как можно быстрее японцев выпустили ⟨...⟩ [Смена].

Прилагательные в данном случае фокусируют метафору, лежащую в основе внутренней формы идиомы. Поскольку актуальное значение идио-

мы при этом все равно реализуется, возникает эффект двойной актуализации, когда в силу особенностей контекста в фокусе одновременно оказывается и актуальное значение идиомы, и ее образная составляющая. Так, в (14а) *невидимый камень, наваливающийся на сердце*, полностью сохраняет свое идиоматическое значение ‘душевной тяжести’, однако прилагательное *невидимый* профилирует и прямое номинативное значение слова *камень*, поскольку словосочетание *невидимый камень* осмысленно, только если речь идет действительно о некоем ‘камне’, а не о ‘душевной тяжести’: понятно, что ‘душевная тяжесть’ и так невидима. Противопоставление двух пластов плана содержания идиомы (внутренней формы и актуального значения) и их одновременная реализация в контекстах двойной актуализации еще более отчетливо прослеживается на примере (14б). Прилагательное *прохладный*, вводимое в идиому *сесть/попасть в лужу*, коррелирует с ее образной составляющей, игнорируя актуальное значение (‘лужа’ может быть ‘прохладной’, а ‘неприятная ситуация, в которую попали ее участники’ — нет). Эта идиома модифицируется в контексте (14б) с помощью еще одного прилагательного — *неприятный*, которое содержательно не противоречит ни метафорическому, ни буквальному значению слова *лужа*. Действительно, *лужа*, понимаемая как ‘неприятная ситуация’, может сочетаться с прилагательным *неприятный*, которое в этом случае дублирует один из компонентов значения этой лексемы. С точки зрения буквальной интерпретации *лужа* также (хотя и не вполне узуально) может сочетаться со словом *неприятный*. Таким образом, получается, что словосочетание *попали в неприятную прохладную лужу* осциллирует между пониманием в смысле ‘оказались в крайне неприятной ситуации’ и в смысле ‘попали в лужу с холодной и вызывающей неприятные ощущения водой’.

При нарушении условия семантического согласования степень отступления от стандартного, канонического употребления идиомы может быть весьма различной. Соответственно, варьирует и эффект игрового сдвига. Как показывает проанализированный материал, это зависит не столько от того, по какой оси происходит семантическое рассогласование: по внутренней форме или по актуальному значению, сколько от других факторов. Так, контекстно-зависимые модификации могут, с одной стороны, восприниматься как относительно близкие к узуальному стандарту (ср., например, (12)), а с другой — как сильно маркированные нестандартные употребления, легитимированные решением художественных задач (ср. (10б)). Представляется, что степень отступления от стандарта зависит (помимо обсужденного выше фактора комбинации двух условий — семантической членимости и семантического согласования) прежде всего от содержательных и сочетаемостных особенностей вводимого прилагательного: чем сильнее семантическое рассогласование прилагательного с одним из пластов плана содержания идиомы и чем более избирательной сочетаемостью оно характеризуется, тем более нестандартным является результирующее выражение. Например, слово *отъявленный* весьма ограничено в своей со-

четаемости (ср.: *отъявленный мошенник*, но не **отъявленный лингвист*), поэтому *ходить отъявленным ходуном* в (3б) воспринимается как сильно маркированное выражение. Степень нестандартности усиливается, когда в состав идиомы вводится более одного определения, а их семантическое согласование (как с идиомой, так и между собой) осуществляется по различным основаниям; ср. (15):

- (15) ⟨...⟩ и я благодарю Творца за то, что явлен мне образ Свободы, и губы от ужаса кусаю, вспомнив, как сигали ночью с нар эпилептики-большевики, а я *расхлебывал эту мычащую и кричащую человеческую кашу* [Юз Алешковский. Кенгуру].

Прилагательное *человеческий* вводится в идиому *расхлебывать кашу* с сильным нарушением условий семантического согласования, так как не коррелирует ни с буквальным значением слова *каша*, ни с актуальным значением идиомы, профилируя одно из метафорических значений слова *каша*, но не то, которое участвует в мотивации идиомы. Это скорее контаминация двух выражений: *расхлебывать кашу* и *человеческая каша*. А определения *мычащая* и *кричащая* относятся к людям, т. е. вступают в семантическое взаимодействие уже не с метафорой *каша* и тем более не с идиомой *расхлебывать кашу*, а с прилагательным *человеческий*.

ЗАМЕЧАНИЕ: Выявленные здесь условия стандартного применения атрибутивной модификации релевантны не только для ввода прилагательного, но и для сопредельных модификаций. В зависимости от конкретного вида модификации эти условия уточняются. Например, в случае, когда в сфере действия определения находится вся идиома, а не ее именная часть, отпадает требование семантической членимости, поскольку ее внутренняя структура не претерпевает никаких изменений, при том что условие семантического согласования для получения узуально допустимых выражений должно выполняться. Ср. различные модификации идиомы *головная боль* в (16).

- (16) **а.** Основная *головная боль* центров усыновления — это женщины, имитирующие беременность, которые месяцами носят под одеждой подушку, потом ложатся в роддом с тем, чтобы выйти с чьим-то «отказным» новорожденным [Итоги]; **б.** Икра — особая *головная боль* пограничников [Известия]; **в.** ⟨...⟩ у подмосковных сыщиков появилась новая «*головная боль*». Вот уже второй месяц они работают в усиленном режиме [Известия]; **г.** Уж для кого, для кого, а для милиции наступление весны — сплошная *головная боль*. Москва-река — самая трупоносная речка в мире [Московский комсомолец]; **д.** Есть целевые отрасли, ставшие для налоговой полиции и налоговых инспекций предметом постоянной *головной боли*, — например нефтедобыча, нефтепереработка и рыбное хозяйство [Известия]; **е.** Решительный настрой большинства европейских держав чреват очередной *головной болью* для Германии, поскольку она не вполне соответствует требованиям, предъявляемым при вхождении в ЕМУ ⟨...⟩ [Коммерсантъ].

Ср. также *основной/последний камень преткновения, своеобразный ход конем, главное бельмо на глазу* [Корпус публицистики].

Если в состав идиомы вводится дейктическое слово, то значимым оказывается условие семантической членимости, а семантическое согласование оказывается, по очевидным причинам, несущественным; ср. (17). При вводе кванторного слова модифицируемая именная группа должна, естественно, обладать значением, в принципе поддающимся квантификации (ср. (18)), и в этом смысле здесь также можно говорить о действии обоих условий.

- (17) **а.** Прежде чем они очухались бы, он мог *наломать таких дров*, что потом принимать меры против него было бы уже поздно. Чем дальше он пошел бы, тем прочнее было бы его положение [А. Зиновьев. Зияющие высоты]; **б.** Да и вообще при изменившихся обстоятельствах мне казалось невыносимым *тянуть все ту же ляжку* [Е. Гинзбург. Крутой маршрут]; **в.** Дагестанские власти тоже хотели бы *разрубить этот гордиев узел*, но Россия не торопится [Независимая газета]; **г.** Мы все время наступаем на *одни и те же грабли*. Заключили таможенный союз. Через какое-то время стало совершенно очевидно, что он не работает [Итоги].
- (18) **а.** К счастью, в нашем случае *пара ложек дегтя* продукта не испортила [Независимая газета]; **б.** Да, настоящие революционеры — всегда художники, хотя они и *ломают массу дров* в музеях и храмах [Корпус публицистики]¹⁶.

Для таких атрибутивных модификаций, как ввод придаточного определительного, именной группы в родительном падеже, предложной группы в атрибутивной функции и пр., условия их стандартного применения аналогичны условиям модификации идиомы с помощью ввода прилагательного.

Из сказанного в этом разделе можно сделать вывод, что атрибутивная модификация идиомы с помощью ввода в ее структуру прилагательного, которая не нарушала бы узально-нормативных границ в точном смысле, — довольно редкое явление. Действительно, условие семантического согласования оказывается довольно трудновыполнимым требованием. Прилагательных, значение которых хорошо коррелировало бы и с неким конкретным, образным концептом, заложенным во внутренней форме, и с часто довольно абстрактным актуальным значением идиомы, не так много. Понятно, что в качестве кандидатов на эту роль целесообразно рассматривать лишь слова с очень общей семантикой. Часто такими словами оказываются прилагательные с интенсифицирующей семантикой — достаточно абстрактные *Magn'*ы, реже — *AntiMagn'*ы; ср. *в большом фаворе*, *в меньшем фаворе* [Корпус публицистики]. Явное количественное преобладание *Magn'*ов объясняется, видимо, тем, что для значения идиом более типичны

¹⁶ Игровой характер последнего контекста обусловлен не столько вводом кванторного слова *масса*, сколько «двойной актуализацией» значения идиомы *наломать дров* и нестандартностью ее *aktionsart'*а.

семантические элементы усиления интенсификации, чем ее ослабления. Ср. контексты (2б, (2в) и (2г) выше, а также характерные примеры (19):

- (19) **а.** Не успев *навести окончательный глянец* на свою эротическую комедию «Маузер и плоть», Дмитрий Месхиев приступил к съемкам нового фильма «Американка» [Общая газета]; **б.** Да, *главная-то каша заварилась* из-за жены Годунова, балерины Людмилы Власовой! Они прилетели на гастроли в Нью-Йорк вместе, а остался Годунов один [Столица]; **в.** Не только Саул — и Кассиан Дамианович *сел в глубокую калошу* с этим неудачным вопросом [В. Дудинцев. Белые одежды].

Эти примеры показывают, что в обычном случае условия семантического согласования выполняются не идеально, а лишь с той или иной степенью приближения. Так, контекст (19б) обнаруживает легкое отклонение от стандартного словоупотребления, связанное с тем, что сочетание *главная каша*, понятое буквально, допустимо лишь условно. Значение прилагательного *главный* столь неконкретно, что на концептуальном уровне приложимо практически к любым сущностям. Другое дело, что с точки зрения лексической сочетаемости выражение *главная каша* отнюдь не идеально. Как уже было отмечено выше, степень мотивированности идиомы может быть весьма различной. Чем она выше, тем строже условие непротиворечивой сочетаемости по внутренней форме. Там, где образ стерт (как это скорее имеет место в идиоме *заваривать кашу*), требование семантического согласования по внутренней форме ослабляется. Пример (19в) хорошо иллюстрирует другое, также крайне важное обстоятельство. Многие прилагательные, вводимые в структуру идиомы без нарушения литературных норм, в этой функции лексикализованы. Так, *сесть в глубокую калошу* — вполне узуальный вариант идиомы *сесть в калошу* и как таковой абсолютно приемлем, несмотря на то, что одно из условий семантического согласования — согласование по актуальному значению — соблюдается также скорее на уровне семантической, чем на уровне лексической сочетаемости. Хотя в Интернете нашлось несколько сотен примеров на комбинации слов *глубокие проблемы* и *глубокие трудности*, эти словосочетания представляются не вполне узуальными. Таким образом, контекст (19в) сопоставим с контекстом (19б): и в том и в другом случае условие семантического согласования выполняется не вполне строго. Разница между ними в том, что в (19б) это относится к семантическому согласованию по внутренней форме, а в (19в) — по актуальному значению.

Завершая этот раздел, следует еще раз подчеркнуть, что предлагаемые здесь условия — это не продуктивные правила, а лишь «правила штамповки». Так, относительно высокая вероятность появления Magn'ов в качестве модифицирующих прилагательных не значит, что любая идиома нормативно «пропускает» в свою структуру любой Magn. Как уже отмечалось выше, плохо годятся на эту роль Magn'ы с ограниченной сочетаемостью.

Очевидно также, что, даже если лексическая функция *Magp* выражена с помощью весьма простых прилагательных с широкой сочетаемостью (типа *большой*), но модифицируемая идиома нечленима, результирующее выражение оказывается нестандартным; ср. (20):

- (20) Первые студенты-африканцы появились в закрытом тогда городе Воронеже тридцать пять лет назад, и поначалу было это многим в большую диковинку [Известия].

4. Заключение

Основная задача данной работы состояла в попытке ответить на вопрос, почему одна идиома стандартно допускает некоторую модификацию, а другая — нет. Иными словами, почему одна и та же (т. е. идентичная с «технической» точки зрения) модификация структуры идиомы в одних случаях приводит к узуально приемлемому результату, а в других — порождает выражения, воспринимаемые носителями языка как ошибочные или нестандартно-креативные? Можно ли сформулировать некие правила, соблюдение которых будет если не гарантировать, то хотя бы в самом общем виде прогнозировать узуальную приемлемость результирующего выражения? Естественно, о «правилах» в этой области можно говорить только в смысле «штамповки» (которую Ч. Филлмор противопоставляет «порождению»), т. е. это не продуктивные правила, а условия, соблюдение которых обеспечивает следование некоторой выработанной языком конструктивной модели. Соответствующие конструкции не порождаются по продуктивной схеме, следовательно, появление каждой из них не может быть предсказано. Тем не менее, порождение таких конструкций не является хаотично-случайным, несистемным, а следует определенным образцам. Таким образом, выражения, возникающие в результате модификации идиом, могут быть описаны как конструкции, созданные по модели.

Такая модель была здесь выявлена и описана применительно к атрибутивной модификации идиомы (прежде всего применительно к вводу в ее структуру прилагательного). Для того чтобы данная модификация воспринималась как не нарушающая требований нормативного употребления языка, необходимо соблюдение следующий двух условий:

1) модифицируемая идиома должна быть семантически членимой, т. е. именная группа в ее составе, которая подвергается атрибутивной модификации, должна обладать в составе идиомы относительно самостоятельным значением, в противном случае ее нахождение в сфере действия определения нарушает нормы узуса;

2) вводимое в структуру идиомы прилагательное не должно вступать в семантическое противоречие ни с ее актуальным значением, ни с ее внутренней формой.

Первое из этих условий названо здесь **условием семантической членности**, а второе — **условием семантического согласования**. Причем последнее состоит из двух более или менее автономных требований. С одной стороны, семантическое согласование должно осуществляться по оси актуального значения идиомы, т. е. вписываться в соответствующую концептуальную область, а с другой — по оси образной составляющей. Иными словами, если вводимое прилагательное противоречит значению идиомы или «ломает метафору», это приводит к нарушению узуальных норм. Этот последний способ модификации назван здесь **контекстно-зависимым**, поскольку с помощью вводимого таким образом определения идиома теснее привязывается к тематической области, обсуждаемой в данном контексте, выбиваясь при этом из своей метафорической среды, что и обеспечивает эффект нестандартности. Ввод определения, содержательно коррелирующего с метафорой, но игнорирующего актуальное значение идиомы, приводит к модификациям **двойной актуализации**, т. е. в этих случаях для понимания контекста требуется обращение как к собственно значению идиомы, так и к ее внутренней форме.

Таким образом, правила осуществления атрибутивной модификации, не нарушающей требования стандартного употребления языка, связаны как с самой модифицируемой идиомой (ср. условие семантической членности идиомы), так и с модифицирующим элементом (ср. условие семантического согласования вводимого определения с модифицируемой идиомой). Причем оба условия семантически по сути, что позволяет сделать вывод о том, что синтаксическое поведение идиомы зависит от ее семантики.

Оценивая полученные здесь результаты, можно предвидеть следующее возражение: в современных текстовых корпусах легко найти значительное количество нестандартных употреблений идиом, которые, безусловно, являются реальной частью современного употребления языка, хотя и нарушают сформулированные здесь условия. На это можно в свою очередь возразить, что эффект нестандартности (креативного словоупотребления, языковой игры и пр.) обязан своим происхождением именно нарушению каких-то правил, которыми носитель языка интуитивно владеет. Выявление и описание подобных правил в сфере употребления идиом — одна из главных задач теории фразеологии.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.

Апресян 2005 — Ю. Д. А п р е с я н. О Московской семантической школе // ВЯ. 2005. № 1. С. 3—30.

Баранов, Добровольский 1991 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. К универсальному определению идиомы // Макет словарной статьи для автомати-

зированной толково-идеографического словаря русских фразеологизмов: Образцы словарных статей. М., 1991. С. 7—17.

Баранов, Добровольский 1996 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Идиоматичность и идиомы // ВЯ. 1996. № 5. С. 51—64.

Баранов, Добровольский 2005 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. К понятию идиомы // Лексикография и фразеология литературного текста [Dostojevskij in Focus: Textlexikographie und Phraseologie]. Вена, 2005. С. 28—57.

Баранов, Юшманова 2000 — А. Н. Баранов, С. И. Юшманова. Отрицание в идиомах: семантико-синтаксические ограничения // ВЯ. 2000. № 1. С. 46—65.

Болдырева 1967 — Л. М. Болдырева. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов (на материале современной художественной немецкой литературы и прессы ГДР): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.

Диброва 1979 — Е. И. Диброва. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д, 1979.

Добровольский 1990 — Д. О. Добровольский. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков (на материале немецкого, английского и нидерландского языков): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1990.

Добровольский 2005 — Д. О. Добровольский. Зависит ли синтаксическое поведение идиом от их семантики? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. конф. «Диалог 2005». М., 2005. С. 126—130.

Добровольский 2007а — Д. О. Добровольский. Модификация структуры идиомы в аспекте понимания // Понимание в коммуникации. 2007. Язык. Человек. Концепция. Текст: Тез. докл. Междунар. науч. конф. (28 февраля — 1 марта 2007, Москва). М., 2007. С. 27—31.

Добровольский 2007б — Д. О. Добровольский. Пассивизация идиом (о семантической обусловленности синтаксических трансформаций во фразеологии) // ВЯ. 2007. № 5. С. 39—61.

Добровольский (в печати) — Д. О. Добровольский. Семантическая членность как фактор вариативности идиомы // Сб. в честь Н. Ю. Шведовой. М., в печати.

Краморенко 1961 — Г. И. Краморенко. Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка. Смоленск, 1961.

Мелерович 1982 — А. М. Мелерович. Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1982.

Мелерович, Мокиенко 1997 — А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. М., 1997.

Проблемы 1972 — Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвуз. симпозиума (1968). Тула, 1972.

Райхштейн 1980 — А. Д. Райхштейн. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.

Санников 1999 — В. З. Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

Тезаурус — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М., в печати.

ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стер. М., 1986.

Abeillé 1995 — A. Abeillé. The flexibility of French idioms: A representation with Lexicalized Tree Adjoining Grammar // M. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds). *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale (NJ), 1995. P. 15—42.

Abeillé, Schabes 1990 — A. Abeillé, Y. Schabes. Non compositional discontinuous constituents in a TAG. Paper presented at the Conference on Discontinuous Constituency. Tilburg, 1990.

Abel 2003 — B. Abel. *Sprecherurteile zur Dekomponierbarkeit englischer Idiome*. Tübingen, 2003.

Dobrovol'skij 1982 — D. Dobrovol'skij. Zum Problem der phraseologisch gebundenen Bedeutung // *Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache*. Bd 2. 1982. S. 52—67.

Dobrovol'skij 1995 — D. Dobrovol'skij. *Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik*. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. Tübingen, 1995. (Eurogermanistik; Bd 8).

Dobrovol'skij 1997 — D. Dobrovol'skij. *Idiome im mentalen Lexikon: Ziele und Methoden der kognitivbasierten Phraseologieforschung*. Trier, 1997.

Dobrovol'skij 2000a — D. Dobrovol'skij. Ist die Semantik von Idiomen nicht-kompositionell? // S. Beckmann, P.-P. König, G. Wolf (Hrsg.). *Sprachspiel und Bedeutung*. Festschrift für Franz Hundsnurscher zum 65. Geburtstag. Tübingen, 2000. S. 113—124.

Dobrovol'skij 2000b — D. Dobrovol'skij. Zu semantischen und pragmatischen Effekten kreativer Idiom-Modifikationen // G. Gréciano (ed.). *Micro- et macrolexèmes et leur figement discursif*. Études de linguistique comparée français / allemand. Louvain; Paris, 2000. P. 217—230.

Dobrovol'skij 2004 — D. Dobrovol'skij. Semantische Teilbarkeit der Idiomstruktur: zu operationalen Kriterien // C. Palm-Meister (Hrsg.). *EUOPHRAS 2000*. Internationale Tagung zur Phraseologie vom 15.—18. Juni 2000 in Aske/Schweden. Tübingen, 2004. S. 61—68.

Fellbaum, Kramer, Neumann 2006 — C. Fellbaum, U. Kramer, G. Neumann. Corpusbasierte lexikographische Erfassung und linguistische Analyse deutscher Idiome // A. Häcki-Bühofler, H. Burger (eds). *Phraseology in motion I: Methoden und Kritik*. Baltmannsweiler, 2006. S. 43—56.

Fillmore 2006 — Ch. Fillmore. *Idiomaticity* // *Berkeley Construction Grammar*. <http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/bcg/lec02.html>.

Fraser 1970 — B. Fraser. Idioms within a transformational grammar // *Foundations of Language*. 6. 1970. P. 22—42.

Geeraerts 1995 — D. Geeraerts. Specialisation and reinterpretation in idioms // M. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds). *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale (NJ), 1995. P. 57—73.

Geeraerts, Bakema 1993 — D. Geeraerts, P. Bakema. De prismatische semantiek van idiomen en composita // *Leuvense Bijdragen*. 82. Jg. (1993). S. 185—226.

Gibbs, Colston 2007 — R. W. Gibbs, H. L. Colston. Psycholinguistic aspects of phraseology: American tradition // H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N. R. Norrick. *Phraseologie = Phraseology*. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Bd. 2. Berlin; N. Y., 2007. P. 819—836.

Gibbs, Nayak 1989 — R. W. Gibbs, N. P. Nayak. Psycholinguistic studies on the syntactic behavior of idioms // *Cognitive Psychology*. 21. 1989. P. 100—138.

Gibbs, Nayak, Cutting 1989 — R. W. Gibbs, N. P. Nayak, C. Cutting. How to kick the bucket and not decompose: analyzability and idiom processing // *Journal of Memory and Language*. 28. 1989. P. 576—593.

Keil 1997 — M. Keil. Wort für Wort: Repräsentation und Verarbeitung verbaler Phraseologismen (Phraseo-Lex). Tübingen, 1997.

Langlotz 2006 — A. Langlotz. Idiomatic Creativity. A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom-Variation in English. Amsterdam; Philadelphia, 2006.

McCawley 1971 — J. D. McCawley (Quang Phuc Dong). The applicability of transformations to idioms // *Papers from the Seventh Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1971. P. 198—205.

Nunberg, Sag, Wasow 1994 — G. Nunberg, I. A. Sag, T. Wasow. Idioms // *Language*. 70. 1994. P. 491—538.

Schenk 1992 — A. Schenk. The syntactic behaviour of idioms // M. Everaert, Erik-Jan van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds). *Proceedings of IDIOMS*. Tilburg, 1992. P. 97—110.

Titone, Connine 1999 — D. A. Titone, C. M. Connine. On the compositional and noncompositional nature of idiomatic expressions // *Journal of Pragmatics*. 31. 1999. P. 1655—1674.

Tronenko 2003 — N. Tronenko. Regularities in the behavior of Russian phrasal idioms. Bern etc., 2003.

Wasow, Sag, Nunberg 1983 — T. Wasow, I. A. Sag, G. Nunberg. Idioms: An interim report // S. Hattori, K. Inoue (eds). *Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists*. Tokyo, 1983. P. 102—115.

Ю. Д. АПРЕСЯН, П. В. ДЯЧЕНКО,
А. В. ЛАЗУРСКИЙ, Л. Л. ЦИНМАН

О КОМПЬЮТЕРНОМ УЧЕБНИКЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА*

0. Введение

Компьютерный учебник лексики, о котором пойдет речь в данной статье, был разработан в Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН в качестве одного из приложений модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» И. А. Мельчука¹. Конечная цель проекта — создание относительно полного много-

* Данная работа была поддержана грантами РГНФ № 03-04-00046а, № 06-04-00090а и № 06-04-00289а, грантом РФФИ № 05-06-80361, грантом Президента РФ № НШ-5611.2006.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ, и грантом Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории». Всем этим Фондам и Программам авторы выражают свою признательность. Авторы благодарны И. М. Богуславскому и Л. Л. Йомдину за интересные соображения, высказанные в ходе работы над статьей и по ее завершении. Весьма ценными оказались также критические замечания А. Я. Шайкевича и А. А. Пичхадзе, которыми они поделились с одним из авторов при окончательной подготовке статьи к печати.

¹ К истории вопроса. Учебник в виде набора лексических игр был задуман в самом начале 90-х годов Ю. Д. Апресяном, он же разработал лингвистическое обеспечение для первой версии учебника. В его состав вошли экспериментальные толково-комбинаторные словари русского и английского языков объемом в 1 000 входов каждый и словари лексических функций тех же языков объемом в 97 статей (определение функции плюс материал — до нескольких десятков пар вида «аргумент функции — ее значение или значения»). Сами лексические игры («слово», «слово с подсказкой», «перевод», «толкование» и «лексическая функция», см. о них ниже) были разработаны совместно Л. Л. Цинманом и Ю. Д. Апресяном, алгоритм их реализации — Л. Л. Цинманом, а программное обеспечение — И. Л. Сагаловой. В 1993 г. первая версия игры была продемонстрирована И. А. Мельчуку, который ее одобрил, и профессору Гейдельбергского университета Питеру Хельвигу. По предложению последнего в середине 90-х годов она стала предметом трехстороннего проекта CALLex (Computer-Aided Learning of Lexica) в рамках программы INTAS (участники — Лаборатория компьютерной лингвистики ИППИ

язычного учебника лексики, предназначенного как для учебных заведений разного уровня, так и для отдельных лиц. Однако в данной работе речь пойдет только о русском прототипе учебника со словарем в 3 000 входов.

Численно такой словарь соответствует размеру общепринятых лексических минимумов по крайней мере для школ (от 3 000 до 4 000 единиц), но качественно он лишь частично пересекается с ними. Расхождения в составе лексики между нашим словарем и обычными лексическими минимумами объясняются следующим: у нас в фокусе внимания оказалась не вполне свободная сочетаемость слов, описываемая так называемыми лексическими функциями (в дальнейшем — ЛФ, см. о них ниже), и, значит, те слова, для которых она характерна. Это преимущественно абстрактные существительные со значением действий, деятельности, занятий, процессов, состояний (особенно ментальных и эмоциональных) и свойств.

Центральная идея учебника — создание основы для изучения некоторых аспектов лексики определенного языка и практического овладения ею в режиме компьютерных лингвистических игр. Речь идет именно о лингвистических основах учебника, а не о готовом учебнике — хотя бы потому, что большой комплекс методических вопросов, неизбежно возникающих при написании реального учебника чего бы то ни было, нами совершенно не рассматривается.

Чтобы изложить лингвистические основы учебника, нам придется повторить некоторые известные положения теории ЛФ. Впрочем, мы учитываем те результаты, которые были получены в этой области в самые последние годы, и, главное, строим свое изложение на основе новых, гораздо более полных и системно организованных языковых материалов.

Статья состоит из пяти разделов. Раздел 1 посвящен изложению основной идеи лингвистической модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», разработанной

РАН, Группа исследователей Гейдельбергского университета под руководством П. Хельвига и группа исследователей Клагенфуртского университета под руководством Т. Ройтера). Работа над системой CALLex свелась к расширению словарей русского и английского языков до 2 000 входов в каждом (в этой работе принимал участие А. В. Лазурский), расширению материала русского и английского словарей лексических функций, созданию толково-комбинаторного словаря немецкого языка объемом в 1 000 входов (по 500 на каждую из двух немецких групп) и составлению немецкого словаря лексических функций объемом в 97 статей. Прототипом для обоих немецких словарей послужили соответствующие английские словари. Проект CALLex был завершен в конце 90-х годов, одна из промежуточных версий учебника была описана в [Aprèsjan 1996]. После завершения проекта работа над компьютерным учебником лексики русского языка была продолжена в Лаборатории компьютерной лингвистики ИПИ РАН. В настоящее время толково-комбинаторный словарь русского языка вырос до 3 000 входов, а словарь лексических функций — до 116 статей. Словарные статьи обоих словарей были насыщены (Ю. Д. Апресяном) обширными новыми материалами. Программным обеспечением системы компьютерного обучения лексике с 2005 г. занимался П. В. Дяченко.

И. А. Мельчуком. Она является теоретическим фундаментом компьютерного учебника. В Разделе 2 подробно излагается понятие ЛФ, на основе которого строится большинство лексических игр, дается список включенных в учебник ЛФ с учетом нескольких десятков вновь введенных функций и предлагается обновленная и унифицированная версия их определений. Раздел 3 посвящен системе аналитических толкований лексем, разработанной Ю. Д. Апресяном на основе общих принципов модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» и теории интегрального лингвистического описания; она служит основой еще одной лексической игры. Раздел 4 содержит образцы словарных статей русского толково-комбинаторного словаря (ТКС) — основного материала лексических игр. Раздел 5 посвящен самим этим играм; здесь же обсуждаются некоторые результаты предварительной компьютерной «обкатки» игр.

1. О модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» и владении языком

В основу компьютерного учебника лексики была положена оригинальная лингвистическая модель «Смысл \Leftrightarrow Текст», разработанная И. А. Мельчуком; см. [Мельчук 1974; 1995; Mel'čuk 1996; 1997; Мельчук, Жолковский 1984; Mel'čuk et al. 1984; 1988; 1992; 1999; Mel'čuk, Wanner 1996] и другие работы этого автора и его соавторов. Особенно важным для учебника оказался компонент модели, связанный с теорией ЛФ, которая в ходе реализации проекта была уточнена и дополнена на основе результатов исследований Ю. Д. Апресяна в области системной лексикографии и интегрального описания языка; см. [Апресян 1995; 2001; 2004; 2006; Apresjan 2000]. Во многих отношениях существенным оказался для нас и опыт, накопленный Лабораторией компьютерной лингвистики Института проблем передачи информации РАН в течение трех десятилетий работы над лингвистическим процессором ЭТАП, в состав которого входят следующие основные приложения модели «Смысл \Leftrightarrow Текст»: система двунаправленного англо-русского и русско-английского машинного перевода, система конверторов и деконверторов для универсального сетевого языка UNL и система перифразирования. Во всех трех системах используются полные формальные модели морфологии и синтаксиса русского и английского языков, правила перевода с одного естественного языка на другой и с естественного языка на UNL и обратно, а также морфологические и комбинаторные словари, в настоящее время насчитывающие до 120 000 входов; см. [Апресян и др. 1989; 1992; Санников 1989; Иомдин 1990; Apresjan et al. 2002; 2003; Boguslavsky 2002; Boguslavsky et al. 2000; Апресян, Цинман 2002].

Исходная посылка теории «Смысл \Leftrightarrow Текст» относительно человеческих языков предельно проста. Язык есть средство, с помощью которого его носители выполняют две интеллектуальные операции. С одной стороны, язык служит для сообщения своих мыслей другим людям, т. е. для кодирования определенных смыслов текстами, которые их выражают. С дру-

гой стороны, он служит для понимания мыслей других людей, т. е. для обратной операции извлечения смыслов из текстов, в которые они были облечены. Модель «Смысл \Leftrightarrow Текст» можно представить как логическое устройство, имитирующее эти две операции в их простейших проявлениях, связанных исключительно со знанием языка. Хотя полноценное общение невозможно без знания внешнего мира, собеседника, ситуации общения и ряда других факторов, учет такого рода знаний выходит далеко за пределы собственно лингвистических моделей.

Из двух упомянутых выше операций более важной является активная операция производства текстов. Любой человек, способный строить письменные тексты на каком-то языке, заведомо способен и понимать их. Обратное неверно: можно, например, понимать письменные тексты на иностранном языке, иногда весьма сложные, и не уметь ни писать, ни говорить на нем без ошибок.

Активная языковая компетенция говорящих проявляется в трех основных способностях.

Во-первых, всякий, кто хорошо владеет языком, способен выбрать именно те слова, грамматические формы и синтаксические конструкции, которые наилучшим образом выражают его мысль. Это обеспечивается знанием значений соответствующих языковых единиц. Пример: некий человек, привлеченный к ответственности за нарушение общественного порядка и вынужденный через газету давать объяснения по этому поводу, писал в «Известиях», что он *Лично за собой никаких аморальных и других поступков поведения на стадионе не проявлял*. Очевидно, что этот человек не владеет по крайней мере значением синтаксической конструкции *знать <замечать, ... > что-л. за кем-л.* и значением глагола *проявлять*.

Во-вторых, носитель литературной нормы умеет правильно сочетать друг с другом слова, грамматические формы и синтаксические конструкции — при условии, что сам их выбор осуществлен корректно. В этой связи необходимо подчеркнуть, что комбинаторный потенциал лексической или грамматической единицы не может быть полностью предсказан на основании ее значения. Даже синонимичные друг другу единицы могут заметно различаться своей сочетаемостью.

Например, существительное *слово* в одном из своих значений является довольно точным синонимом существительного *обещание* и встречается во многих типичных для последнего лексических и синтаксических окружениях. Ср. *его <мое> слово <обещание>*, *дать слово <обещание> сделать что-л.*, *взять с кого-л. слово <обещание>*, *(с)держать слово <обещание>*, *нарушить слово <обещание>*, *верить чьему-л. слову <обещанию>*, *освободить кого-л. от данного им слова <обещания>* и т. п. Однако в таких сочетаниях, как *последнее обещание*, *торжественное обещание*, *безответственное обещание*, *выполнить <исполнить> обещание* и ряде других, эти существительные не взаимозаменяемы: сочетания *последнее слово*, *торжественное слово*, *безответственное слово*, *выполнить <исполнить> слово* либо неправильны,

либо имеют другое значение. Аналогичным образом по-русски только *обещания* подлежат счету и, следовательно, могут встречаться в количественной конструкции *два <три> обещания*. Сочетания *два <три> слова* тоже либо неправильны, либо имеют другое значение.

Знание комбинаторных свойств различных языковых единиц придает речи говорящих ту идиоматичную окраску, которая является существенным признаком свободного владения языком.

В-третьих, человек, свободно владеющий данным языком, умеет выразить свою мысль несколькими или многими альтернативными способами в зависимости от разных обстоятельств. Это умение основано на знании перифрастической системы языка, т. е. знании синонимических средств и правил перифразирования. Чем больше число внешне различных способов, которыми говорящий может выразить свою мысль, тем лучше он владеет данным языком; ср.: *Вы отвечаете за выполнение этой программы — Вы ответственны за выполнение этой программы, Вы являетесь ответственным за выполнение этой программы, Вы несете ответственность за выполнение этой программы, Лежит на вас ответственность за выполнение этой программы* и т. п.²

Три описанные способности — умение выбрать языковые единицы с нужными значениями, умение правильно (идиоматично) сочетать их друг с другом и умение перифразировать свои высказывания — составляют лингвистическую основу того феномена, который принято называть «свободное владение языком».

Все эти способности достаточно строго описываются в рамках теории «Смысл \Leftrightarrow Текст» с помощью системы аналитических толкований и аппарата ЛФ. Среди прочего, язык ЛФ оказался исключительно эффективным инструментом для описания несвободной сочетаемости слов и для формулировки универсальных правил перифразирования (см. [Мельчук 1974]). В частности, в основе приведенного выше куста перифраз лежат следующие простые общие правила: $X = \text{COPUL} + A1(X)$ (*P1 отвечает [X] за P2 = P1 ответствен [с нулевой связкой] за P2*), $X = \text{COPUL} + S1(X)$ (*P1 отвечает [X] за P2 = P1 является [COPUL] ответственным [A1(X) или — с окказиональной субстантивацией — S1(X)] за P2*), $X = \text{OPER1} + S0(X)$ (*P1 отвечает [X] за P2 = P1 несет [OPER1] ответственность [S0(X)] за P2*), $X = \text{FUNC1} + S0(X)$ (*P1 отвечает [X] за P2 = На P1 лежит [FUNC1] ответственность [S0(X)] за P2*)³.

² Этот куст перифраз, с одним незначительным дополнением, был получен на компьютере (см. [Апресян, Цинман 2002: 135]). Именно этим объясняется неловкость последней фразы.

³ Все используемые в этих правилах ЛФ будут подробно описаны ниже. Здесь же для понимания лингвистического смысла преобразований достаточно следующих минимальных пояснений: X — произвольное предикатное слово, обычно — глагол; COPUL — глагол-связка, чаще всего *быть*; A1 — производное отглагольное прилагательное, описывающее роль первого участника в обозначаемой пред-

Это значит, что, усваивая ЛФ, человек сразу приобретает, хотя и в разной мере, три важных умения, которые входят в качестве составной части в феномен владения языком: умение выбрать языковые единицы с нужными значениями, умение правильно их комбинировать и умение перифразировать свои высказывания.

2. Аппарат ЛФ

2.1. Понятие ЛФ

Допустим, что мы переводим какой-то текст с английского языка на русский и что в нем встретилась фраза *We walked in a heavy fog*. Допустим далее, что мы знаем все слова этой фразы, по крайней мере в их основных значениях. Достаточно ли этого, чтобы перевести ее на русский язык? Очевидно, что нет, потому что в ней есть специфичное для английского языка словосочетание *heavy fog*, где *heavy* является значением ЛФ MAGN (от латинского MAGNUS ‘большой’) ≈ ‘высокая степень того, что обозначено ключевым словом’ от существительного *fog*. В результате буквально-го перевода получается фраза *Мы шли в тяжелом тумане*, которую нельзя признать вполне правильной. В литературном русском языке, с учетом присущих ему ограничений лексическо-семантической сочетаемости, эту мысль следовало бы выразить фразой *Мы шли в густом тумане*, где *густой* является значением той же ЛФ от русского слова *туман*.

Обратим внимание на следующее любопытное обстоятельство. В принципе у русского прилагательного *тяжелый* есть требуемое значение ‘высокая степень того, что обозначено ключевым словом’, но словом *тяжелый* оно выражается от других аргументов, например *болезнь, рана*; ср. *тяжелая болезнь* (<*рана*>). Интересно, что попытка перевести буквально эти словосочетания с русского языка на английский тоже закончилась бы неудачей. По-английски обычно говорят не *heavy disease* (<*wound*>), а *grave disease* (<*wound*>).

Равным образом нельзя сказать *to sleep firmly*, хотя это буквальный перевод русского словосочетания *спать крепко*. По-английски в таких случаях говорят *to sleep soundly* (ср. *He slept soundly through the storm* ‘Он беспробудно спал, пока бушевал шторм’), что буквально переводится как *спать здорово*.

катом X ситуации; S1 — производное отглагольное существительное, обозначающее первого участника ситуации X; S0 — производное существительное, обозначающее самую ситуацию X; OPER1 — «глагол поддержки», связывающий имя первого участника ситуации в качестве подлежащего с названием самой ситуации в качестве главного дополнения; FUNC1 — «глагол поддержки», связывающий название ситуации в качестве подлежащего с именем ее первого участника в качестве главного дополнения.

Помимо такой межъязыковой идиоматичности, или специфичности, существует и внутриязыковая идиоматичность. Ср. следующие способы выражения идеи высокой степени, т. е. MAGN при разных существительных и глаголах английского языка: *strict control* (*строгий контроль*), *sharp contrast* (*резкий контраст*), *sleep soundly* (*крепко спать*), *know firmly* (*твердо знать*) и т. п. В идиоматичной английской речи нестандартны или вовсе недопустимы словосочетания *strict contrast*, *sharp control*, *to sleep firmly* или *to know soundly*, хотя семантически эти четыре модификатора достаточно близки друг другу. Более того, даже синонимичные слова типа *desire* и *wish* ‘желание’ могут подчиняться различным сочетаемостным ограничениям. Ср. *strong / keen / intense / fervent / ardent / overwhelming desire*, но обычно только *strong / fervent / ardent wish*⁴; ср. также приведенный выше пример на синонимичные русские слова *обещание* и *слово*.

Другими словами, такие модификаторы вдвойне идиоматичны. Во-первых, они специфичны для того или иного национального языка и поэтому не допускают буквального перевода на другие языки. Во-вторых, они специфичны для отдельных слов внутри данного языка и поэтому не допускают произвольных синонимичных замен на основании только семантических соображений.

Сказанное, конечно, не значит, что выбор той или иной лексемы для выражения определенной ЛФ при данном ключевом слове совершенно не поддается объяснению, как думали раньше. Исследованиями последних лет установлено, что этот выбор семантически мотивирован в весьма значительной степени; см. [Падучева 1991; Mel'čuk 1992: 31—32; Ройтер 1994; Mel'čuk, Wanner 1996: 209; Reuther 1996; 2003].

В большинстве перечисленных публикаций речь идет, в сущности, только об ЛФ класса OPER1, часто об OPER1 от имен внутренних эмоциональных состояний, на материале которых семантическая мотивация выбора слова для выражения данной функции особенно заметна. На самом деле выбор значения данной ЛФ для данного слова-аргумента семантически мотивирован в той или иной мере для всех ЛФ-коллокатов (по И. А. Мельчуку — ЛФ-параметров). В частности, для всего семейства ЛФ OPERi — LABORij — FUNCi и ряда адъективных ЛФ, таких как MAGN, — это было показано в [Апресян 2004; 2007; 2008].

Вместе с тем нельзя не признать, что обычно семантическая мотивированность не превышает уровня хорошо ощутимой тенденции, достаточной для формирования каких-то языковых интуиций и полезных лексикографических ожиданий, но не для формулировки стопроцентно справедливых правил. Иными словами, выбор данного значения ЛФ для данной лексемы может быть объяснен, но не предсказан, и, следовательно, значения ЛФ для каждой лексемы должны перечисляться «поименно» в ее словарной статье.

⁴ Косой чертой разделяются синонимичные значения (способы выражения) данной ЛФ.

Кроме ЛФ-коллокатов типа MAGN, OPER1 и FUNC1 и т. п., значения которых образуют с ключевым словом определенные словосочетания, существуют еще два типа ЛФ — дериваты (производные типа S0, S1, A1 и т. п.) и субституты (синонимы, антонимы, гиперонимы и т. п.). И те, и другие находятся в определенном семантическом отношении к ключевому слову.

С учетом всех этих типов можно предложить следующее рабочее определение ЛФ. Под ЛФ в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» понимается достаточно общее значение или семантическое отношение, которое в принципе может выражаться многими различными словами, причем выбор конкретного слова зависит как от его собственного лексического значения, так и от того, при каком ключевом слове (аргументе функции) выражается данное общее значение или отношение. ЛФ подобна обычной математической функции в том смысле, что связывает тройку зависящих друг от друга объектов: саму функцию (например, MAGN), ее аргумент (ключевое слово, от которого она берется) и ее значение (способ лексического выражения). Ср. следующие тройки:

Функция	Аргумент	Значение
MAGN	<i>болезнь</i>	<i>тяжелая</i>
MAGN	<i>контраст</i>	<i>резкий</i>
MAGN	<i>контроль</i>	<i>строгий</i>
MAGN	<i>спать</i>	<i>крепко</i>
MAGN	<i>знать</i>	<i>твердо</i>
MAGN	<i>белый</i>	<i>как снег</i>
MAGN	<i>черный</i>	<i>как сажа</i>

Как ясно из предшествующих примеров, ЛФ в общем случае являются многозначными функциями, т. е. могут иметь более одного значения для данного аргумента. Ср. MAGN(*желание*) = *сильное / острое / горячее / непреодолимое*.

С другой стороны, некоторая ЛФ может выражаться одним словом или сочетанием слов (не считая служебных единиц); ср. MAGN(*знать*) = *твердо / как свои пять пальцев*. В нынешней версии учебника мы учитываем оба эти типа ЛФ.

Основной постулат И. А. Мельчука относительно ЛФ гласит, что существует универсальный набор стандартных элементарных ЛФ для всех человеческих языков и что он включает около 50—60 единиц. На их основе образуются сложные стандартные ЛФ, по-прежнему универсальные, число которых, по-видимому, вдвое превосходит число элементарных ЛФ. Кроме того, существует значительное число нестандартных ЛФ, которые не обладают свойством универсальности. Примеры нестандартных ЛФ из [Мельчук, Жолковский 1984: 204]: «силой CAUS1FUNC1(*власть*)» = *захватывать (власть)*; «силой ANTIVERCAUS1FUNC1(*власть*)» = *узурпировать (власть)*; «пытаться ANTIVERCAUS1FUNC1(*власть*)» = *пробиваться / рваться к (власти)*.

Описываемый компьютерный учебник основан на стандартных ЛФ. Его лингвистический материал состоит из русского ТКС'а и словаря ЛФ. В издаваемой версии учебника набор стандартных ЛФ, элементарных и неэлементарных, описанный в [Мельчук 1974] и [Мельчук, Жолковский 1984] и взятый нами за основу, был в некоторых отношениях пересмотрен.

1) Часть ЛФ по разным причинам (формальная сложность, плохая представленность в нашем материале и т. п.) была из него устранена.

2) Были введены некоторые новые ЛФ; из них заслуживают быть отмеченными ЛФ семейства REALi-M и FACTi-M в количестве 24 (см. о них [Апресян 2001]).

3) Все определения были откорректированы и унифицированы в соответствии с новым представлением об ЛФ-коллокатах как семантически содержательных языковых единицах, выбор которых семантически мотивирован (см. [Апресян 2004]).

2.2. Словарь ЛФ: определения, примеры и комментарии

В определениях ЛФ указываются: собственное значение ЛФ⁵ или ее семантическое отношение к ключевому слову; часть или части речи, которыми она выражается; синтаксические функции, которые выполняют при ключевом слове ее лексические манифестанты, или значения (для тех ЛФ, которые образуют с ключевым словом словосочетания или предложения). Для глагольных ЛФ, которые, помимо самого ключевого слова, синтаксически присоединяют к себе какие-то из его актантов, указываются синтаксические функции этих актантов.

В определениях ЛФ используются следующие переменные: X — ключевое слово, или аргумент функции; P1 — первый участник ситуации (действия, деятельности, процесса, состояния, свойства, отношения и т. п.),

⁵ Здесь не удалось избежать некоторого огрубления реально существующего положения вещей. Скажем, раньше лексема класса OPER1 определялась как «семантически пустой глагол», «связывающий название первого (...) актанта в роли подлежащего с названием ситуации в роли первого дополнения» [Мельчук 1974: 93—94]. На самом деле, как уже было сказано выше, ни OPER1, ни другие ЛФ этого семейства не являются семантически пустыми. В их значениях в той или иной форме дублируется родовое значение того класса предикатов, к которому принадлежит аргумент функции (см. [Апресян 2004]). Например, если аргумент ЛФ OPER1 обозначает действие, то в значение самого OPER1 входит смысл 'делать'; если аргумент обозначает свойство, то OPER1 содержит компонент 'иметь'; если аргумент обозначает состояние, то OPER1 содержит компонент 'находиться в состоянии'; если аргумент обозначает поведение, то OPER1 содержит компонент 'вести себя' и т. п. Однако включить в само определение данной ЛФ свыше 15 таких родовых смыслов, соответствующих названиям классов фундаментальной классификации предикатов, представлялось невозможным, да и ненужным. В этом и других подобных случаях мы ограничиваемся тем, что включаем в состав определения лишь два-три наиболее часто встречающихся смысла.

обозначаемой данным ключевым словом; P2 — второй участник ситуации; P0 — неучастник ситуации, обычно тот, кто ее каузирует или ликвидирует. Если, например, мы рассматриваем ситуацию, обозначаемую словом *контроль*, тогда P1 — тот, кто контролирует, P2 — то(т), кого (что) он контролирует, P0 — тот, кто ставит что-л. под чей-л. контроль или выводит что-л. из-под чьего-л. контроля, а X — сам контроль.

Аргумент функции в примерах набирается полужирным шрифтом.

Общее число ЛФ, представленных в нашем учебнике, равно 116.

Как ясно из сказанного выше, мы выделяем три главных класса ЛФ — коллокаты, дериваты (например, чисто синтаксические производные типа S0, актантные производные типа Ai и Si и т. п.) и субституты (например, синонимы, антонимы, гиперонимы и т. п.).

С другой точки зрения все ЛФ, как было сказано выше, подразделяются на элементарные и неэлементарные. Элементарные ЛФ вводятся списком, причем каждая из них имеет свое определение. Неэлементарная ЛФ — это та или иная суперпозиция (комбинация) элементарных ЛФ, определение которой выводимо из определений элементарных ЛФ. Примеры элементарных ЛФ — MAGN ≈ ‘большая степень или интенсивность X-а, очень X’ и ANTI ≈ ‘антоним, нечто противоположное X-у’. Их суперпозицией является неэлементарная ЛФ ANTIMAGN ≈ ‘небольшая степень или интенсивность X-а’. Она определена для большинства слов, у которых есть функция MAGN; ср.:

MAGN(*болезнь*) = *тяжелая*, ANTIMAGN(*болезнь*) = *легкая*;

MAGN(*сон*) = *крепкий, беспробудный*, ANTIMAGN(*сон*) = *легкий, чуткий*;

MAGN(*знания*) = *обширные, глубокие*, ANTIMAGN(*знания*) = *неглубокие, поверхностные*.

Наконец, все ЛФ могут быть разбиты по частям речи на глагольные (глаголы), адъективные (прилагательные и их эквиваленты), субстантивные (существительные и их эквиваленты), адвербиальные (наречия и их эквиваленты) и предложные (предлоги и их эквиваленты).

Ниже мы учтем все основания для классификации ЛФ и приведем определения всех 116 функций, используемых в компьютерном учебнике лексики и других приложениях лингвистического процессора ЭТАП. При этом особое внимание будет обращено на алгебру ЛФ, под которой мы понимаем системные синонимические и конверсные (диатетические) отношения между элементарными функциями и системные ряды их суперпозиций.

Число иллюстраций для каждой ЛФ ограничено — мы приводим не больше 15—20 примеров, хотя для некоторых функций реально собранный материал на порядок больше. Впрочем, и в таком объеме иллюстративный материал в несколько раз превосходит по полноте тот, который приводится в существующих источниках.

С другой стороны, мы подбирали примеры таким образом, чтобы потери в полноте, если они имели место, были компенсированы представительностью материала. В данном случае это значит, что в фокусе нашего внимания были две вещи — разнообразие значений одной и той же функции от аргументов разных семантических классов и повторяемость ее значений от аргументов одного и того же семантического класса.

Мы допускаем, что наше изложение может показаться некоторым читателям излишне подробным и поэтому утомительным, местами даже скучным, но полагаем, что это — естественная плата за полноту и системность, а они представляются нам самоценными. Добавим, что полнота и системность обеспечивают возможность использования организованного таким образом материала в качестве сырья для дальнейших лингвистических исследований.

2.2.1. ЛФ-коллокаты

2.2.1.1. Глагольные ЛФ.

Семантически большинство глагольных ЛФ делится на три крупных семейства: OPERi — LABORij — FUNCi, REALi — LABREALij — FACTi и REALi-M — FACTi-M. Несколько особняком стоят такие ЛФ, как MANIF, DEGRAD, CAUSDEGRAD, PREPAR и SON. При этом MANIF теснее всего связана с OPER1, а DEGRAD и PREPAR — с FACT0 и REAL1.

Значение глагольной ЛФ в приводимых ниже примерах дается либо в форме совершенного вида, либо в форме несовершенного. В случае, если значением данной ЛФ является личная форма глагола, она цитируется либо в форме несовершенного вида настоящего времени, либо в форме совершенного вида прошедшего времени. При этом вид глагола в примере не обязан соответствовать виду глагола в определении ЛФ.

2.2.1.1.1. ЛФ семейства OPERi — LABORij — FUNCi⁶.

ЛФ этого семейства определены для аргументов-существительных, которые обозначают действия (*атака, бег, нападение, просьба, приказ*), занятия (*беготня, игра, флирт, ходьба, чтение*), деятельности (*борьба (с коррумпцией), война, воспитание, работа, торговля*), процессы (*коррозия, отдых, падение, рост, сон*), состояния (*желание, знание, зуд, нужда, радость, страх*), свойства (*глупость, мужество, слепота, трусость, ум*), отношения (*дружба, конфликт, любовь, отвращение, презрение*) и т. п.

OPER1 = ‘Делать X, иметь X или быть в состоянии X (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *потерпеть (аварию), иметь (авто-*

⁶ Материал этого раздела существенно пересекается с материалом работы [Апресян 2008], но мы решили пойти на такое дублирование, потому что данная статья — первая и пока единственная, в которой дается полный список всех ЛФ, используемых в ЭТАП’е, вместе с их определениями и представительными примерами.

ритет) / пользоваться (*авторитетом*), болеть / страдать (*астмой*), производить (*атаку*), участвовать в (*банкете*), ощущать / испытывать (*беспокойство*), быть в (*бешенстве*), давать (*благословение*), вести (*бой*), быть в (*браке*), иметь (*веру*), дать (*взятку*), иметь (*власть*), оказывать (*влияние*), быть в (*возрасте*), быть в (*восторге*), сделать (*вывод*) / прийти к *выводу*, бросить (*вызов*), иметь (*высоту*).

INCEPOPER1 = ‘Начинать делать X, иметь X или быть в состоянии X (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *приобретать* (*авторитет*), *входить в* (*азарт*), *нагулять* (*аппетит*), *бросаться / идти в* (*атаку*), *обратиться в* (*бегство*), *приходить / впадать в* (*бешенство*), *завязать* (*бой*), *вступить в* (*брак*), *проникнуться* (*верой*), *приходить к* (*власти*) / *приобретать* (*власть*) / *становиться у* (*власти*), *достигать* (*возраста*), *приходить в* (*восторг*), *наживать* (*врага*), *достигать* (*высоты*), *выдвигать* (*гипотезу*), *заразиться / заболеть* (*гриппом*) / *подхватить* (*грипп*), *погружаться / впадать в* (*депрессию*), *проникаться* (*доверием*), *получать* (*доступ*), *вязываться в* (*драку*).

FINOPER1 = ‘Переставать делать X, иметь X или быть в состоянии X (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *терять* (*авторитет*), *терять* (*аппетит*), *отбрасывать* (*благоразумие*), *выходить из* (*боя*), *прекращать* (*борьбу*), *расторгать* (*брак*), *потерять / утратить* (*веру*), *терять / утрачивать* (*власть*) / *лишаться* (*власти*), *выходить из* (*возраста*), *прекращать / свертывать* (*деятельность*), *уходить из* (*жизни*) / *расстаться с* (*жизнью*), *освобождаться от* (*заблуждения*), *лишаться* (*звания*), *терять* (*здоровье*), *прекращать* (*знакомство*).

CAUSOPER1 = ‘Делать так, что P1 делает X, имеет X или находится в состоянии X (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, P1 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: *толкать* (кого-л.) *на* (*агрессию*) / *подталкивать* (кого-л.) *к* (*агрессии*), *приводить* (кого-л.) *в* (*бешенство*), *вводить / бросать* (что-л.) *в* (*бой*), *заразить* (кого-л.) (*болезнью*), *облекать* (кого-л.) (*властью*), *приводить* (кого-л.) *в* (*восторг*), *приводить* (кого-л.) *к* (*выводу*), *ввергать* (кого-л.) *в* (*депрессию*), *вводить* (кого-л.) *в* (*заблуждение*), *принимать* (кого-л.) *в* (*клуб*), *награждать* (кого-л.) (*медалью*), *вводить* (что-л.) *в* (*моду*), *облагать* (кого-л.) (*налогом*), *повергать* (кого-л.) *в* (*панику*), *облекать* (кого-л.) (*полномочиями*), *облагать* (кого-л.) (*поищиной*), *вынуждать* (кого-л.) *к* (*признанию*), *приводить* (кого-л.) *к* (*присяге*), *сажать / засаживать* (кого-л.) *за* (*работу*), *принимать* (кого-л.) *на* (*работу*), *заразить* (кого-л.) (*скарлатиной*).

LIQUOPER1 = ‘Делать так, что P1 перестает делать X, иметь X или быть в состоянии X (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, P1 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: *выводить* (кого-л.)

из (**боя**), вылечить (кого-л.) от (**болезни**), отстранять / отрешать (кого-л.) от (**власти**), освободить / отрешать (кого-л.) от (**должности**), лишать (кого-л.) (**доступа**), лишать (кого-л.) (**звания**), исключать (кого-л.) из (**клуба**), освободить (кого-л.) от (**ответственности**), выводить (кого-л.) из (**подчинения**), лишать (кого-л.) (**права**), отучать (кого-л.) от (**привычки**), поднимать (что-л.) из (**руин**), лишать (кого-л.) (**свободы**), спасать (кого-л.) от (**смерти**).

OPER2 = ‘Подвергаться X-у, находиться в состоянии X или испытывать X (лексически обусловленный глагол, при котором P2 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: подвергаться (**агрессии**), получать (**благословение**), быть в (**блокаде**), быть / находиться под (**властью**), пользоваться (**доверием**), быть под (**запретом**), быть под (**защитой**), подвергаться (**изменению**) / претерпевать (**изменение**), давать (**интервью**), представлять (**интерес** для кого-л.), терпеть (**несправедливость**), получить / заслужить / найти / встретить (**одобрение**), быть / находиться в (**опасности**), подвергаться (**осмотру**), находить / встречать / получать (**поддержку**), стоять перед (**препятствием**), получать (**приглашение**), подвергаться (**проверке**) / проходить (**проверку**), находиться на (**рассмотрении**), быть / числиться в (**розыске**).

INCEOPER2 = ‘Начинать подвергаться X-у, находиться в состоянии X или испытывать X (лексически обусловленный глагол, при котором P2 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: сорвать (**аплодисменты**), попасть под (**арест**), попасть в (**блокаду**), привлечь / приковать (к себе **взгляд**), оказаться под (**властью**), попасть под (**власть**), завоевать (**доверие**), попасть под (**контроль**), снискать (**любовь**), получить (**отпор**), получать (**поддержку**), попасть в (**поле зрения**), заслужить (**презрение**), встретить (**препятствие**) / натолкнуться на (**препятствие**), войти в (**привычку**), поступать в (**продажу**), натолкнуться на (**сопротивление**), натолкнуться на (**трудность**) / столкнуться с (**трудностью**) / встречать (**трудность**), снискать / завоевать (**уважение**).

FINOPER2 = ‘Переставать подвергаться X-у, находиться в состоянии X или испытывать X (лексически обусловленный глагол, при котором P2 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: выйти / освободиться из-под (**ареста**), пропасть из (**виду**), выйти из-под (**власти**) / освободиться от (**власти**), потерять / утратить (**доверие**), развестись с (**женой**), потерять (**интерес** для кого-л.), выйти из-под (**контроля**), потерять (чью-л. **любовь**), лишиться (**поддержки**), освободиться из-под (**стражи**), потерять (**уважение**).

CAUSOPER2 = ‘Делать так, что P2 подвергается X-у, находится в состоянии X или испытывает X (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, P2 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: сажать (кого-л.) под (**арест**), ставить (что-л.) под (**контроль**), передавать (кого-л.) под (**надзор**), передавать (кого-л.) под (чье-л. **начало**), готовить (что-л.)

на (**обед**), подвергать (кого-л.) (**опасности**), давать (что-л.) на (**отзыв**), оставлять (кого-л.) на (чье-л. **попечение**), оставлять (кого-л.) под (чьим-л. **присмотром**), давать (что-л.) на (**рецензию**), передавать (что-л.) под (**управление**), отправлять / посылать / отдавать / давать (что-л.) на (**экспертизу**).

LIQUOPER2 = ‘Делать так, что P2 перестает подвергаться X-у, находиться в состоянии X или испытывать X (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, P2 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: *освободить (кого-л.) от (власти)*, *выводить (что-л.) из-под (контроля)*, *спасать (кого-л.) от (критики)*, *освободить (кого-л.) от (наказания)*, *выводить (кого-л.) из-под (обстрела)*, *освободить (кого-л.) от (опеки)*, *выводить (кого-л.) из-под (удара)*, *освободить (кого-л.) от (экзамена)*.

OPER3 = ‘Быть адресатом X-а (лексически обусловленный глагол, при котором P3 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’. В нашем материале эта ЛФ стандартно выражается ровно двумя глаголами русского языка — *получать* <получить> и *выслушивать* <выслушать>; ср. *получить (задание, заявление, объяснение, ответ, подарок, предложение, приказ, разрешение, совет)* и *выслушать (жалобу, признание)*. За пределами этого остается только один аргумент — слово *лекция*; ср. *быть / присутствовать на (лекции)*.

LABOR1-2 = ‘Подвергать P2 действию X-а или проявлять X по отношению к P2 (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, P2 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: *подвергать (что-л.) (анализу)*, *встречать / награждать (кого-л.) (аплодисментами)*, *держат / содержать (кого-л.) под (арестом)*, *принимать (что-л.) во (внимание)*, *преподносить (что-л.) в (дар)*, *окружать (кого-л.) (заботой)*, *сопровождать (что-л.) (комментарием)*, *держат (кого-л.) под (контролем)*, *подвергать (кого-л.) (критике)*, *подвергать (кого-л.) (наказанию)*, *относиться к (чему-л.) с (осторожностью)*, *преподносить (что-л.) в (подарок)*, *обращаться к (кому-л.) с (просьбой)*, *содержать (кого-л.) под (стражей)*, *относиться к (чему-л.) с (терпением)*, *содержать (что-л.) в (чистоте)*, *говорить (что-л.) в (шутку)*.

INCEPLABOR1-2 = ‘Начинать подвергать P2 действию X или начать проявлять X по отношению к P2 (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, P2 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: *брать (что-л.) в (аренду)*, *сажать / брать (кого-л.) под (арест) / подвергать (кого-л.) (аресту)*, *брать (что-л.) в (долг)*, *брать (кого-л.) под (защиту)*, *брать (что-л.) под (контроль)*, *брать (кого-л.) под (покровительство)*, *принимать (что-л.) в (расчет)*, *отдавать (кого-л.) под (суд)*.

FINLABOR1-2 = ‘Переставать подвергать P2 действию X или перестать проявлять X по отношению к P2 (лексически обусловленный глагол, при

котором P1 выполняет функцию подлежащего, P2 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения): *освободить (кого-л.) из-под (ареста), лишить (кого-л.) (своей дружбы), лишить (кого-л.) (поддержки)*.

FUNC0 = 'X имеет место (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего)': *(Авария) происходит / случается, (Аплодисменты) гремят, (Битва) идет, (Болезнь) течет, (Ветер) дует, (Война) идет, (Допрос) идет / протекает, (Катастрофа) происходит, (Костер) горит, (Крик) слышится, (Метель) метет, (Морозы) стоят, (Различие) есть / наблюдается, (Слухи) ходят, (Снег) идет / падает, (Тишина) стоит / царит, (Трудность) есть / имеется / существует, (Шторм) бушует, (Шум) стоит*.

INCEPFUNC0 = 'X начинает иметь место (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего)': *(Аплодисменты) вспыхивают / раздаются / грянули, (Бой) вспыхивает / завязывается / начинается / закипает, (Ветер) поднимается, (Война) начинается / разражается, (Восстание) вспыхивает, (Коалиция) возникает / создается / формируется, (Кризис) разражается, (Мятеж) вспыхивает, (Надежда) рождается, (Облака) собираются, (Пожар) вспыхивает, (Разговор) завязывается, (Смерть) наступает / приходит, (Сомнения) появляются / возникают / зарождаются, (Спор) загорается / возникает / завязывается, (Тишина) воцаряется, (Трудность) возникает / появляется, (Тучи) собираются, (Хаос) наступает*.

FINFUNC0 = 'X перестает иметь место (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего)': *(Аплодисменты) умолкают / утихают / стихают / смолкают, (Беспокойство) исчезает, (Болезнь) проходит, (Боль) проходит / успокаивается, (Буря) улеглась / кончилась, (Ветер) стихает / утихает, (Гнев) улетучивается / проходит / остывает, (Дождь) проходит / кончается / перестает / прекращается, (Коалиция) распадается, (Мода) проходит, (Надежда) испаряется / улетучивается, (Облака) рассеиваются, (Огонь) тухнет, (Радость) улетучивается, (Семья) распадается, (Смерть) отступает, (Терпение) истощается, (Туман) рассеивается, (Шум) утихает / стихает / улегся*.

CAUSFUNC0 = 'Делать так или быть причиной того, что X имеет место (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)': *вызывать (аварию), составлять (бюджет), создавать (возможность), развязывать (войну), поднимать (восстание), публиковать (газету), открывать (дебаты), заводить (дело), составлять (документ), готовить (завтрак), создавать (иллюзию), зажигать (костер), варить / делать (кофе), разбивать / ставить (лагерь), закладывать (основу), сеять (панику), формировать (правительство), вводить (цензуру), назначать / устанавливать (цену), творить (чудеса)*.

LIQUFUNC0 = ‘Делать так, что X перестает иметь место (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию дополнения)’: *останавливать / обуздывать (агрессию), снимать (блокаду), вылечить (болезнь), закрывать / прекращать (диспут), подавлять (желание), сносить (здание), развеять / рассеять (иллюзию), расторгать / аннулировать (контракт), снимать (лагерь), подавить / раздавить (мятеж), развеять (надежду), разрядить (напряжение), побороть (отчаяние), исправлять (ошибку), распускать / разгонять (парламент), срывать (переговоры), тушить / ликвидировать (пожар), нарушать (покой), устранять (помехи), отменять (решение).*

FUNC1 = ‘X есть у P1 или характеризует P1 (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P1 — функцию главного дополнения)’: *(Вина) лежит на (ком-л.), (Власть) принадлежит (кому-л.), (Впечатление) осталось у (кого-л.), (Голод) терзает (кого-л.), (Зависть) точит (кого-л.), (Запах) исходит от (чего-л.), (Заслуга) принадлежит (кому-л.), (Заявление) поступает от (кого-л.), (Лихорадка) мучит (кого-л.), (Неудача) постигает (кого-л.), (Озноб) пробирает / бьет (кого-л.), (Опасность) исходит от (чего-л.), (Печаль) гложет / снедает (кого-л.), (Победа) остается за (кем-л.), (Приключение) случилось / произошло с (кем-л.), (Радость) владеет (кем-л.), (Ревность) мучит (кого-л.), (Тоска) гложет / снедает (кого-л.), (Удача) сопутствует (кому-л.), (Энергия) кипит / бурлит в (ком-л.).*

INCEPFUNC1 = ‘X начинает быть у P1 или характеризовать P1 (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P1 — функцию главного дополнения)’: *(Акцент) появляется у (кого-л.), (Аппетит) пробуждается / разыгрался у (кого-л.), (Беспокойство) охватывает (кого-л.) / овладевает (кем-л.), (Гнев) обуял (кого-л.), (Догадка) осеняет (кого-л.), (Мнение) складывается / формируется у (кого-л.), (Ненависть) просыпается / закипает в (ком-л.), (Опыт) появляется / накапливается у (кого-л.), (Отчаяние) охватывает (кого-л.), (План) зарождается у (кого-л.), (Подозрение) закрадывается в (душу кого-л.), (Препятствие) возникает / вырастает перед (кем-л.), (Ревность) обурекает / обуяла (кого-л.), (Слава) приходит к (кому-л.), (Совесть) пробуждается / просыпается / заговаривает в (ком-л.), (Страх) закрадывается в душу (кому-л.) / нападает на (кого-л.), (Убеждение) формируется у (кого-л.), (Шанс) выпадает (кому-л.) / появляется у (кого-л.).*

FINFUNC1 = ‘X перестает быть у P1 или характеризовать P1 (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P1 — функцию главного дополнения)’: *(Акцент) пропадает у (кого-л.), (Аппетит) пропадает у (кого-л.), (Вера) пропадает у (кого-л.), (Интерес) угасает / пропадает у (кого-л.), (Надежда) угасает у (кого-л.) / покидает (кого-л.), (Обида) проходит у (кого-л.), (Опасение) исчезает у (кого-л.), (Радость) оставляет (кого-л.), (Смущение) покидает (кого-л.), (Сомнения) покидают / оставляют (кого-л.) / рассеиваются у (кого-л.),*

(**Сон**) *пропадает* у (кого-л.) / *покидает* (кого-л.), (**Удача**) *изменяет* (кому-л.), (**Чувство**) *исчезает* / *проходит* у (кого-л.).

CAUSFUNC1 = ‘Делать так или быть причиной того, что X есть у P1 или характеризует P1 (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, X — функцию главного дополнения, а P1 — функцию второстепенного дополнения)’: *придавать (блеск)* (чему-л.), *возлагать (вину)* на (кого-л.), *вызывать (желание)* у (кого-л.), *присваивать (звание)* (кому-л.), *вселять (надежду)* в (кого-л.), *брать (обещание)* с (кого-л.), *внушать (отвращение)* (кому-л.), *наносить (поражение)* (кому-л.), *давать (преимущество)* (кому-л.), *формировать (привычку)* у (кого-л.) / *прививать (привычку)* (кому-л.), *навязывать (решение)* (кому-л.), *придавать (силу)* (кому-л.), *брать (слово)* с (кого-л.), *выдавать (страховку)* (кому-л.), *придавать (уверенность)* (кому-л.), *приносить (удачу)* (кому-л.), *наносить <нанести> (ущерб)* (кому-л.), *придавать <придать> (цвет)* (чему-л.), *ставить (цель)* перед (кем-л.), *накладывает (штраф)* на (кого-л.).

LIQUFUNC1 = ‘Делать так или быть причиной того, что X перестает быть у P1 или характеризовать P1 (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, X — функцию главного дополнения, а P1 — функцию второстепенного дополнения)’: *портить (аппетит)* (кому-л.), *подрывать (веру)* в (ком-л.), *отказывать в (визе)* (кому-л.), *снимать (вину)* с кого-л., *отнимать (власть)* у (кого-л.), *лишать (информации)* (кого-л.), *снимать (ношу)* с (кого-л.), *отводить (опасность)* от (кого-л.), *снимать (ответственность)* с (кого-л.), *снимать (повязку)* с (чего-л.), *лишать (права)* (кого-л.) / *отнимать (право)* у (кого-л.), *отбирать / отнимать (привилегию)* у (кого-л.), *искоренять (привычку)* у (кого-л.), *отнимать / отбирать (свободу)* у (кого-л.), *возвращать (слово)* [= обещание] (кому-л.), *отбирать (страховку)* у (кого-л.), *лишать (ума)* (кого-л.).

FUNC2 = ‘X воздействует на P2, касается P2 или состоит в P2 (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P2 — функцию главного дополнения)’: (**Вина**) *состоит* / *заключается* в (чем-л.), (**Возмездие**) *настигает* (кого-л.), (**Выбор**) *падает* на (что-л.), (**Долг**) *состоит* в (чем-л.), (**Заключение**) *сводится* к (чему-л.), (**Запрет**) *лежит* на (чем-л.), (**Изменение**) *затрагивает* (что-л.) / *касается* (чего-л.), (**Кара**) *настигает* (кого-л.) / *обрушивается* на (кого-л.), (**Критика**) *касается* (кого-л.), (**Опасность**) *нависает* над (кем-л.), (**Оскорбления**) *сыплются* на (кого-л.), (**Ошибка**) *состоит* / *заключается* в (чем-л.), (**Распоряжение**) *касается* (чего-л.), (**Совет**) *состоит* / *заключается* в (чем-л.), (**Удар**) *обрушивается* на (кого-л.) / *пришелся* по (чему-л.).

CAUSFUNC2 = ‘Делать так, что X происходит с P2 или воздействует на P2 (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, X — функцию главного дополнения, а P2 — функцию второстепенного дополнения)’: *накладывает (арест)* на (что-л.), да-

вать (**бой**) (кому-л.), привлечь (**внимание**) к (чему-л.) / обращать (**внимание**) на (что-л.), направлять (**гнев**) на (кого-л.), предлагать (**компромисс**) (кому-л.), выдвигать (**обвинение**) против (кого-л.), создавать (**опасность**) для (кого-л.), направлять (**послание**) (кому-л.), предъявлять (**претензию**) (кому-л.), создавать (**трудность**) для (кого-л.).

LIQUFUNC2 = ‘Делать так, что X перестает воздействовать на P2 (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, X — функцию главного дополнения, а P2 — функцию второстепенного дополнения)’: отводить (**взгляд**) от (чего-л.), снимать (**запрет**) с (чего-л.), снимать (**обвинение**) с (кого-л.), отводить (**опасность**) от (кого-л.), снимать (**осаду**) с (чего-л.), снимать (**цензуру**) с (чего-л.).

FUNC3 = ‘X воздействует на P3, касается P3 или состоит в P3 (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P3 — функцию главного дополнения)’: (**Вывод**) следует / вытекает из (чего-л.), (**Предложение**) адресовано (кому-л.), (**Приказ**) адресован (кому-л.), (**Просьба**) обращена к (кому-л.).

Как известно, ЛФ семейства OPER-LABOR-FUNC являются конверсивами друг друга. Поэтому для них верны следующие производные от исходных правила перифразирования: OPER1 + S0(X) = OPER2 + S0(X) = LABOR1-2 + S0(X) = FUNC1 + S0(X) = FUNC2 + S0(X). Очевидно, что справедливы и все равнозначности, в которых представлены не элементарные ЛФ рассматриваемого семейства, а их суперпозиции с одной из следующих ЛФ: INCEP, FIN, CAUS и LIQU. Таковы, в частности, правила INCEPOPER1 + S0(X) = INCEPOPER2 + S0(X) = INCEPFUNC1 + S0(X) = INCEPFUNC2 + S0(X), FINOPER1 + S0(X) = FINOPER2 + S0(X) = FINFUNC1 + S0(X) = FINFUNC2 + S0(X) и т. д. Всеми ими можно пользоваться при вычислении значений различных ЛФ даже в тех случаях, когда в языке по тем или иным причинам не представлен исходный глагол, от которого образовано, по крайней мере семантически, ключевое слово X. Ср. Он потерпел аварию (OPER1 + S0(X)) = С ним случилась авария (FUNC1 + S0(X)), при отсутствии глагола *аварить = ‘терпеть аварию’.

2.2.1.1.2. ЛФ семейства REALi — LABREALij — FACTi.

Как было сказано выше, указанное семейство ЛФ было расщеплено на два новых семейства — собственно REAL-LABREAL-FACT и «модальное» семейство REALi-M — FACTi-M (об основаниях для этого решения см. [Апресян 2001]).

Первое из них с синтаксической точки зрения устроено точно так же, как семейство OPER-LABOR-FUNC. В зависимости от того, каковы синтаксические функции именных групп, подчиненных данному глаголу, в нем выделяют шесть параллельных классов элементарных ЛФ: REAL1, REAL2, LABREAL1-2, FACT0, FACT1 и FACT2. Однако семантически они принципиально отличаются от ЛФ семейства OPER-LABOR-FUNC тем, что определены для других классов аргументов.

ЛФ этого семейства определены для существительных, в толкование которых входит идея функции, назначения, роли и т. п. Среди них можно выделить несколько семантических подклассов. Наиболее важными из них являются следующие четыре: 1) артефакты, т. е. объекты, изготовленные человеком для определенных целей; 2) внутренние органы живых существ; 3) домашние животные и культурные растения; 4) люди с точки зрения родственных или социальных отношений. В дальнейшем мы будем говорить почти исключительно об артефактах, потому что в нашем словаре только они представлены массовым материалом.

Типичные артефакты обозначают: а) инструменты: *вилка, лопата, нож, пистолет, ручка, топор* и т. п.; б) мебель: *буфет, горка, кресло, сервант, стол, тахта* и т. п.; в) средства (артефакты, которые расходуются в процессе их использования): *винт, гвоздь, клей, крем, нитки, пуля* и т. п.; г) сосуды: *бутылка, ведро, кастрюля, кофейник, стакан, чашка* и т. п.; д) приспособления: *батарея, бойлер, лампа, радио, телевизор, холодильник* и т. п.; е) приборы: *альтиметр, барометр, зонд, перископ, спидометр, эхолот* и т. п.; ж) машины: *автобус, велосипед, грузовик, локомотив, самолет, трактор* и т. п.; з) сооружения: *дорога, канал, мост, платформа, тоннель, фуникулер* и т. п.; и) здания: *бунгало, вилла, дворец, замок, коттедж, хижина* и т. п.; к) институты: *больница, институт, тюрьма, университет, церковь, школа* и т. п.; л) предметы одежды: *берет, ботинки, брюки, носки, платье, рубашка, шапка* и т. п.; м) украшения и награды: *браслет, кольцо, медаль, орден, ожерелье, серьги* и т. п.; н) пищевые продукты: *булка, консервы, молоко, мясо, сыр, хлеб* и т. п.; о) напитки: *вино, какао, кока-кола, кофе, пиво, чай* и т. п.; п) трапезы: *завтрак, ланч, обед, полдник, ужин, чай* (ср. *пригласить на чай*) и т. п.; р) информационные и культурные объекты: *газета, дневник, журнал, книга, концерт, фильм* и т. п.; с) ритуалы и мероприятия: *бал, вечер, демонстрация, забастовка, пикет, соревнование* и т. п.

Перейдем к систематическому рассмотрению ЛФ этого семейства.

REAL1 = ‘Использовать X в соответствии с его назначением (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *мыться в (бане), лежать / лечиться в (больнице), ехать на (велосипеде), жить в (гостинице), учиться в (институте), сидеть в (кресле), принимать (лекарство), стрелять из (лука), ехать на (машине), применять (метод), стрелять из (пистолета), слушать (радио), курить (сигарету), сидеть на (стуле), смотреть (телевизор), говорить по (телефону), сидеть в (тюрьме), ходить в (школе) / учиться в (школе), стоять на (якоре).*

INCEPREAL1 = ‘Начинать использовать X в соответствии с его назначением (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *садиться в/на (автобус), ложиться в (больницу), садиться на (велосипед), открывать (глаза), поселяться / останавливаться в (гостинице), поступать в (институт), садиться в (кресло), ложиться в (кровать), включать (лам-*

пу), надевать (*одежду*), записываться в (*ополчение*), садиться на (*поезд*), подпоясаться (*ремнем*), надевать (*рубашу*), садиться за (*стол*), садиться на (*стул*), надевать (*траур*), садиться / попадать в (*тюрьму*), навострить (*уши*), бросать (*якорь*).

FINREAL1 = ‘Переставать использовать X в соответствии с его назначением (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: увольняться / демобилизоваться из (*армии*), выписываться / выходить из (*больницы*), слезать с (*велосипеда*), закрывать (*глаза*), выписываться / выходить из (*госпиталя*), выписываться / выезжать из (*гостиницы*), складывать / закрывать (*зонтик*), бросать (*институт*), снимать (*костюм*), выключать (*лампу*), выходить из (*лифта*), снимать (*одежду*), тушить / гасить (*сигарету*), вставать из-за (*стола*), вставать со (*стула*), снимать (*траур*), освобождаться / выходить из (*тюрьмы*), затыкать (*уши*), поднимать / выбирать (*якорь*) / сниматься с (*якоря*).

CAUSREAL1 = ‘Делать так, что P1 использует X в соответствии с его назначением (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, P1 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: призывать / мобилизовать (кого-л.) в (*армию*), положить / поместить (кого-л.) в (*больницу*), положить / поместить (кого-л.) в (*госпиталь*), поместить / поселить (кого-л.) в (*гостиницу*), принимать / зачислять (кого-л.) в (*институт*), сажать / отправлять (кого-л.) в (*колонию*), провозглашать (кого-л.) (*королем*), сажать (кого-л.) в (*лагерь*), сажать (кого-л.) на (*лекарства*), селить (кого-л.) в (*общежитие*), помещать (кого-л.) в (*отель*), помещать (кого-л.) в (*пансионат*), сажать / заключать (кого-л.) в (*тюрьму*), принимать / зачислять (кого-л.) в (*университет*), принимать / зачислять (кого-л.) в (*школу*), ставить (что-л.) на (*якорь*).

LIQUREAL1 = ‘Делать так, что P1 перестает использовать X в соответствии с его назначением (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, P1 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: уволить / демобилизовать (кого-л.) из (*армии*), выписать (кого-л.) из (*госпиталя*), выписать / выселить (кого-л.) из (*гостиницы*), исключить / отчислить (кого-л.) из (*института*), освободить / выпустить (кого-л.) из (*лагеря*), выселить / выписать (кого-л.) из (*общежития*), выписать / выселить (кого-л.) из (*отеля*), освободить / выпустить (кого-л.) из (*тюрьмы*), исключить / отчислить (кого-л.) из (*университета*), исключить (кого-л.) из (*школы*).

REAL2 = ‘Быть доступным для использования в соответствии с назначением X-а (лексически обусловленный глагол, при котором P2 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: храниться / находиться / быть в (*архиве*), храниться / быть в (*библиотеке*), быть / экспонироваться / демонстрироваться на (*выставке*), идти / демонстрироваться в (*кино*), быть / продаваться в (*магазине*), быть / демонстри-

роваться / экспонироваться в (**музее**), быть / продаваться на (**рынке**), идти в (**театре**).

INCEPREAL2 = ‘Начинать быть доступным для использования в соответствии с назначением X-а (лексически обусловленный глагол, при котором P2 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: поступать в (**архив**), появляться в (**воображении**), поступать в (**музей**), врезаться в (**память**) / засесть в (**памяти**), поступать на (**рынок**), пойти в (**театре**).

FINREAL2 = ‘Переставать быть доступным для использования в соответствии с назначением X-а (лексически обусловленный глагол, при котором P2 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: выпасть / выскочить из (**памяти**) / стираться в (**памяти**), выходить из (**поля зрения**), исчезать на (**рынке**), сходить со (**сцены**).

CAUSREAL2 = ‘Делать так, что P2 доступен для использования в соответствии с назначением X-а (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, P2 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: посылать / отправлять (что-л.) в (**архив**), насаживать / подцеплять (что-л.) на (**вилку**), выставлять / экспонировать / демонстрировать (что-л.) на (**выставке**), показывать / демонстрировать (что-л.) в (**кино**), поставлять / выбрасывать (что-л.) на (**рынок**), ставить (что-л.) в (**театре**).

LIQUREAL2 = ‘Делать так, что P2 перестает быть доступным для использования в соответствии с назначением X-а (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, P2 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: выбивать (что-л.) из (**головы**), забирать (что-л.) из (**ломбарда**), вычеркивать (что-л.) из (**памяти**), вывозить (что-л.) со (**склада**).

LABREAL1-2 = ‘Воздействовать на что-л. X-м, используя X в соответствии с его назначением (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, P2 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: смотреть на (что-л.) в (**бинокль**), сверлить (что-л.) (**дрелью**), закрывать (что-л.) на (**замок**), варить (что-л.) в (**кастрюле**), закрывать (что-л.) на (**ключ**), считать (что-л.) на (**компьютере**), есть (что-л.) (**ложкой**), копать (что-л.) (**лопатой**), рассматривать (что-л.) под (**микроскопом**), прибивать / забивать (что-л.) (**молотком**), резать (что-л.) (**ножом**), держать (что-л.) в (**памяти**), стрелять во (что-л.) из (**пистолета**), застегивать (что-л.) на (**все пуговицы**), писать (что-л.) (**ручкой**), жарить (что-л.) на (**сковороде**), играть (что-л.) на (**скрипке**), смотреть на (что-л.) в (**телескоп**) / рассматривать (что-л.) в (**телескоп**).

FACT0 = ‘X функционирует в соответствии со своим назначением (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего)’: (**Автобус**) идет / ходит / едет / курсирует, (**Глаза**) видят,

(**Корабль**) плывет, (**Король**) правит, (**Лампа**) светит, (**Магазин**) открыт / работает, (**Нож**) режет, (**Ружье**) стреляет, (**Самолет**) летит, (**Солнце**) светит / греет, (**Трамвай**) идет / едет, (**Уши**) слышат, (**Фабрика**) работает, (**Фильм**) идет / демонстрируется / находится в прокате.

INCEFACTO = 'X начинает функционировать в соответствии со своим назначением (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего)': (**Автобус**) отходит / отправляется, (**Выставка**) открывается, (**Завод**) вступает в строй, (**Король**) коронуется, (**Лампа**) зажигается, (**Магазин**) открывается, (**Мотор**) заводится, (**Поезд**) трогается / отправляется / отходит, (**Самолет**) взлетает / отрывается от земли, (**Свет**) зажигается, (**Спектакль**) начинается, (**Теплоход**) отваливает / отчаливает / отходит, (**Трамвай**) отходит, (**Фильм**) выходит на экраны / начинается.

FINFACTO = 'X перестает функционировать в соответствии со своим назначением (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего)': (**Виза**) истекает, (**Король**) отрекается, (**Лампа**) гаснет, (**Магазин**) закрывается, (**Мотор**) глохнет, (**Самолет**) приземляется, (**Сердце**) останавливается, (**Станок**) останавливается, (**Страховка**) кончается / истекает, (**Фильм**) снимается с проката.

CAUSFACTO = 'Делать так или быть причиной того, что X функционирует в соответствии со своим назначением (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)': вести (**автобус**), взорвать (**бомбу**), закрывать (**дверь**), вводить в строй (**завод**), открывать (**клапан**), включать (**лампу**), включать / запускать (**мотор**), включать (**отопление**), вести (**поезд**), включать (**радио**), вести / пилотировать (**самолет**), запустить (**спутник**), включать / зажигать (**свет**), пустить (**стрелу**), включать (**телевизор**), пускать (**торпеду**), открывать (**университет**), щелкнуть (**фотоаппаратом**), завести (**часы**).

LIQUFACTO = 'Делать так, что X перестает функционировать в соответствии со своим назначением (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)': аннулировать (**визу**), закрывать (**глаза**), открывать (**дверь**), отзываться (**депутата**), закрывать (**клапан**), низложить / свергнуть (**короля**), выключать / гасить / тушить (**лампу**), заглушить (**мотор**), выключить (**отопление**), отменить (**отпуск**), распустить / разогнать (**парламент**), аннулировать (**паспорт**), низложить / свергнуть / распустить (**правительство**), снимать (**пьесу**), сажать / приземлять (**самолет**), выключать / гасить / тушить (**свет**), закрывать (**университет**), затыкать (**уши**), закрывать (**фабрику**), нейтрализовать (**яд**).

FACT1 = 'X функционирует в соответствии со своим назначением по отношению к P1 (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P1 — функцию главного дополнения)': (**Автобус**) перевозит (кого-л.), (**Батарея отопления**) обогревает (что-л.),

(**Будильник**) будит (кого-л.), (**Воображение**) работает у (кого-л.), (**Лампа**) освещает (что-л.), (**Магазин**) обслуживает (кого-л.), (**Одежда**) есть на (ком-л.), (**Пальто**) есть на (ком-л.), (**Ресторан**) обслуживает (кого-л.), (**Телохранитель**) прикрывает / защищает (кого-л.), (**Школа**) обучает (кого-л.).

CAUSFACT1 = ‘Делать так, что X функционирует в соответствии со своим назначением по отношению к P1 (лексически обусловленный глагол, при котором P0 выполняет функцию подлежащего, X — функцию главного дополнения, а P1 — функцию второстепенного дополнения)’: *давать (лекарство) (кому-л.), надевать (наручники) на (кого-л.), давать (питье) (кому-л.), накладывать (повязку) на (что-л.), спускать (собак) на (кого-л.), повязывать (шарф) (кому-л.)*.

LIQUFACT1 = ‘Делать так, что X перестает функционировать в соответствии со своим назначением по отношению к P1 (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, X — функцию главного дополнения, а P1 — функцию второстепенного дополнения)’: *снимать (наручники) с (кого-л.), снимать (повязку) с (чего-л.), срывать (погоны) с (кого-л.), отключать (телефон) (кому-л. <у кого-л.>), выбить (шпагу) у (кого-л.)*.

FACT2 = ‘X функционирует в соответствии со своим назначением по отношению к P2 (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P2 — функцию главного дополнения)’: *(Газета) сообщает (что-л.), (Зеркало) отражает (что-л.), (Нож) режет (что-л.), (Память) хранит (что-л.), (Часы) показывают (что-л.)*.

2.2.1.1.3. ЛФ семейства REAL_i-M — FACT_i-M.

К указанному семейству относятся семь элементарных ЛФ — REAL₁-M, REAL₂-M, REAL₃-M, FACT₀-M, FACT₁-M, FACT₂-M, FACT₃-M — и их суперпозиции с ЛФ ANTI, а также с INCEP, FIN и т. д. Теоретически мыслимая функция LABREAL₁₋₂-M в наших материалах не представлена; нет и некоторых теоретически возможных суперпозиций.

ЛФ этого семейства определены для предикатов, в значение которых входят те или иные модальности, т. е. относительно простые смыслы типа ‘хотеть’, ‘мочь’, ‘должен’, ‘необходимо’, ‘нужно’ и их многочисленные и гораздо более сложные производные, такие, как ‘цель’, ‘план’, ‘надежда’, ‘вопрос’, ‘просьба’, ‘обещание’, ‘разрешение’, ‘требование’, ‘приказ’, ‘проблема’, ‘совет’, ‘соблазн’, ‘запрещение’ и т. п. Именно это обстоятельство отмечается с помощью индекса M в символе функции.

Элементарные ЛФ рассматриваемого семейства обозначают реализацию неких прагматически естественных ожиданий, связанных с ситуацией, именем которой является аргумент функции. Этим они отличаются от элементарных ЛФ семейства REAL — LABOR — FACT, в определение которых, как мы видели, входит указание на использование какого-то артефакта по его прямому назначению.

REAL1-M = ‘Делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от P1 (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *доказывать / подтверждать (алиби), утолять (аппетит), брать (барьер), выигрывать (битву), утолять (голод), искупать (грех), сидеть на (диете) / соблюдать (диету), выполнить / исполнить (долг), удовлетворять (свое желание), выполнять (контракт), соответствовать (норме), удовлетворять (нужду), доказать (обвинение), выполнять / сдерживать (обещание), быть в (отпуске), выиграть (парти), выполнить (план), хранить (секрет), преодолеть (соблазн), воспользоваться (шансом), заплатить (штраф).*

ANTIREAL1-M = ‘Делать по отношению к X-у нечто противоположное тому, что нормально ожидается от P1 (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выступает в функции подлежащего, а X — в функции главного дополнения)’: *проиграть (битву), проиграть (дело в суде), нарушать (диету), забывать о (долге) / уклоняться от исполнения (долга), подавлять (желание), сдерживать / подавлять (импульс), отвергать (компромисс), нарушать (контракт), отклоняться от (нормы), нарушать (обещание), проиграть (парти), нарушать (перемирие), провалить / сорвать (план), отказываться от (права), нарушать (принцип), выболтать / разболтать (секрет), поддаться (соблазну), промотать (состояние), упустить (шанс).*

INCEPREAL1-M = ‘Начинать делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от P1 (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *становиться / заступать на (вахту), принимать (ислам) / обращаться в (ислам), узнавать (новости), идти в (отпуск) / брать (отпуск), выходить на (пенсию), принимать (принцип).*

FINREAL1-M = ‘Переставать делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от P1 (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *отречься от (власти), сдавать (дежурство), отказываться от (метода), оставлять (надежду), возвращаться / вернуться из (отпуска), отказываться от (попытки) / оставлять (попытку), отказываться от (права), отказываться от (привилегии), снимать (траур), отречься от (трона), ронять / терять / запятнать (честь).*

CAUSREAL1-M = ‘Делать так, что P1 делает по отношению к X-у то, что от P1 нормально ожидается (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, P1 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения)’: *сажать (кого-л.) на (диету), связывать (кого-л.) (обещанием), отправлять (кого-л.) в (отпуск), связывать (кого-л.) (словом).*

LIQUREAL1-M = ‘Делать так, что P1 перестает делать по отношению к X-у то, что от P1 нормально ожидается (лексически обусловленный глагол,

при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, P1 — функцию главного дополнения, а X — функцию второстепенного дополнения): *снимать (кого-л.) с (диеты), освобождать (кого-л.) от (уплаты долга), снимать / освобождать / отрешать (кого-л.) от (должности), освобождать (кого-л.) от (обещания), освобождать (кого-л.) от (обязательства), отзывать (кого-л.) из (отпуска), лишать (кого-л.) (права), лишать (кого-л.) (привилегии).*

REAL2-M = ‘Делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от P2 (лексически обусловленный глагол, при котором P2 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *отразить / отбить (атаку), прорвать (блокаду), принять (вызов), оправдать (доверие), следовать (моде), поддаваться (обаянию), смотреть в лицо (опасности), пройти (осмотр), отплатить / расплатиться / отомстить за (оскорбление) / смыть (оскорбление), преодолеть (препятствие), принять (приглашение), откликнуться / отозваться на (призыв), преодолеть (сопротивление), разгадать / распутать (тайну), пройти (тест), преодолеть (трудность) / справиться с (трудностью), отбить / парировать (удар) / уклониться от (удара), сдать (экзамен).*

ANTIREAL2-M = ‘Делать по отношению к X-у нечто противоположное тому, что нормально ожидается от P2 (лексически обусловленный глагол, при котором P2 выступает в функции подлежащего, а X — в функции главного дополнения)’: *обмануть (доверие) / злоупотребить (доверием), избежать (наказания), признать (обвинение), отступить перед (опасностью), проглотить (оскорбление), отступить / спастись перед (препятствием), отклонить (приглашение), отступить / спастись перед (трудностью), провалить (экзамен).*

REAL3-M = ‘Делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от P3 (лексически обусловленный глагол, при котором P3 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *признавать (чей-л. авторитет), ответить на (вопрос), получать (долг), реагировать на (жалобу), выполнить (задание) / справиться с (заданием), соблюдать / уважать (закон) / подчиняться (закону), соблюдать (запрет), принимать (извинения), понимать (намек), понимать (объяснение), принимать (чей-л. отказ), принимать (пари), принимать (предложение), подчиниться (приказу) / выполнить / исполнить (приказ), выполнить / исполнить (просьбу), воспользоваться (разрешением), верить (рекламе), последовать (совету), выполнить (требование), усваивать (урок).*

ANTIREAL3-M = ‘Делать по отношению к X-у нечто противоположное тому, что нормально ожидается от P3 (лексически обусловленный глагол, при котором P3 выступает в функции подлежащего, а X — в функции главного дополнения)’: *игнорировать (жалобу) / отклонить (жалобу), пренебрегать (запретом), нарушить (приказ), отклонить (просьбу), отклонить / отвергнуть (предложение) / отказаться от (предложения), пренебречь (советом), отклонить (требование).*

FACT0-M = ‘X находится в состоянии, соответствующем нормальным ожиданиям (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего)’: (*Гипотеза*) подтвердилась, (*Действие*) достигло цели, (*Допущение*) подтвердилось, (*Желание*) сбылось / осуществилось, (*Мера*) дала эффект, (*Надежды*) оправдываются / сбываются, (*Ожидания*) оправдались, (*План*) осуществляется / реализуется, (*Попытка*) удалась, (*Предложение*) принимается / проходит, (*Проект*) осуществляется / реализуется, (*Сомнение*) подтвердилось / оправдалось, (*Справедливость*) восторжествовала, (*Удар*) достиг цели, (*Шутка*) удалась.

ANTIFACT0-M = ‘X находится в состоянии, противоположном тому, которое нормально ожидается от него в соответствующей ситуации (лексически обусловленный глагол, при котором X выступает в функции подлежащего)’: (*Атака*) захлебнулась, (*Мечта*) развеивается, (*Надежды*) развеиваются / обмануты, (*Память*) подводит, (*План*) провалился / сорвался, (*Попытка*) сорвалась / не удалась / провалилась.

CAUSFACT0-M = ‘Делать так или быть причиной того, что X находится в состоянии, соответствующем нормальным ожиданиям (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию дополнения)’: расшевелить / заинтересовать (*аудиторию*), подтвердить (*гипотезу*), удовлетворять (*интерес*), разрешить / уладить (*конфликт*), удовлетворить (*любопытство*), распространить (*новости*), исполнять / приводить в исполнение (*приговор*), подтвердить (*слух*), разрешить (*спор*).

LIQUFACT0-M = ‘Делать так, что X перестает находиться в состоянии, соответствующем нормальным ожиданиям (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию дополнения)’: отбить (*атаку*), опровергнуть (*гипотезу*), расторгнуть (*договор*), отменить (*запрет*), расторгнуть (*контракт*), развеять (*надежду*), скрыть (*новости*), взять назад (*обещание*), сорвать (*попытку*), отменить (*приговор*), отменить / отозвать (*приказ*), снять (*пьесу*), расторгнуть (*сделку*), опровергнуть (*слух*), аннулировать (*соглашение*), отвести / парировать (*удар*), опровергать (*утверждение*).

FACT1-M = ‘X находится в таком состоянии по отношению к P1, которое соответствует нормальным ожиданиям (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P1 — функцию главного дополнения)’: (*Долг*) требует от (кого-л.) / велит (кому-л.) / обязывает (кого-л.), (*Лейкемия*) убивает (убила) (кого-л.), (*Обещание*) связывает (кого-л.), (*Пожар*) повредил / разрушил (что-л.).

INCEPFACT1-M = ‘X начинает находиться в таком состоянии по отношению к P1, которое соответствует нормальным ожиданиям (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P1 — функцию главного дополнения)’: (*Совесть*) просыпается / заговаривает в (ком-л.), (*Чувство долга*) просыпается / заговаривает в (ком-л.).

CAUSFACT1-M = ‘Делать так, что X находится в таком состоянии по отношению к P1, которое соответствует нормальным ожиданиям (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, X — функцию главного дополнения, а P1 — функцию второстепенного дополнения)’: *выбить (долг) из (кого-л.), применять (закон) к (чему-л.), взимать (налог) с (кого-л.), сообщать (новости) (кому-л.), передавать (поздравление) от (кого-л.), передавать (поклон) от (кого-л.), взимать (пошлину) с (кого-л.), передавать (привет) от (кого-л.), сообщать (слух) (кому-л.), взимать (штраф) с (кого-л.)*.

LIQUFACT1-M = ‘Делать так, что X перестает находиться в таком состоянии по отношению к P1, которое соответствует нормальным ожиданиям (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P2 выполняет функцию подлежащего, X — функцию главного дополнения, а P1 — функцию второстепенного дополнения)’: *прощать (долг) (кому-л.), скрывать (новости) от (кого-л.), отбирать (права) у (кого-л.), отнять (право голоса) у (кого-л.), вернуть (слово) (кому-л.)*.

CAUSFACT2-M = ‘Делать так, что X находится в таком состоянии по отношению к P2, которое соответствует нормальным ожиданиям (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, X — функцию главного дополнения, а P2 — функцию второстепенного дополнения)’: *передать (благодарность) (кому-л.), передать (поздравление) (кому-л.), передать (поклон) (кому-л.), передать (привет) (кому-л.)*.

FACT3-M = ‘X находится в таком состоянии по отношению к P3, которое соответствует нормальным ожиданиям (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P3 — функцию главного дополнения)’: *(Письмо) дошло до (кого-л.) / пришло (кому-л.), (Посылка) дошла до (кого-л.) / пришла (кому-л.), (Телеграмма) дошла до (кого-л.) / пришла (кому-л.)*.

CAUSFACT3-M = ‘Делать так, что X находится в таком состоянии по отношению к P3, которое соответствует нормальным ожиданиям (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, X — функцию главного дополнения, а P3 — функцию второстепенного дополнения)’: *доставить (груз) (кому-л.), доставить (письмо) (кому-л.), доставить (телеграмму) (кому-л.)*.

2.2.1.1.4. ЛФ MANIF, DEGRAD, CAUSDEGRAD, PREPAR и SON.

Как было сказано выше, ЛФ MANIF теснее всего связана с семейством OPER — FUNC, а следующие три ЛФ — с семейством REAL — FACT; функция SON стоит особняком.

ЛФ MANIF определена для существительных, обозначающих: а) внутренние состояния (ментальные, волевые и эмоциональные), б) эмоциональные и ментальные отношения и в) нравственные и интеллектуальные свойства. Понятна ее связь с ЛФ семейства OPER — FUNC: если OPER1

обозначает пребывание экспериенсера в определенном состоянии или наличие у него определенного свойства, то MANIF обозначает манифестацию, или внешнее проявление этого состояния или свойства; ср. *испытывать* [= OPER1] (*благодарность*) VS. *выражать* [= MANIF] (*благодарность*). Из сказанного следует, что ЛФ семейства OPER — FUNC, так сказать, «фактивны», они обозначают реально существующее положение вещей. Между тем манифестация допускает имитацию, т. е. положение дел, которое действительности не соответствует.

MANIF = ‘Создавать для наблюдателя возможность воспринять X (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *обнаружить* / *проявить* (*вкус*), *демонстрировать* (*свою волю*), *проявлять* (*доброту*), *выражать* (*желание*), *высказывать* / *выражать* (*мнение*), *показывать* (*мужество*), *выдавать* (*неуверенность*), *выражать* (*озабоченность*), *проявлять* (*осторожность*), *выражать* (*признательность*), *проявлять* / *выказывать* (*расположение к кому-л.*), *демонстрировать* (*решимость*), *высказывать* / *выражать* (*сомнение*), *проявлять* / *обнаруживать* (*способность*), *выказывать* / *обнаруживать* (*страх*), *проявлять* (*терпение*), *демонстрировать* / *изливать* (*свои чувства*), *выплескивать* (*эмоции*).

Следующие три ЛФ определены для имен разного рода артефактов, внешних и внутренних органов человека, выполняющих определенные функции, и явлений природы, существенных для деятельности человека.

DEGRAD = ‘X становится хуже, портится или становится непригодным для использования из-за утраты своей основной функции (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего)’: (*Аккумулятор*) *садится*, (*Внимание*) *притупляется* / *ослабевает*, (*Дисциплина*) *рассыпается* / *падает*, (*Здоровье*) *ухудшается* / *портится* / *рассыпается*, (*Зубы*) *портятся*, (*Каблук*) *стаптывается*, (*Кофе*) *выдыхается*, (*Лампа*) *перегорает*, (*Масло*) *горкнет*, (*Металл*) *ржавеет*, (*Молоко*) *скисает* / *прокисает*, (*Мотор*) *ломается*, (*Мясо*) *портится* / *тухнет* / *протухло*, (*Нервы*) *истрепались* / *сдали* / *рассыпались*, (*Погода*) *портится*, (*Сердце*) *сдаёт*, (*Слух*) *портится*, (*Хлеб*) *черствеет* / *плесневеет*.

CAUSDEGRAD = ‘Делать так или быть причиной того, что X становится хуже, портится или выходит из строя (лексически обусловленный глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию дополнения)’: *притупить* (*внимание*), *рассыпать* (*дисциплину*), *подрывать* / *рассыпывать* / *подтачивать* (*здоровье*), *портить* (*зрение*), *стоптать* (*каблук*), *сломать* (*мотор*), *износить* (*одежду*).

PREPAR = ‘Приготовить X к использованию в соответствии с его назначением (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’: *чистить* (*ананас*), *топить* (*баню*), *наполнять* (*бокал*), *ставить* (*будильник*), *открывать* / *откупоривать* (*бутылку*), *готовить* (*еду*), *раскрывать* (*зонтик*), *чинить* / *точить* (*карандаш*), *расправлять* (*крылья*), *точить* / *за-*

тачивать (*нож*), колоть (*орехи*), разбирать (*постель*), заряжать (*ружьё*), зажигать (*сигарету*), накрывать на (*стол*), забрасывать (*удочку*).

Бросается в глаза то обстоятельство, что PREPAR'ы от некоторых аргументов могут выражаться принципиально не синонимичными глаголами, обозначающими существенно разные стадии подготовки к реализации определенной ситуации. Ср. тасовать (*карты*) и сдавать (*карты*), заваривать (*чай*) и наливать (*чай*) и даже молоть (*кофе*), заваривать (*кофе*) и наливать (*кофе*). В модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» для таких случаев предусмотрены суперскрипты I, II, III, каждый следующий из которых обозначает более продвинутую степень подготовки к реализации определенной ситуации. Мы, однако, решили от них отказаться, потому что и без такого расширения языка ЛФ лексические игры представляются достаточно сложными.

SON = 'X издает характерный для него звук (лексически обусловленный глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего)': (*Ветер*) воеет, (*Воробей*) чирикает, (*Ворона*) каркает, (*Жук*) жуужжит / гудит, (*Колокольчик*) звенит, (*Кошка*) мяукает / мурлычет / мурлыкает, (*Курица*) кудахчет / квохчет, (*Лев*) рычит, (*Лиса*) лает, (*Лошадь*) ржет, (*Лягушка*) квакает, (*Овца*) блеет, (*Орел*) клекочет, (*Пулемет*) стрекочет / строчит, (*Соловей*) поет / щелкает, (*Утка*) крикает.

2.2.1.2. Адъективные и адвербиальные ЛФ.

Существуют три элементарные адъективные и адвербиальные ЛФ — MAGN, BON и VER; для каждой из них возможна суперпозиция с ANTI. Все шесть функций определены, в основном, для существительных, но возможны также для глаголов и прилагательных.

MAGN = 'Прилагательное, наречие, сочетание предлога с существительным или сравнительный оборот с союзом, обозначающие большую степень или интенсивность X-а и выполняющие при X-е функцию синтаксического определения (согласованного или несогласованного) или обстоятельства': сильный (*акцент*), железное / надежное (*алиби*), подробная (*анкета*), волчий / завидный / прекрасный (*аппетит*), убедительный / веский / сильный / железный / убийственный (*аргумент*), стремительная (*атака*), чистое (*безумие*), ослепительно / как снег (*белый*), большой / процветающий (*бизнес*), полная (*блокада*), очень / сильно / безумно / мучительно / страшно / адски (*больеть*), большая / окладистая / густая (*борода*), густые / кустистые (*брови*), жгучий (*брюнет*), безудержное (*веселье*), ясно / отчетливо (*видеть*), глубокое / пристальное / напряженное / особое / исключительное / неослабное / обостренное (*внимание*), полностью (*воздерживаться*), вполне (*возможный*), почтенный / пожилой / зрелый / солидный (*возраст*).

ANTIMAGN = 'Прилагательное, наречие или сочетание предлога с существительным, обозначающее небольшую степень X-а и выполняющее при X-е функцию синтаксического определения или обстоятельства': не-

заметный / легкий / слабый / небольшой (**акцент**), шаткое / сомнительное (**алиби**), легкая (**боль**), небольшая / жидкая (**борода**), смутно / неясно / как в тумане (**видеть**), рассеянное (**внимание**), слегка (**возражать**), туманное (**воспоминание**), слабое (**впечатление**), бледно- / тускло- (**голубой**), легкая / некоторая (**досада**), ограниченный (**доступ**), непрочная (**дружба**), (**ехать**) медленно, робкая (**жалоба**), скромное / робкое (**желание**), бледно- / тускло- (**желтый**), впалый / впавший (**живот**), легкий / скромный (**завтрак**), слабый / неуловимый (**запах**), бесплодная / тощая (**земля**).

BON = ‘Прилагательное или наречие, выражающее стандартную положительную оценку X-а и выполняющее при X-е функцию синтаксического определения или обстоятельства’: тонкая (**аналогия**), приятная / благоприятная (**атмосфера**), аккуратная (**борода**), счастливый / удачный (**брак**), хорошее / благотворное (**влияние**), богатый (**выбор** товаров), корректный (**вызов**), желанный (**гость**), ценный / щедрый (**дар**), священный / святой (**долг**), честная (**драка**), невинная (**жертва**), легкая / радостная / идиллическая (**жизнь**), отеческая (**забота**), белая / хорошая (**зависть**), разумный (**запрет**), героически (**защищать**), отменное / прекрасное / хорошее / отличное (**здоровье**), глубоко / твердо / основательно (**знать**).

ANTIBON = ‘Прилагательное или наречие, выражающее стандартную отрицательную оценку X-а и выполняющее при X-е функцию синтаксического определения или обстоятельства’: грубая (**аналогия**), зловещая (**атмосфера**), неопрятная (**борода**), несчастный / неудачный (**брак**), плохое / дурное / пагубное / тлетворное (**влияние**), грязная / несправедливая (**война**), воспаленное (**воображение**), бедный / небольшой (**выбор** товаров), сомнительный (**вывод**), наглый (**вызов**), слепой / беспричинный (**гнев**), непрощенный (**гость**), второсортный (**гражданин**), слепое (**доверие**), грубое (**допущение**), опасное (**заблуждение**), черная (**зависть**), плохой / дурной / тяжелый / неприятный (**запах**), бессмысленный (**запрет**), бессмысленно (**разрушать**), мучительно (**умирать**).

VER = ‘Прилагательное или наречие со значением свойства, которое нормально ожидается или требуется от X-а, выполняющее при X-е функцию синтаксического определения или обстоятельства’: надежное (**алиби**), успешная (**атака**), искренняя (**благодарность**), действительная (**виза**), законная / легитимная (**власть**), правильная (**догадка**), убедительное / неоспоримое (**доказательство**), надежная (**информация**), точная (географическая **карта**), обоснованно / объективно / беспристрастно / конструктивно / справедливо (**критиковать**), заслуженная (**награда**), ясно / понятно / доходчиво (**объяснять**), (**отсутствии**) по уважительной причине, легитимный (**парламент**), успешные / плодотворные (**переговоры**), удачная (**попытка**), справедливый (**приговор**), чистосердечное / откровенное (**признание**), (**принадлежать**) по праву, оправданный (**риск**).

ANTIVER = ‘Прилагательное или наречие со значением свойства, противоположного тому, которое нормально требуется или ожидается от X-а, и выполняющее при X-е функцию синтаксического определения или об-

стоятельства': *ненадежное (алиби), незаконный / необоснованный (арест), недействительный (билет), поддельный / фальшивый (бриллиант), просроченная / недействительная (виза), незаконная / нелегитимная (власть), деланное (восхищение), неверный / слепой / беспричинный (гнев), неожиданный (гость), фальшивые (деньги), неправильная / неверная (догадка), поддельный (документ), неверное / ошибочное (допущение), неровное / прерывистое (дыхание), неуместное (замечание), бесплодная (земля), неточная (географическая карта), нездоровая (конкуренция), несправедливая / незаслуженная / пристрастная / необоснованная / необъективная (критика).*

Для некоторых классов аргументов $MAGN(X) = BON(X) = VER(X)$. Это особенно характерно для артефактов, включая разного рода тексты, для глаголов знания и восприятия, для разного рода оценочных существительных и некоторых других. Так, $MAGN(нож) = BON(нож) = VER(нож) = острый$; $MAGN(табак) = BON(табак) = VER(табак) = крепкий$; $MAGN(алиби) = BON(алиби) = VER(алиби) = железное / надежное$; $MAGN(видеть) = BON(видеть) = VER(видеть) = ясно / отчетливо$; $MAGN(здоровье) = BON(здоровье) = VER(здоровье) = хорошее / крепкое$ и т. п. Для некоторых аргументов $BON(X) = VER(X)$, ср. $BON(сделка) = VER(сделка) = честная / справедливая$.

Одним из способов выражения функции $MAGN$ (как и некоторых других, см. ниже) является совмещенное, так называемое «склеенное» выражение значения самой функции и ее аргумента; ср. обычные и склеенные выражения $MAGN(дождь) = проливной (дождь) и ливень$, $MAGN(знания) = обширные (знания) и эрудиция$, $MAGN(поражение) = сокрушительное (поражение) и разгром$.

2.2.1.3. Субстантивные ЛФ.

Рассмотрим сначала группу ЛФ, так или иначе связанных с представлением о числе. Сюда входят функции $SING$, $MULT$ и $EQUIP$.

$SING =$ 'Существительное, обозначающее один экземпляр, элемент, порцию, штуку или единицу X-а и либо подчиняющее X синтаксически, либо включающее значение X-а в свое лексическое значение': *акт (агрессии), приступ / припадок (бешенства), вспышка / приступ / взрыв (гнева), приступ (депрессии), капля (дождя), кочан (капусты), заряд (метели), участок / надел (земли), кусок (мыла), луч / проблеск / искра (надежды), приступ (отчаяния), член (партии), луч / сноп (света), голова (скота), взрыв / приступ (смеха), укол / угрызения (совести), черта (характера), квант (энергии), припадок (ярости).*

Как следует из определения, для этой ЛФ характерно «склеенное» выражение значения самой функции и ее аргумента. Вот несколько примеров: $SING(аудитория) = слушатель / зритель$, $SING(горох) = горошина$, $SING(делегация) = делегат$, $SING(идти) = шаг$, $SING(кавалерия) = кавалерист / сабля$, $SING(картофель) = картофелина$, $SING(обед) = блюдо / перемена$, $SING(пехота) = пехотинец / итык$, $SING(пить) = глоток$,

SING(*смотреть*) = *взгляд*, SING(*снег*) = *снежинка*, SING(*хлеб*) = *булка* / *батон* / *буханка*.

MULT = ‘Существительное, обозначающее организованную или естественную совокупность X-ов или X-а и либо подчиняющее X синтаксически, либо включающее значение X-а в свое лексическое значение’: *пакет (акций)*, *штабель (бревен)*, *кисть / гроздь (винограда)*, *косяк (журавлей)*, *колода (карт)*, *связка (ключей)*, *стадо (коров)*, *табун / косяк (лошадей)*, *свод (правил)*, *стая (птиц)*, *рой (пчел)*, *пирамида (ружей)*, *косяк (рыбы)*, *пучок (редиски)*, *свора (собак)*, *корпус (текстов)*, *ассортимент (товаров)*, *набор (услуг)*, *букет (цветов)*.

Склеенные выражения: MULT(*выстрел*) = *стрельба* / *пальба* / *канонада* / *залп* / *очередь*, MULT(*книга*) = *библиотека*, MULT(*корабль*) = *флот* / *флотилия* / *эскадра*, MULT(*полено*) = *поленница*, MULT(*самолет*) = *эскадрилья*.

EQUIP = ‘Существительное, обозначающее личный состав или персонал, обслуживающий X, и либо подчиняющее X синтаксически, либо включающее значение X-а в свое собственное значение’: *боевой состав / личный состав (армии)*, *персонал / штат / медицинский персонал / медперсонал (больницы)*, *состав (делегации)*, *профессорско-преподавательский состав (института)*, *обслуживающий персонал (кафе)*, *служащие (конторы)*, *экипаж (корабля)*, *расчет (орудия)*, *состав (правительства)*, *обслуживающий персонал (ресторана)*, *экипаж (самолета)*, *труппа (театра)*, *профессорско-преподавательский состав (университета)*, *штат (учреждения)*, *педагогический коллектив / преподавательский состав (школы)*.

Склеенные выражения: EQUIP(*орудие*) = *расчет*, EQUIP(*парламент*) = *депутатский корпус*, EQUIP(*самолет*) = *экипаж*, EQUIP(*театр*) = *труппа* (ср. также несклеенные выражения EQUIP от аргументов *орудие*, *самолет*, *театр*).

Кроме этих трех функций в лексическом материале русского языка хорошо представлены еще две субстантивные функции — CAP и FIGUR.

CAP = ‘Существительное, обозначающее главу или руководителя X-а и либо подчиняющее X синтаксически, либо включающее значение X-а в свое лексическое значение’: *заведующий (ателье)*, *главарь (банды)*, *директор (гостиницы)*, *атаман (казачьего войска)*, *хозяин (кафе)*, *заведующий (кафедрой)*, *председатель / президент (клуба)*, *капитан (команды)*, *глава / председатель (комитета)*, *ректор (консерватории)*, *настоятель / настоятельница (монастыря)*, *командир (отряда)*, *вождь (племени)*, *председатель (президиума)*, *глава (семьи)*, *вожак (стаи)*, *капитан (судна)*, *начальник (тюрьмы)*, *ректор (университета)*, *декан (факультета)*.

Склеенные выражения: CAP(*бригада*) = *бригадир*, CAP(*империя*) = *император*, CAP(*магазин*) = *завмаг*, CAP(*монастырь*) = *игумен* / *игуменья* (ср. также несклеенные выражения CAP от аргумента *монастырь*).

FIGUR = ‘Существительное, являющееся привычным образным названием X-а, выполняющее функцию синтаксического хозяина X-а и в соче-

тании с X-м синонимичное самому X-у': *кольцо (блокады), узлы (брака), бремя (вины), узлы (дружбы), нити (заговора), свет (истины), анналы (истории), стрелы (критики), паутина (лжи), стена (непонимания), бремя (ответственности), бездна (отчаяния), пятно (позора), пучина (порока), бразды (правления), цепи (рабства), яд (ревности), жало (са-тиры), пламя (страсти), бездна (терпения).*

2.2.1.4. Предложные ЛФ.

Из числа предложных ЛФ-коллокатов в наши материалы включена одна:

LOC = 'Предлог, обозначающий нормальную пространственную или временную локализацию чего-л. по отношению к X-у, синтаксически подчиняющий X, или падежная форма X-а с тем же значением': *в (апреле), в (битве), у (входа) / на (входе) / при (входе), в (году), при (дворе), на (закате), под (навесом), на (неделе), на (поезде), на / в (поле), в (понедельник), при (президенте), в (самолете) / на борту (самолета), на (судне) / на борту (судна).*

Иногда значение локализации передается падежом или отсубстантивным наречием, ср. LOC(дом) = *в (доме) / дома*, LOC(зима) = *зимой* и т. п.; иными словами, имеет место «склеенное» выражение значения ЛФ и ее аргумента.

2.2.2. ЛФ-дериваты

Дериваты в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» и, соответственно, в нашем учебнике трактуются весьма свободно. Ядром этого класса являются чисто формальные производные, такие, как *атака* — *атаковать*, *бедный* — *бедность*, *изучать* — *изучение*, *камень* — *каменный*, *красный* — *краснота*, *оперировать* — *операция*, *учить* — *учитель*, *учить* — *ученик*, *экзамен* — *экзаменационный* и т. п.

К ним примыкают так называемые супплетивные производные, т. е. слова, содержащие другой корень по сравнению с производящей основой, но находящиеся по отношению к ней в том же семантическом отношении, что и чисто формальные производные. Ср. пары *лечить* — *врач* и *оперировать* — *хирург* как аналог пар *учить* — *учитель*, *строить* — *строитель* и т. п. и пары *боготворить* — *кумир*, *лечить* — *пациент*, *обслуживать* — *клиент* как аналог пар *учить* — *ученик*, *арестовать* — *арестант* и т. п.

Еще одно отступление от традиционной трактовки производности состоит в том, что для формальных производных вида $D_i(X) = Y$ рассматриваются «обратные» производные вида $D_j(Y) = X$; так, наряду с производным глаголом *атаковать* (от *атака*) мы рассматриваем в качестве производного и существительное *атака* (от *атаковать*). Более того, в соответствии с принципом «неединственности мотиваций» производного слова, давно утвердившимся в отечественной грамматике (см. [Грамматика-80: 135]), одна лексема может рассматриваться как производная сразу от двух или более основ; ср. *конкурировать* — *конкурент* и *конкуренция* —

конкурент. Наконец, в число дериватов включаются и чисто семантические производные X-а. Так называются семантически более сложные, чем X, слова, отличающиеся от X-а таким регулярным семантическим наращением, которое представлено в данном языке в словообразовательных типах с чисто формальной производностью. Примером могут служить глаголы со значением каузации определенного свойства, состояния, процесса, события и т. п., именем которого является исходный глагол; ср. *бояться* и *пугать*, *просыпаться* и *будить*, *умереть* и *убить*.

Все это позволяет увидеть реальную общность семантических отношений в гораздо большем числе случаев, чем признавалось раньше, и во всех этих случаях пользоваться едиными правилами преобразования языковых объектов друг в друга. Например, тот факт, что *причина* трактуется как S1(*вызывать*), а *следствие* — как S2(*вызывать*), позволяет получить перифразы *Инфляция была причиной кризиса* и *Кризис был следствием инфляции* из предложения *Инфляция вызвала кризис* по тем же самым правилам, по которым получают перифразы *Он ученик Виноградова* и *Виноградов его учитель* из предложения *Он учился у Виноградова*.

Различаются три основных типа дериватов — чисто синтаксические, актантные и все остальные.

В приводимых ниже примерах сначала полужирным шрифтом дается аргумент функции, а затем — ее значение, т. е. дериват соответствующего класса.

2.2.2.1. Чисто синтаксические дериваты.

Чисто синтаксическими называются дериваты, которые оставляют практически неизменным лексическое значение производящей основы, но переводят ее в другую часть речи и поэтому приобретают новый набор синтаксических свойств. Конечно, транспозиция в другую часть речи может сопровождаться небольшим и весьма регулярным изменением значения слова, но для практических целей нашего учебника этим обстоятельством можно пренебречь.

К числу синтаксических дериватов относятся ЛФ S0, V0, A0 и ADV0.

S0 = ‘Существительное, имеющее то же лексическое значение, что X’: *адекватный* — *адекватность*, *бежать 1* (*Олени бегут*) — *бег*, *бежать 2* (*из тюрьмы побег*, *бежать 3* (*от наводнения*)) — *бегство*, *бояться* — *страх*, *брать* — *взятие*, *везти* — *перевозка*, *гордый* — *гордость*, *дебатировать* — *дебаты*, *защищать* — *защита*, *знаком* (*с предметом*) — *знакомство*, *иметься* — *наличие*, *казаться* — *впечатление*, *лгать* — *ложь*, *посмотреть* — *взгляд*, *принимать* (*гостей*) — *прием*, *принимать* (*решение*) — *принятие*, *слыть* — *репутация*, *спорить* (*о чем-либо*) — *спор*, *спорить* (*на что-либо*) — *пари*.

V0 = ‘Глагол, имеющий то же лексическое значение, что X’: *аренда* — *арендовать*, *боль* — *болеть 1* (*Палец болит*), *болезнь* — *болеть 2* (*Вторую неделю болею*), *гордость* — *гордиться*, *дебаты* — *дебатировать*, *дыха-*

ние — дышать, **зависть** — завидовать, **запах** — пахнуть, **знания** — знать, **интерес** — интересоваться, **контраст** — контрастировать, **любовь** — любить, **обида** — обижаться, **ответ** — отвечать 1, **ответственность** — отвечать 2, **пари** — спорить 1, **поведение** — вести себя, **пожар** — гореть, **посадка** (о самолете) — садиться, **прогулка** — гулять, **слава** — прославиться.

A0 = 'Прилагательное, имеющее то же лексическое значение, что X': **брак** — брачный, **Германия** — германский / немецкий, **день** — дневной, **дочь** — дочерний, **земля** (планета) — земной, **земля** (почва) — земляной, **земля** (участок) — земельный, **кошка** — кошачий, **курица** — куриный, **мать** — материнский, **мы** — наш, **нож** — ножевой, **отец** — отцовский, **паук** — паучий, **помидор** — помидорный / помидоровый / томатный, **причина** — причинный / каузальный, **ребенок** — детский, **США** — американский.

ADV0 = 'Наречие, имеющее то же лексическое значение, что X'. Примеры тривиальны — чаще всего это производные наречия на -о, -и и -е (ср. **безопасный** — безопасно, **механический** — механически, **искренний** — искренне), так что здесь можно обойтись без иллюстраций.

2.2.2.2. Актантные дериваты.

Из числа актантных дериватов в нынешнюю версию учебника включены субстантивные, адъективные и адвербиальные ЛФ следующих типов: S1, S2, S3, S-INSTR, S-LOC, S-MED, S-MOD, S-RES, A1, A2, ADV1 и ADV2. Обратим внимание на то, что их глубинная актантная структура (ср. цифровые индексы при символах функций) аналогична актантной структуре глагольных ЛФ типа OPER1, OPER2, OPER3. Содержательно это значит, что и модели сочетаемости, и модели словообразования языка покоятся на одном и том же каркасе диатетических (конверсных) отношений между лексическими единицами.

S1 = 'Семантически производное от X-а существительное со значением лица или объекта P1, которые делают X, имеют X или находятся в состоянии X': **арендовать** — арендатор, **баллотироваться** — кандидат, **болезнь** — больной, **вести** (по незнакомому месту) — проводник, **вызывать** (событие) — причина, **долг** (денежный) — должник, **жениться** — муж, **зависть** — завистник, **замужем** — жена, **занять** (деньги) — должник, **заявление** — заявитель, **знать** (какую-то область) — знаток / эксперт, **играть** (в карты) — игрок, **играть** (роль) — актер / актриса / артист / артистка, **идти** — пешеход, **казнить** — палач, **ковать** — кузнец, **конкуренция** — конкурент, **экзаменовать** — экзаменатор.

S2 = 'Семантически производное от X-а существительное со значением лица или объекта P2, который подвергается действию X-а или создается X-ом': **арест** — арестованный / арестант, **боготворить** — кумир, **везти** — пассажир / груз, **власть** — подданный, **выбирать** — выбор (Я не одобряю твой выбор), **выставка** — экспонат, **есть** — еда / пища, **жениться** — жена, **играть** — роль, **любить** — любимый {любимая} / любовь, **обви-**

нять — обвиняемый, **пить** (спиртное) — выпивка, **пить** (настой) — питье, **поклоняться** — идол, **преступление** — жертва, **радость** — радость (Ты — моя радость), **стрелять** — цель / мишень, **торговать** — товар, **шить** — шитье, **эксперимент** (на людях) — испытуемый.

По обратной аналогии со «склеенными» значениями ЛФ можно рассматривать и «расклеенные» значения. Для функции S2 типичным расклеенным значением является существительное *предмет*, ср. **анализ** — предмет (анализа) / объект (анализа), **желать** — предмет (желаний), **зависть** — предмет (зависти), **лекция** — тема (лекции) / предмет (лекции), **разговор** — предмет (разговора).

S3 = ‘Семантически производное от X-а существительное со значением получателя РЗ действия X’: **долг** (денежный) — кредитор [ср. S1(долг) = должник], **занимать** (деньги у кого-то) — кредитор, **лекция** — аудитория / слушатели, **одаждивать** (деньги кому-то) — должник, **посылать** (что-то кому-то) — получатель, **продавать** — покупатель, **сдавать** (землю кому-то) — арендатор.

S-INSTR = ‘Семантически производное от X-а существительное со значением инструмента или органа, с помощью которого обычно выполняется действие X’: **вытирать** (руки) — полотенце, **грести** — весла, **думать** — ум, **жарить** — сковорода, **колоть** — щипцы, **косить** — коса, **пилить** — пила, **писать** (живописное) — кисть (кисти), **править** (машиной) — руль, **править** (о короле) — трон, **резать** — нож, **рубить** — топор, **стрелять** — (огнестрельное) оружие, **стричь** — ножницы, **строгать** — рубанок, **убеждать** — довод / аргумент, **учиться** — учебник, **шить** — игла.

S-LOC = ‘Семантически производное от X-а существительное со значением места, где обычно выполняется действие X или имеет место ситуация X’: **бокс** — ринг, **борьба** (спортивная) — ковер, **взлетать** — взлетная полоса, **входить** — вход, **выходить** — выход, **заправляться** (бензином) — бензозаправка / заправка, **играть** (об актерам) — сцена, **испытывать** (военную технику) — полигон, **останавливаться** (о троллейбусе) — остановка, **парковать** — парковка, **пастись** — пастбище, **ставить** (машину) — стоянка, **хоронить** — могила / кладбище.

Пример расклеенного выражения: **битва** — поле (битвы).

S-MED = ‘Семантически производное от X-а существительное со значением материального объекта, с помощью которого выполняется действие X и который постепенно расходуется в процессе выполнения действия’: **бинтовать** — бинт, **жарить** — масло, **зажигать** — спичка (спички), **лечить** — лекарство / медикаменты, **писать** (ручкой) — чернила / паста / гель, **писать** (картину) — краски, **прибивать** — гвоздь (гвозди), **приклеивать** — клей, **стрелять** — пуля / снаряды, **шить** — нитки.

S-MOD = ‘Семантически производное от X-а существительное со значением специальной манеры выполнения действия X человеком P1’: **бить** (по мячу) — удар, **держаться** — осанка, **жить** — образ / стиль жизни, **исследовать** — метод (исследования), **писать** (неразборчиво) — почерк,

писать (романы) — стиль, *писать* (картины) — манера (письма), *произносить* — произношение / дикция / выговор, *смотреть* — взгляд, *улыбаться* (хорошо) — улыбка, *ходить* — походка.

S-RES = ‘Семантически производное от X-а существительное со значением результата действия X’: *вредить* — вред, *вычитать* — разность, *делить* (одно число на другое) — частное, *заинтересоваться* — интерес, *засыпать* — сон, *контузить* — контузия, *отражаться* — отражение, *пугать* — страх, *разрушать* — руины, *ранить* — рана, *расписываться* — подпись, *сгорать* — пепел / зола, *складывать* (числа) — сумма, *строить* — постройка, *треснуть* — трещина, *умножать* (числа) — произведение, *царапать* — царапина, *штрафовать* — штраф.

A1 = ‘Семантически производное от X-а прилагательное или синтаксически эквивалентное ему сочетание предлога с существительным, описывающее свойство, состояние или действие участника P1’: *авторитет* — авторитетный, *благодарность* — благодарный, *важность* — важный, *влияние* — влиятельный, *глупость* — глупый, *голод* — голодный, *доброта* — добрый, *долг* — должен, *знакомство* — знакомый с (кем-л.), *любить* — любящий, *любопытство* — любопытный, *мочь* — способный, *обаяние* — обаятельный, *опасность* (для кого-л.) — опасный, *привычка* — привычный (к чему-л.), *рана* — раненый, *слава* — прославленный, *удача* — удачливый, *ужасать* — ужасающий, *характер* — с характером, *цвет* — цветной.

A2 = ‘Семантически производное от X-а прилагательное или синтаксически эквивалентное ему сочетание предлога с существительным, описывающее свойство или состояние участника P2 или отношение, в котором P2 находится к P1’: *бояться* — страшный, *власть* — подвластный / под властью, *доступ* — доступный, *желать* — желанный, *запрет* — запретный, *знакомство* — знакомый (кому-л.), *знать* — известный, *интерес* — интересный, *контролировать* — под контролем, *любить* — любимый, *любопытство* — любопытный (кому-л.), *мочь* — возможный, *ненавидеть* — ненавистный, *нуждаться* — нужный, *обижать* — обиженный, *обстреливать* — под обстрелом, *огонь* — под огнем, *привычка* — привычный (для кого-л.), *руководить* — под руководством (оркестр под руководством), *управление* — под управлением.

ADV1 = ‘Семантически производное от X-а наречие или синтаксически эквивалентное ему сочетание предлога с существительным, описывающее свойство, состояние или действие участника P1’: *бежать* — на бегу, *бодрствовать* — наяву, *замешательство* — в замешательстве, *интерес* — с интересом, *критиковать* — критически, *лететь* — на лету, *любовь* — с любовью / любовно, *ненависть* — с ненавистью, *обед* — за обедом, *обида* — в обиде, *одежда* — в одежде, *презрение* — презрительно / с презрением, *радость* — с радостью, *спать* — во сне, *страх* — в страхе, *ужас* — в ужасе, *усилие* — с усилием.

ADV2 = ‘Семантически производное от X-а наречие или синтаксически эквивалентное ему сочетание предлога с существительным, описывающее

свойство или состояние участника P2 или воздействие, которому он подвергается’: **анализировать** (кровь) — на анализе, **аплодировать** — под аплодисменты, **власть** — под властью, **завтракать** (кашей) — на завтрак, **защищать** — под защитой, **издание** — в издании, **испытания** (танков) — на испытаниях, **контролировать** — под контролем, **обедать** — на обед, **обследовать** — на обследовании, **обстреливать** — под обстрелом, **огонь** — под огнем, **патронаж** — под патронажем, **переводить** (тексты) — в переводе, **покровительство** — под покровительством, **помогать** — с помощью / при помощи, **руководить** — под руководством (работать под руководством), **ставить** (пьесу) — в постановке, **удар** — под ударом, **управлять** — под управлением.

2.2.2.3. Другие типы дериватов.

2.2.2.3.1. Глагольные дериваты INCEP, FIN, CAUS, LIQU.

В лексико-семантических системах многих естественных языков смыслы ‘начало’, ‘прекращение’, ‘каузация’ и ‘ликвидация’ являются системообразующими: они выражаются многими языковыми единицами различной природы — лексическими, словообразовательными, синтаксическими и другими, включая (для русского языка) даже элементы просодии; ср. *А она ка-ак закричит!* (начинательность). Выше мы видели, какую большую роль они играют в алгебре глагольных ЛФ семейства OPER—LABOR—FUNC и обоих семейств REAL—FACT. Они, однако, определены не только для глагольных ЛФ, но и для полнозначных глаголов; так, одним из значений функции CAUS от глагола *умирать* будет глагол *умерщвлять*. Ниже мы систематически рассмотрим такие деривационные пары (в указанном выше смысле термина «деривационный»).

INCEP = ‘Начать делать X, иметь X или быть в состоянии X (глагол, включающий значение X в свое значение, при котором P1 выполняет функцию подлежащего)’: **бежать** — побежать, **бодрствовать** — просыпаться, **двигаться** — трогаться, **дружить** — подружиться, **жить** (проживать где-л.) — селиться / въезжать, **жить** (существовать) — родиться, **знать** (дорогу) — узнавать, **лежать** — ложиться, **любить** — полюбить, **ненавидеть** — возненавидеть, **помнить** — запоминать, **разговаривать** — заговаривать, **сидеть** — садиться, **смеяться** — засмеяться, **сомневаться** — усомниться / засомневаться, **спать** — засыпать, **стоять** — вставать / подниматься, **цвести** — зацветать.

FIN = ‘Перестать делать X, иметь X или быть в состоянии X (глагол, включающий значение X в свое значение, при котором P1 выполняет функцию подлежащего)’: **болеть** — выздороветь / поправиться / вылечиться, **быть в обмороке** — приходиться в себя / приходиться в чувство / приходиться в сознание / очнуться, **быть живым** — умирать, **быть замужем** — разводиться / расходиться, **быть мертвым** — воскресать / оживать, **быть холостым** — жениться, **говорить** — умолкать / замолчать, **гореть** — гаснуть / тухнуть, **двигаться** — останавливаться, **знать** — забыть

вать, **помнить** — забывать, **состоять в браке** — разводиться, **спать** — просыпаться, **уметь** — разучиться, **цвести** — отцветать / вянуть.

CAUS = ‘Делать так или быть причиной того, что X происходит или имеет место (глагол, включающий значение X в свое значение, при котором P0 выполняет функцию подлежащего, а P1 — функцию главного дополнения)’: **висеть** — вешать (что-л.), **выйти замуж** — выдать замуж (кого-л.), **ехать** — везти (кого-л.), **знать** (адрес) — сообщать (кому-л.), **знать** (физику) — обучать / учить (кого-л.), **иметь** — давать (кому-л.), **лежать** — класть (что-л.), **обижаться** — обидеть (кого-л.), **открываться** — открывать (что-л.), **понимать** — объяснять (кому-л.), **развестись** — разводиться (кого-л.), **расти** (о фруктах) — выращивать (что-л.), **садиться** — сажать (кого-л.), **смеяться** — рассмешить (кого-л.), **сокращаться** — сокращать (что-л.), **стоять** — ставить (что-л.), **считать** (иметь мнение) — убеждать (кого-л.), **увеличиваться** — увеличивать (что-л.), **уметь** — учить (кого-л.), **умирать** — умерщвлять / убивать (кого-л.).

LIQU = ‘Делать так, что X перестает существовать или иметь место (глагол, включающий значение X в свое значение, при котором P0 выполняет функцию подлежащего, а P1 — функцию главного дополнения)’: **быть замужем** — разводиться (кого-л.), **быть открытым** — закрывать (что-л.), **висеть** (на стене) — снимать (что-л.), **волноваться** (беспокоиться) — успокаивать (кого-л.), **двигаться** — останавливать (кого-л.), **ехать** (на поезде) — высаживать (кого-л.), **жить** — убивать / умерщвлять (кого-л.), **лететь** (на самолете) — снимать с полета (кого-л.), **сердиться** — успокаивать / умиротворять (кого-л.), **спать** — будить (кого-л.), **считать** (иметь мнение) — разубеждать (кого-л.).

2.2.2.3.2. Субстантивные ЛФ MASC, FEM, FIL, CARN.

MASC = ‘Существительное, обозначающее самца X-а’: **волк** — волк, **корова** — бык, **гусь** — гусь, **заяц** — заяц, **канарейка** — кенар, **кобыла** — жеребец, **коза** — козел, **кошка** — кот, **курица** — петух, **лиса** — лис, **лошадь** — жеребец, **овца** — баран, **свинья** — хряк, **собака** — кобель, **утка** — селезень.

FEM = ‘Существительное, обозначающее самку X-а’: **баран** — овца, **бык** — корова, **волк** — волчица / волчиха, **гусь** — гусыня, **жеребец** — кобыла, **заяц** — зайчиха, **индюк** — индюшка, **козел** — коза, **лев** — львица, **лошадь** — кобыла, **петух** — курица, **селезень** — утка, **слон** — слониха, **собака** — сука, **тетерев** — тетерка, **тигр** — тигрица, **утка** — утка, **хряк** — свинья.

FIL = ‘Существительное, обозначающее детеныша X-а’: **волк** — волчонок, **гусь** — гусенок, **заяц** — зайчонок, **кабан** — кабанчик, **козел** — козленок, **корова** — теленок, **кошка** — котенок, **кролик** — крольчонок, **курица** — цыпленок, **лев** — львенок, **лиса** — лисенок, **лошадь** — жеребенок, **овца** — ягненок, **осел** — осленок, **свинья** — поросенок, **слон** — слоненок, **собака** — щенок, **тигр** — тигренок, **утка** — утенок.

CARN = ‘Существительное, обозначающее мясо X-а, употребляемое в пищу человеком’: **гусь** — гусятина / гусь, **индейка** — индюшка / индюшатина, **коза** — козлятина, **корова** — говядина, **курица** — курица / курятина, **лосось** — лосось / лососина, **медведь** — медвежатина, **овца** — баранина, **олень** — оленина / мясо оленя, **рыба** — рыба, **свинья** — свинина, **теленоч** — телятина, **утка** — утка / утятина, **фазан** — фазан.

2.2.3. ЛФ-субституты SYN, ANTI, CONV, GENER, HYPO, CONHYR.

SYN = ‘Синоним — лексема той же части речи, что X, со значением, совпадающим со значением X-а или близким к нему’: **автомобиль** — машина / автомашина, **ангина** — тонзиллит, **аплодисменты** — рукоплескания, **арендовать** — снимать, **бегемот** — гиппопотам, **беспокойство** — тревога / волнение, **бешенство** — ярость / гнев / исступление, **битва** — сражение, **благодарность** — признательность, **благоприятный** — выгодный, **блаженство** — счастье, **болезнь** — заболевание / недуг, **больница** — лечебница / стационар / госпиталь / клиника / лазарет, **бросать** — кидать, **везде** — всюду, **влияние** — воздействие, **возмущение** — негодование, **воображать** — представлять, **воображение** — фантазия, **воспаление легких** — пневмония.

ANTI = ‘Антоним — лексема той же части речи, что X, со значением, противоположным значению X-а’: **арендовать** — сдавать, **арест** — освобождение, **без** (денег) — с (деньгами), **безопасный** — опасный, **беспокойство** — покой / спокойствие, **благодарность** — неблагодарность, **благоприятный** — неблагоприятный, **блаженство** — отчаяние, **ближний** — дальний, **близкий** — далекий, **большинство** — меньшинство, **большой** — маленький, **быстрый** — медленный, **великан** — лилипут / карлик, **веселый** — грустный, **вина** — заслуга, **включить** (газ) — выключить, **включить** (в список) — исключить / вычеркнуть, **воздерживаться** (от спиртного) — злоупотреблять (чем-л.), **возмущение** — восхищение.

CONV = ‘Конверсив — лексема той же части речи, что X, обозначающая ту же самую ситуацию, что X, и имеющая не менее двух таких синтаксических актантов, которые обмениваются своими семантическими ролями с соответствующими актантами X-а’: **арендовать** — сдавать, **баллотироваться** — голосовать / выбирать, **вызывать** (причинять) — происходить (из-за), **дядя** — племянник / племянница, **жена** — муж, **жениться** — выйти замуж, **завещать** — наследовать, **замужем** — женатый на (ком-л.), **занимать** — одалживать, **наполнять** (бак бензином) — наливать (бензин в бак), **платить** (Он заплатил за машину десять тысяч) — стоить (Машина стоила ему десять тысяч), **покрывать** (Снег покрывает поля) — покрываться (Поля покрываются снегом), **предшествовать** — следовать, **родитель** — ребенок, **содержать** (примеси) — содержаться (в чем-л.), **составлять** — состоять (из чего-л.), **учиться** — учить / обучать.

GENER = ‘Существительное, прилагательное или глагол, являющиеся родовым названием для X-а’: **арест** — мера пресечения, **банкет** — меро-

приятие, бежать — перемещаться, белый — цвет, бизнес — деятельность / занятие, брат — родственник, бутылка — сосуд / емкость, болезнь — состояние, больница — лечебное учреждение, важность — свойство, ведро — сосуд / емкость, весна — сезон, вино — напиток, виноград — фрукт, внук — родственник, возмущение — чувство / эмоция, воображение — способность, вчера — день, газ — вещество, гастрит — болезнь / заболевание / недуг, дождь — осадки.

СОНУР = ‘Существительное, прилагательное или глагол, обозначающие другой вид того же самого рода, к которому принадлежит X’: *арбуз — дыня, бабушка — дед / дедушка, брат — сестра, вечер — день / ночь / утро, видеть — слышать / обонять / ощущать, волосы — шерсть, вчера — сегодня / завтра, генерал — маршал / офицер / солдат, грузовик — легковая машина, дождь — снег / роса, дядя — тетя, есть — пить, жена — муж, завод — фабрика, зрение — слух / обоняние / вкус / осязание, медаль — орден, насекомое — животное / птица / рыба / земноводное, нога — рука, коготь — коготь, отпуск — праздник / каникулы.*

НУРО = ‘Существительное, прилагательное или глагол, обозначающие вид или разновидность X-а’: *воспринимать (органами чувств) — видеть / слышать / осязать / обонять / чують, губа — верхняя / нижняя, день (недели) — воскресенье / понедельник / вторник / среда / четверг / пятница / суббота, палец (руки) — большой / указательный / средний / безымянный / мизинец, пол (биологический) — мужской / женский, разряд (спортивный) — первый / второй / третий, рука — левая / правая, сезон — весна / лето / осень / зима, страна света — восток / запад / север / юг, сустав — локоть / колено, танк — легкий / тяжелый.*

3. Толкования

Каждая словарная статья в русском ТКС’е имеет специальную зону, в которой дается толкование исходного слова. Толкования, хотя и сильно упрощенные, основаны на той версии семантического метаязыка и теории толкований, которая была разработана Ю. Д. Апресяном для нужд практической лексикографии. Она была опубликована (см. [Апресян 1995; 2006]) и лексикографически реализована (см. [НОСС 2004]). Поэтому здесь мы сосредоточимся на принципах адаптации системы толкований к нуждам компьютерного учебника лексики.

Мы проиллюстрируем нашу стратегию на материале трех фрагментов словаря, относящихся к области речевых актов, «наивной» ботаники и временных понятий. Во всех трех случаях предлагаются толкования небольшого, но репрезентативного подкласса лексем соответствующего класса, достаточные для того, чтобы представить возникающие здесь научно-методические проблемы и принципы их решения. Упомянем два из них.

1) Общее требование полноты и неизбыточности толкований (необходимости и достаточности) модифицируется в зависимости от того, толкуем ли мы предикат или предметное имя. Толкования предикатов должны удовлетворять ему как можно более полно; упрощения допускаются только в методических целях. Толкования предметных имен должны удовлетворять более слабому требованию дифференциальности: они должны быть достаточны для того, чтобы с их помощью можно было различать разные предметные имена одного и того же семантического класса. Отказ от требования полноты применительно к предметным именам объясняется тем, что даже весьма пространные толкования (см., например, [Wierzbicka 1985; Рахилина 2000; Кошелев 2006]), по-видимому, не исчерпывают образа соответствующего предмета, сложившегося в «наивной энциклопедии» языка.

2) В толкованиях, используемых в компьютерном учебнике лексики, мы следуем принципу удобопонятности и узнаваемости. Реализация этого принципа приводит к тому, что они теряют жесткую структурированность. В частности, в составе толкования формально не выделяются такие логически разные слои смысла, как пресуппозиции, ассерции, модальные рамки, мотивировки и т. п.; коннотации лексем, которые в принципе должны описываться в отдельной зоне словарной статьи, тоже включаются непосредственно в состав толкований.

3.1. Толкование предикатных слов (на примере актов речи)⁷

Толкуется очень небольшой класс глагольных лексем, обозначающих акты речи. Он распадается на ряд компактных семантических групп; ср.: *разрешать* и *запрещать*; *приказывать*, *требовать* и *просить*; *ругать*, *критиковать* и *хвалить*. Однако у нас не было задачи акцентировать эти более близкие семантические связи в ущерб всем остальным, поэтому все глаголы располагаются в алфавитном порядке.

Поскольку предметом толкований являются предикаты, сами толкования имеют вид сентенциальных форм, с переменными вида P_i по участникам обозначаемой глаголом ситуации. Эти переменные имеют тот же смысл, что в определениях ЛФ. Если для глагола возможна форма несовершенного вида настоящего времени, толкуется именно она.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на теоретически любопытный факт — асимметричность толкований антонимов.

⁷ Актам речи посвящена столь обширная литература, что назвать хотя бы основных авторов, писавших на эту тему, не представляется возможным. Ограничимся указанием двух основных работ, которые мы в той или иной мере пытались учесть при выработке толкований этого круга слов: [Wierzbicka 1987] и [Гловинская 1993]. В толкованиях глаголов *жаловаться*, *ругать*, *советовать*, *спрашивать* и *упрекать* использованы идеи из соответствующих словарных статей НОССа, составленных Ю. Д. Апресяном и М. Я. Гловинской.

ЖАЛОВАТЬСЯ (*Она жаловалась подруге на служебные неурядицы*) = ‘Человек Р1 говорит человеку Р3, что произошло плохое для Р1 событие Р2 или имеет место плохая для него ситуация Р2, чтобы побудить Р3 исправить положение, найти у него понимание или сочувствие, или дать выход своим чувствам’.

ЗАПРЕЩАТЬ (*Я запрещаю тебе встречаться с ним*) = ‘Узнав от человека Р3, что он хочет сделать Р2, или считая, что сделать Р2 — в интересах Р3, человек Р1, имея право или власть сказать, что человеку Р3 нельзя делать Р2, и наказать его в случае неподчинения, говорит человеку Р3, что ему нельзя делать Р2’.

КРИТИКОВАТЬ (*Многие критиковали его за книгу о Бродском*) = ‘Зная, что объект Р2 сделал плохой Р3 или имеет недостаток Р3, выражать свое осуждение Р3 с целью вызвать аналогичную общественную реакцию на него’.

ПРИКАЗЫВАТЬ (*Генерал приказал начать отступление*) = ‘Занимая более высокое положение в иерархии, чем человек Р3, и имея право наказать Р3 за неподчинение, человек Р1 сообщает Р3 о своем решении, что Р3 должен сделать Р2’.

ПРОСИТЬ (*Он попросил меня помочь ему упаковать книги*) = ‘Желая, чтобы было сделано Р2, и считая, что человек Р3 может сделать Р2, и не считая, что Р3 должен сделать Р2, Р1 говорит Р3, что он хочет, чтобы Р3 сделал Р2’.

РАЗРЕШАТЬ (*Вчера врачи разрешили мне в первый раз после болезни выйти на улицу*) = ‘Узнав от человека Р3, что он хочет сделать Р2, или считая, что сделать Р2 — в интересах Р3, человек Р1, имея право или власть сказать, что человеку Р3 нельзя делать Р2, говорит, что ему можно сделать Р2’.

РУГАТЬ (*Он никогда не ругал детей за мелкие провинности*) = ‘Зная, что человек Р2 имеет или сделал Р3, и считая Р3 плохим, человек Р1 говорит в более резкой форме, чем в нейтральной речи, что Р3 плохо и что Р1 недоволен Р2 по этой причине; Р1 говорит это, чтобы Р2 не имел или не делал такие Р3 в будущем’.

СОВЕТОВАТЬ (*Он не знал, что мне посоветовать*) = ‘Считая, что человека Р3 интересует мнение человека Р1 о том, что человеку Р3 лучше всего сделать в данной ситуации, Р1 говорит, что по его мнению лучше всего для Р3 сделать Р2’.

СПРАШИВАТЬ (*Он спросил у носильщика, на какую платформу прибывает поезд из Курска*) = ‘Не зная Р2, желая знать Р2 и считая, что человек Р3 знает Р2, человек Р1 просит человека Р3, чтобы Р3 сказал ему Р2’.

ТРЕБОВАТЬ (*Я требую, чтобы он извинился передо мной*) = ‘Желая, чтобы человек Р3 сделал Р2, и считая, что Р3 должен сделать Р2, человек Р1 говорит Р3, что он хочет, чтобы Р3 сделал Р2’.

ХВАЛИТЬ (*Он похвалил меня за доклад*) = ‘Зная, что человек Р2 имеет или сделал Р3, и считая Р3 хорошим, человек Р1 говорит, что Р3 хорошо и

что P1 доволен P2 по этой причине; P1 говорит это, чтобы P2 знал мнение P1 о P3 или делал такие P3 в будущем’.

ХВАСТАТЬСЯ (*Она хвасталась, что выбила себе бесплатную путевку в санаторий*) = ‘Человек P1 говорит человеку P3, обычно с преувеличениями, о том особенном P2, которое P1 или кто-то из его личной сферы имеет или сделал, считая, что P3 будет лучше о нем думать, или давая выход самодовольству’.

3.2. Фрагмент «наивной» ботаники: фрукты

Толкования этого круга слов, как и большей части предметной лексики вообще, антропоцентричны. В частности, если нужно охарактеризовать величину какого-то предмета, она описывается не числом, а уподобляется по этому параметру каким-то частям человеческого тела как объекта, наиболее знакомого любому носителю любого языка, как это было предложено в [Wierzbicka 1985]. Этот принцип дополняется принципом редукции: после того, как построены антропоцентричные толкования первого уровня, на их основе могут строиться толкования второго уровня — с учетом отношений между объектами данного таксономического класса. При этом в качестве эталона для сравнения выбирается наиболее знакомый большинству говорящих объект этого класса.

Там, где есть лексема со значением *genus proximum*, толкования начинаются с него. При этом, как ясно из перечисленных выше принципов, и в выборе этой лексемы, и в полном тексте толкований мы стремимся отразить «наивное», а не научное представление о соответствующем предмете действительности. С наивной точки зрения виноград — это фрукт (справедливости ради отметим, что некоторые носители русского языка считают его ягодой). Главная причина — та, что по-русски совершенно правильно говорить о *персиках, апельсинах, винограде и других южных фруктах* и совершенно нелепо — о *винограде, хмеле и других лианах и их плодах*.

Из-за ориентации на «наивную» картину мира наши толкования могут вызвать у критически мыслящего читателя недоумение или даже ироническую усмешку. Такова судьба всякого новшества. Однако в пользу предлагаемой стратегии свидетельствует то, что большинство приводимых ниже толкований было опробовано в компьютерных экспериментах с носителями языка, и в этих экспериментах они доказали свою узнаваемость и, следовательно, некоторую объяснительную силу.

С учетом тех упрощений, о которых мы говорили выше, используется следующая схема характеристики предметных имен, входящих в класс ‘фрукты’: 1) область распространения, 2) носитель (дерево, кустарник и т. п.), 3) размер, 4) форма, 5) цвет, 6) структура (например, наличие кожуры или косточки внутри, которая тоже характеризуется по признакам размера, формы, цвета и структуры), 7) степень плотности, 8) вкус, 9) способ употребления. Порядок появления этих параметров внутри толкования несуществен — важно только, чтобы толкуемая лексема была охарактеризована

по каждому из них. При этом характеристика кожуры включается в толкование преимущественно тогда, когда она играет прагматически существенную роль, например, потому, что ее надо снять перед употреблением фрукта.

ФРУКТЫ = ‘Съедобные сладкие, кисло-сладкие или кислые плоды деревьев, кустарников и некоторых травянистых растений, содержащие семена внутри себя’.

АБРИКОС = ‘Южный фрукт величиной с кулак младенца или чуть больше, растущий на дереве, овальный, желтого или желтовато-розового цвета, с мягкой плотью, кисло-сладкий, с большой продолговатой гладкой коричневой косточкой, который обычно едят в сыром виде или используют для приготовления десертных блюд’.

АНАНАС = ‘Южный фрукт величиной с голову младенца, растущий на травянистых растениях, овальный, зеленовато-коричневый, с мягкой плотью и более плотной сердцевинкой в виде стержня, идущего от черенка до соцветия, кисло-сладкий, покрытый плотной чешуйчатой кожурой, с компактным пучком листьев на верхушке, который обычно едят в сыром виде’.

АПЕЛЬСИН = ‘Южный фрукт величиной с кулак, растущий на дереве, овальный или круглый, с толстой плотной пупырчатой кожурой оранжевого цвета, кисло-сладкий, разделенный на дольки с мягкой плотью, содержащие белые или серые косточки, который обычно едят в сыром виде’.

БАНАН = ‘Южный фрукт, растущий на крупных, похожих на пальму, травянистых растениях, немного длиннее человеческой ладони и толщиной в два пальца, с толстой гладкой желтой кожурой, очень нежной сладкой плотью и без косточек, который обычно едят в сыром виде’.

ВИНОГРАД = ‘Южный фрукт, растущий в виде грозди на лозе, каждый плод которого величиной с кончик пальца руки, круглый или овальный, разнообразной окраски, с мягкой сладкой плотью и мелкими косточками, который обычно едят в сыром виде’.

ВИШНЯ = ‘Небольшой фрукт величиной с кончик пальца руки, растущий на дереве, круглый, темно-красный, кисло-сладкий, с мягкой плотью и круглой косточкой, который обычно используют для приготовления варенья или десертных блюд или едят в сыром виде’.

ГРЕЙПФРУТ = ‘Южный фрукт величиной с голову младенца или чуть меньше, растущий на дереве, круглый, с толстой плотной кожурой зеленоватого, желтого или оранжеватого цвета, разделенный на дольки с кисло-сладкой горьковатой плотью, содержащие белые или серые косточки, который обычно едят в сыром виде’.

ГРУША = ‘Повсеместно распространенный фрукт величиной с кулак, растущий на дереве, конической формы, обычно зеленый, желтый или коричневый, сладкий, с мягкой плотью и очень маленькими черными косточками внутри, который обычно едят в сыром виде или используют для приготовления десертных блюд’.

ЛИМОН = ‘Южный фрукт величиной с кулак ребенка или чуть больше, растущий на дереве, овальный или круглый, ярко-желтого цвета, очень

кислый, разделенный на дольки с упругой плотью, содержащие белые или серые косточки, сок или ломтики которого обычно добавляют в напитки и другие блюда’.

МАНГО = ‘Тропический фрукт величиной с кулак или немного больше, растущий на дереве, овальный, зеленоватый с малиновыми полосками, сладкий и душистый, с мягкой плотью и большой гладкой коричневой косточкой, который обычно едят в сыром виде’.

МАНДАРИН = ‘Южный фрукт величиной с кулак ребенка или немного меньше, растущий на дереве, круглый и немного сплюснутый сверху и снизу, с тонкой неплотной кожурой оранжевого цвета, кисло-сладкий, разделенный на дольки с мягкой плотью, содержащие белые или серые косточки, который обычно едят в сыром виде’.

ПЕРСИК = ‘Южный фрукт величиной с кулак или чуть меньше, растущий на дереве, круглый или овальный, желтого, оранжевого, розового или красного цвета, с мягкой сладкой плотью, с пушком на коже и большой светлой косточкой, поверхность которой имеет неровные бороздки, который обычно едят в сыром виде’.

СЛИВА = ‘Фрукт величиной с кулак младенца, растущий на дереве, круглый или овальный, разнообразной окраски с преобладанием темного цвета, с мягкой кисло-сладкой плотью более светлого цвета, чем кожура, и гладкой светлой косточкой, который обычно едят в сыром виде или используют для приготовления варенья или десертных блюд’.

ЧЕРЕШНЯ = ‘Круглый фрукт величиной немного больше вишни, растущий на дереве, красный, розовый или желтый, очень сладкий, с упругой плотью и круглой косточкой, который обычно едят в сыром виде’.

ЯБЛОКО = ‘Повсеместно распространенный фрукт величиной с кулак или чуть меньше, растущий на дереве, круглый или овальный, разнообразной окраски, с крепкой плотью и маленькими черными косточками внутри, сладкий или кисло-сладкий, который обычно едят в сыром или сушеном виде или используют для приготовления варенья или десертных блюд’.

3.3. Слова со значением времени

Ниже будут представлены толкования множества слов со значением временных отрезков или точек типа *весна, вечер, воскресенье, вчера, год, день 1, день 2, зима, месяц 1, месяц 2, минута* и т. п. На этом материале легко демонстрируется не только системность толкований, но и их взаимозависимость, «зацепленность» друг за друга, когда толкование одного слова логически или онтологически предшествует толкованию другого.

Кроме того, эта группа слов является красноречивым свидетельством того, что язык не только в высокой степени антропоцентричен, но и (в меньшей степени, но не менее принципиально) гео- и гелиоцентричен. Как станет ясно из приводимой ниже системы толкований, все они в конечном счете сводятся к идее перемещения земли вокруг солнца и (видимого) пе-

ремещения солнца по небосводу от восхода до заката. В связи с этим в число толкуемых единиц были включены еще четыре лексемы — *солнце*, *земля*, *восход*, *закат*.

Еще одно существенное отличие данной группы слов от двух предшествующих состоит в том, что там исходным смыслом, на котором базировались все остальные толкования, был некий *genus proximum*, между тем как в рассматриваемой группе таким исходным смыслом является понятие времени. Все известные нам попытки лексикографически истолковать это понятие ('длительность существования всего происходящего', 'измеряемое количество, продолжающееся из прошлого через настоящее в будущее', 'все годы прошлого, настоящего и будущего' и т. п.) представляются нам неудачными, поскольку неизменно предполагают порочный круг. Очевидно, например, что 'длительность', 'прошлое', 'настоящее', 'год' — более сложные понятия, которые сами должны определяться через понятие времени. Поэтому разумнее всего считать время неопределяемым понятием, т. е. семантическим примитивом. С него все и начинается.

ВРЕМЯ = 'Данная лексема является семантическим примитивом'.

ВЕСНА = 'Сезон года между зимой и летом, когда становится теплее'.

ВЕЧЕР = 'Часть дня 1, когда становится темнее, которая включает закат солнца'.

ВОСКРЕСЕНЬЕ = 'Последний день 1 недели'.

ВОСХОД = 'Процесс появления солнца на горизонте и начало его подъема в небе, а также время, в течение которого происходит этот процесс'.

ВЧЕРА = 'День 1 непосредственно перед сегодня'.

ГОД = 'Часть времени, равная 365 дням 1, за которую земля делает один полный оборот вокруг солнца'.

ДЕКАБРЬ = 'Последний месяц года'.

ДЕНЬ 1 = 'Часть времени между двумя непосредственно следующими друг за другом восходами солнца'.

ДЕНЬ 2 = 'Самая светлая часть дня 1, которая следует за утром и предшествует вечеру'.

ЗАВТРА = 'День 1 непосредственно после сегодня'.

ЗАКАТ = 'Процесс исчезновения солнца за горизонтом и конец его снижения в небе, а также время, в течение которого происходит этот процесс'.

ЗЕМЛЯ = 'Планета, на которой живут люди'.

ЗИМА = 'Самый холодный сезон года с самыми короткими днями 2 и самыми длинными ночами'.

ЛЕТО = 'Самый теплый сезон года с самыми длинными днями 2 и самыми короткими ночами'.

МЕСЯЦ 1 = 'Одна из двенадцати частей, на которые делится год'.

МЕСЯЦ 2 = 'Период приблизительно в 30 дней 1'.

МИНУТА = 'Одна шестидесятая часть часа'.

НЕДЕЛЯ = 'Период в семь дней 1, выделенный как цикл хозяйственной деятельности человека'.

НОЧЬ = ‘Самая темная часть дня 1, которая следует за вечером и предшествует утру’.

ОСЕНЬ = ‘Сезон года между летом и зимой, когда становится холоднее’.

ПОНЕДЕЛЬНИК = ‘Первый день 1 недели’.

СЕГОДНЯ = ‘Тот день 1, в который говорящий мыслит себя в момент речи’.

СЕЗОН = ‘Одна из нескольких (обычно — четырех) больших частей, на которые делится год с учетом природного цикла’.

СЕКUNДА = ‘Одна шестидесятая часть минуты’.

СОЛНЦЕ = ‘Самое большое небесное тело, испускающее на землю свет и тепло’.

УТРО = ‘Часть дня 1, когда становится светлее, которая включает восход солнца’.

ЧАС = ‘Одна двадцать четвертая часть дня 1’.

ЯНВАРЬ = ‘Первый месяц года’.

4. Толково-комбинаторный словарь (ТКС) русского языка

Типовая словарная статья компьютерного ТКС’а состоит из семи зон: 1) имя лексемы, 2) толкование (оно может сопровождаться примером), 3) часть речи, 4) перевод, 5) семантические признаки, 6) управление, 7) перечень ЛФ с их значениями.

Зоны части речи и семантических признаков в играх не участвуют, но используются для выбора слов, с которыми пользователь хотел бы провести очередной сеанс игры. Например, его могут заинтересовать существительные, обозначающие болезни; или глаголы, обозначающие ментальные действия; или прилагательные, обозначающие одновременно и свойства, и состояния.

Зона управления в настоящее время в компьютерных играх еще не функционирует, но ее предполагается включить в состав игр в самое ближайшее время. Информация в зоне управления организована следующим образом: символ P_i обозначает i -ый актанта данного предиката, т. е. имеет приблизительно тот же смысл, что в определениях ЛФ, а также в толкованиях лексем. Второй буквенный индекс при этом символе (см. ниже символы вида P_{ij}) обозначает j -ый способ выражения данного актанта. После такого символа в круглых скобках приводится слово, которое пользователь должен поставить в грамматическую форму или конструкцию, требуемую управляющими свойствами заглавного предиката по данной валентности.

Приведем, с некоторыми формальными упрощениями (без указания части речи, с переводом меток на русский язык и с некоторым «уплотнением» информации в целях экономии места), 10 словарных статей русского ТКС’а из буквы А.

АКЦЕНТ

Толкование: ‘Особая манера человека P1 произносить слова иностранного языка P3, типичная для носителей языка P2’: *Он говорит по-английски с сильным французским акцентом.*

Перевод: ACCENT.

Семантические признаки: ‘способ’, ‘параметр’, ‘речевой’, ‘качественный’.

Управление: P1.1 (*Иван*): (акцент) *Ивана*; P1.2 (*она*): *ее* (акцент); P2 (*грузинский язык*): *грузинский* (акцент).

ЛФ: GENER: *недостаток / дефект*; MAGN: *сильный / выраженный / чудовищный / жуткий / ужасный*; ANTIMAGN: *небольшой / легкий / едва заметный*; VER: *иностраннный*; OPER1: *говорить с (акцентом)*; FUNC1: (акцент) *есть <был> у (кого-либо)*; INCEPFUNC1: (акцент) *появляется <появился> у (кого-либо)*; FINFUNC1: (акцент) *исчезает <исчез> у (кого-либо) / (акцент) пропадает <пропал> у (кого-либо).*

АНАЛИЗ

Толкование: ‘Изучение человеком P1 каждого элемента и связей между элементами сложного объекта или ситуации P2 с целью понять, как P2 устроен или функционирует’: *Тщательный анализ ситуации привел экспертов к неутешительному выводу.*

Перевод: ANALYSIS.

Семантические признаки: ‘действие’, ‘ментальный’.

Управление: P1.1 (*эксперты*): (анализ) *экспертов*; P1.2 (*Катя*): (анализ) *Кати / Катин (анализ)*; P2 (*отчет*): (анализ) *отчета.*

ЛФ: V0: *анализировать <проанализировать>*; SYN: *изучение / исследование*; MAGN: *глубокий / исчерпывающий / полный / всесторонний / подробный / детальный / скрупулезный / тщательный / точный*; ANTIMAGN: *поверхностный / беглый*; BON: *тонкий / глубокий*; ANTIBON: *грубый / поверхностный*; VER: *объективный*; ANTIVER: *субъективный*; OPER1: *проводить <провести> (анализ)*; LABOR1-2: *подвергать <подвергнуть> (что-либо) (анализу)*; OPER2: *подвергаться <подвергнуться> (анализу).*

АНАЛИЗИРОВАТЬ

Толкование: ‘Человек P1 изучает каждый элемент и связи между элементами сложного объекта или ситуации P2 с целью понять, как P2 устроен или функционирует’: *Проанализировав спутниковые данные за последние пять лет, американские ученые пришли к выводу, что глобальное потепление на планете уже началось.*

Перевод: ANALYZE.

Семантические признаки: ‘действие’, ‘ментальный’.

Управление: P2 (*поведение кроликов*): (анализировать) *поведение кроликов.*

ЛФ: SYN: *разбирать / исследовать / изучать*; S0: *анализ*; S1: *аналитик*; MAGN: *глубоко / исчерпывающе / всесторонне / подробно / детально / пол-*

*но / скрупулезно / тщательно / точно; ANTIMAGN: неглубоко / поверхностно; BON: тонко / глубоко*⁸; ANTIBON: *поверхностно; VER: объективно.*

АПЛОДИРОВАТЬ

Толкование: ‘Человек или люди P1 производят громкие звуки ударами ладоней друг о друга в знак одобрения того P3, которое делает или сделал человек P2’: *Зал долго аплодировал музыканту.*

Перевод: APPLAUD.

Семантические признаки: ‘действие’, ‘физический’, ‘звуковой’.

Управление: P2 (докладчик): (аплодировать) докладчику; P3 (блестящий ответ): (аплодировать) за блестящий ответ.

ЛФ: SYN: *рукоплескать / хлопать* 2; ANTI: *свистеть* 2 / *улюлюкать*; S0: *аплодисменты*; MAGN: *бурно / продолжительно / восторженно / громко; ANTIMAGN: сдержанно / скупое / лениво.*

АПЛОДИСМЕНТЫ

Толкование: ‘Действие по глаголу P1 аплодирует P2 за P3’.

Перевод: APPLAUSE.

Семантические признаки: ‘действие’, ‘физический’, ‘звуковой’.

Управление: P1.1 (зал): (аплодисменты) зала; P1.2 (мы): *наши (аплодисменты)*; P2 (оратор): (аплодисменты) оратору; P3 (блестящий ответ): (аплодисменты) за блестящий ответ.

ЛФ: SYN: *рукоплескания / орация; ANTI: свист* 2 / *улюлюканье; ADV2: под аплодисменты; V0: аплодировать; MAGN: бурные / продолжительные / несмолкающие / громкие; ANTIMAGN: сдержанные / скупые / редкие / жидкие; VER: заслуженные; INCEPOPER1: раздражаться <разразиться> (аплодисментами); INCEPOPER2: срывать <сорвать> (аплодисменты); INCEPLAVOR1-2: встречать <встретить> (кого-либо) (аплодисментами) / награждать <наградить> (кого-либо) (аплодисментами); FUNC0: (аплодисменты) гремят; INCEPFUNC0: (аплодисменты) раздаются <раздались> / (аплодисменты) грянули / (аплодисменты) вспыхивают <вспыхнули>; FINFUNC0: (аплодисменты) смолкают <смолкли> / (аплодисменты) стихают <стихли> / (аплодисменты) прекращаются <прекратились>; CAUSFUNC0: вызывать <вызвать> (аплодисменты).*

АППЕТИТ

Толкование: ‘Ощущение, какое испытывает человек P1, когда он готов с удовольствием съесть что-либо’: *После прогулки у него появился аппетит.*

Перевод: APPETITE.

⁸ Как показывает этот пример (см. также раздел 2.2.1.1 выше), в ряде случаев значения разных ЛФ от данного аргумента могут совпадать. Язык ЛФ является, таким образом, средством, с помощью которого лингвист получает возможность фиксировать непрерывность семантического пространства языка.

Семантические признаки: ‘состояние’, ‘физиологический’, ‘волевой’.
Управление: P1.1 (ребенок): (аппетит) ребенка; P1.2 (вы): ваш (аппетит).

ЛФ: GENER: ощущение; MAGN: волчий / завидный / прекрасный; ANTIMAGN: плохой / неважный; OPER1: иметь (аппетит); INCEPOP1: нагулять <нагуливать> (аппетит); FINOPER1: терять <потерять> (аппетит); FUNC1: (аппетит) есть <был> у (кого-либо); INCEPFUNC1: (аппетит) разыгрывается <разыгрался> у (кого-либо) / (аппетит) появляется <появился> у (кого-либо) / (аппетит) пробуждается <пробудился> у (кого-либо); FINFUNC1: (аппетит) пропадает <пропал> у (кого-либо); LIQUFUNC1: портить <испортить> (аппетит) (кому-либо).

АРГУМЕНТ

Толкование: ‘Рассуждение P2 человека P1 или ссылка на факт P2, которые предназначены для того, чтобы убедить собеседника P3 в правоте P1’:
Он привел веские аргументы в пользу своего решения.

Перевод: ARGUMENT 1.

Семантические признаки: ‘средство’, ‘ментальный’.

Управление: P1.1 (докладчик): (аргумент) докладчика; P1.2 (вы): ваш (аргумент); P2 (времени не остается): (аргумент) что времени не остается.

ЛФ: V0: аргументировать; SYN: довод / доказательство; MAGN: убедительный / веский / сильный / железный / убийственный; ANTIMAGN: слабый / шаткий / неубедительный / легковесный; VER: убедительный; ANTIVER: неубедительный; OPER1: приводить <привести> (аргумент) / выдвигать / выдвинуть (аргумент); FUNC2: (аргумент) состоит в (чем-либо) / (аргумент) заключается в (чем-либо); REAL3-M: соглашаться <согласиться> с (аргументом) / принимать <принять> (аргумент); ANTI-REAL3-M: опровергать <опровергнуть> (аргумент).

АРЕНДОВАТЬ

Толкование: ‘Человек P1 берет за плату P4 собственность P2 у ее владельца P3 на срок P5 для использования в собственных интересах, с условием, что она будет возвращена после того, как этот срок истечет’:
Он арендовал ферму на десять лет.

Перевод: RENT 2.

Семантические признаки: ‘действие’, ‘финансовый’.

Управление: P2 (помещения): (арендовать) помещения; P3 (институт): (арендовать) у (института); P4 (миллион рублей): (арендовать) за (миллион рублей); P5 (десять лет): (арендовать) на (десять лет).

ЛФ: S0: аренда; S1: арендатор; SYN: снимать 2; CONV: сдавать 3; ANTI: сдавать 3.

АССИГНОВАТЬ

Толкование: ‘Будучи распорядителем больших финансовых средств, лицо P1 передает лицу P3 денежную сумму P2, предназначенную для его

действия или деятельности Р4 или для приобретения объекта Р4 лицом Р3': *На оснащение вычислительного центра были ассигнованы крупные суммы.*

Перевод: ALLOT / ALLOCATE / ASSIGN 2.

Семантические признаки: 'действие', 'финансовый'.

Управление: Р2 (*тысяча долларов*): (*ассигновать*) *тысячу долларов*; Р3 (*институт*): (*ассигновать*) *институту*; Р4 (*закупка оборудования*): (*ассигновать*) *на закупку оборудования*.

ЛФ: S0: *ассигнование*; SYN: *выделить / направить / отпустить / инвестировать*; ANTI: *взыскать*; CONV: *финансировать / субсидировать*.

АТАКА

Толкование: 'Действие по глаголу *Р1 атакует Р2*'.

Перевод: ATTACK 1; ASSAULT 1.

Семантические признаки: 'действие', 'физический'.

Управление: Р1.1 (*истребители*): (*атака*) *истребителей*; Р1.2 (*мы*): *наша (атака)*; Р2 (*позиции неприятеля*): (*атака*) *на позиции неприятеля*.

ЛФ: SYN: *нападение / налет / набег / рейд*; GENER: *действие*; V0: *атаковать*; MAGN: *стремительная / быстрая / внезапная / неожиданная / решительная*; ANTIMAGN: *вялая*; VER: *успешная*; ANTIVER: *неудачная / безуспешная*; OPER1: *предпринимать (предпринять) (атаку) / производить (произвести) (атаку)*; INCEPOPER1: *идти (пойти) в (атаку)*; OPER2: *подвергаться (подвергнуться) (атаке)*; REAL2-M: *отражать (отразить) (атаку) / отбивать (отбить) (атаку)*; FACT0-M: (*атака*) *удается (удалась) / (атака) увенчивается (увенчалась) успехом*; ANTIFACT0-M: (*атака*) *захлебывается (захлебнулась)*.

5. Лингвистические игры

5.1. Список игр и уровни их сложности

Нынешняя версия учебника предлагает пользователю пять лингвистических игр: 1) указать значения всех ЛФ для слова, выбранного компьютером; 2) сделать то же самое, но с подсказкой на родном языке пользователя (в этой игре поиск ответа на очередной вопрос облегчается тем, что компьютер приводит правильные ответы на родном языке пользователя); 3) указать значения ЛФ, выбранной пользователем, для всех слов, предложенных компьютером; 4) назвать лексему, отвечающую толкованию, которое предложено компьютером; 5) дать перевод слова на другой язык.

Все игры с участием ЛФ делятся на несколько уровней сложности в зависимости от характера ЛФ. Если ЛФ имеет прозрачный смысл и тривиальную синтаксическую структуру, она относится к первому уровню сложности. Таковы, например, ЛФ MAGN, SYN, ANTI, S0, A0 и ряд других.

Если ЛФ имеет прозрачный смысл, но нетривиальную синтаксическую структуру, она относится ко второму уровню сложности. Таковы, например, ЛФ семейства OPER—FUNC. Если ЛФ имеет сложный смысл и нетривиальную синтаксическую структуру, она относится к третьему уровню сложности. Таковы, например, ЛФ семейства REAL—FACT. За правильный ответ на вопрос первого уровня сложности начисляется один балл, за правильные ответы каждого нового уровня сложности добавляется по баллу.

Кроме того, на каждом уровне сложности имеется деление на два подуровня. Самое тривиальное значение ЛФ (оно дается в словаре первым) считается наиболее простым для угадывания. Каждое новое значение считается более трудным для угадывания и приносит пользователю более высокий — удвоенный — балл.

В будущем предполагается организация на имеющемся в учебнике материале еще двух игр.

Первая из них называется «лексический мир слова». В ней предлагается угадать слово, для которого представлен такой список ЛФ с их значениями, которому соответствует ровно один аргумент. Например, по списку OPER1: *испытывать* (что-л.) / *быть в* (чем-л.), INCEPFUNC1: *охватывать* (кого-л.), SYN: *раж*, ANTI: *апатия*, MAGN: *сильный*, INCEP-OPER1: *входить в* (что-л.), FINFUNC0: *проходить* следует указать слово *азарт*.

Вторая игра называется «лексический мир ЛФ». В ней предлагается указать слова (аргументы), для которых данная ЛФ имеет данное значение. Пусть требуется найти такие X, для которых MAGN(X) = *твердый*. Правильные ответы содержатся, например, в списке слов *валюта, вера, знания, намерение, позиция, походка, поступь, правило, принцип, решение, решимость, убеждение, уверенность, характер, шаг*.

В дальнейшем предполагается также дать пользователю возможность настраивать учебник на один из двух режимов его применения: игровой или учебный. В первом режиме подача материала для всех игр производится всякий раз случайным образом. Во втором режиме пользователь сам подбирает материал для очередного сеанса работы с учебником. При этом у него будет возможность пользоваться специально разработанной методикой усвоения русской лексики на базе компьютерного учебника (поярочная разбивка материала, задания на повторение, закрепление пройденного, контрольные работы). О первых шагах по разработке этого режима см. пункт 5.7.

5.2. Система оценки ответов

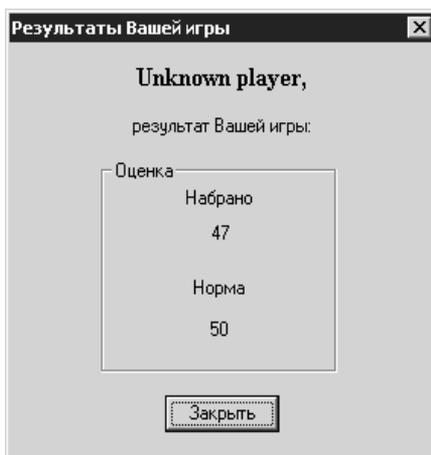
Подсчет очков ведется с учетом уровня сложности каждой конкретной лингвистической игры (см. выше) и общего количества правильных ответов на текущий вопрос. В случае, если существует более одного варианта

правильного ответа, система предлагает участнику дать альтернативный ответ.

На основании полученных ответов система формирует три оценки — текущую, нормальную и максимальную. Текущей называется оценка, равная сумме баллов за все правильные ответы участника. Нормальной называется оценка, равная сумме баллов за один правильный ответ на каждый из предложенных вопросов. Максимальной называется оценка, равная сумме баллов в случае получения трех правильных ответов на каждый вопрос, допускающий от трех и более правильных ответов.

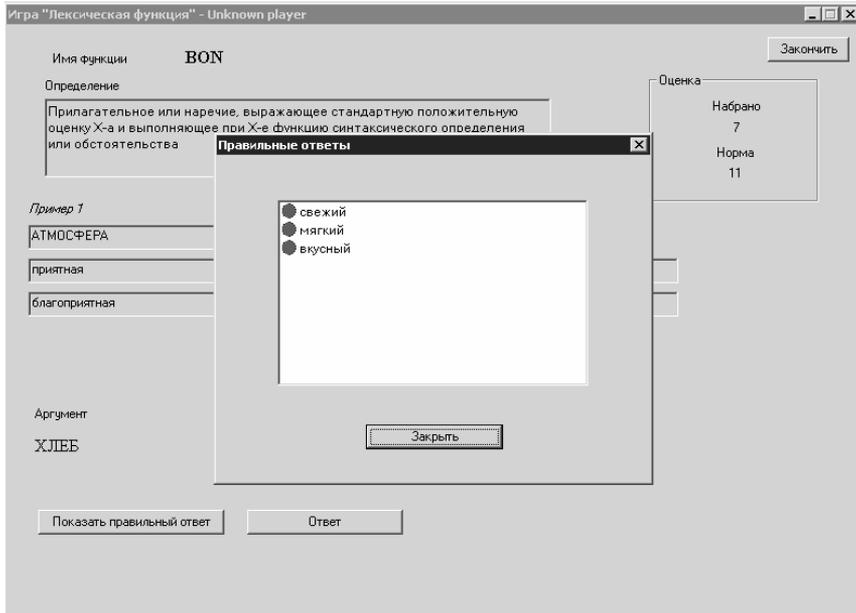
Напомним, что последнее возможно в том случае, когда данная ЛФ многозначна; ср. БОЛЬ: *сильная / резкая / острая / нестерпимая / ослепляющая / пронзительная / адская*; ВЕРА: *глубокая / твердая / горячая / слепая / неистребимая / непоколебимая / несокрушимая / безграничная*; ВПЕЧАТЛЕНИЕ: *яркое / сильное / огромное / глубокое / незабываемое / неизгладимое / потрясающее*; ДОСТИЖЕНИЕ: *большое / крупное / значительное / выдающееся / огромное / феноменальное*. Очевидно, что было бы нереалистично ждать перечисления всех возможных значений таких многозначных функций не только от начинающих участников игр, но даже от искушенных лингвистов и безупречных носителей русского языка.

Все три оценки вместе с вспомогательной информацией сохраняются системой и в дальнейшем могут быть использованы как для анализа работы конкретного пользователя, так и для анализа эффективности игры. При этом в процессе игры и по ее завершении игроку предъявляются первые две оценки — текущая и нормальная.

Таким образом, для оценки уровня своих знаний игрок может ориентироваться на «норму» — в случае пропуска вопросов он будет отставать от нее, но с помощью альтернативных ответов сможет ликвидировать отставание и превзойти нормальную оценку по количеству баллов.

Участнику игры предоставляются три попытки ответа на каждый вопрос, использование которых не снижает количества баллов при неправильном ответе, — на случай неточности или опечатки. Если участник затрудняется с ответом, он может запросить список правильных вариантов с потерей баллов, которые он мог бы заработать за правильный ответ.

5.3. Подсказки системы

В ряде случаев компьютер облегчает участнику поиск правильного ответа: для этого разработан инструмент подсказок. С его помощью участнику показываются некоторые обязательные (но не критические) элементы ответа и его примерная синтаксическая схема с обозначением мест вставки недостающих элементов. При этом в процессе подготовки подсказки обязательные элементы и аргумент функции с помощью внутренних правил переводятся в их словарный вид, чтобы падежная или иная форма слова явным образом не определяла недостающие предлоги.

Пример:

Функция: CAUSOPER1

Аргумент: ДЕЙСТВИЕ

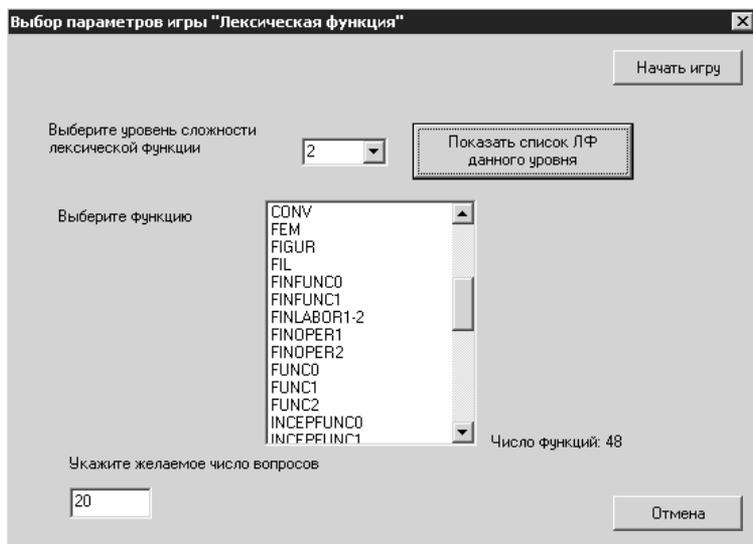
Подсказка системы: «— (кто-либо) — (действие)»

От участника ожидается ответ вида *побуждать (кого-либо) к (действию)* или *побудить (кого-либо) к (действию)*.

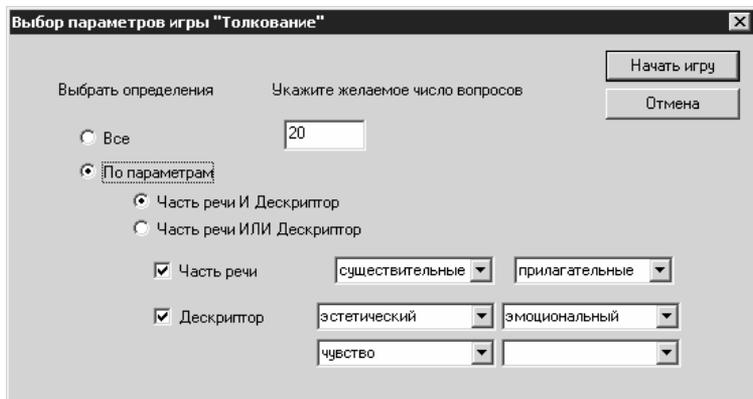
5.4. Выбор пользователем языкового материала

Для четырех игр — «Слово», «Слово с подсказкой», «Толкование» и «Перевод» — предусмотрена возможность подбора пользователем языкового материала, который будет в них активирован, — своего рода настройки игр. Материал выбирается пользователем по ряду признаков, которым должны соответствовать лексемы, участвующие в игре. Это может быть часть речи лексемы, приписанные ей семантические признаки (дескрипторы) или ЛФ. Для игры «ЛФ» пользователю предлагается выбрать общее количество аргументов.

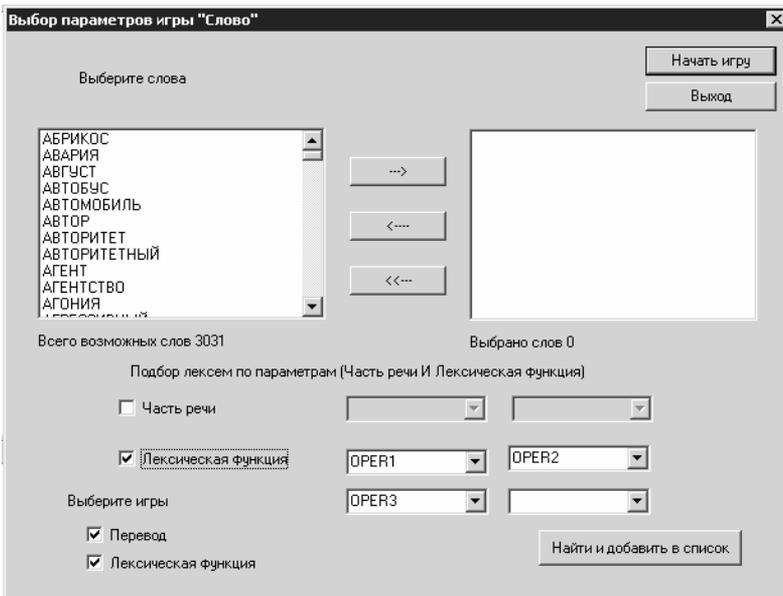
Приведем примеры диалогов пользователя с системой при подобной настройке для каждого возможного варианта.

Подбор материала для игр «Толкование» и «Перевод» выглядит следующим образом:

В играх «Толкование» и «Перевод» наиболее ценными признаками для выбора лексем являются, помимо частей речи, их семантические признаки, а в игре «Слово» и «Слово с подсказкой» на первое место выходит наличие в словарных статьях лексем тех или иных ЛФ.

Поиск материала производится компьютером по всем статьям словаря, которые подготовлены для данной игры и содержат соответствующую метку. Набор таких меток для каждой статьи индивидуален, поэтому составители словаря, не меняя содержания словарных статей, могут варьировать материал той или иной игры.

5.5. Лингвистические игры подробно

5.5.1. «Лексические функции»

Игра «Лексические функции» состоит в следующем. Пользователь выбирает функцию, с которой он будет работать, после чего система сообщает ему определение этой функции и приводит несколько примеров с разными аргументами. Затем ему предлагается набор аргументов, подобранных описанным выше образом. Предполагается, что пользователь сможет найти одно или несколько значений данной ЛФ для каждого аргумента.

Для выработки правильного ответа участнику потребуется:

- а) Понять смысл функции.
- б) Подобрать именно те слова, которые наиболее точно и идиоматично выражают этот смысл при ключевом слове.

Игра "Лексическая функция" - Unknown player

Имя функции: SING

Определение: Существительное, обозначающее один экземпляр, элемент, порцию, штуку или единицу X-а и либо подчиняющее X синтаксически, либо включающее значение X-а в свое лексическое значение

Оценка: Набрано 0, Норма 1

Пример 1: ГНЕВ
вспышка гнева
приступ гнева
взрыв гнева

Пример 2: КАПУСТА
кочан капусты

Аргумент: МЫЛО

Ваш вариант ответа: (мыло)

Показать правильный ответ | Ответ

Закончить

в) В случае необходимости — поставить подобранные слова в нужные грамматические формы и составить из них корректные синтаксические конструкции (словосочетания). При этом, как уже было сказано выше, помимо указания падежных форм может потребоваться указание предлогов.

5.5.2. «Толкование»

Игра «Толкование» предлагает пользователю лексикографическое толкование слова и просит указать (угадать) само слово.

Игра "Толкование" - Unknown player

Толкование: Рассуждение P2 человека P1 или ссылка на факт P2, которая предназначена для того, чтобы убедить собеседника P3 в своей правоте

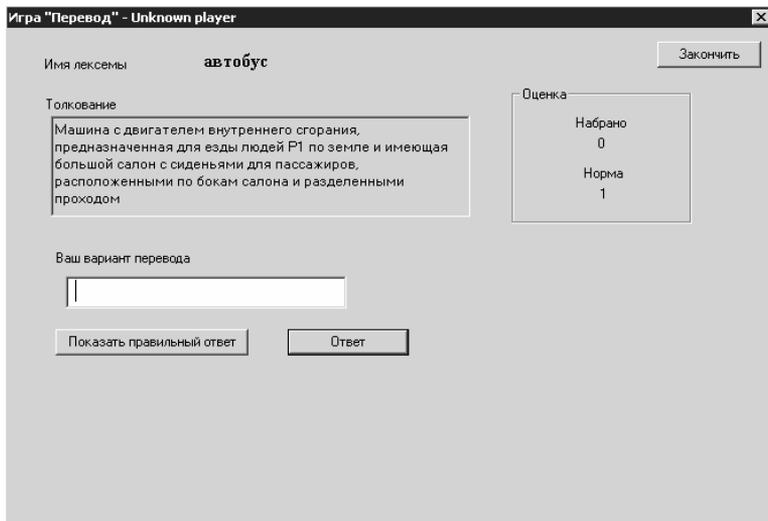
Оценка: Набрано 0, Норма 2

Показать правильный ответ | Ответ

Закончить

5.5.3. «Перевод»

Игра «Перевод» предлагает перевести каждую из выбранных лексем на другой рабочий язык. В нынешней версии системы речь идет только о переводе на английский. В случае, если возможно несколько переводов (ср. ОГРАДА — FENCE / FENCING / RING-FENCE / RAILS / RAILING / ENCLOSURE), участнику предлагается дать альтернативные ответы. В ходе игры для каждой лексемы приводится ее лексикографическое толкование на выбранном рабочем языке (ОГРАДА = ‘Сооружение в виде стены или решетки, со всех сторон отделяющее объект P1 от остального пространства и предназначенное для того, чтобы не допустить чьего-либо проникновения к P1’).

5.5.4. «С л о в о»

Пользователь может работать как с отдельными лексемами, так и с группами лексем, которые могут быть подобраны произвольно или на основе описанных выше признаков.

Для каждой лексемы из выбранной группы участнику предлагается ее лексикографическое толкование, которое сохраняется на экране на протяжении всего времени работы с данной лексемой. Затем система последовательно выводит имена ЛФ, а также их определения и примеры значений. Участнику предлагается указать значение или значения каждой функции для данной лексемы.

Внутри игры «Слово» возможен еще режим, включающий игру «Перевод».

Игра "Слово" - Unknown player

АВТОРИТЕТ

Толкование

Свойство человека P1, состоящее в том, что люди P2 считают с его мнениями, касающимися области интеллектуальной деятельности P3, и объясняющееся тем, что P1 имеет большой опыт или знания в этой области

Оценка

Набрано
0

Норма
1

Имя функции **ОПЕР1**

Делать X, иметь X или быть в состоянии X (лексически обусловленный глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X - функцию главного дополнения)

Пример 1

ОТЧАЯНИЕ

быть в отчаянии

Пример 2

ВЛИЯНИЕ

оказывать влияние

Ваш вариант ответа

| (авторитет)

Показать правильный ответ Ответ

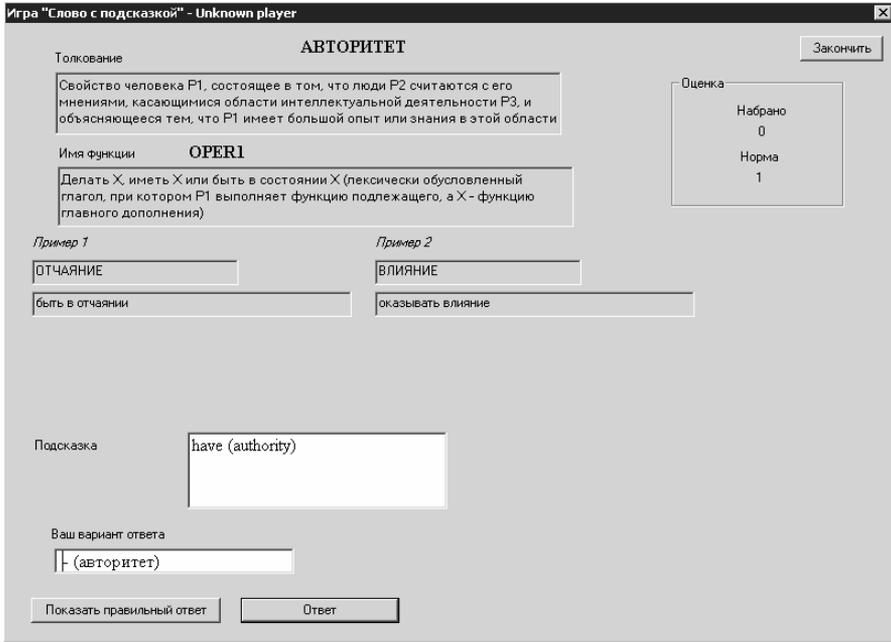
Закончить

Игра «Слово» имеет достаточно много общих черт с игрой «Лексические функции» и использует лингвистический материал аналогичного содержания. Однако, как уже упоминалось, в настоящий момент эти игры опираются на два самостоятельных и независимых словаря — ТКС и словарь ЛФ.

5.5.5. «Слово с подсказкой»

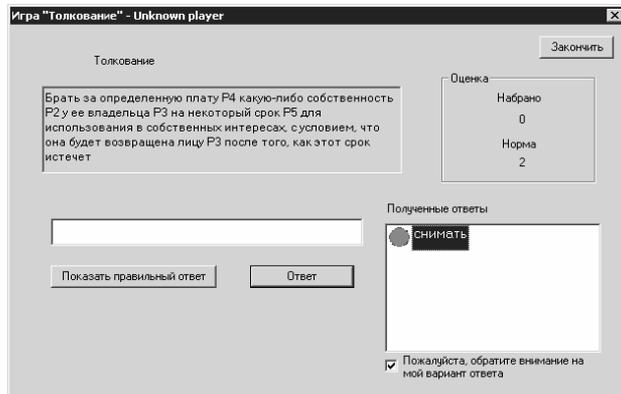
Игра «Слово с подсказкой» ориентирована на работу в двуязычном режиме. При этом тот язык, на котором формулируются подсказки системы, должен быть в достаточной степени знаком пользователю. Как правило, это родной язык пользователя.

Как следует из названия, игра «Слово с подсказкой» идеологически очень близка игре «Слово», а по содержанию она полностью аналогична фрагменту «лексические функции» игры «Слово». Однако при этом поиск ответа на очередной вопрос облегчается тем, что компьютер приводит правильные ответы на него на языке подсказки.

5.6. Обратная связь

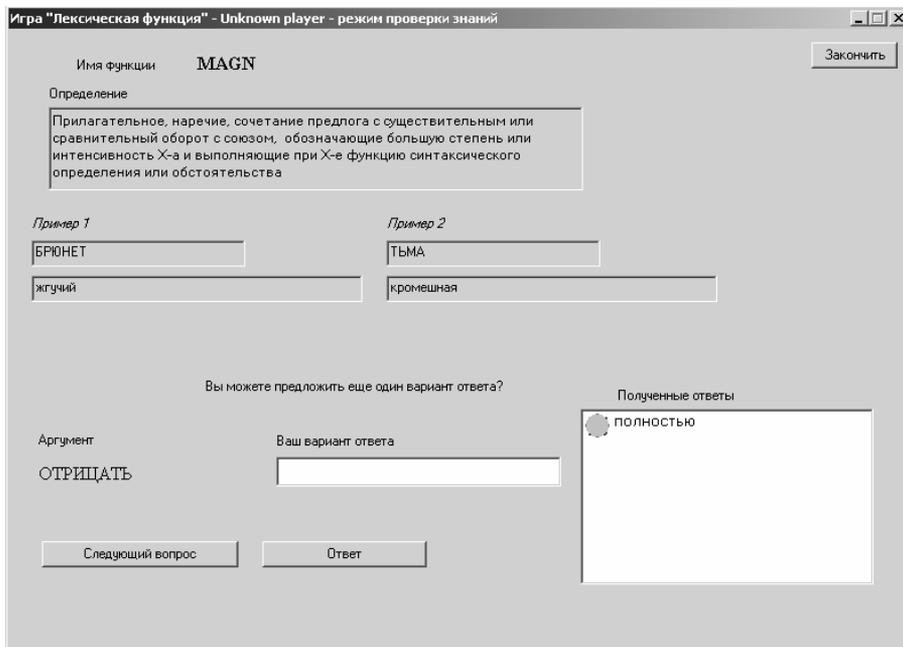
Для успешной эксплуатации и развития системы необходима организация обратной связи пользователей игры с ее авторами. Очевидно, что составители словарей не могут учесть все возможные значения данной ЛФ от данного аргумента, все возможные переводы данной лексемы и т. п. — естественный язык слишком богат для этого. В ответах пользователя могут содержаться вполне правильные ответы на предлагаемые ему вопросы, не предусмотренные системой. Для учета этого материала в системе предусмотрен буфер ответов, в котором сохраняются все ответы игроков, отличные от эталонных вариантов. При этом игрокам предоставляется возможность отметить такие варианты ответов, которые, по их мнению, заслуживают внимания составителей.

Экспериментальная обкатка системы выявила большое количество вопросов со стороны пользователей к ряду предусмотренных словарями вариантов ответов. Поэтому в будущем участникам игр будет предоставлена возможность оставлять свои комментарии или предложения для их последующего изучения составителями.

5.7. Режим проверки знаний

Помимо уже описанного режима работы пользователя с играми, для оценки эффективности предлагаемой схемы организации учебника был разработан режим проверки знаний. В настоящий момент он реализован для игры «ЛФ». В этом режиме пользователь не видит ни информации о том, соответствуют ли его ответы хранящимся в словаре вариантам, ни количества начисленных ему баллов. Набор аргументов, который ему предлагается, заранее определен составителем теста. Варьируется только последовательность вопросов внутри задания, посвященного одной ЛФ. Факкультативно система может сокращать или увеличивать время, отводимое для ответа на один вопрос. Эта функция позволяет поставить группу испытуемых в равные условия работы с каждым вопросом и провести сбор статистических данных. Еще одним изменяемым параметром является количество вариантов ответа, которые система предлагает указать пользователю.

В режиме проверки знаний система сохраняет все ответы пользователя, в том числе совпадающие со словарными вариантами, чтобы впоследствии можно было воспроизвести весь ход проверки — например, для того, чтобы попытаться понять логику рассуждений пользователя.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян 2001 — Ю. Д. Апресян. О лексических функциях семейства REAL — FАCT // Nie bez znaczenia... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji jubileuszu 15000 dni pracy naukowej. Białystok, 2001. С. 23—40.

Апресян 2004 — Ю. Д. Апресян. О семантической негустоте и мотивированности глагольных лексических функций // ВЯ. 2004. № 4. С. 3—18.

Апресян 2006 — Ю. Д. Апресян. Основания системной лексикографии // В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 33—160.

Апресян 2007 — Ю. Д. Апресян. Лексические функции на службе компьютерной лингвистики // Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології MEGALING-2006. Збірник наукових праць. Київ, 2007.

Апресян 2008 — Ю. Д. Апресян. О семантической мотивированности лексических функций-коллокатов (в печати).

Апресян и др. 1989 — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, Н. В. Перцов, В. З. Санников, Л. Л. Цинман. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М., 1989.

Апресян и др. 1992 — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, Л. Г. Митюшин, В. З. Санников, Л. Л. Цинман. Лингвистический процессор для сложных информационных систем. М., 1992.

Апресян, Цинман 2002 — Ю. Д. Апресян, Л. Л. Цинман. Формальная модель перифразирования предложений для систем переработки текстов на естественных языках // Рус. яз. в науч. освещении. 2002. № 2 (4). С. 102—146.

Гловинская 1993 — М. Я. Гловинская. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158—218.

Грамматика-80 — Русская грамматика. Т. 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М., 1980.

Иомдин 1990 — Л. Л. Иомдин. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М., 1990.

Кошелев 2006 — А. Д. Кошелев. О схеме лексического значения предметного существительного и ее функционировании в акте коммуникации // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 516—570.

Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.

Мельчук 1995 — И. А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». М.; Вена, 1995. (Wiener Slawistischer Almanach. SBd 39).

Мельчук, Жолковский 1984 — И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984. (Wiener Slawistischer Almanach. SBd 14).

НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

Падучева 1991 — Е. В. Падучева. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ. Сер. 2. 1991. № 5. С. 21—31.

Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

Ройтер 1994 — Т. Ройтер. О перифрастических наименованиях речевой деятельности // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 76—82.

Санников 1989 — В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции: Семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989.

Apresjan 1996 — Ju. A p r e s j a n. Enseignement du lexique assisté par ordinateur // Lexicomatique et dictionnaires. IVes Journées scientifiques du réseau thématique «Lexicologie, Terminologie, Traduction». Lyon, France, 28, 29, 30 septembre 1995. Montréal, 1996. P. 1—10.

Apresjan 2000 — Juri D. A p r e s j a n. Systematic Lexicography. Oxford, 2000.

Apresjan et al. 2002 — Ju. D. A p r e s j a n, I. M. B o g u s l a v s k y, L. L. I o m d i n, L. L. T s i n m a n. Lexical Functions in NLP: Possible Uses // M. Klenner, H. Visser (eds). Computational Linguistics for the New Millenium: Divergence or Synergy? Proceedings of the International Symposium held at the Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 21—22 July 2000. Frankfurt am Main, 2002. P. 55—72.

Apresjan et al. 2003 — Ju. A p r e s j a n, I. B o g u s l a v s k y, L. I o m d i n, A. L a z u r s k y, V. S a n n i k o v, V. S i z o v, L. T s i n m a n. ETAP-3 Linguistic Processor: a Full-Fledged NLP Implementation of the Meaning-Text Theory // Proceedings 2003. S. Kahane, A. Nasr (eds). Meaning-Text Theory. First International Conference on Meaning-Text Theory. Juin 16—18. Paris, 2003. P. 279—288.

Boguslavsky 2002 — I. B o g u s l a v s k y. Some Lexical Issues of UNL // Proceedings of the First International Workshop on UNL, other Interlinguas and their Applications. Las Ramas; Paris, 2002. P. 19—22.

Boguslavsky et al. 2000 — I. B o g u s l a v s k y, N. F r i d, L. I o m d i n, L. K r e i d l i n, I. S a g a l o v a, V. S i z o v. Creating a Universal Networking Module within an Advanced NLP System. Vol. 1. Coling, 2000. P. 83—89.

Mel'čuk 1992 — I. M e l ' č u k. Paraphrase et lexique: la théorie Sens-Texte et le Dictionnaire explicatif et combinatoire // I. M e l ' č u k, N. A r b a t c h e w s k y - J u m a r i e, L. I o r d a n s k a j a, S. M a n t h a. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques III. Montréal, 1992. P. 9—58.

Mel'čuk 1996 — I. M e l ' č u k. Lexical Functions: A Tool for the Description of Lexical Relations in a Lexicon // Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing / L. W a n n e r (ed.). Amsterdam; Philadelphia, 1996. P. 37—102.

Mel'čuk 1997 — I. M e l ' č u k. Vers une linguistique Sens-Texte. Paris, 1997.

Mel'čuk et al. 1984 — I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, A. Lessard. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I. Montréal, 1984.

Mel'čuk et al. 1988 — I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Dagenais, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, M.-N. Lefebvre, S. Mantha. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques II. Montréal, 1988.

Mel'čuk et al. 1992 — I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques III. Montréal, 1992.

Mel'čuk et al. 1999 — I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha, A. Polguère. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques IV. Montréal, 1999.

Mel'čuk, Wanner 1996 — I. A. Mel'čuk, L. Wanner. Lexical Functions and Lexical Inheritance for Emotion Lexemes in German // L. Wanner (ed.). Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing. Amsterdam; Philadelphia, 1996. P. 209—278.

Reuther 1996 — T. Reuther. On Dictionary Entries for Support Verbs: the Case of Russian VESTI, PROVODIT' and PROIZVODIT' // L. Wanner (ed.). Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing. Amsterdam; Philadelphia, 1996. P. 181—208.

Reuther 2003 — T. Reuther. Support verb combinations with existential verbs (German and Russian) // S. Kahane, A. Nasr (eds). Meaning-Text Theory. First International Conference on Meaning-Text Theory = Première conférence internationale sur la Théorie Sens-Texte: Actes = Proceedings. Juin 16—18. Paris, 2003. P. 1—10.

Wierzbicka 1985 — A. Wierzbicka. Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor, 1985.

Wierzbicka 1987 — A. Wierzbicka. English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary. Sydney etc., 1987.

О. Н. ЛАГУТА, М. К. ТИМОФЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА И ИНТЕГРУМ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Двадцатый век был богат событиями, существенно повлиявшими на цели и методы исследования языка. Появление компьютеров и спровоцированное этим обновление класса решаемых задач наглядно продемонстрировали важность изучения языка как объемного, многопланового объекта, в рамках которого растворяются дисциплинарные преграды между собственно филологией, с одной стороны, и психологией, математикой, философией, социологией, антропологией, этнографией — с другой. Этот концептуальный сдвиг интересов настолько серьезен, что лингвистика за прошедшие более чем полстолетия так и не успела полностью осмыслить свое новое предназначение. Сегодняшнее положение дел приготовило ей новое испытание.

Наметившаяся еще в начале компьютерной эпохи перспектива создания больших коллекций электронных текстов начала воплощаться в реальность. Самым объемным (и наиболее стихийно формируемым) собранием таких текстов является, конечно, сеть Интернет, в состав которой, в частности, входят многочисленные электронные библиотеки, создаваемые по инициативе энтузиастов (например, Библиотека Максима Мошкова, Библиотека Ихтика), онлайн-выдания газет, публикации материалов различных органов власти и управления. Еще о двух видах активно развиваемых электронных коллекций следует сказать отдельно.

Государственные и академические структуры многих стран инициировали развитие ряда крупных проектов по оцифровке существующей литературы. Цель этих проектов — сделать общедоступными тексты (как современные, так и прошлых эпох), представляющие научную или культурную ценность. Воплощением самого масштабного проекта такого плана занимаются крупнейшие национальные библиотеки России, Швейцарии, Нидерландов, Франции, Германии, Бельгии, Чехии, Англии, Португалии, Испании, США, Канады, Японии и других стран. Существует ряд перспективных российских проектов: Открытая русская электронная библиотека (orel.rsl.ru), Русская виртуальная библиотека (RVB), Фундаментальная электронная библиотека (ФЕБ-WEB), Рукописные памятники Древней Руси (www.gramoty.ru). К реализации программ оцифровки библиотек приступили поисковые системы Google и Яндекс.

Важный класс коллекций электронных текстов — информационно-поисковые системы и корпуса. Они включают в себя специальные средства, обеспечивающие возможность сложного поиска разного рода информации, содержащейся в текстах. К числу таких коллекций относятся Национальный корпус русского языка и Интегрум (Integrum).

Все перечисленные выше собрания текстов не только облегчают доступ к современным изданиям, к культурному и научному наследию (что, безусловно, важно само по себе), но и создают колоссальное по своим размерам растущее электронное *языковое пространство*, потенциально являющееся бесценным материалом для исследования языка в самых разнообразных целях. Ничего подобного наука о языке никогда в своем распоряжении не имела. Это, в свою очередь, требует, во-первых, осмысления роли и способа существования лингвистики и других гуманитарных наук в сложившихся новых для них обстоятельствах и, во-вторых, разработки адекватных этим обстоятельствам средств, т. е. «инфраструктуры», обеспечивающей навигацию в таком языковом пространстве.

Впервые в истории реально вырисовывается перспектива изучать «язык в действии», о чем некогда говорил Вильгельм фон Гумбольдт, а позже — И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Потебня, Л. В. Щерба и другие. Цифровое языковое пространство запечатлевает существенную и все возрастающую часть «языка в действии», предоставляя тем самым богатейший материал для разностороннего исследования, трактующего его как объемный, многоплановый объект.

Поэтому развитие Национального корпуса русского языка и Интегрума, предлагающих средства и стратегии освоения цифрового языкового пространства, чрезвычайно актуально. Теоретическими и практическими проблемами разработки и использования подобных систем занимается *корпусная лингвистика*. Эта относительно молодая дисциплина очень динамично развивается, все более явственной становится ее перспективность для лингвистики и других гуманитарных наук. Поэтому важно не только осмыслить итоги работы в данной области, но и сделать такую информацию доступной широкому кругу исследователей. В недавнее время были опубликованы два сборника трудов, преследующих именно эту цель: «Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы» [НКРЯ... 2005] и «Integrum: точные методы и гуманитарные науки» [Integrum... 2006]. Задача данной статьи — дать общее представление о состоянии дел, проблемах и перспективах отечественной корпусной лингвистики, опираясь прежде всего на информацию, представленную в названных итоговых сборниках.

Первый сборник охватывает статьи, посвященные разноаспектному рассмотрению задач, связанных с историей формирования, аннотирования и с современным функционированием Национального корпуса русского языка (НКРЯ) — уникальной и самой объемной в настоящее время электронной исследовательской базы русских языковых данных, имеющейся в свободном доступе. С 29 апреля 2004 г. материалы НКРЯ, размещенные на

сайте ruscorpora.ru, включены в широкий исследовательский контекст, и с этого момента, рассуждая о репрезентативности и достоверности той или иной частной исследовательской коллекции, русисты уже не могут игнорировать вопрос, насколько сведения, полученные в ходе изучения конкретного материала, собранного традиционными методами составления картотек (в большинстве случаев буквально «вручную»), соответствуют тенденциям, выявляемым при анализе аналогичных систем данных НКРЯ. Обращение к данным НКРЯ позволяет в считанные секунды составить первичную исследовательскую картотеку, на сбор которой у лингвистов всегда уходили годы. Противники привлечения электронных источников к исследовательскому анализу могут возразить, что сбор «вручную» любого речевого материала, как письменного, так и устного, предполагает его параллельную первичную обработку и задание основ систематизации. Но это возражение легко снимается при любом обращении к ресурсам НКРЯ: ни один исследователь не может учесть все случаи употребления той или иной единицы и представить ее функционирование в буквально необозримом текстовом пространстве.

Статьи сборника тематически распределены по шести частям-рубрикам. Первая часть носит вводный характер, в ней излагается краткая история проекта и приводится информация об уже существующих электронных корпусах русского языка. Сборник открывается «неформальным введением» — статьей В. А. Плунгяна «Зачем нужен национальный корпус русского языка?», в которой разъясняются не только основные категории и термины корпусной лингвистики, но и нюансы понятий «национальный» и «стандартный» vs. «литературный», широко привлекаемых в исследованиях языков с богатой книжно-письменной традицией. Так, *корпусом* языка предлагается считать «собрание текстов на данном языке, представленное в электронной форме и снабженное научным аппаратом. Аппарат, “встроенный” в корпус, обычно называется *разметкой*, или *аннотацией*, корпуса; корпус тем лучше, чем полнее и совершеннее его аннотация. Собственно, наука о корпусах (а таковая давно уже существует и называется “корпусная лингвистика”) — это прежде всего наука о том, как сделать хорошую разметку корпуса» [НКРЯ... 2005: 6]. Поэтому «корпус — это электронное собрание текстов, размеченное таким образом, чтобы в нем можно было быстро найти слова и конструкции с заданными грамматическими и другими интересными лингвисту свойствами» [Там же]. Национальным корпусом языка предлагается считать «просто самый большой и представительный корпус, характеризующий язык данной страны в целом» [Там же: 7]. Таким образом, предполагается, что репрезентативность и сбалансированность языкового материала, представленного в НКРЯ, должны выгодно отличать его от «картотек», получаемых при обработке Интернет-данных с помощью обычных поисковых систем (проблемы репрезентативности и сбалансированности корпусных данных были подняты в свое время в [Герд, Захаров 2004]).

НКРЯ, не ограничиваясь классическими литературными текстами XIX и XX веков, охватывает материалы разножанровой направленности: публицистические, специальные научные, эпистолярные, мемуарные и т. д. Рамки Корпуса могут постоянно расширяться, в том числе за счет включения записей устной речи и текстов быстро развивающейся электронной коммуникации. Нельзя не согласиться с В. А. Плузником в том, что применение критерия «литературоцентричности» в отношении современного русского языка противоречит реально существующей языковой ситуации. Исследователями уже отмечалось, что «литературный язык — это, разумеется, далеко не одно и то же, что язык художественной литературы» [Граудина 2000а: 13], но *литературный* в научном «узусе» часто отождествляют с *кодифицированным*. Поэтому предпочтение В. А. Плузником интернационального термина *стандартный язык* [НКРЯ... 2005: 11] как обозначения общенационального нормативного языка термину *литературный язык* представляется вполне обоснованным. Вне сомнений, «для лингвистов корпус — как минимум неопределимый инструмент, сокращающий затраты времени на техническую работу. На самом деле, конечно, корпус — нечто большее, чем просто техническое подспорье — это фактически справочно-информационная система по современному русскому языку, позволяющая получать ответы на самые неожиданные вопросы — более того, позволяющая ставить новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась» [НКРЯ... 2005: 13]. Многие частные исследовательские задачи (например, выявление нормативных тенденций и условий вариантной дистрибуции разноуровневых языковых единиц в текстах), решавшиеся на ограниченном языковом материале, в том числе с привлечением данных Машинного фонда русского языка [Граудина 2000б], теперь могут быть поставлены в совершенно новых исследовательских условиях. Существенность вклада в НКРЯ материалов Отдела машинного фонда Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН отмечена в статье Д. В. Сичинавы «Национальный корпус русского языка: очерк предистории» [НКРЯ... 2005: 22—23]. В первой же части сборника читателю предлагается обзорная статья Т. И. Резниковой и М. В. Копотева об уже существующих лингвистически аннотированных общедоступных корпусах русского языка, разрабатываемых лингвистами в России и за рубежом [НКРЯ... 2005: 31—61]. В этой статье авторы систематизируют применяемые в корпусах принципы аннотирования данных, которые часто не декларируются открыто самими разработчиками (принципы морфологической, синтаксической, семантической и других типов разметки, основания метаописаний отдельных текстовых коллекций), характеризуют поисковый интерфейс и выдачу корпусных контекстов.

Во второй части сборника представлены материалы о принципах метатекстовой разметки в самом НКРЯ, во многом помогающие пользователю ориентироваться в корпусе (С. О. Савчук. «Метатекстовая разметка в национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функ-

ции)), об особенностях метаразметки текстов XIX в. (Н. Л. Дич. «О текстах XIX в. в национальном корпусе русского языка») и о необходимости включать в состав НКРЯ тексты устной разговорной речи (Е. А. Гришина. «Устная речь в национальном корпусе русского языка»).

Детали технологических процедур грамматического и семантического аннотирования корпусных текстов раскрываются в статьях третьей части сборника: «О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка» (авторы — О. Н. Ляшевская, В. А. Плунгян, Д. В. Сичинава, статья сопровождается полезным для пользователя приложением Д. В. Сичинавы «Обработка текстов с грамматической разметкой: инструкция разметчика») и «Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы» (авторы — Г. И. Кустова, О. Н. Ляшевская, Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина). Излишне говорить, что материалы НКРЯ — кладезь грамматической информации для русистов. Результаты корпусной разметки позволяют исследователю детально систематизировать интересующую его грамматическую информацию в зависимости от предметных задач. Более того, привлечение дополнительных иноязычных корпусных данных, например в исследованиях по категориальной семантике, позволяет очень точно определить русскую морфолого-категориальную специфику. Например, сопоставительное изучение результатов выборки из НКРЯ и Корпуса итальянского языка «CORIS/CODIS, CILTA — Universita di Bologna» (corpus.cilta.unibo.it) позволило устранить некоторые «грамматические мифы» и очень точно определить специфику средств выражения категории определенности / неопределенности в русском и итальянском языках, выявить частотное и количественное соотношение категориальных показателей, установить зависимость субкатегориальных значений определенности / неопределенности от статуса выражаемых ими средств (местоименных и др.) и т. д. [Сидорова 2006]. Отметим также одно достоинство статей этой части сборника: доступным для лингвистов языком изложены все технологические детали подготовки текстов для включения в корпус. Так, в статье А. Е. Полякова «Технология подготовки информации в Национальном корпусе русского языка» морфолог может почерпнуть много полезных сведений, впоследствии облегчающих работу с данными НКРЯ.

В четвертой и пятой частях сборника речь идет об аннотировании различных подсистем корпуса («подкорпусов»), в том числе и тех, что только планируется включить в НКРЯ. Чрезвычайно полезными для заинтересованных специалистов представляются статьи «Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы» А. Б. Летучего, «Корпус древнерусских переводов XI—XII вв. и изучение переводной книжности Древней Руси» А. А. Пичхадзе, «Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования» Д. О. Добровольского, А. А. Кретьева, С. А. Шарова, «Грамматика и лексика (на материале англо-русского корпуса параллельных текстов)» Е. Г. Андреевой, В. Б. Касевича. Перспективным видится включение в

НКРЯ мультимедийного (содержащего прецедентный фонд¹) и онимического² подкорпусов (статья Е. А. Гришиной «Два новых проекта для Национального корпуса: мультимедийный подкорпус и подкорпус названий»).

Сложности синтаксического и семантического аннотирования, обусловленные внутриязыковыми свойствами описываемого объекта и технологическими особенностями его адекватного представления, рассматриваются в коллективной статье «Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы» (авторы — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Б. Л. Иомдин, Л. Л. Иомдин, А. В. Санников, В. З. Санников, В. Г. Сизов, Л. Л. Цинман). В статье излагается современное состояние глубоко аннотированного корпуса русских текстов (составной, но полностью автономной части НКРЯ), который в течение ряда лет разрабатывался лабораторией компьютерной лингвистики ИППИ РАН и сектором теоретической семантики ИРЯ РАН. Одним из препятствий последовательной электронной обработки языкового материала авторы справедливо считают языковую неоднозначность, снятие которой в естественной коммуникации, правда, объясняется нетерминологически — наличием «здорового смысла» у коммуниканта. Отмечается и относительность любого формализованного описания: «неудовлетворительная ситуация с разрешением неоднозначности в системах автоматической обработки текста носит универсальный характер и, вообще говоря, не зависит от лингвистической модели, лежащей в основе анализатора. Это и естественно: то, что в процессе понимания текста с легкостью делает человек, опирающийся при выборе интерпретации на здравый смысл, знания о мире и широкий контекст коммуникации, пока недоступно никаким компьютерным системам. Представления о мироустройстве, по-видимому, вообще не поддаются сколько-нибудь масштабной формализации. Да и степень формализации чисто языковой семантики, достигнутая в компьютерной лингвистике, пока не достаточна для того, чтобы эксплицировать те нетривиальные сведения о смысле высказывания, которыми необходимо располагать для разрешения неоднозначности текста» [НКРЯ... 2005: 201]. Но все это «не означает, что попытки решить проблему неоднозначности при автоматическом переводе вообще лишены перспективы» [Там же]. Думается, чрезвычайно интересными для широкого круга лингвистов будут аргументированные идеи авторов об оптимизации алгоритма синтаксического анализа [Там же: 202—203] и о том, что «лексика языка устроена как почти непре-

¹ Совокупность культурно значимых прецедентных текстов; в данном случае речь идет о мультимедийных текстах (о текстовых составляющих кино- и мультипликационных фильмов, теле- и радиопередач, теле- и радиорекламы, теле- и радиообъявлений, либретто опер и оперетт).

² Включает в себя заголовки (т. е. названия текстов), ярлыки (названия учреждений, объектов культуры), названия природных объектов (антропонимы, топонимы).

рывная сеть, а не строгая иерархия. Поэтому метаязык для ее описания должен обеспечивать разбиение лексики языка на многократно пересекающиеся классы» [НКРЯ... 2005: 210].

Сборник, подытоживающий опыт использования НКРЯ, демонстрирует широту подходов и исследовательских задач в современной корпусной лингвистике. Издание отличает богатое количество языковых иллюстраций, наличие удобных для восприятия схем, что значительно облегчает знакомство с его материалами. Сборник дает очень хорошее представление как о современных достижениях отечественной корпусной лингвистики и перспективах ее развития, так и о сложных исследовательских проблемах в этой отрасли прикладного языкознания, необходимой в наше время. Так, шестая часть сборника представлена двумя статьями, излагающими возможности использования материалов НКРЯ в сфере образования (статья Н. Р. Добрушиной «Как использовать Национальный корпус русского языка в образовании?») и перспективы НКРЯ (статья Е. А. Гришиной и В. А. Плунгяна «Перспективы развития Национального корпуса русского языка»). В целом же, хотя часть материалов сборника уже была опубликована в других изданиях в более кратких или, наоборот, в более полных вариантах, сведение всей информации о Национальном корпусе русского языка «под одну обложку» представляется чрезвычайно полезным как для широкой исследовательской аудитории, так и для вузовских преподавателей-русистов.

Опыт использования другой электронной коллекции текстов — Интегрума — подытожен в сборнике «Integrum: точные методы и гуманитарные науки» [Integrum... 2006]. Как отмечено во вступительной статье, составители книги ставили перед собой, в частности, определенную прагматическую цель: познакомить научное сообщество с данным инструментом, представив соответствующий дидактический материал и продемонстрировав возможности системы. Надо отметить, что эта цель реализована в форме обсуждения ясных и достаточно детально описанных конкретных примеров, что повышает ценность и понятность книги для тех, кто ранее подобными системами не пользовался.

Для человека, желающего оценить возможность использования Интегрума в своей научной деятельности, важно прежде всего понять три вещи:

- 1) Каково содержательное наполнение предлагаемого данной системой языкового пространства?
- 2) Каковы инструменты его использования?
- 3) Каковы предоставляемые им исследовательские возможности?

В книге можно найти информацию по каждому из этих вопросов.

Список документов, входящих в Интегрум, приводится в Приложении. Возможности формирования языкового пространства (т. е. области поиска информации) и «язык запросов» (задающий траекторию поиска) представлены в статье Ф. Романенко и Л. Гершензона «ИПС “Интегрум”. История создания, описание, использование».

В самом полном своем варианте языковое пространство, предоставляемое Интегрумом, объединяет более 350 миллионов документов и охватывает широкий спектр текстов, включающий в себя:

- газетные и журнальные статьи,
- сводки информационных агентств,
- тексты современной и классической литературы,
- биографии деятелей культуры, науки, политики, бизнеса, церкви,
- тексты законов и постановлений,
- сообщения пресс-служб и т. д.

Пользователь может самостоятельно комплектовать личные коллекции текстов, т. е. создавать языковое пространство, адекватное рассматриваемым задачам.

Для удобства работы с языковыми ресурсами Интегрума создана информационно-поисковая система Артефакт, ориентированная на поиск в русскоязычных текстах.

Надо заметить, что современный поиск в Интернете не позволяет качественно отделить нужную информацию от ненужной. Обычно в ответ на поисковый запрос выдаются десятки тысяч ссылок, причем большая их часть оказывается невостребованной: как правило, пользователь ограничивается просмотром содержания первой страницы. Но даже и эта страница может не вполне соответствовать предмету интереса из-за неточности поиска и так называемого «спамдексинга»: методов нелегального введения нерелевантных ссылок. Отсутствие у поисковых машин нетривиальных средств учета семантики текстов обходится дорого.

Артефакт осуществляет поиск не в Интернете, а в массиве высококачественных электронных текстовых ресурсов. Уже это повышает достоверность результатов. Кроме того, эффективность поиска существенно повышается благодаря использованию специального искусственного языка взаимодействия с системой. Этот язык — язык запросов — позволяет четко определять предмет поиска и на этой основе отфильтровывать источники информации. Выразительные возможности языка запросов достаточно богаты и обусловлены включением в него следующих составляющих:

- языка логики (содержит скобки и логические операторы И, ИЛИ, НЕ);
- средств выделения структурных частей текста (слов, предложений, абзацев, заголовков и т. д.) и определения их взаимного расположения, расстояний между ними, их контекстов;
- средств определения зон поиска (заголовки, собственно текст, даты и т. д.);
- автоматического морфологического анализа текста (опирающегося на многолетний опыт работы по алгоритмизации этой области);
- операции усечения слов, позволяющей осуществлять поиск по фрагменту слова (усечение конца слова, начала слова, двустороннее усечение).

Все это позволяет системе Артефакт эффективно выполнять свою основную функцию — поисковую.

Многочисленные примеры использования языка запросов содержатся во всех статьях, поскольку все они описывают конкретные задачи, решавшиеся с использованием Интегрума. В Части I составители объединили статьи, наиболее подходящие для дидактических целей. Среди этих статей очень полезной для первоначального знакомства с системой представляется работа А. Смолянского «Тринадцать примеров», в которой обсуждаются небольшие (по размеру описания) и легко обозримые задачи, хорошо характеризующие спектр возможностей Интегрума. По той же причине дидактически ценной представляется также статья А. Мустайоки «The Integrum Database as a Powerful Tool in Research on Contemporary Russian».

Самым важным для любого исследователя является третий из названных вопросов, т. е. вопрос о том, какие возможности предоставляет Интегрум. Чтобы ответить на этот вопрос, надо, прежде всего, дать представление о теоретической основе соответствующего подхода к языку (см. статью В. А. Плунгяна «“Интегрум” и Национальный корпус русского языка в лингвистических исследованиях»).

По существу, единственная реальность, имеющаяся в распоряжении лингвистов и доступная их непосредственному наблюдению, — это тексты. Понятие языка размыто: точных критериев определения его границ не существует. Для преодоления данной сложности лингвистика традиционно опирается на нормативный подход к языку. При анализе конкретного языкового материала принято апеллировать к языковой теории (задающей норму) или к языковой интуиции. На таких принципах базируются и генеративная, и структурная лингвистики. В то же время объективно, в практике языкового общения, никакая языковая теория как таковая не наблюдается, а выявление и формулировка норм не в состоянии запечатлевать состояние языка в реальном времени, отражая происходящие в нем живые процессы. То же самое можно сказать и об апелляциях к языковой интуиции, по сути, лишь заменяющей теоретико-лингвистическую норму нормой субъективной. Поэтому действительно можно утверждать, что с появлением электронных корпусов языка «лингвисты оказались в полном смысле лицом к лицу со своим объектом» [Integrum... 2006: 77]. Эти слова применимы к Интегруму, охватывающему значительную часть проявлений реального живого языка, в гораздо большей степени, чем к каким-либо другим системам, ориентированным на русский язык.

Кроме того, как справедливо отмечает во введении к книге Г. Никипорец-Такигава, результаты лингвистических исследований, базирующихся на традиционных (неавтоматизированных) методах сбора языкового материала, неизбежно отражают идиолекты тех, кто эти исследования проводит, и, тем самым, менее объективны, чем результаты, полученные с использованием Интегрума.

Какие же задачи можно решать с использованием Интегрума?

Характеризуя работу с Интегрумом самым общим образом, скажем, что (как и при работе с НКРЯ) она может идти в двух направлениях:

- 1) верификация гипотез, уже сформулированных исследователем, на материале текстов, предоставляемых электронным собранием;
- 2) изучение языкового материала с целью выявления в нем закономерностей, позволяющих сформулировать новые гипотезы.

В частности, можно, рассматривая некоторую гипотезу, проверять ее посредством Интегрума несколькими разными способами (составляя разные поисковые запросы).

В ряде случаев исследование, проведенное на базе Интегрума, позволило зафиксировать факты, игнорируемые официальной грамматикой русского языка.

Интегрум позволяет исследовать не только синхронный срез языка, но и его историческое развитие, охватывающее несколько срезов. Возможно также изучение ареальных и прочих диалектов, вариантов языка. Интегрум окажет неоценимую помощь при работе в области исторической лексикологии, при исследовании стилистических тенденций и процессов, динамики семантических изменений.

В чем преимущества использования Интегрума? Эта система позволяет очень быстро найти огромное количество документов, в которых встречается интересующее исследователя языковое выражение (возможен учет контекста). Исходя из этого система может:

- определить время первого появления нового языкового выражения или нового способа его употребления (вызванного, например, смещением смысла);
- определить число содержащих его документов;
- определить процент содержащих его документов (от числа всех документов);
- построить график изменения частоты употребления выражения (например, в зависимости от времени).

Все это позволяет очень быстро собрать тот материал, на поиски которого в прежние времена могли уходить годы.

Для более подробного описания возможностей Интегрума приведем примеры решаемых с его помощью задач, разделив их предварительно на три типа:

1. Исследование самого языка.
2. Исследование корреляции между языком и внеязыковой реальностью.
3. Исследование внеязыковой реальности.

Третий тип можно подразделить еще на два:

- 3.1. Исследование внеязыковой реальности на основе *языкового* анализа текстов Интегрума.
- 3.2. Исследование внеязыковой реальности на основе анализа *неязыковых* фактов, полученных в результате использования Интегрума как информационно-поисковой системы.

Данная классификация условна, поскольку, как справедливо замечено в статье В. А. Плунгяна, провести четкую границу между «как» и «о чем» в языке невозможно. Так же невозможно четко отграничить исследования языка от исследований внеязыковой реальности.

Организация книги такова: во Вводной части собраны статьи общего, обзорного характера; в Части I — статьи, наиболее подходящие для дидактических целей (здесь представлены задачи из всех трех типов); в Части II — исследования языка; в Части III — исследования внеязыковых проблем, а также статья Г. Гусейнова, в которой описана задача, (пока) не выполняемая посредством Интегрума. Наибольшее число задач, рассматриваемых в книге, относится к первому типу.

Для иллюстрации приведем примеры каждого типа задач, выбрав их из разных разделов книги.

1. К первому типу задач относится исследование Г. Никипорец-Такигавы (статья «Вторичные заимствования в русском языке XXI века»). Здесь проанализированы случаи изменения смысла в результате повторного заимствования. Например, слова *амбиция*, *амбициозность*, первоначально близкие по смыслу словам *тщеславие*, *честолюбие*, *суетность*, *спесивость*, *чванство* (т. е. имевшие негативный оттенок), позже были еще раз заимствованы русским языком через посредство дискурса, характерного для бизнеса и спорта, причем при повторном заимствовании негативный оттенок смысла не просто исчез, а был замещен позитивным. Аналогичный процесс произошел со словом *агрессивный*: при вторичном заимствовании (опять-таки из спортивного дискурса) негативный оттенок смысла был замещен позитивным. В итоге сейчас это слово оказалось применимым ко всему тому, что в XX в. называли *активным*, *смелым*, *энергичным*, *решительным*, *ярким*, *сочным*, *красочным*, *эмоциональным*, *сильным*, *стремятельным* и т. д. Хотя данное исследование является в первую очередь языковым, его результаты свидетельствуют не только об изменении концептов, но и об изменении культурных ценностей и стандартов поведения, что уже относится к процессам внеязыковым.

То же самое можно сказать об исследовании Л. Саакяна, О. Северской (статья «Нет, этого мы еще не озвучивали»). Здесь анализируется смысл слова *озвучить*, первоначально использовавшегося лишь как кинематографический термин. Современный смысл этого слова также можно трактовать как изменение стандартов поведения, как стремление уйти от ответственности, заняв позицию нейтрального «репродуктора», лишь воспроизводящего чьи-то слова или мысли, но не отвечающего за них. Характерно, что (и это тоже выявлено посредством Интегрума) данный смысл слова *озвучить* появился примерно в то же время, что и очень популярный оборот *как бы*, также отражающий стремление избежать определенности и ответственности относительно слов и дел.

К первому типу задач относится также исследование, описанное в статье А. Мустайоки, О. Пуссинен «Почему **народу много**, или новые наблю-

дения над употреблением второго родительного падежа в современном русском языке», в котором анализируются особенности использования вариативных окончаний в родительном падеже у имен мужского рода единственного числа (*чая / чаю, киселя / киселю* и т. д.).

Еще несколько задач того же типа из статьи А. Смолянского «Тринадцать примеров»:

- установление момента появления слов, возникших в недавнее время (на примере слов *тиар, кульный*);
- исследование динамики изменения способа написания слов (*Бог и бог*);
- сравнительное исследование употребительности выражений на примере анализа интенсивности вытеснения выражения *в связи с этим*, отражающего логику рассуждения, менее подходящим выражением *в этой связи*;
- исследование процессов криминализации лексики, динамики использования блатных слов в СМИ.

Возможно и проведение метаязыковых исследований. Например, в уже называвшейся статье А. Мустайоки («The Integrum Database as a Powerful Tool in Research on Contemporary Russian») анализируются особенности использования метаязыковых комментариев, сопровождающих употребление «модных» слов (к каковым, например, относится слово *гламур*). Отношение к таким словам у обычного пользователя языка амбивалентно: с одной стороны, хочется продемонстрировать свою осведомленность об их существовании, с другой стороны, их использование не очень одобряется и поэтому нуждается в оправдании. Именно цели оправдания и служит метаязыковой комментарий.

2. Задачи второго типа основаны на том факте, что события, происходящие в человеческом обществе, обсуждаются посредством языка. Поэтому язык может служить косвенным индикатором происходящих в этом обществе процессов. Но для того чтобы данный индикатор использовать, надо выявить корреляции между характером использования языка и внеязыковыми событиями. Выдвигаемые гипотезы об имеющихся корреляциях можно проверять посредством Интегрума.

Одна из задач такого типа обсуждается в статье Я. Фрухтмана «Correlating Linguistic and Extralinguistic Developments». Здесь анализируется влияние экономического роста на частотность определенных слов в русском языке (рассматривается, например, слово *кризис*). Интересно также исследование «политической орфографии», в ходе которого выяснилось, что при ухудшении отношений между Россией и Украиной российские СМИ начинают чаще говорить о событиях как происходящих «на Украине», а не «в Украине». Сравнительная употребительность слов *Таллин* и *Таллинн* также коррелирует с состоянием политической реальности. Во всех этих случаях корреляция между фактами языка и фактами внеязыкового мира позволяет сформулировать качественные следствия на основе исследования количественных характеристик.

3.1. Этот вариант третьего типа задач, решаемых с использованием Интегрума, можно проиллюстрировать, обратившись еще раз к статье А. Смолянского «Тринадцать примеров». В одном из рассматриваемых в ней примеров ставится цель найти адресата известного высказывания «других писателей у меня для вас нет», приписываемого Сталину. Кто был собеседником Сталина, неизвестно. Требуется провести соответствующее расследование. Здесь внеязыковой характер свойствен только предмету расследования, само же расследование имеет языковой характер, т. е. для его проведения необходимо опираться на лингвистические знания. В частности, надо описать все возможные языковые вариации данного высказывания. Так, например, первоначальное *у меня* может воспроизводиться в текстах в трех вариантах: *у меня, у миня, у нас*; вместо имени Сталина могут употребляться выражения *отец (всех) народов, вождь, политический деятель* и т. д. В ходе дальнейшего расследования, достаточно детально описанного в статье, возникает необходимость решить целый ряд языковых задач, связанных с формулировкой запроса. В конечном итоге путем последовательных приближений удастся сформулировать гипотезу о том, кто был человек, беседовавший со Сталиным.

К этому же типу можно отнести исследования, описанные в статьях Е. Протасовой «Какого вкуса **обида**?» и Г. Денисовой «Элементарно, Ватсон». В первой из них анализируются семантика и особенности использования слова *обида* и его производных *обидеть, обидно, обидный, обидеться, обижаться*. Во второй исследуются закономерности употребления фильмонимов, заимствованных из советского кинематографа.

3.2. В другом варианте задач третьего типа ставится цель найти документы, в которых обсуждается интересующий исследователя предмет. Примерами могут служить задачи, описанные в статьях М. Урнова «Россия в XXI веке: вопросы без ответов (взгляд либерала)» и М. Безродного «Древний философ из пяти букв, не Маркс» (наблюдения над образом Ницше постсоветской эпохи). В обеих работах предмет интереса находится за пределами лингвистики. Большая часть фактической информации, использованной в этих статьях, найдена посредством Интегрума.

Для понимания возможностей НКРЯ и Интегрума полезно сравнить эти два электронных собрания текстов между собой.

По количеству текстов Интегрум многократно превышает НКРЯ (соответственно более 350 млн. документов и более 120 млн. словоупотреблений) и поэтому в плане организации доступа к существующему цифровому языковому пространству значительно более эффективен.

Вместе с тем, Национальный корпус является *сбалансированным* собранием текстов, в нем представлены все их разновидности, причем представлены в тех пропорциях, которые соответствуют их «весу» в современном русскоязычном дискурсе. Создатели Интегрума такой задачи не ставили. Поэтому некоторые жанры, отраженные в НКРЯ, через Интегрум не доступны. Иллюстрацией может служить статья Г. Гусейнова «Введение в

эпратическую семантику (на материале “Живого Журнала”)); в ней исследуется достаточно экзотический жанр, используемый в сетевых дневниках — блогах (данная работа была осуществлена не на материале Интегрума, который подобных текстов не содержит).

Как уже говорилось ранее, предполагается включить в НКРЯ также записи устной речи. Однако здесь, по-видимому, возможны сложности психологического плана. Ведь производить запись речи, не уведомив об этом говорящего, нельзя, это будет нарушением его прав. Если же информировать его об этом, то речь, вероятно, отчасти утратит свою естественность и спонтанность. Быть может, величина такого отклонения и не будет существенной, но без дополнительных исследований утверждать это с уверенностью нельзя (нахождение способа оценки данной величины и ее измерение интересны также с психолингвистической точки зрения).

Результаты применения Интегрума всегда характеризуют только определенную сферу использования языка, распространение их на язык в целом должно сопровождаться дополнительной аргументацией. НКРЯ также может применяться для исследования отдельных сфер использования языка, причем благодаря сбалансированности данного корпуса возможности выбора таких сфер в нем богаче. Кроме того, результаты применения НКРЯ могут трактоваться как характеристика языка в целом.

Вместе с тем, представляется важным понять статус этого «языка в целом» — того объекта, который отображен сбалансированным корпусом, объединяющим в себе очень разноплановые тексты (литературный язык, публицистика, устная речь, тексты электронной коммуникации, форумов, блогов и т. д.). По сути, данное собрание внутренне противоречиво в том смысле, что в рамках языковой деятельности любого отдельно взятого человека встретить все эти виды текстов невозможно. Формируется обобщенный научный конструкт, который можно рассматривать только как принадлежность обобщенного носителя языка, в реальности никогда не встречающегося. Поэтому нужно четкое понимание того, какие задачи можно решать, работая с таким, в определенном смысле, «усредненным» объектом — «языком в целом», и как интерпретировать получающиеся при этом результаты.

Интегрум (в отличие от Национального корпуса) изначально предназначался в первую очередь не для лингвистических исследований, а для решения задач информационно-справочного характера (поэтому использование данной системы платное, правда, для научной работы предоставляются льготные условия). НКРЯ сразу создавался как база для лингвистических исследований. Расхождение исходных позиций обусловило различия в способе организации текстов и, следовательно, в возможностях поиска. Национальный корпус является собранием *грамматически и семантически размеченных (аннотированных)* текстов, в Интегруме тексты таким образом не размечены. Аннотированность — бесспорное преимущество НКРЯ, позволяющее производить очень тонкие исследования языка. При

обращении к НКРЯ можно задавать траекторию поиска, используя в качестве параметров абстрактные лингвистические понятия и изучая тем самым свойства языковой *системы*. Интегрум пока использовать таким образом нельзя. Как отмечено в статье Я. Фрухтмана («Correlating Linguistic and Extralinguistic Developments»), Интегрум, по сути, предназначен для изучения *langue* через *parole* или же для изучения собственно *parole*. Однако с определенной точки зрения это является как раз позитивным свойством Интегрума, поскольку отсутствие привязки к конкретной языковой теории (а абстрактные элементы *всегда* связаны с той или иной теорией) позволяет исследователю самому выбирать ту языковую теорию, с позиции которой он хочет трактовать материалы, получаемые посредством данной системы.

В связи с этим стоит упомянуть интересный факт, приведенный в статье Дж. Данна, Г. Никипорец-Такигавы и Ю. Сафоновой «Russian Language Policy». В результате исследования материалов Интегрума выяснилось, что профессиональные лингвисты, в отличие от рядовых пользователей русского языка, предпочитают видеть язык исключительно как систему. Поэтому многие весьма актуальные дискуссии о языковых процессах, происходящих в современном обществе, эти две группы людей фактически ведут «на разных языках», не достигая, соответственно, взаимопонимания. Интегрум не вынуждает исследователя ориентироваться лишь на профессионально-лингвистическое представление о языке, предоставляя возможность формулировать задачи относительно восприятия языка его рядовыми пользователями, каковое может значительно отличаться от профессионального.

Создание и развитие корпуса (прежде всего его лингвистическая разметка) — дело очень трудоемкое. Поэтому при выборе направления расширения корпуса его разработчики неизбежно сталкиваются с альтернативой: увеличивать ли представительность корпуса в плане синхронного среза языка или же развивать его в плане диахронии (в частности, оперативно включая в него новые типы современных текстов и ориентируя тем самым в направлении будущего). Чем более приоритетным оказывается первый путь расширения корпуса, тем более возрастает вероятность отставания корпуса от реального положения дел в современном языке. Такова одна из общих сложностей, возникающих на пути корпусной лингвистики. Интегрум в этом отношении находится в более выигрышном положении, т. к. процесс включения в корпус новых текстов здесь значительно проще, чем в НКРЯ.

Интегрум и Национальный корпус — системы, взаимно дополняющие друг друга: каждой из них соответствует свой круг задач. Оба электронных собрания позволяют сфокусироваться на языке как на изменяющемся феномене. Оба дают возможность оперативно следить за динамикой языка, фиксируя текущие тенденции и развивая «микроисторическую лингвистику» [НКРЯ... 2005: 18], т. е. лингвистику, изучающую не глобальные из-

менения языка, происходящие в течение жизни многих поколений, а те изменения, которые совершаются на наших глазах, занимая лишь десятилетия. Предоставляя данные самого разного рода, корпус может не только способствовать более быстрому выполнению уже задуманной ранее работы, но и направить мысль исследователя, помочь ему заметить значимые языковые факты и закономерности.

Надо отметить, что сосуществование разных больших коллекций текстов для одного и того же (русского) языка само по себе ценно. Ведь любой корпус — это *организованное* собрание текстов, формируемое на основе определенных принципов, или постулатов, т. е. на основе некоей имплицитно заложенной в нем базовой теории языка. Именно эта теория определяет принципы отбора текстов, их разметку и средства обращения к корпусу («язык запросов»). Иными словами, в любой корпус априорно (до всех попыток его применения) уже «встроена» теория языка, отвечающая тем задачам, для которых предназначали данный корпус его создатели. Круг задач, однако, может с течением времени изменяться. Поэтому, если это возможно, разумнее верифицировать получаемые результаты на других собраниях текстов и делать итоговые заключения, опираясь не на один корпус, каким бы большим и хорошо организованным он ни был, а на несколько независимых коллекций. Эта мысль обсуждается в ряде работ, в том числе в [Stubbs 2000], где она проиллюстрирована на примере лексического анализа, проведенного на материале английского языка.

Использование электронных собраний текстов повышает требования как к точности постановки исследовательских задач, так и к формулировке полученных результатов (а роль постановщика задач и интерпретатора результатов всегда принадлежит человеку). Корпус можно уподобить своего рода виртуальному измерительному прибору, эффективность использования которого (как и любого другого измерительного прибора) в большой степени зависит от того, насколько четко поняты цель и результат.

При наличии электронных коллекций уже не вполне приемлемым видится употребление неопределенных формулировок, которые характеризуют то или иное языковое явление просто как «редкое», «(не)типичное» и т. п., не подкрепляя это утверждение никакими количественными данными. Поэтому можно, наверное, предположить, что существование электронного языкового пространства в виде вполне доступного и легко измеримого объекта сделает многие работы, проводимые в гуманитарных науках, более четкими и основательными. В частности, по-видимому, некоторые социальные исследования проще проводить не путем социологических опросов, а на основе (гораздо сложнее фальсифицируемых) собраний электронных текстов. Лучше всего для этой цели подходит Интегрум.

В заключение стоит сказать еще о некоторых общих проблемах теоретико-методологического характера.

Как уже говорилось, в любой корпус априорно «встроена» некоторая базовая имплицитная теория языка, определяющая принципы организации

корпуса. Поэтому вполне правомочен вопрос: считать ли корпусную лингвистику *теорией языка* или *методологией* проведения исследования? Действительно, данный вопрос обсуждается, например, в монографии [Tognini-Bonelli 2001], введение к которой так и озаглавлено: «Corpus linguistics: between theory and methodology». Постановка этого вопроса свидетельствует о том, что корпусная лингвистика не только дала лингвисту новый инструмент, но и высветила путь для развития нового взгляда на язык.

Корпусная лингвистика — это нечто гораздо большее, чем просто дисциплина, занимающаяся изучением нового исследовательского инструмента, это некая пред-методология: система теоретико-методологических принципов, определенных до проведения собственно исследования. Такое положение дел, конечно, не ново: методология лингвистического исследования всегда базируется на той или иной теории. В случае корпуса, однако, дело осложняется тем, что рядовой пользователь корпуса, вообще говоря, об этой теории не осведомлен, она от него в значительной степени скрыта, а если этот пользователь не лингвист, то и не вполне понятна. Чтобы использовать корпус, пользователь должен лишь освоить «язык запросов», на котором он будет формулировать интересующие его задачи. Кроме этого, он может получить самое общее представление о способе разметки корпуса. Вся остальная часть имплицитной теории языка для него недоступна. Поэтому теоретически могут возникать противоречия такого рода: исследователь ориентируется на несколько иную базовую теорию, правильно формулирует свою задачу, но получает результат, по сути, не адекватный, т. к. в корпусе интересующее его языковое явление квалифицировано иначе. Кроме того, язык меняется, и в нем могут возникать факты, противоречащие базовой теории корпуса. Как поступать в этом случае: менять теорию (и соответственно организацию корпуса) или объявить обнаруженный факт несущественным? Этот вопрос тоже не нов для лингвистики, но здесь он возникает в новом обличье.

В связи со взглядом на корпус как на теорию языка следует сказать и еще об одной проблеме. Устройство корпуса в значительной степени детерминировано целями его создания (например, как отмечено во многих публикациях по корпусной лингвистике, для изучения лексики нужен больший корпус, чем для изучения грамматики). Многофункциональный корпус, пригодный для решения широкого класса задач из нескольких дисциплинарных областей, в идеале, должен быть удобным для представителей всех этих областей, т. е. соответствовать мультидисциплинарным интересам и, значит, в какой-то степени включать в свою базовую теорию еще и теоретические положения других дисциплин (в частности, содержать не только лингвистическую разметку). Поэтому выбор базовой теории (т. е. определение принципов отбора текстов, их аннотирования, построения языка запросов) — это вопрос очень сложный и тонкий.

К вопросу о многофункциональности корпуса примыкает вопрос о возможности включения в него не только средств анализа текстов, но также и

средств «саморефлексии», или, иначе говоря, операций второго уровня, позволяющих оценивать и измерять не тексты, а сам корпус как целое. Результатом такой операции может быть, например, интересующий пользователя набор числовых параметров корпуса или даже, быть может, какие-то характеристики языка, им представляемого. Содержание каждого корпуса меняется со временем, поэтому рассмотрение перспективы разработки и включения в него подобных средств, расширения их арсенала было бы не только полезно, но и весьма интересно с теоретической точки зрения.

В связи с созданием электронных коллекций естественно возникает вопрос: как можно полезным образом использовать самое большое существующее собрание таких текстов — то, которое предоставляет Интернет? В Интернете можно найти тексты любой тематики, любого жанра. Правда, это самое большое текстовое пространство обладает (по сравнению со специально создаваемыми коллекциями) рядом недостатков: оно не организовано в соответствии с лингвистическими принципами; один и тот же текст может здесь встречаться неоднократно; нет никакой информации о том, в каких пропорциях представлены разные виды текстов, каков их общий объем; нет возможности создавать качественные коллекции, отбирая для исследования тексты по тем или иным лингвистическим, тематическим, жанровым принципам. Кроме того, пространство Интернета очень динамично. Это своеобразный постоянно ускользающий феномен, при обращении к которому никогда нельзя рассчитывать на воспроизводимость получаемых результатов (а воспроизводимость результатов — необходимое условие научного эксперимента). Дело осложняется еще и тем, что далеко не всегда просто получить авторские разрешения для использования текстов, многие тексты недоступны. Как отмечается в [Meyer 2002], маловероятно, что ситуация с авторскими правами улучшится: существующие тенденции в электронном мире свидетельствуют о том, что в будущем она скорее усложнится, чем упростится.

Все это делает Интернет-пространство слишком эфемерным, слабо обеспечивающим достоверность результатов, получаемых при его использовании в функции корпуса.

Тем не менее, как отмечается в [Corpus and Web 2006], для решения ряда интересных исследовательских вопросов объем современных мегакорпусов недостаточен и обращение к ним может дать лишь очень ограниченный ответ или же не дает ответа вообще. Одна из очевидных стратегий преодоления данной ситуации — дополнение корпусов другими электронными собраниями текстов, в частности использование Интернета. О том, что Интернет-пространство не стоит обходить стороной, не исследовав и не использовав его возможности как источника электронных текстов, свидетельствуют и появляющиеся инициативные проекты, трактующие сеть как корпус (Web as Corpus), например WaCky Project. В [The Changing Face of Corpus Linguistics 2006] говорится еще о трех существующих в настоящее время инициативах такого рода: WebCorp, WebPhraseCount, Glossanet.

Обращение к Интернету здесь опосредуется специальными эвристическими процедурами, частично компенсирующими отсутствие надежной разметки данных. Это, однако, не избавляет Интернет от прочих присущих ему недостатков.

Поэтому пока, по-видимому, методологически более безопасный способ — рассматривать Интернет как источник для избирательного отбора текстов, включаемых в коллекцию (именно это и делается при создании Интегрума).

Можно было бы назвать еще много других интересных исследований, проводимых (реально или потенциально) на основе НКРЯ и Интегрума; обсудить другие теоретико-методологические вопросы, связанные с развитием этих систем. Однако даже приведенный выше, далеко не полный, перечень примеров решаемых задач говорит о том, что эти электронные коллекции создают инструментальную и концептуальную среду, удобную не только для собственно лингвистических исследований, но и для продуктивного взаимодействия лингвистов с представителями других специальностей, прежде всего с социологами, психологами, политологами, экономистами. Прогрессирующее расширение цифрового языкового пространства делает развитие таких систем чрезвычайно своевременным и позволяющим лингвистике реально участвовать в сегодняшнем становлении языка.

Л и т е р а т у р а

Герд, Захаров 2004 — А. С. Герд, В. П. Захаров. Нерешенные вопросы Национального корпуса русского языка // Междунар. конф. «Корпусная лингвистика — 2004» (12—14 октября 2004 г., Санкт-Петербург): Тез. докл. СПб., 2004. С. 27—29.

Граудина 2000а — Л. К. Граудина. Современная теоретическая концепция культуры речи // Культура русской речи: Учеб. для вузов / Под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М., 2000. С. 12—25.

Граудина 2000б — Л. К. Граудина. ЭВМ и культура речи: итоги и перспективное планирование // Культура русской речи и эффективность общения / Под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М., 2000. С. 307—415.

НКРЯ... 2005 — Национальный корпус русского языка. 2003—2005: Результаты и перспективы. М., 2005.

Integrum... 2006 — Integrum: точные методы и гуманитарные науки. М., 2006.

Сидорова 2006 — Ю. Л. Сидорова. Лексические средства воплощения категории определенности / неопределенности в русском языке (на фоне итальянских средств): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

Corpus and Web 2006 — C. Biewer, N. Nesselhauf, M. Hundt (eds). Corpus Linguistics and the Web. Amsterdam, 2006.

Meyer 2002 — C. F. Meyer. English Corpus Linguistics: An Introduction. Cambridge Univ. Press, 2002.

Stubbs 2000 — M. Stubbs. Using very large text collections to study semantic schemas: a research note // C. Heffer, H. Sauntson (eds). *Words in Context*. Birmingham Univ., 2000. P. 3—9.

The Changing Face of Corpus Linguistics 2006 — A. Renouf, A. Kehoe (eds). *The Changing Face of Corpus Linguistics*. Amsterdam, 2006.

Tognini-Bonelli 2001 — E. Tognini-Bonelli. *Corpus Linguistics at Work*. J. Benjamins Publishing Company, 2001.

Э. М. БЕРЕГОВСКАЯ

РЕАЛИЗАЦИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОТЕНЦИЙ ХИАЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ФЕЛИКСА КРИВИНА

В 2001 году в Москве вышел очередной том (672 страницы) «Антологии Сатиры и Юмора России XX века», содержание которого составляют избранные произведения Феликса Кривина¹.

Юмор Феликса Кривина вызывает легкую улыбку. Автор добродушно посмеивается над недостатками и слабостями человеческой природы, как в стихотворении «Лень»:

«О лень! — возмутился олень. —
Чего ты лежишь, словно пень?»
«Тю, лень! — удивился тюлень. —
Чего ты блуждаешь, как тень?»
Но им не ответила лень:
Лень!

Кривинская сатира тоже своеобразна. В ней горечь и боль, но нет скепсиса и, тем более, цинизма. Она исторична и социальна. Главное ее оружие — аллюзия. Покажем это на одном примере миниатюры притчевого характера «Каин»:

Уже на заре истории была уничтожена половина человечества: Каин убил Авеля.

Потом потекли мирные дни. Каин оказался дельным хозяином: он быстро освоил Землю и заселил ее обильным потомством. И своим детям, которые не могли всего этого оценить, Каин не раз говорил:

— Берегите, дети, этот мир, за который погиб ваш дядя!

Небольшие по объему тексты Феликса Кривина, в которых подтекст не менее, если не более важен, чем текст, — юмористические миниатюры, иронические квазиафоризмы, басни, истории, сказки и придуманные им полусказки — предполагают умного, тонкого читателя-единомышленника.

¹ Все цитируемые в статье тексты Ф. Кривина приводятся по изданию [Кривин 2001], а также по сборникам «Вокруг капусты» [Кривин 1960] и «Круги на песке» [Кривин 1983].

И такой читатель у типичного шестидесятника Феликса Кривина появился почти сразу. Недаром некоторые квазиафоризмы Кривина «ушли в народ», стали частью городского речевого узуса: «И в декабре не каждый декабрист!», «Не руби сук, на котором висишь!», «Быть без царя в голове — еще не значит быть демократом».

В Литературном институте (где Феликс Кривин не учился: он окончил Киевский педагогический институт и потом три года учил литературе детей в туберкулезном санатории) были популярны такие стишки, писательский фольклор:

Сидит минога,	Зачем, минога,
Жует ранет.	Жуешь ранет?
Подтекста много,	Талант от бога,
А текста нет.	А бога нет ² .

Малоформатные произведения Кривина отличаются именно тем, что у них подтекст возникает из прекрасно выстроенного текста, в котором в полной мере проявляется тонкое чувство слова автора, его талант.

Отметим три ярких характеристики кривинского таланта:

1. Его талант проявился довольно рано. Написанная еще в юности «Сила убеждения» и сегодня не утратила своего обаяния:

Помещение должно быть открыто, — глубокомысленно замечает Дверная Ручка, когда открывают дверь.

— Помещение должно быть закрыто, — философски заключает она, когда дверь закрывают. Убеждения Дверной Ручки зависят от того, кто на нее нажимает.

2. Он одинаково хорошо владеет прозой и стихом. У него прекрасная стихотворная техника, он тяготеет к классическому стиху с четким ритмом и звонкой рифмой. Приведем для примера один из его «дистрофиков»:

Овцы ели, ели, ели	И с таким же аппетитом
До отвала, до победы,	Волки ели, ели славно.
Так что волки еле-еле	И теперь и овцы сыты,
Дождались конца обеда.	А уж волки — и подавно.

3. Феликс Кривин любит яркие стилистические краски. Он не боится рельефных приемов. Разумеется, он пользуется теми же «расхожими» красками, которыми пользуются все, — повтором, синтаксическим параллелизмом, антитезой. Но особенно он любит раритеты —

Силлепс (иначе называемый «мерцанием значений», когда в слове одновременно актуализируются два значения), как в сказке «Мы с зайцем идем на охоту» или в миниатюре «Модницы»:

² Записано от Р. А. Ипатовой.

Мухи — ужасные модницы. Они останавливаются возле каждого куска приглянувшейся им узорчатой паутины, осматривают ее, ощупывают, спрашивают у добродушного толстяка Паука:

— Почем миллиметр?

И платят обычно очень дорого.

Симплогу (позиционный повтор в середине двух смежных фраз³):

Разве рыбы придумали пароход? Разве птицы придумали самолет? Тот, кто все имеет, уже ничего не придумывает...

Ономатопею, как в миниатюре «Свое мнение»:

Наконец и воробей получил возможность высказать свое мнение. Чик-чирик, — сказал воробей. — Чик. Чирик. Этого — чик! Этого — чирик! А чего с ними чикаться?

или **Анаграмму**:

В имени ИВАН — вся жизнь Ивана: НИВА — для работы, ВИНА — для удовольствия, детский НАИВ — в неумении отличать одно от другого и вечная ВИНА по этому поводу.

Как видно из приведенных текстов, все эти стилистические фигуры — не просто яркие мазки, которые должны привлечь внимание читателя, не просто украшение — они очень содержательны и составляют неотъемлемую часть индивидуального стиля.

Л. Лиходеев, оценивая сборник «Ученые сказки», отметил, что Кривин пишет не эзоповым языком, «Кривин пишет на языке кривинском. Это точный язык содержания, которое поглощает форму» [Лиходеев 1968].

Любовь Кривина к ярким стилистическим краскам распространяется и на хиазм. Он прибегает к этой фигуре даже в своей «Автобиографии», которая открывает упомянутый в начале нашей статьи том «Антологии сатиры и юмора».

* * *

Хиазм как стилистическая фигура известен еще со времен античности⁴. Но к нему очень долго никто не обращался. Известно было, что хиазм — это синтаксический отрезок, который повторяется в инвертированном виде (по формуле АВ/ВА), и определение этой синтаксической фигуры с некоторыми вариациями и в сопровождении одного-двух примеров (чаще всего из Квинтилиана «Есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть») кочевало из одного справочного издания в другое, из одного учебника по риторике или

³ В нашем примере симплога выступает в конвергенции с анафорой и риторическим вопросом.

⁴ Невозможно точно сказать, когда хиазм появился. Первое упоминание о нем мы находим в «Риторике для Геренния» (I в. до н. э.).

стилистике в другой. Только в последнее десятилетие исследователи обратили на хиазм заинтересованный взгляд, появились более или менее серьезные публикации по этой проблеме [Береговская 1979; 1981; 1984; Соловьева 1980; 1982; Терещенкова 1981; Глухов 1995; Никитина, Васильева 1996; Норман 2001; Автухович 2003; Копнина 2003; Хан 2004]. Среди известных нам работ о хиазме есть две, специально посвященные индивидуальному стилю, — диссертационное исследование В. С. Соловьевой о хиазме в поэзии Александра Блока [Соловьева 1982] и статья Анны Хан о хиазме в одном стихотворении Анны Ахматовой [Хан 2004].

Писателей, у которых во всем ими написанном нет ни одного хиазма, очень много. Таких, у которых хиазмов сравнительно много, как у Феликса Кривина, — единицы. Поэтому нам представляется интересным проследить, как реализуется в кривинском творчестве стилистический потенциал хиазма.

Отметим, прежде всего, что Кривин мастерски оперирует всеми тремя известными видами хиазма. Мы находим у него и простой синтаксический хиазм, в котором обязателен только обратный синтаксический параллелизм:

Мы на лень всегда смотрели косо,
От нее не ждали мы добра.
А она изобрела колеса
И вообще на выдумки хитра.

Так зачем же мыслить однобоко?
Лучше постарайся понять:
Может, лень — не только *мать пороков*,
Может быть, она *пророков мать!*

Повтор в этом виде хиазмов может присутствовать (как «мать» в нашем примере), но он факультативен.

Разновидностью синтаксического хиазма является так называемый эпанод — зеркальное повторение слов одного и того же предложения [Клюев 1999: 246; Сквородников 2003: 779]. Он встречается у Кривина в несколько трансформированном виде: Когда мне говорят, что *нам нужна не та демократия*, я понимаю, что никакая *демократия нам не нужна*.

Большинство же кривинских хиазмов представляют собой семантически осложненный хиазм, для которого обязательны три признака — обратный синтаксический параллелизм, двойной повтор и обмен синтаксическими функциями у повторяющихся элементов: «Редко встретишь *мыслителя*, играющего в *дурака*. И намного чаще — *дурака*, играющего в *мыслителя*».

В этом примере *мыслитель* и *дурак* при повторе меняются местами (отчего и возникает обратный параллелизм) и синтаксическими функциями: то, что было прямым дополнением, становится косвенным дополнением, и, наоборот, бывшее косвенное дополнение становится прямым.

В третьем виде хиазма — хиастическом каламбуре — к признакам, которые обязательны для двух первых, добавляется еще изменение значения в каком-то из повторяющихся элементов:

Он сказал: «Ничего, держись!	И вздохнул. «Не хочу грешить,
Вы, поэты, живучие, черти.	Я б не смог. Ни за что на свете.
У хороших поэтов жизнь	Очень хочется <i>жить до смерти</i> ,
Начинается после смерти.	Просто <i>до смерти</i> хочется <i>жить</i> ».

В исходной форме *до смерти* значит до «естественного конца жизни», а в трансформе «до смерти», в котором ударение перемещается на предлог *до*, значит «очень», «сильно».

* * *

Что касается морфо-синтаксических моделей, в текстах Кривина преобладают те, где хиастическая операция производится между лексемами, которые относятся к одной грамматической категории. Это могут быть существительные, прилагательные, глаголы, местоимения и даже предлоги:

N ↔ N

1. Ни одно отрицательное число не считает себя отрицательным и каждый свой *минус* рассматривает как *плюс*, а чужой *плюс* считает большим *минусом*.

Adj ↔ Adj

2. Аграрное государство вывозит *сельскохозяйственную* продукцию и ввозит *промышленную*. Промышленное — вывозит *промышленную* и ввозит *сельскохозяйственную*. А как назвать государство, которое ввозит и то и другое и вывозит полезные ископаемые? Ископаемое государство?

V ↔ V

3. У советских издателей к писателю всегда было двойное отношение: одних они любили *печатать*, но не *читать*, а других — *читать*, но не *печатать*.

Prep ↔ Prep

4. Бежишь — и все бежит обратно:	Дорога стелется покорно,
Столбы, деревья, небеса.	И даль волнует и зовет...
Особенно бежать приятно,	Особенно бежишь проворно,
Когда бежишь не <i>от</i> , а <i>за</i> .	Когда бежишь не <i>за</i> , а <i>от</i> .

Реже встречаются хиазмы, в которых инвертируемые лексемы относятся к разным грамматическим категориям, как в приводимой ниже миниатюре «Итоги», где хиазм сопрягается с антанаклазой («подводить» меняет значение при повторе):

Pron ↔ Pron

5. День прошел, по примеру многих,
И опять на исходе дня
Я сию, подводя *итоги*,
А *итоги* подводят *меня*.

Из приведенных примеров видно, что хиазм у Кривина может реализоваться в рамках простого предложения (1), двух смежных простых (2),

сложносочиненных (3, 5), сложноподчиненных, разделенных контекстом (4). Лексемы, которые наполняют хиастическую структуру, берут на себя различные синтаксические функции. Реализуя вариативные синтаксические модели, они выступают в роли подлежащего и прямого дополнения в исходной позиции, меняясь ролями в трансформе (5), а могут брать на себя функции прямого и косвенного дополнения (1), определений (2), компонентов сказуемого (3), обстоятельств (4).

Картина еще более усложняется, когда в тексте появляется трехчленный хиазм, в котором перемещаются, меняясь функциями, не два, а три элемента, как это происходит в миниатюре «Судьба индейки»:

Орел летал по всему свету. Но его убили. Индейка носа не кажет из птичника. Но она жива. Индейку кормят и поят, за ней хорошо присматривают. За ней присматривают, а на Орла смотрят во все глаза. Потому что из него получилось отличное чучело.

На *Орла смотрят* — но он все-таки *чучело*. *Индейка* не *чучело* — но на нее никто *не смотрит*.

Иногда усложнение выливается в форму цепного хиазма, то есть небольшого текста, в котором сталкиваются два-три автономных хиазма, объединенных тематически, как в следующем стихотворении:

Больной пообещал за то, чтоб стать *здоровым*,
Отдать своим врачам последнюю *корову*.
И он здоровым стал. Но в тяжком *бескоровье*
Он за нее отдал последнее *здоровье*.

И снова обещал отдать врачам *корову*,
И снова обнищал, но стал зато *здоровым*.
Ну прямо колдовство, коловращенье света:
Есть *это* — нет *того*, есть *то* — исчезло *это*.

Цепной хиазм появляется у Кривина не только в поэтическом, но и в прозаическом тексте:

Если крыловская *Мартышка* узнает себя в *зеркале*, плохо будет *зеркалу*, а не *Мартышке*. Таков закон отражения действительности: чем сильнее *литература* отражает *действительность*, тем сильнее *действительность* отражает *литературу*.

Как видим, Феликс Кривин интенсивно использует для своих хиазмов все разнообразие морфо-синтаксических возможностей, какие предоставляет в распоряжение писателя система языка.

* * *

Если взглянуть на кривинские хиазмы с точки зрения семантики, как мы это делали со всеми прочими хиазмами [Береговская 1984], обнаружится, что среди них есть все четыре возможных логико-семантических инварианта:

Импликация, куда входят хиазмы, которые выражают зависимость между объектами и их свойствами:

С тех пор и живут они вместе. Друг без дружки — ни на шаг. Где *Глупость*, там обязательно *Снесть*, а где *Снесть*, обязательно *Глупость*.

Преференция, к которой относятся хиазмы, выражающие сопоставление двух объектов, причем одному из них отдается предпочтение:

Умертвить живое намного легче, чем *оживить мертвое*. Видимо, между жизнью и смертью туда и назад совершенно разные расстояния.

Контрапозиция, объединяющая хиазмы, которые выражают противопоставление объектов и их свойств:

Петушинные песни в интерпретации *соловья* — это *соловьиные* песни. *Соловьиные* песни в интерпретации *петуха* — это *петушинные* песни.

Эквиваленция, которую образуют хиазмы, устанавливающие тождественность объектов:

И если *культ личности* портит *народ*, то и *культ народа* портит *личность*.

С точки зрения смысловой нагрузки, какую несут в высказывании хиазмы, они делятся на общие и локальные. У Кривина есть и те, и другие. В общих тема и рема в рамках одного предложения меняются местами и функциями, как это происходит, к примеру, в миниатюре «Пределы»:

Максимум — это то, к чему постоянно стремится *минимум*, а *минимум* — это то, чего *максимуму* всегда не хватает.

Здесь хиазм занимает полностью весь текст.

Локальные хиазмы разворачиваются либо только в теме, либо только в реме. Вот как реализуется у Кривина тематический хиазм:

Египетская куртизанка Родопис продавала свою любовь за деньги, а Эзопу — за остроумие. Одни платят *остроумием* за *любовь*, другие — *любовью* за *остроумие*, и только те, кому нечем платить, расплачиваются деньгами.

А вот как выглядит кривинский рематический хиазм:

Страну, в которой любое дело — подвиг, можно смело назвать героической. Голодной, нищей, криминальной — но героической. Мельницы героически борются за отсутствующую справедливость. Что нам нужно больше: чтоб у нас было вдоволь *зерна*, а *справедливости* не хватало, или чтоб *справедливостью* мы завалили страну, а *зерно* привозили из Америки? Вопрос, конечно, можно поставить, но с ответом не получается. И со справедливостью не получается. И особенно с зерном.

* * *

В некоторых случаях хиазм возникает у Кривина как развитие какого-то известного изречения, сентенции, поговорки. Вот как он разрабатывает, например, сентенцию «Искусство требует жертв»:

Наука требует жертв не менее настоятельно, чем *искусство*. А что не требует жертв? Одни *жертвы ничего не требуют*.

Тонкую хиастическую разработку крыловской цитаты мы находим в поэтической миниатюре, имитирующей басню, где хиазм выступает в качестве морали:

Лев одряхлел. И всякий мелкий сброд	Любили силу. Слабость не простят.
Ему грубит и правду-матку рубит.	Как поздно эту истину открыл он:
Как ошибался он на этот счет!	У <i>сильного</i> всегда <i>бессильный</i> виноват,
Ведь думал он — его и вправду любят!	А у <i>бессильных</i> — <i>потерявший силу</i> .

Оригинальную разработку хиастической цитаты представляет собой следующий случай:

«*Теория без практики мертва, практика без теории слепа* (Сталин)». И куда же они нас завели, эти *слепые и мертвые!*

Тут, как видим, происходит полная стилистическая и семантическая аннигиляция цитаты с помощью повтора, усиленного конверсией.

Хиастическое варьирование поговорки «Ложка дегтя портит бочку меда» порождает такой текст:

И вот я оглядываюсь на прожитую жизнь. Хорошая была жизнь, хотя и не всегда пригодная для жизни. Счастливая жизнь — это *бочка меда*, в которую непременно должна быть добавлена *ложка дегтя*, для остроты, но случается, что их перепутывают и в *бочку дегтя* кладут *ложку меда*.

В созданных подобным образом хиазмах особенно заметно получаемое приращение смысла.

Иногда кривинские хиазмы самодостаточны, образуют законченный текст. Такие тексты имеют афористический характер:

Одни *смехом* уничтожают *страх*, другие *страхом* уничтожают *смех*, поэтому в мире не убывает ни смеха, ни страха.

Эти самодостаточные хиазмы воспринимаются как сентенции с легким пессимистическим оттенком.

Целостный хиастический текст может выступать и как лирическая миниатюра. Так воспринимается миниатюра Кривина «Звездный мир»:

Когда *песчинки* взлетают в небо, они превращаются в *звезды*. Но когда *звезды* падают вниз, их уже не отличишь от простого *песка*. *Звезды* — это *песчинки*, которые над головой, а *песчинки* — это *звезды*, которые под ногами.

Но чаще хиазм у Кривина включен в более или менее развернутый текст — лирический, философско-назидательный или юмористический — и дается в конце, в сильной позиции как обобщение.

Лирическая новогодняя сказка «Волк на елке», тема которой «Красота спасет мир», кончается такой картинкой:

...Сколько елок видел он на своем веку, но такой ему видеть не приходилось. Она вся искрилась снежинками, переливалась лунным светом, и казалось, что ее специально убрали к празднику, хотя на ней не было ни одной елочной игрушки.

— Елки-палки! — сказал Волк и замер с открытым ртом. — Бывает же на свете такое чудо! Посмотришь на него — и чувствуешь, как у тебя внутри что-то переворачивается — не в желудке, нет, а повыше. И уже ничего не хочется — только сидеть и смотреть.

Так и сидели они рядышком — Заяц и Волк — под новогодней елкой, и смотрели на нее, и внутри у них что-то переворачивалось.

И Заяц подумал, что есть на свете кое-что посильнее волков, а Волк подумал, что, елки-палки, честно говоря, ведь не в зайцах счастье...

Совершенно другая по тональности ироническая миниатюра «Пред родиной вечно в долгу» построена на обыгрывании прецедентного текста и с него начинается, а кончается тоже финальным хиастическим аккордом, который подводит горький итог:

...своих интернационалистов мы ввели в Венгрию в 1956 году. В год Обезьяны. А в Чехословакию мы ввели своих интернационалистов в 1968 году. В год Обезьяны. С Афганистаном, правда, чуть-чуть поспешили. Недосмотрели. Ввели в 1979-м, накануне года Обезьяны.

Но некоторые недовольны. Что-то им в этом деле не нравится. То ли не уважают традиций, то ли им не по душе интернационализм, только они говорят:

— Лучше нам, как в этой злосчастной песне поется, быть пред *родиной* вечно в долгу, чем так выполнять свой долг перед *родиной*.

И пронизанное мягким юмором стихотворение «В мире животных», где Кривин демонстрирует свое отточенное людическое мастерство, построенное на тонком филологическом чувстве слова, тоже имеет хиастическое завершение:

Змеилась речка в тишине,
Плетя витки излучин.
А там, на самой глубине,
Плотвичку сом прищучил.
Вдали темнели берега,
Ершился лес на склоне.
И кот, окрысаясь на щенка,
Мышонка проворонил.
Цыпленка жучил таракан,
Сазан с лещом судачил.

И, как всегда, ослил баран,
 Что конь весь день ишачил.

 И звезды счастья и любви
 Зажглись над миром снова.
 От них *совели соловьи*
 И *соловели совы*.

Поэт заставляет играть всеми гранями глубоко упрямую и обычно не воспринимаемую внутреннюю форму слова (змеиться, прищучить, ершиться, окрыситься, проворонить, жучить, ослить, ишачить и т. д.), а в некоторых случаях строит игру на ложной этимологии («судачить» связано этимологически с «судом», а не с «судаком», «соловеть» — с прилагательным «соловый», а не с «соловьём»), и хиастическое завершение стихотворения как бы концентрирует и акцентирует его игровую суть.

Три последних примера наглядно показывают, как сочетается емкая форма хиазма с лирикой, слегка приправленной юмором, чтобы избежать сусальности, с язвительной иронией и с изобретательной игрой слов, форсирующей комическое начало, — основными нотами в поэтических и прозаических текстах Феликса Кривина.

Обращает на себя внимание та свобода, с которой автор нарушает хиастические каноны, когда это нужно для решения художественной задачи: в первом примере синтаксическая модель исходной формы $N \rightarrow Od$ заменяется в трансформе на $N \rightarrow Oind$, во втором $Oind \rightarrow Oind$ заменяется моделью $Od \rightarrow Oind$.

* * *

Хиазм, который, как мы знаем, представляет собой фигуру фигур, вбирая и повтор, и антитезу, и синтаксический параллелизм, и инверсию, склонен «притягивать» тропы. Он заполняет ими повторяющиеся позиции хиастической структуры. Это хорошо видно в поэтических и прозаических миниатюрах Феликса Кривина.

Прежде всего отметим хиастические сравнения, где предмет сравнения (*teneur*) и собственно сравнение (*véhicule*) меняются местами и функциями. Такой обмен есть в лирической миниатюре, где хиастическое сравнение звучит торжественно и одновременно трогательно, символизируя единство неба и земли и всего живого, что ее населяет:

Однажды кузнечик сидел при луне
 И думал, что вечер удался вполне:
 Не слишком морозный, он тихо светлел,
Где окна, как звезды, зажглись на земле,
 И звал он, и влек он в бездонную высь,
Где звезды, как окна, на небе зажглись.

Кривин обладает умением оживлять угасшие, стершиеся языковые метафоры:

Одни *прозябают* — хотя и в *тепле*,
А у других — на *морозе запарка*.

На метафорической персонификации, поддержанной, акцентированной хиазмом, построена его ранняя поэтическая миниатюра «Шкаф», где симметрия хиазма основана на неполной эквивалентности и приблизительной аналогии:

Он очень <i>содержателен</i> .	А тот, кому он служит,
И <i>скромен</i> : посмотри —	Иной имеет <i>вкус</i> :
Он даже <i>носит платье</i>	Он <i>разодет снаружи</i> ,
<i>Не сверху, а внутри</i> .	<i>А в середине пуст</i> .

Хиазм с тропеическим лексическим наполнением способствует в лирических пейзажных зарисовках Ф. Кривина созданию эффекта остранения. Обычная сельская картинка — река с мостом — приобретает необыкновенную свежесть благодаря развернутой метафорической катахрезе, вправленной в хиастическую рамку:

Пейзажу сельскому навстречу,	Струится медленно и строго,
Забыв о шуме городском,	В движенье обретя покой.
<i>Течет дорога через речку</i>	<i>А под мостом течет дорога</i>
<i>И называется мостом.</i>	<i>И называется рекой.</i>

Метонимическое наполнение хиазма встречается у Кривина, как и вообще в художественной речи, гораздо реже, чем тропы метафорической природы. Он прибегает к метонимии, например, размышляя о литературном мастерстве в своей прозаической миниатюре «Из чего делается имя в литературе»:

Когда мы говорим: имена Рабле, Свифта, Гоголя, мы имеем в виду их фамилии, а не имена. Не Франсуа, Джонатан, Николай, а Рабле, Свифт, Гоголь.

Вот из чего делается имя в литературе: оно делается из фамилии. *Из имени фамилию сделать* легко: из Ивана — Иванова, из Андрея — Андреева... А вот *из фамилии сделать имя*... На это нужно потратить всю жизнь. Да так потратить, чтобы весь мир оказался в выигрыше.

Изящная хиастическая форма, помноженная на метонимический фразеологизм «литературное имя», придает легкость этому тексту-поучению, делает его запоминающимся.

На метонимии построена и язвительная кривинская сентенция, направленная против тех, кто в своих шкурных интересах закрывает глаза на зло, творящееся возле них:

Не только *глухота* ведет к *немоте*, а и *немота* ведет к *глухоте*. Умевшие молчать, как правило, умеют не слышать.

Этот случай интересен тем, что тропеичность лексем, наполняющих хиастическую структуру, осознается только из последующего текста, и, таким образом, хиазм предполагает реверсивное прочтение.

Автономасия в сочетании с графоном составляет ту стилистическую краску, благодаря которой возникает трогательная неповторимость остроумной миниатюры «Разговор с юным читателем»:

*Ты называешь пиратов пилатами,
Я называю пилатов пиратами.
Ты — потому, что сказать трудно, вато,
Я — потому, что я знаю пилатов.*

* * *

Яркая скульптурная структурированность хиазма, его явная нарочитость, то, что эта фигура сразу бросается в глаза и легко может превратиться в некое архитектурное излишество, делает его употребление нелегким делом. Нельзя не согласиться с Анри Морье, что хиазм мог бы восприниматься как глупое стилистическое кокетство, если бы его существование не было оправдано причинами высшего порядка — стремлением к разнообразию, потребностью в эвфонии и в экспрессивной гармонии [Mogier 1981: 194].

Феликс Кривин, как мы постарались показать, мастерски использует богатые стилистические потенции этой редкой у других литераторов синтаксической фигуры.

Каковы особенности использования хиазма в идиостиле Феликса Кривина?

1. Поэзия и проза, нравоучительная, лирическая и юмористическая миниатюра — всюду находится у него место для хиазма. Стоит подчеркнуть, что хиазм у Кривина почти никогда не выступает в роли форшлага. Он является, как правило, элементом, который структурирует все произведение или акцентирует основную мысль, центральный образ.

2. Кривин использует все три вида хиазма — простой синтаксический хиазм (в том числе и эпанод), семантически осложненный хиазм и хиастический каламбур, прибегая при этом к разнообразным морфологическим и синтаксическим моделям этой фигуры, к разным текстуальным видам ее реализации.

3. Хиазм у Кривина так органично связан с микроконтекстом, его компоненты так интенсивно обыгрываются в предшествующем и последующем контексте, что его нелегко вычленишь так, чтобы он сохранил всю свою семантическую емкость.

4. Еще одной особенностью хиазма в контексте кривинского творчества является его относительная свобода. Автор расшатывает жесткую хиастическую структуру, освобождая ее от некоторых формальных признаков. В семантически осложненном хиазме, например, слово или словосочетание исходной формы, повторяемое в трансформе, приобретает иногда синтаксическую функцию, какой вообще не было в исходной форме.

5. Что касается создаваемого хиазмом стилистического эффекта, в текстах Кривина хиазм выступает как средство философского обобщения, как

наглядный инструмент сравнения и дифференциации — способ подчеркнуть общее в разном и несходное в общем, а также как форма организации комического (и в частности игрового) эффекта.

6. Последняя из замеченных нами характерных черт реализации хиазма в поэтических и прозаических произведениях Феликса Кривина касается лексического наполнения хиастической структуры. У Кривина оно часто тропологично.

Все перечисленные выше особенности хиастической структуры делают хиазм ярким сигналом индивидуального стиля, помогают Феликсу Кривину создавать свой особый мир, где «тень — предмета эхо, а эхо — звука тень» и где человек умудряется «жить во времени и в пространстве, не имея подчас ни пространства и ни минуты свободного времени». Это мир, где правильно расставлены акценты, где ориентиром служит гармония, потому что «там, где гармония звучит диссонансом, диссонанс выступает мерилом гармонии». В этом мире всем известно, что «добро, которое служит злу, становится злом. Но зло, которое служит добру, добром не становится». Этот мир далек от идиллии. Лирический герой, который находится в центре этого мира, отдает себе отчет в том, что если «раньше нас заедала среда», то теперь «мы заели среду», и если «аппетит в этом мире приходит во время еды, то еда не всегда приходит во время аппетита». В нем царит поэтически контрастное деление на своих и чужих и столь же поэтический дуализм — он воспринимается и огромным, и маленьким одновременно: этот «мир просторный тесен, чтоб чаще видеть в нем друзей», а вместе с тем этот «тесный мир просторен, чтобы реже видеть в нем врагов». Здесь, как это свойственно детству, «любая точка действительности — дорога в страну фантазии», а «любая точка фантазии — дорога обратно в действительность», где подобает быть взрослым. «Но мы ведь еще не взрослые, хоть нам и по многу лет», и поэтому мы так легко и просто уходим в страну фантазии по пути, намеченному кривинскими хиазмами.

Л и т е р а т у р а

Автухович 2003 — Г. Е. А в т у х о в и ч. Хиазм в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Риторика ↔ Лингвистика. [Вып.] 4. Смоленск, 2003. С. 135—140.

Береговская 1979 — Э. М. Б е р е г о в с к а я. Лингвистическая природа хиазма // Синтаксическая структура простого предложения. Смоленск, 1979. С. 42—48.

Береговская 1981 — Э. М. Б е р е г о в с к а я. Морфо-синтаксическая характеристика хиазма // Структура и функциональное развитие романских языков. Калинин, 1981. С. 3—10.

Береговская 1984 — Э. М. Б е р е г о в с к а я. К теории фигур: семантико-функциональная характеристика хиазма // ИАН СЛЯ. 1984. Т. 43. № 3. С. 227—237.

Глухов 1995 — В. М. Г л у х о в. Экспрессивно-стилистические особенности хиазма // Проблемы филологии и журналистики в аспекте новых общественных

отношений: Материалы Всерос. науч. конф. Вып. 1. Проблемы экспрессивной стилистики. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 58—59.

Клюев 1999 — Е. В. К л ю е в. Риторика: (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999. С. 246—247.

Копнина 2003 — Г. А. К о п н и н а. Хиазм // Культура русской речи: Энцикл. слов.-справ. / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М., 2003. С. 245—246.

Кривин 1960 — Ф. Д. К р и в и н. Вокруг капусты. М., 1960.

Кривин 1983 — Ф. Д. К р и в и н. Круги на песке. Ужгород, 1983.

Кривин 2001 — Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 18: Феликс К р и в и н. М., 2001.

Лиходеев 1968 — Л. Л и х о д е е в. Полтора Эзопа // Лит. газета. 17.07.1968.

Никитина, Васильева 1996 — С. Е. Н и к и т и н а, Н. В. В а с и л ь е в а. Хиазм // Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996. С. 143—145.

Норман 2001 — Б. Ю. Н о р м а н. Хиазм в структуре славянской речи: предпосылки, функции и следствия // Slavistična revija (Ljubljana). 49/4 (2001). С. 247—261.

Сковородников 2003 — А. П. С к о в о р о д н и к о в. Эпанод // Культура русской речи: Энцикл. слов.-справ. / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М., 2003. С. 778—779.

Соловьева 1980 — В. С. С о л о в ь е в а. Антитеза в хиазмах Блока // Рус. яз. в шк. 1980. № 5. С. 46—50.

Соловьева 1982 — В. С. С о л о в ь е в а. Хиазм в творчестве А. Блока: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

Терещенкова 1981 — А. А. Т е р е щ е н к о в а. Хиастический каламбур // Лингвистический анализ художественного текста. Смоленск, 1981. С. 84—85.

Хан 2004 — А. Х а н. Колодец творческой памяти (композиционно-смысловая роль хиазма в стихотворении Анны Ахматовой «Как белый камень в глубине колодца») // Русская филология. [Вып.] 8. Смоленск, 2004. С. 263—285.

Morier 1981 — Н. M o r i e r. Dictionnaire de poétique et de rhétorique. Paris, 1981.

О. Е. ИВАНОВА

ПРАВОПИСАНИЕ НАРЕЧИЙ: ПРАВИЛА И СЛОВАРЬ

Как показало обсуждение новой редакции правил орфографии, общественность, интересующаяся вопросами правописания, болезненно реагирует на какие-либо изменения в правилах (так было всегда при обсуждении вопросов правописания) и скорее отвергает, чем приветствует такие изменения. Нынешние правила правописания наречий — в той части, где речь идет о выборе между слитным и раздельным написаниями, — считаются трудными и для школьного преподавания, и для использования их уже грамотными людьми. Существует мнение, что в современной орфографии вообще «отсутствует как таковая система правил, регламентирующих слитное / раздельное написание наречий, а имеется лишь попытка обобщить требования узуса» [Друговейко 2003: 69]. Перечень претензий педагогов и учащихся, с одной стороны, и ученых, с другой, к установленным в этой области нормам достаточно обширен, а предложения по усовершенствованию этого раздела орфографии имеют весьма широкий диапазон — от формулирования принципов различения наречий и сочетаний существительных с предлогами и на этой основе построения правил в целом до частных изменений в написании ряда единиц.

Требования к орфографическому оформлению наречий и наречных сочетаний с 1956 г. закреплены правилами и академическим орфографическим словарем и с тех пор не изменялись. Письменные нормы их передачи являются законодательно утвержденными для подавляющего большинства единиц. В этой части письменной практики, таким образом, свобода кодификаторской деятельности — введение новых написаний для давно существующих единиц, изменение норм письма — достаточно жестко ограничена общественным договором.

Существующие предложения по усовершенствованию правописания наречий, охватывающие всю грамматическую категорию адвербиалов, направлены на алгоритмизацию правил. Для этого выстраиваются специальные последовательности принятия решения (см., например, [Панов 1964; Харченко 2001; Друговейко 2003]). Основной чертой данных концепций, значимых для практики письма, является неизбежное значительное изменение имеющихся написаний наречий. Сам процесс реализации этих концепций предусматривает, во-первых, абстрагирование от установленных

написаний как традиционных и неморфологичных и, во-вторых, создание непротиворечивых способов определения частеречной принадлежности каждой единицы, а уже на основе выявленного морфологического статуса предлагается слитная запись слова (наречия) или отдельная запись словоформы (предложно-падежного сочетания).

В большинстве случаев обсуждение проблемы правописания наречий и предложения по изменению норм сводятся, как правило, к двум положениям: 1) заменить отдельные написания слитными, когда нет сомнений в том, что данная единица — наречие, и 2) «для всех сомнительных случаев узаконить варианты написания» (см., например, [Булатова 2004: 257], а также [Кузьмина 2004]). И общие, и частные предложения, направленные на изменение норм письма для наречий, не имеют, на наш взгляд, простых решений в сегодняшней языковой и общественной ситуации.

Смеем утверждать, что трудности усвоения правописания наречий при обучении грамоте во многом преувеличены. Существующая в школе практика преподавания направлена на постепенное словарное запоминание наречных единиц таким же образом, как, к примеру, на словарное запоминание слов с непроверяемыми гласными. Различие заключается лишь в том, что многие наречия не относятся к частотным словам языка, поэтому они или вовсе не изучаются в школе, или их усвоение происходит естественным путем — при чтении, при обращении к словарю.

В действующих правилах правописания наречий не удовлетворяет, прежде всего, отсутствие логических основ в классификации материала, взгляд на него с позиций диахронии, опора не на частеречную сущность наречия, а на сугубо формальные (и порой достаточно частные) показатели, что влечет за собой противоречивость, перекрестность нормативных требований¹. Так, при отсутствии какой-либо понятной пишущему мотивации структурно одинаковые единицы пишутся по-разному и, соответственно, попадают в разные параграфы правил (ср. *назло* — *на диво*, *назубок* — *на глазок*, *волю* — *в голос*, *вразлад* — *в лад*, *всерьёз* — *в шутку*, *второпах* — *в нетях*, *начистоту* — *на редкость*, *напоказ* — *на подбор*, *сразу* — *с ходу*). Нередко и другое: одна и та же единица может быть в принципе описана с точки зрения разных правил, так как имеющаяся в ней орфограмма допускает интерпретацию на основе различных критериев. Например, известно, что отдельное написание некоторых наречных сочетаний с предлогами-приставками **без** и **под** типа *без оглядки* и *под уклон* мотивируется дважды: во-первых, характером самой первой части — эти предлоги всегда пишутся в наречных сочетаниях отдельно (исключения единичны, см. ниже); во-вторых, соотношением «предлог оканчивается на

¹ Все эти недостатки правил не раз обсуждались в лингвистической и методической литературе, поэтому в данной статье они не рассматриваются; см., например, [Алгазина 1964; Шанский 1964], из публикаций последнего времени см. [Друговойко 2003].

согласный + именная часть сочетания начинается с гласного». Таким образом, критика существующих нормативных требований в области правописания наречий касается и теоретических принципов, положенных в их основу, и практического применения правил, сформулированных недостаточно корректно.

Неединичность, или, как чаще говорят, противоречивость критериев, используемых для установления написания конкретных наречий, — не столь уж легко и безболезненно устранимое препятствие на пути совершенствования нормы, как иногда может показаться. Рассмотрим коллизию применяемых критериев на одном наглядном примере. Наречия *в открытую*, *в общем* следовало бы писать слитно (в соответствии с § 83, п. 4 действующих «Правил русской орфографии и пунктуации»), поскольку они образованы префиксальным способом от прилагательного в полной форме, ср. *внаглу*, *вплотную*, *врукопашную*, *вгорячую*, *наудалую*. Однако они являются исключениями из этого правила и пишутся раздельно как «составленные из предлога *в* и прилагательного, начинающегося с гласной» (§ 83, п. 4, примечание). В данном случае к этим двум единицам применен критерий, положенный в основу другого — чисто формального — самостоятельного правила написания наречных сочетаний: «следует писать раздельно сочетания предлогов с существительными... если предлог оканчивается на согласную, а существительное начинается с гласной буквы: *в обмен*, *в обрез*... *под уклон*» (§ 83, п. 6 А б)². Следует отметить, что правило раздельной передачи на письме «наречных образований, состоящих из предлога-приставки, оканчивающегося на согласную, и именной основы, начинающейся с гласной» (формулировка из [Обзор... 1965: 347]), является настолько сильным, т. е. легко заучиваемым и последовательно соблюдаемым, насколько непонятным с точки зрения его лингвистической природы. Справедливо отмечается, что данная норма, с одной стороны, как бы не имеет права на существование, ибо противопоставляет регулируемые ею написания типа *в обнимку*, *в отместку*, *в открытую* основному принципу письма, действующему в отношении всех других частей речи, — принципу слитного написания приставок с корнем независимо от качества конечного (или единственного) звука префикса и начального звука корня (ср. *подоконник*, *подосиновик*, *безухий*, *разудалый*, *сузить*, *подыграть*); с другой стороны, уже внутри категории наречий единицы *в открытую* и *в общем* по способу написания (раздельное) противопоставлены другим наречиям отадъективного (и — шире — неотсубстантивного) происхождения, пишущимся с приставками слитно. Единственный «весомый» аргумент в пользу их раздельного написания — это то, что оно соответствует утвержденным правилами и словарем орфографической нормы. Аргумент, с

² М. В. Панов назвал это правило «совершенно бессмысленным» [Панов 1964: 113], и до сих пор задается вопрос: «...какое отношение имеет это правило к принципам слитных или раздельных написаний?» [Булатова 2004: 257].

точки зрения лингвистов, не имеющих опоры в языке и потому, как кажется, легко устранимый при изменении нормы написания. Но чем же объясняется само установление такой нормы?

Данная норма не всегда существовала в нынешнем виде. Словарь В. И. Даля отразил колебания в письменной передаче наречий этого типа (хотя неустойчивость орфографии вообще характерна для правописания середины XIX в.), показав значительное число слитных (*вобжимъ, воднорядъ, восеняхъ, восняхъ, суладу, сустатку, сустали*)³, полуслитных (*въ-обредъ, въ-особину, въ-однодержку, въ-однодумку*), отдельных (*безъ удержку, въ отместку, въ отместъ, въ охотку, въ охоту, въ угоду, съ иглолочки*) и вариативных написаний (*безумолку / безъ умолку, безустали / безъ устали, вобизоръ / въ-обизоръ, вобрезъ / въ-обрезъ / въ обрезъ, вупор / въ упоръ*). В «Русском правописании» Я. К. Грота предлагается способ отдельного написания сочетания *въ одиночку* [Грот 1895: 91]. Справочник «100000 слов сомнительных в правописании» 1911 г. (пожалуй, самый объемный по словнику для своего времени, составленный, как заявлено, по Я. К. Гроту) единицы данного строения приводит в отдельном написании (*въ обменъ, въ обрезъ, въ обтяжку, въ обхватъ, въ одиночку, въ охатку, въ упоръ, въ уровень*). В словаре под ред. Д. Н. Ушакова, в котором достаточно широко представлена орфографическая вариантность вообще и наречная вариантность в частности⁴, современное нормативное требование отдельного написания также в целом соблюдено и нарушается лишь для нескольких единиц: *вохотку / в охотку* (но, ср., здесь же с тем же значением только отдельно: *в охоту*), *безудержу / без удержку, безумолку / без умолку, безустали / без устали*, при этом варианты со слитным написанием стоят на первом месте. Однако в словарных статьях слов **охотка**, **умолк**, **удерж**, **усталь** предложно-падежные сочетания *без умолку, в охотку* и др. помещены во фразеологическую зону и приводятся, конечно, в отдельном написании обычно с несколькими примерами; обсуждаемые здесь *в общем* и *в открытую* помещены в зоне фразеологизмов статей **общий**, **открытый** и пишутся отдельно. В книге Е. М. Федорук-Галкиной «Наречие в современном русском языке», написанной в эпоху ушаковского словаря, все такие наречия, напротив, пишутся только слитно [Федорук-Галкина 1939: 32—33]. Таким образом, филологический узус в течение почти целого столетия явным образом отражает колебание письменной формы наречий данного типа. Но вот уже в проекте «Правил единой орфографии и пунктуации» 1939 г. введено отдельным примечанием отдельное написание наречий «образованных соединением предлога *в* с прилагательным

³ Здесь и ниже наречия и наречные сочетания приводятся без указания их принадлежности к различным стилистическим сферам языка, такие указания даются лишь в редких случаях.

⁴ По подсчетам исследователей, вариантов в этом словаре не менее 600, из них наречий — 21 [Григорьева, Науменко 2004].

женского рода, начинающимся с гласной... например: *в открытую*» [Правила единой орфографии... 1939: 42], а в проекте, изданном уже в следующем (!) 1940 г., помимо этого, сформулировано еще одно специальное примечание, касающееся написания наречий «из предлога *в* и существительного, начинающегося гласным *о*» в *обтяжку, в обмен, в обрез, в отместку, в охапку* в два слова [Правила единой орфографии... 1940: 45].

Таким образом, колебания в письменной практике и отсутствие кодификации предоставляли в свое время возможность применить правило слитного написания для наречий данного типа. Эта возможность не была реализована. Можно только предположить, что существовали веские причины, из-за которых кодификаторы не решились пойти на утверждение в русском лексиконе стольких новых полноценных — целнооформленных — слов. Однако сомнения в бесспорной целесообразности их слитного представления были и остаются до сих пор. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди отсубстантивных наречий русского языка нет ни одного архаического слова, в котором этимологическая приставка на согласный писалась бы слитно с корнем, начинающимся с гласного (ср. с такими, к примеру, словами, как *вотьмах, второпях, врасплох, искони, набекрень, насмарку, невдомек, понаслышке, спозаранок* и пр. под.).

В самом деле, наречные единицы *в открытую* и *в общем*, являясь орфографическими исключениями в своем словообразовательном классе — отадъективных наречий, — относятся к довольно значительной группе слов (не только наречий и наречных сочетаний, но также предикативов и служебных слов), орфографически выделяемой именно на основании этого условного и «ненаучного» критерия: предлог-приставка на согласный соединяется с последующим корнем не контактом, а пробелом, если корень начинается с гласного звука. Для большей наглядности приведем перечень этих слов, зафиксированных в новейших словарях [РОС 2005; Словарь наречий... 2005], что свидетельствует о наличии признака устойчивости и воспроизводимости в речи:

а) с начальным компонентом *без*: *без аппетита, без излишеств, без интереса, без обиняков, без оглядки, без околичностей, без опаски, без осложнений, без остановки, без остатка, без отказа, без очереди, без удержу, без ума, без умолку, без умысла, без упрека, без устали, без утайки, без учета (чего), без ущерба;*

б) с начальным компонентом *в*: *в адрес (кого-чего), в авангарде, в ажуре, в аккурат, в аккурате, в ауте, в ёлку, в ёлочку, в избытке, в изголовье, в изножье, в изобилии, в интересах (кого-чего), в итоге, в оба, в обвод, в обгон, в обгонку, в обизор, в области (чего), в обло, в облом, в обмен, в обнимку, в обнимочку, в оборку, в оборот, в оборочку, в обрез, в обстановке (чего), в обтягечку, в обтяжку, в обхват, в обхвате, в обход, в общем, в общем и целом, в объезд, в одиночку, в одночасье, в окружении, в особенности, в особинку, в особину, в особицу, в отвес, в ответ, в отдалении, в отдельности, в отключке, в открытую, в отмену, в отместку, в отноше-*

нии (кого-чего), в отпаде, в отрубe, в отрыв, в отрыве, в оттяжку, в охалку, в охотку, в охоту, в убыток, в угоду, в ударе, в ужасе, в укор, в унисон, в упор, в уровень, в условиях (чего);

в) с начальным компонентом **под**: под апплике, под ёжик, под обжимку, под углом, под угрозу, под угрозой, под удар, под ударом, под уздцы, под уклон, под откос, под отчет, под утро, под эгидой;

г) с начальным компонентом **с**: с иголкой, с излишком, с избытком, с изнанки, с испуга (с испугу), с оглядкой, с огоньком, с опаской, с отвычки, с оттяжкой, с охотой, с удивлением, с удовольствием, с укором, с умом, с умыслом, с успехом, с устатка (с устатку), с утра, с учетом (чего).

Как видно, перечень неоднороден с точки зрения лексико-семантических характеристик входящих в него слов. Во-первых, в нем есть единицы с уникальными для современного языка корнями (например, *без умолку, в обизор, в одночасье, под уздцы, с устатку*), функционирование которых в речи ограничено рамками данного предложно-падежного сочетания и которые поэтому должны были бы писаться слитно (об этой проблеме см. ниже). Большинство же корней лексически свободные. Во-вторых, в перечень входят слова с «сильными» предлогами-приставками **без** и **под**, реализующими объектное значение. По мнению лингвистов, изучавших процессы образования наречий, значение предлога является одним из самых важных факторов, влияющих на процесс онаречивания, вернее, на его неравномерность, роль предлогов в этом процессе «чрезвычайно важна и многообразна». Так, предлоги *над, про, при, у* и отнаречные *возле, мимо* и др. вообще не участвуют в словообразовании наречий. Отсубстантивные наречия с предлогом-приставкой **под** единичны (*подряд, подчас, подвысь*). Предлог **без** всегда сохраняет объектность ('отсутствие объекта'), что не способствует потере именем предметного значения [Шапиро 1947: 32, 34; Демидова 1960: 14], причем даже в тех случаях, когда имя принадлежит к числу «редко употребляемых» (*без устали, без умолку*): по замечанию А. Б. Шапиро, «попытки закрепления слитного написания таких сочетаний не имели успеха» [Шапиро 1956: 25]. Наконец, список включает единицы с приставками **в** и **с**, которые в целом в наречных образованиях допускают и слитное, и раздельное написание с корнем.

Многие единицы из приведенного списка вступают в дополнительные смысловые соотношения (синонимические, антонимические) как друг с другом, так и с единицами других наречных словообразовательных рядов: *без оглядки — с оглядкой, без опаски — с опаской, без ума — с умом, без умысла — с умыслом, без учета — с учетом, без устали — с устатка, под утро — с утра, в оттяжку — с оттяжкой, в охотку, в охоту — с охотой, без охоты, с испуга — от испуга, в обмен — на обмен, в обгон — на обгон (идти)* и др. Известно, что вхождение именной части наречного сочетания в разных падежных формах в соотносительные конструкции с разными предлогами — при сохранении общей семантической доминанты — является фактором, поддерживающим субстантивный компонент семантики

наречного сочетания, в том числе для имен с неполной парадигмой (ср. *в сторону, в стороне, на сторону, на стороне; за пазуху, за пазухой; на корточки, на корточках, с корточек*). Этот фактор, в свою очередь, определяет основу другой самостоятельной нормы, согласно которой такие наречия и наречные сочетания пишутся раздельно (§ 83, п. 6 А в)⁵. Можно сказать, что критикуемая перекрестность критериев выделения разных норм правописания наречий и наречных сочетаний выступает в данном случае как дополнительная мотивация раздельного написания для части подводимых под рассматриваемую норму случаев.

Помимо отмеченных связей, некоторые единицы рассматриваемого типа обнаруживают и другие содержательные моменты, обусловленные наличием конкурирующих наречий близкой семантики, но иной словообразовательной структуры⁶ — отадъективных, пишущихся слитно с префиксом или не имеющих такового, а также синонимичных деепричастий, например: *без оглядки (разг.) — безоглядно, без остановки — безостановочно, без опаски (разг.) — безопасно, без отказа — безотказно, без удержу (разг.) — безудержно, без ума — безумно, без умолку (разг.) — безумолчно, не умолкая, без упрёка — безупречно; в обнимку, в обнимочку (разг.) — обнявшись, обняв; в открытую — открыто, в отвес — отвесно, в ответ — ответно, в охотку (разг.), в охоту (разг.) — охотно, с успехом — успешно*. Сочетаемость возможностей наречий на *-о* шире, чем у соответствующих предложно-падежных конструкций, в паре «наречное сочетание / наречие на *-о*» они занимают положение стилистически нейтрального члена. Существование параллельного продуктивного типа наречий — «сильных» конкурентов с более широкой семантикой и сочетаемостью — в системно-языковом плане не способствует онаречиванию предложно-падежных конструкций, оказывает влияние на сохранение предметности значения существительного, точнее, мы бы сказали, актуализирует субстантивные семы именной части (ср. рассуждения А. Б. Шапиро о наречных конструкциях с предлогами *без* и *с* [Шапиро 1947: 34, 36]).

Таким образом, попытка подвести *в открытую, в общем* под правило слитного написания, опирающееся на грамматические критерии, противопоставляет их подмножеству, выделяемому на основании формального условного признака, в состав которого они также входят. Причем для этого подмножества не важен лексико-грамматический статус его составляющих: является ли входящая в него единица наречием, предлогом, вводным словом, предикативом или устойчивым сочетанием. Получается, что обладание определенным формальным признаком, характеризующим стык морфем, выступает иерархически более значимым критерием для опреде-

⁵ О содержании этой нормы см. ниже.

⁶ Наличие адвербиалов-конкурентов свойственно и другим видам отсубстантивных наречий.

ления способа написания наречий *в открытую*, *в общем*, чем критерий морфологический (принадлежность к отадъективным наречиям) и критерий словообразовательный (возможность осмысления компонента **в** в качестве приставки семантически цельного слова).

Как было отмечено, до сих пор остаются не проясненными собственно лингвистические причины, на основании которых обсуждаемая норма исторически сформировалась⁷. В работе [Крючков 1954], где подробно показаны варианты колеблющихся написаний и объяснены мотивы, побудившие выбрать один из них первоначально для школьного «Орфографического словаря» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова (7-е издание, 1951 г.), а в дальнейшем для большого орфографического словаря, этот тип наречных сочетаний приводится в раздельном написании без всяких комментариев и без указания на имевшиеся в узусе разнонаписания, которые, конечно, не могли не быть известны автору. В современном узусе также наблюдаются отклонения в сторону слитной формы от написаний, установленных правилами. Подавляющее количество этих отклонений встречается в текстах Интернета, составленных с демонстративным пренебрежением к правилам письма в целом. Такие тексты принимать во внимание некорректно. В то же время новообразования рассматриваемого типа, включенные в лексикографические источники и пришедшие преимущественно из сферы социолектов (молодежный сленг, профессиональные языки, городское просторечие), фиксируются в раздельном написании; таковы, например, слова *в облом*, *в откате*, *в откиде*, *в отпаде*, *в умат* (от *умотаться* — *уматываться*), *в умате*, *в уматень*, *с утречка*, а также *в азарте* (= в первый момент), *в обиходе*, *в обществе* (= на людях), *в объеме* (= в трех измерениях; = в каком-л. количестве), *в однотон* («помещения затеваются в однотон»), *в ответ* (= ответно), *в очередь*, *в очистку* (= в оправдание), *с излишком* и др.

Итак, возможность утвердить слитное написание единиц *в открытую* и *в общем* не была реализована в своде 1956 г.; допускаем, что свою роль сыграло осознание формального единства рассмотренной выше группы слов различной частеречной принадлежности. Слитное написание в соответствии с морфологическим критерием привело бы к тому, что *в открытую* и *в общем* все так же остались бы в ранге исключений, но уже из другого ряда единиц — формально однотипных.

Можно предположить, что логика следования морфологическому критерию в построении правил правописания наречий не всегда отвечает тем признакам системности, которые свойственны самому языку в данном фрагменте его организации. Во всяком случае, процесс приведения орфо-

⁷ Изучая закономерности орфографии служебных слов в исторической перспективе, Б. И. Осипов приводит такое наблюдение: «предлоги на гласные, вроде на или по, чаще писались слитно, чем предлоги на согласные, вроде в или под в тех же самых текстах» [Осипов 1992: 210].

графии языковых единиц в соответствии их языковому статусу (как этот статус понимают ученые — субъекты кодификации) не представляется столь однозначной процедурой, если кодификаторы не хотят игнорировать участие единиц во всех релевантных для них языковых соотношениях. Раздельное написание *в открытую* и *в общем* до сих пор поддерживается благодаря тем разнонаправленным связям, на пересечении которых они существуют внутри «наречного сообщества», а само существование группы наречных (и не только) единиц типа *с иголки* и *в одночасье* не выглядит такой уж орфографической аномалией на фоне устойчивых сочетаний типа *вверх тормашками*, *во всю ивановскую*, *не покладая рук*, *чем ни попадя*, *бог весть*, *ни зги*, *с бухты-барахты*, *без зазрения совести* и др., являющихся наречными фразеологизмами, зачастую содержащими уникальные лексические компоненты и пишущимися раздельно. Кроме того, наречие *в общем* является по сути усеченной формой выражения *в общем и целом*, а *в открытую* — частью фразеологического выражения *играть в открытую*, генетически восходящего к терминам карточной игры; все эти обстоятельства также нельзя не учитывать при осмыслении орфографического облика данных единиц.

Итак, изучение языковых оснований конкретных норм написания наречий показывает значительную роль как синтагматического, так и парадигматического контекста в поддержании устойчивости орфографической формы слова. Именно в силу принадлежности наречий к «своей» микросистеме изменение написания конкретных слов может привести к появлению новых исключений, увеличивающих долю словарно кодифицированного материала.

Значимым признаком орфографических правил, действующих в сфере наречий и близких к ним наречных сочетаний, является их ориентированность на различные словообразовательные группы адвербиальной лексики. Эти группы сложились в ходе исторического формирования категории наречий, а также в процессе оформления предложно-падежных субстантивных сочетаний, устойчиво участвующих в выражении обстоятельственной семантики в высказывании. В силу исторической обусловленности набор орфографических правил для наречий не имеет ярко выраженной семантической или формальной доминанты, по отношению к которой определяется место каждого частного правила⁸. Каждое из них в принципе ориентировано на свою лексико-словообразовательную микросистему. Яркий пример этого — правило слитного написания «слов с пространственным и временным значением, имеющих в своем составе существительные *верх*, *низ*, *перед*, *зад*, *высь*, *даль*, *век*, *начало*» [Правила 1956: § 83, п. 5в], а также, добавим, *глубь* и *ширь*, но не *конец*, *миг*, *середина*. Возможно, что не все

⁸ Такой доминантой не может считаться признак неупотребительности именной части наречия в современном языке, как это подается в [Правила 1956], см. об этом ниже.

такие микросистемы выявлены и описаны с точки зрения их орфографической манифестации. Так, по нашим наблюдениям, наречия и наречные сочетания, образованные с участием существительных в форме множественного числа, как правило, пишутся раздельно. Сюда относятся не только (1) отмеченные в «Правилах» 1956 г. слова структуры «предлоги **в** и **на** + формы на **-ах**, **-ях**» типа *в головах, в ногах, в сердцах, на радостях, на днях* (а также, добавим, и *в гостях, в ладах, в нетях, в дураках, на руках* (на издивении), *на ногах* (переносить болезнь), *на сносях* и др.), но и (2) единицы иных структур — *в ноги, в гости, в живых, до слез, за глаза, за грудки, из гостей, на руки, под руки, на дыбы, на дыбки, на люди, на полусогнутых, на равных, по временам, по вечерам, по утрам, по ночам, по силам, по душам, по складам, по слогам, по шеям, по рукам, по ушам, с концами, с копыт, с катушек, с колес* и др., а также (3) единицы с именными частями *закорки, задворки, карачки, корточки, побегушки, поруки, подмышки, четвереньки*. Слитное написание удерживают лишь несколько давно сложившихся наречий отадъективного и отглагольного происхождения *вгорячах, впоыхах, впотьмах, второпях, впросонках, вперегонки, наперегонки, напоследях, наперекоски, наискоски, напрямки*.

Действующие правила неоднородны с точки зрения свойства безысключительной нормативности как основного содержания любого орфографического правила. Это один из наиболее существенных и критикуемых их недостатков — многие из установленных норм не действуют на всем массиве наречных единиц, под них подпадающих. Среди всех реально применяемых к наречиям правил выделяются, во-первых, без сомнения «сильные» — безысключительные — правила, во-вторых, правила, имеющие лишь отдельные исключения (назовем их правилами «преимущественного охвата» наречной лексики), наконец, в-третьих, такие установления, которые вовсе не могут определяться в терминах правил.

Сильные орфографические правила характеризуются следующими признаками: они 1) не имеют исключений, 2) нетрудно опознаются пишущими с формальной стороны и 3) безусловно выполняются в текстах, прошедших редактуру и корректуру.

1. К их числу относится, как говорилось выше, раздельное написание наречий типа *в отместку* (1)⁹, а также:

дефисное написание префиксально-суффиксальных наречий (например: *во-первых, по-новому, по-русски, по-собачьи*) и наречий, образованных повторами основ (например: *чуть-чуть, крепко-накрепко, мало-помалу*) (2);

слитное написание наречий, образованных префиксальным способом от наречий (*навсегда, отныне*), от кратких форм имен прилагательных¹⁰ (*до-суха, запросто, налегке, сгоряча*), от местоимений (*потом, совсем*), от со-

⁹ Данная нумерация разъясняется ниже.

¹⁰ Используется принятая в [Правила 1956] и ставшая традиционной классификация типов наречий.

бирательных числительных (*вдвое, вдвоем*) (2), от существительных структуры «приставка + формы имен *верх, низ, перед, зад, бок, глубь, даль, ширь, век, начало*» (3); единичные отклонения от этого последнего правила (*бок о бок, во (на) веки веков, во (на) веки вечные, из века в век*) относятся к другой сильной норме раздельного написания наречных сочетаний, представляющих собой повтор корня с участием предлога (предлогов) типа *рука об руку, из рук в руки, честь по чести* (одно исключение *крест-накрест*) (4);

раздельное написание предлогов-приставок **без** и **до** со следующей именной частью, какой бы ограниченной в употреблении эта часть ни была (например: *без просыпу, без разбору, без умолку, до зарезу, до неузнаваемости, до упаду, до чертиков*) (3). Полагаем, что при формулировании орфографических норм для новой редакции правил правописания ряд этих предлогов-приставок может быть непротиворечиво дополнен словами **для, под, при, про**, которые также участвуют в образовании раздельно пишущихся наречных сочетаний (например: *для блезиру, для верности, для вида, для затравки, для порядка, под дых, под ключ, под конец, под стать, под уздцы, при смерти, при деньгах, при своем, при своих, про запас, про себя* («не вслух»).

Как можно заметить, правил написания наречий, имеющих значительную предписывающую силу, которые в принципе не сложно соблюдать в процессе письма, не так уж и мало. Очевидно также, что они выделены на различных основаниях: условном фонемно-графическом (1), морфолого-словообразовательном (2), семантико-словообразовательном (3), синтаксико-словообразовательном (4).

2. К нормам второго типа — менее строгим, имеющим немногочисленные исключения, но отвечающие двум другим признакам сильных правил, принадлежат:

слитное написание приставочных наречий от полных форм имен прилагательных (например: *плотную, напрямую, впервые*) при наличии следующих исключений: *на боковую, на мировую, на попятную, на попятный (двор), на равных, в целом, в открытую, в общем*¹¹;

раздельное написание наречных сочетаний предлога-приставки **с** и формы род. пад. существительного на **-у (-а)** (например: *с виду, с голоду, с испугу, с кругу, с лёту, с маху, с налёту, с наскоку, с перепою, с перепугу, с разбегу, с разгону, с разлету, с размаху, со страху, с тылу, с ходу и с испуга, с круга, с лёта, с налёта, с наскока, с перепоя, с перепуга, с разбега, с разгона, с разлета, с размаха, со страха, с тыла*) при наличии следующих исключений: *сразу, сроду, срыву, сряду, срывка, сплеча*¹²;

¹¹ Здесь следует отметить, что в [Правила 1956] названы только два последних исключения, остальные приведены в новом академическом справочнике [Правила 2006: 142].

¹² Слитное написание слов *сбоку, сверху, снизу, сначала, спервоначала* (и *спервоначалу*), *сызвека* (и *сызвеку*) определяется сильным правилом из п. 1 о написании наречий с корнями абстрактного временного или пространственного значения.

раздельное написание единиц структуры «предлог + форма мн. числа существительного» (*в сердцах, по душам, с концами*), о которой говорилось выше, отнесем к этой же категории правил.

3. Статус следующего правила правописания, на содержании которого хотелось бы остановиться подробнее, не представляется столь однозначным, как в предыдущих случаях. В «Правилах» 1956 г. (§ 83, п. 6 А в) дается такая формулировка: «Следует писать раздельно сочетания предлогов с существительными, если существительное в определенном (одном) значении сохранило хотя бы некоторые падежные формы в сочетании с предлогами: *на корточки, на корточках; на карачки, на карачках; на четвереньки, на четвереньках; за границу, за границей, из-за границы; под спуд, под спудом; на дом, на дому; на память, по памяти; на совесть, по совести; на руку, не с руки; в насмешку, с насмешкой (...)*»¹³. Примеры, приведенные в параграфе, свидетельствуют о том, что этим правилом должно определяться написание как свободных субстантивных корней (*граница, дом, память, совесть, рука, насмешка*), так и корней, употребление которых в языке ограничено лишь несколькими устойчивыми сочетаниями (*корточки, карачки, спуд* и пр.). Таким образом, с помощью данного правила регулируется написание обширного подмножества предложно-падежных сочетаний с наречным значением, имеющих в разной степени устойчивый характер и на этом основании включенных, например, в «Русский орфографический словарь» и другие словари; это такие соотносимые единицы, как: *в сторону и в стороне, на сторону и на стороне, в тупик и в тупике, в насмешку и с насмешкой, в корень и в корне, в отрыв и в отрыве, в обхват и в обхвате, в привычку, по привычке, в редкость, на редкость, в радость, на радость, на волоске, на волосок, на выход, на выходе, на выселки, на выселках, на нос, на носу, на слух, на слуху, на совести, на совести, по совести, на память, по памяти, под гнет, под гнетом, под вопрос, под вопросом, под угрозу, под угрозой, с сердец, в сердцах, на вид, с виду, по виду, в виду, для виду, в ходе, в ходу, на ходу, по ходу, с ходу* и мн. др. Но в действующем своде это правило изначально было нацелено, как представляется, только на нормативную фиксацию тех предложно-падежных сочетаний, именная часть которых не встречается в свободном (беспредложном) употреблении — *на корточки, на корточках, с корточек* (а также *карачки, кулачки, кулички, четвереньки, цыпочки, спуд*) — и которые согласно требованию цельнооформленности слова должны были бы писаться слитно (см. выше в формулировке правила речь идет о существительных, которые «сохранили хотя бы некоторые падежные формы»). В этих случаях, как полагал А. Б. Шапиро, не завершился процесс грамматической модификации, ведущей к образованию наречий: ни предлоги, ни

¹³ Этот норматив, впрочем, как и другие, не относится к единицам *верх, низ, бок* и пр.

падежные формы имени не утратили своих прямых значений [Шапиро 1956: 25]. В словарной традиции эти единицы принято трактовать как формы реализации существительного *pluralia tantum* с приведением формы род. пад. мн. числа (см. [Словарь Даля; Словарь Ушакова; СОШ 1992; БТС]). Констатируя факт раздельного написания сочетаний с предлогами (*сесть на корточки, сидеть на корточках* и пр.), Л. Н. Булатова полагает, что «в этом случае нельзя говорить о несомненной адвербиализации данных предложно-падежных сочетаний» и что здесь можно увидеть неполную именную парадигму, встречающуюся только в сочетании с предлогами — «нечто аналогичное связанным корням в словообразовании» [Булатова 2004: 255]¹⁴.

Но насколько представление о неполной парадигме и связанности именного корня может помочь в объяснении раздельного способа написания наречных сочетаний типа *на корточки, на корточках*? Названным признакам отвечают, например, также и слова *внутри — внутрь — во-внутри — изнутри, вкось — накось — наискось, вперегонки — наперегонки, встарь — исстари, наземь — оземь, въяве — наяву, кзади — назади — позади — сзади, вблизи — изблизи, впереди — кпереди — спереди* и др. По отношению к обсуждаемому правилу они должны были бы выступать как исключения. Но все эти наречия пишутся слитно на вполне «законных» основаниях — как «слова с различными наречными значениями, имеющие в своем составе такие существительные или такие именные формы, которые в современном литературном языке не употребляются» (см. § 83, п. 5а Правил 1956 г.). К этому ряду также можно присоединить *замуж — замужем, наповал — вповал*, именная часть которых хотя и характеризуется признаком «употребительности», но с существенными оговорками. С другой стороны, обнаруживаются исключения и иного рода (о которых, как об исключениях, также приходится говорить впервые), когда один и тот же корень фиксируется действующими нормами и в слитном и в раздельном написании с предлогами-приставками: *назло — со зла, наизнанку — с изнанки, наспех — не к спеху; завтра, наутро — с утра, под утро; вконец, наконец — под конец; вправду, заправду — по правде; наособицу — в особицу, вмиг — на миг, позарез — до зарезу, поодиночке — в одиночку*, и при

¹⁴ Эта аналогия, как представляется, может быть распространена на другие случаи раздельных написаний с предлогами уникальных именных частей типа *до упаду, для блезиру, в обизор, на сносях* и под., если их синхронно рассматривать как «уни-радиксоиды» [Земская 1973: 61] — связанные уникальные корни, входящие лишь в один ряд соотношений — единиц с тем же предлогом-приставкой. При этом фактором, лежащим в основе раздельного написания, может быть признан и характер значения сильного предлога (*без, для, до, под*), и семантика корневой именной части, субстантивные семы которой поддерживаются грамматической формой (предлог и падеж) и парадигматическими связями данной единицы (см. анализ *до упаду* в [Иванова 2007]).

этом правописание некоторых наречий из этого ряда *до зарезу, с изнанки, в одиночку, в особицу, с утра, под утро, под конец* определяется другими правилами, которые выше были охарактеризованы как сильные¹⁵.

Таким образом, правило раздельного написания наречных сочетаний, определяемое по совокупности признаков «одно значение корня — различные падежные формы — различные предлоги», вообще трудно признать «правилом» в точном смысле этого слова при наличии столь значительного числа единиц, ему не подчиняющихся. Скорее здесь отражена лишь сформулированная в виде правила определенная закономерность, тенденция, охватывающая как свободные (преимущественно), так и несвободные субстантивные корни, причем последние составляют уже неполняемую в современном языке группу единиц. Полагаем, что в структуре нормативного свода правил подобные фрагменты наречной системы следовало бы отразить, не приписывая им статуса правила.

На аналогичном положении «неправила» по существу находится и упомянутый выше один из основных принципов правописания наречий по «Правилам» 1956 г., а именно: требование писать слитно отсубстантивные наречия со второй частью, не употребляющейся самостоятельно (§ 83, п. 5а; *вдоволь, впроголодь, дотла, наизусть, невдомек, понаслышке, спозаранку* и мн. др.). Этот принцип, сформулированный в ныне действующем орфографическом своде, не может действовать автоматически (как положено правилу), поскольку существуют многие активные в употреблении наречные сочетания (некоторые были рассмотрены выше), например, *без умолку, во всеоружии, в нетях, в отместку, в особину, в охотку, в пандан, в тартарары, для блезиру, до упаду, за шкуру, за грудки, на дыбы, на сносях, на плаву, на шарап, под микитки, с ведома, с кондачка, с бухты-баряхты, с кандибобером, с лихвой* и др., которые пишутся, в соответствии с современными нормами, раздельно, с пробелом, и их значительное количество не позволяет применить к ним термин «исключение». Кроме того, раздельное написание этих наречных единиц отражает их еще живую связь с предметными, а не только признаковыми языковыми значениями. Добавим, что данное раздельное написание не представляет в письменной системе языка что-то исключительное на фоне существования массы единых словесных комплексов, признаком формы которых является знак пробела.

Итак, в орфографическом своде 1956 г. помимо *собственно правил*, хотя и построенных на основании различных признаков, но применяемых с необходимой жесткостью и последовательностью ко всей совокупности наречных единиц и вычлняющих из нее свои орфографически специфические объекты, выделяются и такие нормы, которые в применении к отдель-

¹⁵ Некоторые дополнительные примеры, которые можно было бы здесь привести (*сплеча — по плечу, налицо — в лицо и к лицу, кстати — под стать*), не отвечают признаку тождественности лексического значения именной основы и поэтому не могут трактоваться как исключения из обсуждаемого правила.

ным фрагментам лексической системы наречий лишь показывают историческую тенденцию, лишь указывают на преимущественный тип написания. При этом сведения о материале, не подчиняющемся примененным в них критериям, не сообщаются. В нашем представлении, существенный недостаток действующего свода как раз и состоит в том, что в нем неправомерно представлены в виде орфографических правил такие положения, которые *правилами* по существу не являются. Представление о совокупности орфографических правил для наречий оказывается в силу этого искаженным.

4. Деформации представления о применении орфографических правил в сфере наречных единиц немало способствует умолчание в своде о *традиционной* природе написания многих из них и, соответственно, о роли словаря в установлении норм. Регулирование написаний с помощью разного рода нормативов, рассмотренных выше, охватывает лишь часть наречий и близких к ним предложно-падежных сочетаний. За пределами норм, установленных в правилах, действуют нормы написания, установленные в словаре (как говорится, «в словарном порядке»), т. е. не типовые, а индивидуальные орфографические нормы. Можно сказать, что для значительного количества слов лишь письменная традиция их написания, отраженная в словарях, является основанием их орфографической нормы. Действующие правила не акцентируют внимания на этой стороне вопроса, создавая тем самым иллюзию полного охвата рекомендациями всего множества адвербиалов и адвербиальных сочетаний. О наличии словарных норм говорит только замечание о необходимости обращаться к словарю в случае затруднений в правописании производных наречий (§ 83, п. 6).

Подавляющее большинство этих наречий и наречных сочетаний генетически связаны с предложно-падежными формами существительных. С формальной точки зрения круг словарно регулируемых написаний можно определить перечнем предложно-префиксальных компонентов: в качестве начальных частей выступают предлоги-приставки **в, за, к, на, от, по, с**, допускающие как слитное, так и раздельное употребление с корневой частью (ср. вышеупомянутые **без, до, для, под, при, про**, пишущиеся только раздельно). Приведем для иллюстрации, хотя и очень условной, небольшой ряд примеров, в целях наглядности подобранных с опорой на лексическую или словообразовательную аналогию (там, где она возможна). Например, имеются в виду такие единицы, не подпадающие под действие норм, установленных в правилах¹⁶, как *всерьез — в шутку, вдобавок — в придачу, второпях — в сердцах; запанибрата, заподлицо, зараз — за бесценок, за глаза, за грудки, за полночь; кзади, кнаружи, кпереди, кстати — к лицу, к месту, к слову; напоказ — на износ, начистоту — на редкость, нашармака — на фуфу, насмерть — на убой, напоследях — на сносях; отроду, отчасти — от души, от сердца, от пуза; поистине — по старинке,*

¹⁶ Имеются в виду, естественно, сильные правила и правила преимущественного охвата наречной лексики (см. выше п. 1 и 2).

повечеру — по вечерам, поневоле — по злобе, попеременке — по очереди; слишком — с гаком, сплеча — с кондачка, срывка — с кандибобером. Следует обратить внимание на неравномерность рядов с разными начальными компонентами. Наречия с начальным компонентом *к*, например, практически исчерпаны в приведенном списке, количество единиц с начальными *в, на, по, с*, напротив, очень обширно. В перспективе было бы интересно проанализировать весь материал, не подпадающий под действие правил, с целью возможного выявления компактных групп однотипно образованных и сходно пишущихся слов (что потребует основательной словарной работы).

Таким образом, в настоящее время, когда для правописания наречий реально существуют два вида норм — нормы правил и нормы словаря, — целесообразно организовать соответствующим образом и сами правила правописания, разделив их на те, которые можно сформулировать в виде (1) определенных нормативов (более или менее жестких) и (2) тенденций, и те, которые являются собственно словарными (3), пусть даже они и будут выделены «по остаточному принципу»¹⁷.

Итак, корпус наречий и наречных сочетаний существует в виде микросистем — лексико-семантических или словообразовательно сходных множеств, во многих из которых обнаруживается свой доминантный признак (признаки), цементирующий данную группу слов, делающий ее опознаваемой, выделимой из всего обширного массива наречных единиц русского языка. В силу этого обстоятельства применение ко всей совокупности наречий какого-либо единого системного основания орфографической классификации представляется не адекватным положению дел.

Литература и словари

Алгазина 1964 — Н. Н. Алгазина. Правописание наречий // Вопросы русской орфографии. М., 1964. С. 37—43.

Булатова 2004 — Л. Н. Булатова. Существительное с предлогом или наречие? // Отцы и дети Московской лингвистической школы. М., 2004. С. 254—258.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

Григорьева, Науменко 2004 — Т. М. Григорьева, С. В. Науменко. Орфографическая вариантность в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004. С. 75—84.

Грот 1895 — Я. К. Грот. Русское правописание: Руководство. 12-е изд. СПб., 1895.

Демидова 1960 — А. К. Демидова. Образование наречий из предложно-именных сочетаний (из сочетаний имен существительных с предлогами «без» и «на») в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1960.

¹⁷ Шаг в этом направлении сделан автором при изложении материала раздела «Наречия» в книге [Правила 2006].

Друговойко 2003 — С. В. Д р у г о в е й к о. Орфографическая реформа как зеркало русской интеллигенции // Письменная коммуникация и фонетический строй языка / Памяти проф. В. Ф. Ивановой. СПб., 2003. С. 58—79.

Земская 1973 — Е. А. З е м с к а я. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

Иванова 2007 — О. Е. И в а н о в а. Правописание наречий: частеречная неоднозначность и проблема орфографической вариантности // Российский лингвистический ежегодник. Вып. 2 (9). Красноярск, 2007. С. 69—83.

Крючков 1954 — С. Е. К р ю ч к о в. О спорных вопросах современной русской орфографии. М., 1954.

Кузьмина 2004 — С. М. К у з ь м и н а. Норма в орфоэпических и орфографических словарях // Русский язык сегодня. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004. С. 165—170.

Обзор... 1965 — Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965.

Осипов 1992 — Б. И. О с и п о в. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.

Панов 1964 — М. В. П а н о в. О слитных и раздельных написаниях // Вопросы русской орфографии. М., 1964. С. 100—119.

Правила 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

Правила единой орфографии... 1939 — Правила единой орфографии и пунктуации: Проект. 2-я редакция. М., 1939.

Правила единой орфографии... 1940 — Правила единой орфографии и пунктуации: Проект. 2-я редакция. М., 1940.

Правила 2006 — Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник. М., 2006.

РОС 2005 — Русский орфографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.

Словарь Даля — В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб., 1903—1909.

Словарь наречий... 2005 — Словарь наречий и служебных слов русского языка / Сост. В. В. Бурцева. М., 2005.

Словарь Ушакова — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

СОШ 1992 — С. И. О ж е г о в, Н. Ю. Ш в е д о в а. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Федорук-Галкина 1939 — Е. М. Ф е д о р у к - Г а л к и н а. Наречие в современном русском языке. М., 1939.

Харченко 2001 — С. Ю. Х а р ч е н к о. Правописание наречий (проблема совершенствования орфографической нормы): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

Шанский 1964 — Н. М. Ш а н с к и й. Правописание наречий // Вопросы русской орфографии. М., 1964. С. 43—50.

Шапиро 1947 — А. Б. Ш а п и р о. Об образовании наречий в современном русском языке // Рус. яз. в шк. 1947. № 1. С. 28—39.

Шапиро 1956 — А. Б. Ш а п и р о. Упорядоченное русское правописание (к выходу в свет «Правил русской орфографии и пунктуации»). М., 1956.

Щерба 1983 — Л. В. Щ е р б а. Теория русского письма. Л., 1983.

Е. В. ЯГУНОВА

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ОПОРНЫХ СЕГМЕНТОВ И ВОСПРИЯТИЕ РУССКОГО ТЕКСТА*

0. Постановка задачи

Данная работа посвящена исследованию восприятия звучащего текста с учетом принципиальной фонетической неоднородности последнего. По-видимому, особую актуальность рассматриваемый вопрос имеет для русского звучащего текста с его ярко выраженной сегментной редукцией (а также подвижностью и разноместностью его словесного ударения, явлениями просодической редукции).

Еще в 1974 году была опубликована статья Л. Р. Зиндера и его учеников, в которой рассматривался вопрос о неоднородности речевой цепи [Бондарко и др. 1974]. Согласно авторам, практически для *любого* текста верно то, что лишь часть его сегментов характеризуется полным типом произнесения и по крайней мере *может* интерпретироваться за счет анализа фонетических признаков этого сегмента, другая же часть принадлежит неполному типу и может интерпретироваться лишь на основании внефонетической информации; сегменты неполного типа произнесения реконструируются после интерпретации более крупной структурной единицы, чем слог (фонема), — прежде всего, в результате идентификации слова.

Учет указанной разнородности звучащего текста является ключевым для исследования процедур восприятия речи. Однако на материале осмысленного (хотя бы на уровне лексической семантики) текста разделить вклад в восприятие фонетической и внефонетической информации практически невозможно — соответственно невозможно разделить текст на сегменты полного и неполного типа произнесения. В данной работе мы сопоставляем экспериментальные данные, полученные на материале искус-

* Работа выполнена при частичной поддержке РФФИ (грант № 06-06-80-251).

Небольшой фрагмент статьи с кратким обсуждением данных по одному экспериментальному режиму принят к печати в Материалах конференции «Чтения Петербургского лингвистического общества — 2006».

ственного псевдотекста и естественного осмысленного текста (в рамках разных экспериментальных режимов).

Целью исследования является изучение принципиальной неоднородности звучащего русского текста с точки зрения стратегий восприятия речи, в частности распределение сегментов полного и неполного в пределах текста. *Гипотеза*, лежащая в основе данной работы, заключается в том, что как распределение сегментов полного и неполного типа произнесения в пределах текста, так и фонетические характеристики этих сегментов существенным образом зависят от функционального стиля воспринимаемого текста.

Гипотеза проверялась на материале художественного и делового текстов. Выбор данных текстов (функциональных стилей) был обусловлен тем, что тексты обладают существенно различающимися характеристиками (фонетическими, грамматическими, коммуникативными и смысловыми). В частности, слова и синтагмы в деловом тексте значимо длиннее, чем в художественном (см., [Ягунова 2006а]). Деловой текст характеризует более высокая синтаксическая и коммуникативная структурированность (см., [Ягунова 2007]), что обеспечивает эффективность процедур контекстной предсказуемости при распознавании слов текста. Художественный текст отличается более яркое просодическое оформление по сравнению с относительно монотонным деловым текстом. Фразы (синтагмы) художественного текста существенным образом различаются по громкости и мелодическим характеристикам [Ягунова 2006в; 2002].

1. Восприятие псевдотекста

1.1. Материал и методика

Для решения поставленной задачи были созданы два псевдотекста, входящие к естественным текстам указанных выше функциональных стилей, лишённые внефонетической информации, которые, соответственно, будут далее условно именоваться *художественным* и *деловым псевдотекстами*. Тексты были получены путем замены согласных на парадигматические аналоги в письменном варианте исходного текста: сонанты заменялись на другие сонанты, глухие взрывные на другие глухие взрывные и т. п.; см., напр., [Касевич и др. 1990]. Выбор согласного из парадигматического класса осуществлялся с учетом частоты встречаемости согласных (их сочетаний) в начальной, срединной и конечной позициях слова [Венцов, Касевич, Ягунова 2003]. В сложных фонетико-фонологических случаях выбор парадигматического аналога мог подсказываться особенностями реализации фонемной структуры в исходных текстах.

Пример преобразования фрагментов исходного текста в псевдотекст:

Плановые показатели вьетнамскими государственными органами не устанавливаются. ⇒ Трამозые топавакеми льемаширкици дохубацвемыни олбаранц ре успарамнизаюча.

*— Опять притащился! Пора бы знать своё место, здесь тебе не банк!
⇒ Отяк снпифинчя! Кова лы жсрапть хмоё рефто, гвех пеге ле дарт!*

Опытному диктору¹ после длительной тренировки было предложено, прослушивая исходный текст, прочитать псевдотексты (две таблицы) с сохранением просодической структуры исходного текста. Испытуемым предлагалось прослушать магнитофонную запись текста удобными порциями, останавливая прослушивание с помощью клавиши «пауза» и записывая каждый следующий услышанный фрагмент с новой строки, начинающейся с символа «звездочка». Текст можно было слушать один раз, не возвращаясь назад. В словах требовалось проставить ударение. Общий объем делового псевдотекста — 3 предложения, 12 синтагм, 49 фонетических слов (ФС), 216 слогов. Общий объем художественного псевдотекста — 8 предложений, 17 синтагм, 61 фонетическое слово, 159 слогов.

В эксперименте участвовало более 60 испытуемых для каждого текста².

В данной работе мы расширяем понятие сегментов полного типа произнесения, или, иначе, опорных сегментов. Это расширение имеет два аспекта: качественный (формат сегмента) и количественный (степень его опознаваемости). В качестве *опорных сегментов* рассматриваются единицы формата не менее слога (т. е. их объем варьируется от слога до ФС), которые правильно распознавались не менее чем 30 % испытуемых. Выделение опорных сегментов осуществляется исключительно на основании результатов эксперимента по восприятию псевдотекста; как уже сказано, они выделяются с разным уровнем разборчивости, который оценивается по относительному числу испытуемых, адекватно восстановивших его фонемный состав (с точностью до парадигматического класса согласных). В конечном счете по результатам нашего эксперимента выстраивается некоторая «карта» текста с сегментами (зонами) разной разборчивости — от максимальной (наиболее полного типа произнесения) до минимальной (наиболее неполного типа произнесения) (см. рис. 1).

¹ Весь материал начитывался одним и тем же опытным диктором.

² В организации и проведении экспериментов принимали участие проф. Г. М. Богомазов (МГПУ), проф. Л. Н. Чурилина (Магнитогорский государственный университет), в первичной обработке результатов — студенты Череповецкого и Магнитогорского государственных университетов под руководством доц. Е. В. Грудевой и проф. Л. Н. Чурилиной. Пользуюсь случаем, чтобы выразить им искреннюю благодарность.

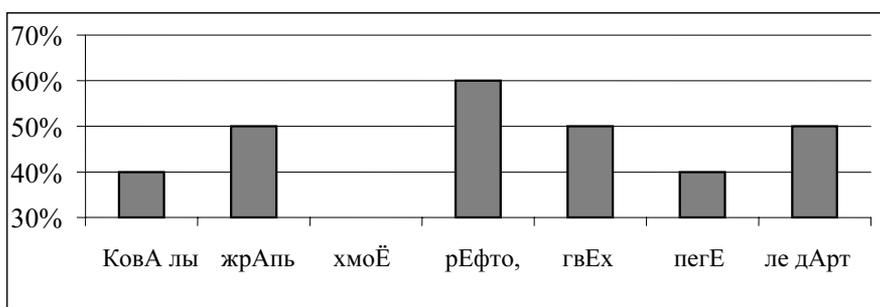

Рис. 1. Пример данных для фрагмента «карты художественного псевдотекста». По оси Y — уровень разборчивости

Отдельный интерес представляют опорные единицы максимальной (в нашем материале) размерности — *опорные слова* (ФС)³, выступающие как основная оперативная единица, а в случае совпадения с лексико-грамматическим словом для осмысленного текста — идентифицирующаяся через обращение к словарю. Таким образом, далее нами раздельно рассматриваются — и сопоставляются — опорные сегменты и опорные слова; причем опорные слова являются подмножеством опорных сегментов.

1.2. Результаты эксперимента. Опорные сегменты

Наборы опорных сегментов (зоны) высоких уровней разборчивости представляют зоны меньшего охвата, чем наборы более низких уровней разборчивости, включаясь тем самым в последние; наборы опорных сегментов (зоны) плохо распознаваемого делового текста покрывают меньшую часть «площади текста», чем зоны художественного. На рис. 2 дано наглядное представление соотношения этих зон. Так, напр., выделяемые в художественном тексте зоны покрывают от 11% до 62% всего текста, а выделяемые в деловом тексте — не более 39%. Очевидно существенное различие такого покрытия в зависимости от функционального стиля текста.

В качестве существенных для описания каждой из рассматриваемых зон «карты» текста выделяются следующие фонетические характеристики⁴: (1) длина сегмента в слогах, (2) ударный гласный, (3) распределение согласных фонем и основных фонемных классов в пределах этих зон, (4) консо-

³ Правильно опознанным ФС считалось восстановление фонетического слова целиком, включая возможные клитики.

⁴ В формат данной статьи не вошли вопросы, связанные с позицией рассматриваемых опорных сегментов в рамках ФС: в частности, для художественного текста опорные сегменты тяготеют к началу слова, а для делового текста — к ударному слогу, что нами интерпретировалось в духе множественности перцептивных стратегий (с точки зрения модели когорты и ShortList, подробнее см. [Касевич, Ягунова 2007]).

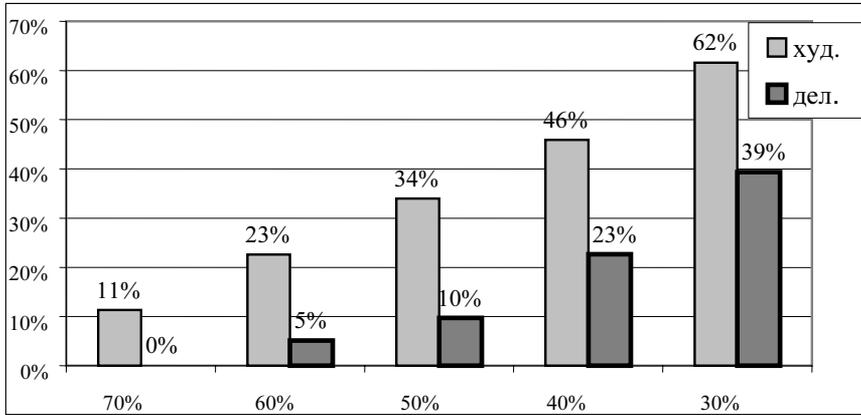

Рис. 2. Доля наборов опорных сегментов (по отношению ко всем слогам делового и художественного текстов) для разных уровней разборчивости. Условные обозначения: по оси X — уровни разборчивости (от 70 % до 30 %), по оси Y — доля наборов опорных сегментов (%)

нантный коэффициент. За «точку отсчета» принимается весь псевдотекст, с которым сопоставляются особенности 4 зон в рамках делового и 5 зон в рамках художественного текстов (соответственно, наборов опорных сегментов четырех и пяти уровней разборчивости). Положение о существенности именно рассматриваемых характеристик экспериментально обосновано, напр., в работах [Бондарко 1981; Штерн 1992].

1. Средняя длина опорных сегментов для делового и художественного текстов для разных уровней разборчивости колеблется в размере около двух слогов. Средняя длина опорного сегмента делового текста увеличивается с уменьшением уровня разборчивости: от 1,8 слога (для 60 % уровня разборчивости) до 2,5 слогов (для 30 % уровня разборчивости). Средняя длина опорного сегмента для большинства зон художественного текста составляет около 2 слогов, единственным исключением является средняя длина в 2,6 слога для зоны 70 % уровня разборчивости.

2. В деловом тексте, характеризующемся сложной структурой (многосложные слова, длинные синтагмы и фразы) и, соответственно, низкой разборчивостью, в большинстве случаев опорные сегменты присутствуют **в словах с ударной /a/** (от 58 % до 71 %), что выделяется даже на фоне доминирования /a/ во всем тексте (49 %), остальные гласные практически не представлены. Для художественного текста опорные сегменты чаще приходятся на слова с ударными /a/ (39—34 %) и /e/ (24—29 %); для всего же текста соотношение составляет 28 % и 21 % (соответственно, для /a/ и /e/).

Полученные результаты согласуются с представлениями о влиянии качества гласного в рамках слоговых контрастов (напомним, что для нас слог — минимальный сегмент): максимальные слоговые контрасты наблюдаются в слогах с /a/, минимальные — в слогах с /y/, /и/ и /ы/ [Бондарко 1977].

Известно, что ударная /а/ является наиболее частотной, однако, по-видимому, существует влияние функционального стиля на характеристики распределений ударных гласных: в наибольшей степени это доминирование проявляется для делового текста как обладающего низкой распознаваемостью.

3. *Деловой* текст демонстрирует перцептивную *устойчивость* глухого взрывного «п»⁵ и перцептивную *неустойчивость* сонанта «л»: доля «п» увеличивается от всего текста к наборам опорных сегментов от минимальной до максимальной разборчивости — 10 % весь текст, далее от 13 % до 27 %; доля «л», напротив, уменьшается в том же порядке — 15 % весь текст, далее от 8 % до 0 %. Для *художественного* текста можно говорить о перцептивной *устойчивости* «к» и «з»⁶ (5 % весь текст, далее от 6 % до 18 % для «к»); перцептивной *неустойчивости* «л» (9 % весь текст, далее от 7 % до 0 %).

Перцептивная неустойчивость сонанта «л» кажется вполне объяснимой именно в силу его высокой сонорности. Перцептивная устойчивость глухих взрывных («п» для делового и «к» для художественного текстов) может рассматриваться, прежде всего, с точки зрения распознавания класса глухих взрывных в целом. Напомним, что правильность распознавания фонем при восприятии псевдотекста оценивалась с точностью до парадигматического класса.

Для наборов опорных сегментов по мере увеличения уровня распознаваемости характерно *уменьшение сонорности* (см. рис. 3). Наиболее ярко уменьшение сонорности проявляется на материале делового текста: от безусловного преобладания сонорных в предъявляемом тексте к преобладанию в наборах опорных сегментов глухих взрывных и шумных глухих в целом. Процесс начинается уже с минимального уровня разборчивости, к 60 % уровню разборчивости глухие взрывные составляют 45 %, а шумные глухие — 72 %. Уменьшение сонорности на материале художественного текста прослеживается, но в меньшей степени, чем для делового текста (см. рис. 3б). Причина различия в наборах опорных сегментов делового и художественного текстов (по признаку уровня сонорности) может лежать в лучшей распознаваемости художественного текста (по сравнению с деловым текстом)⁷. Сравнительно короткие ФС в составе сравнительно коротких синтагм художественного текста в большей степени позволяют распознать сонорные (с точностью до парадигматического класса).

⁵ Обозначения согласных объединяют пару твердый + мягкий, напр., «п» = /п/ + /п'./.

⁶ Появление «з» в положении перцептивной устойчивости для художественного текста, возможно, объясняется характером реализации рассматриваемых контекстов устойчивости «з».

⁷ Для предъявляемых текстов разных функциональных стилей наблюдается некоторое единообразие распределения классов согласных фонем: для этих текстов характерно преобладание класса сонантов (46 % для делового и 39 % для художественного текстов), следующее место отводится классу шумных глухих в целом (37 % и 43 % соответственно).

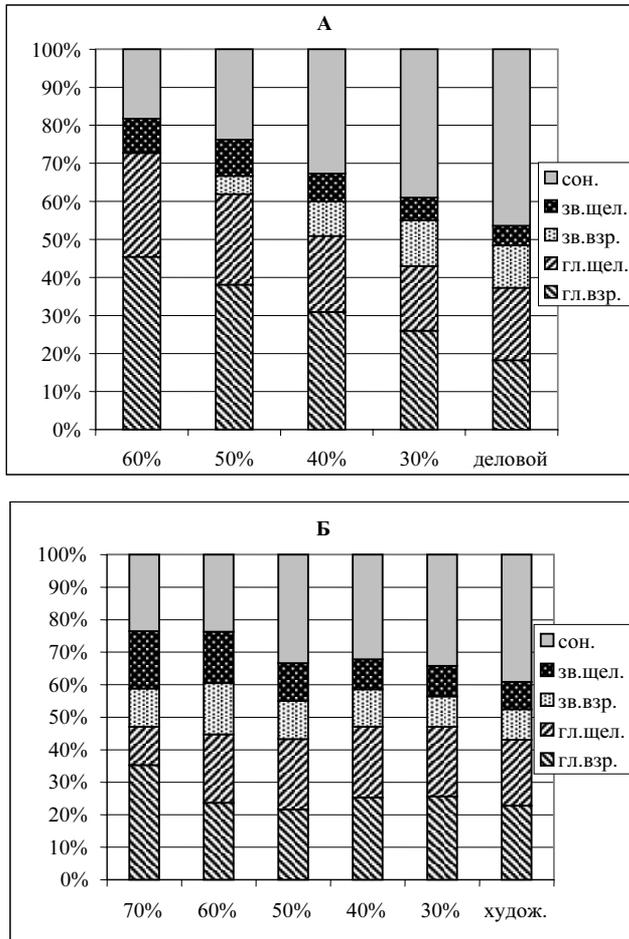

Рис. 3. Распределение частот встречаемости основных парадигматических классов согласных фонем для делового и художественного псевдотекстов, для наборов опорных сегментов этих текстов.

Условные обозначения: по оси X — уровни разборчивости от 70% до 30%;

по оси Y — доля рассматриваемых классов согласных фонем (%);

А — деловой текст, **Б** — художественный текст

Полученные результаты согласуются с представлениями о влиянии качества согласного в рамках слоговых контрастов. Количество наблюдаемых контрастов уменьшается (в слог с одним и тем же гласным) в такой последовательности: максимальное число контрастов — в слогах с начальными глухими взрывными согласными; минимальным количеством характеризуются слоги с начальными сонантами [Бондарко 1977].

4. Результаты рассмотрения значений коэффициента консонантности (КК) — числа согласных на слог:

- Значения КК для обоих предъявляемых текстов практически не различаются (1,2 и 1,3 соответственно).
- Для художественного текста значения КК по наборам опорных сегментов (от 1,2 до 0,9) и предъявляемого текста (1,3) практически не различаются, т. е. около 1 согласного на слог.
- Значения КК для наборов опорных сегментов делового текста превышают значение 1,5, т. е. от 1,8 до 2,9 согласных на слог.

Полученные данные можно интерпретировать как свидетельство *перцептивной значимости консонантности* при распознаваемости *делового* текста (в известной степени продолжающую тенденцию уменьшения сонорности); более того, рассматриваемая консонантность проявляется, главным образом, как *перцептивная значимость сочетаний (кластеров) согласных*: с уменьшением уровня распознаваемости отмечается увеличение числа таких кластеров.

Подтверждением зависимости влияния консонантности на распознавание текста является то, что более высокие значения КК характеризуют более сложный для распознавания текст, т. е. сочетания согласных, по-видимому, имеют более высокую перцептивную значимость в случае более сложной структуры текста (и/или сложных условий приема).

1.3. Результаты эксперимента. Опорные слова

«Расширенное» (зоны уровней разборчивости от 80 % до 10 %) распределение опорных слов по уровням (зонам) разборчивости демонстрирует еще большую зависимость от функционального стиля текста: для 30 % уровня разборчивости доля опорных слов составляет более половины для художественного текста и всего 10 % для делового. ФС 10 % уровня разборчивости в деловом тексте составляют всего около трети слов, а в художественном — подавляющее число слов в тексте (см. рис. 4).

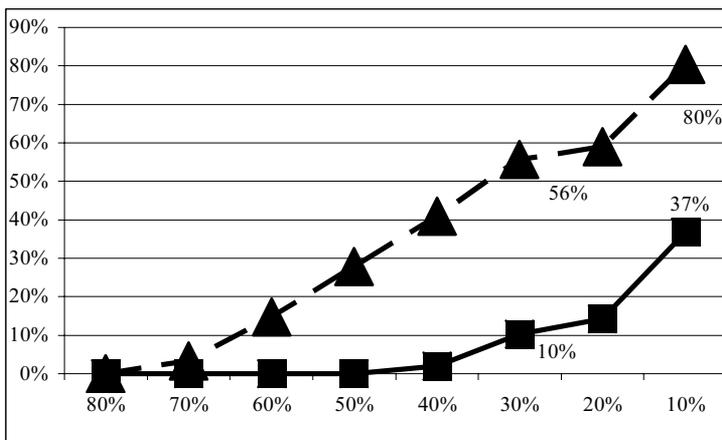

Рис. 4. Отношение числа опорных ФС к общему числу ФС в деловом и художественном псевдотекстах для разных уровней разборчивости

Рассмотрим реализацию выше названных четырех фонетических признаков для описания наборов опорных слов от 30 % до 70 % уровней разборчивости.

1. Средняя длина опорных слов для художественного текста по всем уровням разборчивости (кроме максимального) также близка к 2 слогам (немного уменьшается с увеличением уровня разборчивости — от 2,18 до 2,11 слогов), что сопоставимо с данными по опорным сегментам этого текста. Для делового текста значения средней длины опорного слова (3,8 слога) существенно выше, чем для художественного текста, что соответствует соотношению длин слов в этих текстах (в среднем — 4,4 и 2,6 слога, соответственно).

2. Для художественного текста опорные слова — как и опорные сегменты — чаще выступают как слова с ударными /a/ (38—35 %) и /e/ (24—29 %); т. е. соотношение по признаку «ударная гласная» практически одинаково для опорных слов и сегментов художественного текста. Материал делового текста — 5 опорных слов 30 % уровня разборчивости (и 1—40 % уровня) — не позволяет анализировать влияние этого признака.

3. Опорные слова *художественного* текста демонстрируют почти такую же картину распределения устойчивости фонем, что и опорные сегменты: перцептивная *устойчивость* «к» (5 % весь текст, далее от 6 % до 40 %) и перцептивной *неустойчивости* «р» (вместо «л») (11 % весь текст, далее от 13 % до 0 %). В отличие от наборов опорных сегментов, для наборов опорных слов характерна сравнительно высокая перцептивная устойчивость большего числа глухих согласных: «п», «т», «ф» (если исключить уровень 70 % разборчивости, еще и «х»).

Перцептивная неустойчивость сонанта «р» (как было и с «л» в случае опорных сегментов) кажется вполне объяснимой именно в силу его высокой сонорности. Перцептивная устойчивость глухих взрывных («к», «п» и «т») и даже глухих щелевых («ф» и «х») может рассматриваться, прежде всего, с точки зрения распознавания в целом классов глухих взрывных и, в меньшей степени, глухих щелевых.

Общая тенденция *уменьшения сонорности* по мере увеличения уровня распознаваемости проявляется для наборов опорных слов (также как и для наборов опорных сегментов). Так, доля глухих взрывных увеличивается с увеличением уровня распознаваемости (от 24 % до 80 %), а доля сонорных — уменьшается (от 31 % до 0 %). Доля глухих согласных в целом для наборов опорных слов выше, чем для набора опорных сегментов: 79 % и 100 % (для 60 % и 70 % уровней разборчивости, соответственно).

4. Для *художественного* текста значения КК по наборам опорных слов составляют от 1,3 до 1 (по мере увеличения уровня разборчивости), что практически не отличается от данных по опорным сегментам (1,2—0,9) и предъявляемого текста (1,3).

Для *делового* текста значения КК по наборам опорных слов составляют 1,3. Это значение КК практически не отличается от КК всего делового текста и для КК по опорным словам (1,3) и опорным сегментам (1,2) художе-

ственного текста соответствующих уровней разборчивости. В то же время для делового текста наблюдается противопоставление опорных слов и опорных сегментов по этому признаку (1,3 vs. 2,5—2,9), что, по-видимому, связано с существенно большей длиной ФС делового текста, т. е. большей редуцированностью слова в целом (следовательно, низкой словесной разборчивостью и малым числом опорных слов) и «особыми» фонетическими характеристиками опорных сегментов в их составе: ударностью⁸ и бóльшим КК.

1.4. Обсуждение результатов. Выводы

Фонетические признаки наборов опорных слов и опорных сегментов делового и художественного текстов демонстрируют как общие закономерности, так и различие в зависимости от рассматриваемых параметров.

Общими закономерностями являются следующие:

- Длина слова в 2 слога является оптимальной для обеспечения распознаваемости на основании только фонетической информации.
- Глухие согласные, в особенности глухие взрывные, обладают высокой перцептивной устойчивостью; сонорные, напротив, обладают низкой перцептивной устойчивостью. Таким образом, сравнение консонантных характеристик рассматриваемых зон — от всего текста до максимального уровня разборчивости — показывает общую тенденцию уменьшения сонорности.
- Полученные результаты хорошо согласуются с представлениями о значимости слоговых контрастов [Бондарко 1977]:
 - влияния качества согласного, т. е. максимального числа контрастов в слогах с начальными глухими взрывными согласными и минимального количества — с начальными сонантами;
 - влияния качества гласного: максимальные слоговые контрасты наблюдаются в слогах с /a/, минимальные — в слогах с /y/, /и/ и /ы/.

Очевидно **различие между результатами по деловому и художественному тексту** в доле покрытия текста наборами (зонами) опорных сегментов и слов, что определяется, прежде всего, длиной слов текста. Менее очевидные различия заключаются в перцептивной роли консонантности и фонемного качества ударного гласного.

- Более высокие значения КК характеризуют наборы опорных сегментов более сложного для распознавания делового текста: 1,8—2,9 vs. 1,2—0,9 (или 1,3—1 для наборов опорных слов), хотя для предъявляемых текстов эти значения почти не отличаются (1,2 и 1,3).
- В деловом тексте с его низкой разборчивостью в большинстве случаев опорные сегменты присутствуют в словах с ударной /a/, в

⁸ Роль ударности для опорных сегментов делового текста рассматривается в статьях [Касевич, Ягунова 2007; Ягунова 2006б].

художественном тексте наряду со словами с ударной /а/ присутствует и /е/.

Основным результатом сопоставления наборов опорных сегментов и опорных слов художественного текста полагаем очень большое сходство по рассматриваемым четырем фонетическим признакам и более явно выраженную тенденцию уменьшения сонорности по мере увеличения уровня разборчивости. Для наборов опорных сегментов делового текста данная тенденция выражена также более ярко, чем для наборов опорных сегментов художественного текста. Существенно бóльшая длина слов делового текста приводит к тому, что наборы опорных слов для него чрезвычайно малы и, соответственно, мало интерпретируемы.

1.5. Обсуждение результатов по восприятию псевдотекстов (дополнительные экспериментальные режимы)

1.5.1. Материал и методика дополнительных экспериментальных режимов

Полученные на материале восприятия псевдотекста данные позволили проследить разделение речевой цепи на сегменты полного и неполного типа произнесения, выделяя в этой цепи сегменты разных уровней опорности (т. е. градуируя «тип произнесения»). Напомним, что именно рассматриваемые сегменты — сегменты полного типа произнесения, или опорные сегменты — *могут* интерпретироваться за счет анализа фонетических признаков этого сегмента. Для практически *любого* текста верно то, что доля такого типа сегментов (размерностью от слога до ФС, см. рис. 1) и слов (т. е. сегментов размерностью в ФС, см. рис. 3) невелика.

Рассматривая роль собственно фонетической информации при восприятии текста, мы в большей степени уделяли внимание сегментной фонетической информации.

Остановимся несколько подробнее на роли просодического структурирования при восприятии текста. Мы исходили из предположения, что увеличение структурированности увеличивает долю опорных сегментов и опорных слов, а уменьшение структурированности, напротив, уменьшает. Отдельно рассматривался вариант с увеличением структурированности текста за счет введения (сохранения) минимума грамматической информации.

В последнем из указанных вариантов *увеличение структурированности* достигалось за счет того, что предлоги и окончания (флексии и постфиксы) слов в исходном письменном тексте были оставлены неизменным (*текст псевдо-II*). *Уменьшение* просодической *структурированности* было достигнуто за счет того, что псевдотекст (*псевдо-I*) с помощью программы звукового анализа WinPitch был монотонизирован по частоте основного тона (О.Т.). Выравнивание осуществлялось вручную, в качестве результирующей частоты О.Т. были взяты средние значения О.Т. по каждому из рассматриваемых текстов: 180 Гц для делового и 232 Гц для художествен-

ного текста. Так был создан *монотонизированный псевдотекст (псевдо-М)*, обладающий большей деструктурированностью, чем псевдо-И. Мы предполагаем, что, сопоставляя результаты эксперимента по распознаванию псевдотекста и монотонизированного псевдотекста, мы «изолируем мелодическую информацию», возможно обеспечивающую структурирование текста.

В дополнительных экспериментальных вариантах участвовали: (1) псевдо-И — более 50 испытуемых и (2) псевдо-М — около 40 испытуемых⁹.

1.5.2. Результаты дополнительных экспериментальных режимов. Опорные сегменты

На рис. 5 и 6 дано наглядное представление соотношения зон (наборов опорных сегментов) в «карте текста», построенной на основании результатов распознавания псевдотекстов (псевдо-И и псевдо-ИИ — рис. 5; псевдо-И и псевдо-М — рис. 6).

Выдвинутая нами гипотеза предполагала увеличение покрытия текста наборами опорных сегментов при учете грамматики (псевдотекст-ИИ) и уменьшение при монотонизации (псевдо-М) для всех уровней разборчивости. Полученные результаты не опровергают выдвинутой гипотезы, хотя различия статистически незначимы. Статистическое различие между распределениями зон разных уровней разборчивости наблюдается лишь для художественного псевдотекста с учетом грамматики (художественный-ИИ, наилучшая распознаваемость) и для делового псевдотекста (деловой-И, наихудшая распознаваемость). Так, напр., выделяемые в художественном

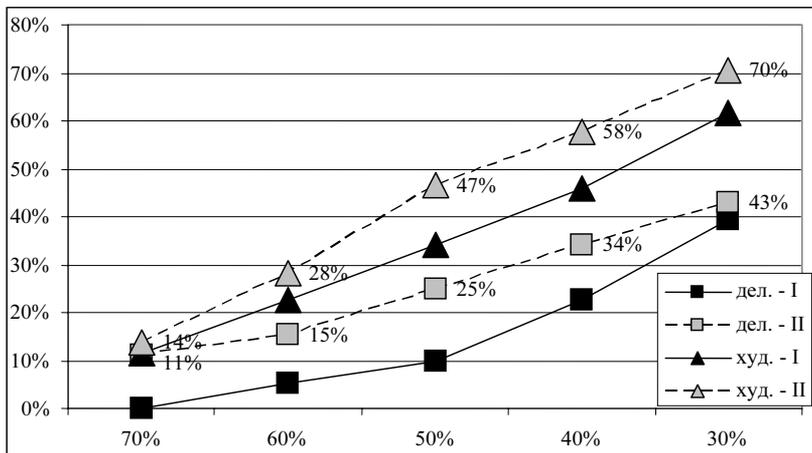

Рис. 5. Соотношение долей наборов опорных сегментов в псевдотекстах (псевдо-И и псевдо-ИИ) (по отношению ко всем слогам делового и художественного текстов) для разных уровней разборчивости

⁹ Экспериментальный дизайн этих экспериментов был в целом аналогичен тому, что был описан выше.

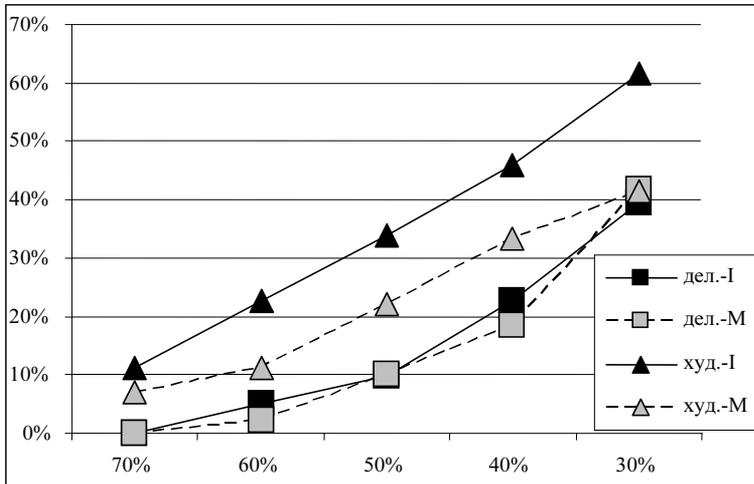

Рис. 6. Соотношение долей наборов опорных сегментов в псевдотекстах (псевдо-I и псевдо-M) (по отношению ко всем слогам делового и художественного текстов) для разных уровней разборчивости

псевдотексте-I зоны покрывают от 11 % до 62 % всего текста, а в художественном псевдотексте-II — от 14 % до 70 % всего текста; в деловом псевдотексте, соответственно, — не более 39 % (для псевдо-I) и не более 43 % (для псевдо-II). Более того, статистически незначимыми оказались различия между «крайними» вариантами: псевдотекстом с учетом грамматики («улучшенным» текстом) и монотонизированным псевдотекстом («ухудшенным» текстом).

Средняя длина опорных сегментов для монотонизированного псевдотекста (M) и псевдотекста с учетом грамматики (II) (так же как и для исходного псевдотекста (I)) колеблется около 2 слогов (см. рис. 7). Предполагалась возможность различий по длине опорных элементов в зависимости от «степени структурированности» текста (от монотонизированного псевдотекста до псевдотекста с учетом грамматики). Однако различие проявилось лишь для делового псевдотекста (см. рис. 7а): при монотонизации наблюдалось уменьшение длины, при «добавлении грамматики» — увеличение длины опорных сегментов; более того, обнаружилось различие между средней длиной опорных сегментов монотонизированного псевдотекста и псевдотекста с учетом грамматики.

1.5.3. Результаты дополнительных экспериментальных режимов. Опорные слова

Выдвинутая гипотеза предполагала увеличение доли ФС, содержащих опорные сегменты, к общему числу ФС в тексте при учете грамматики (псевдотекст-II) и уменьшение при монотонизации (псевдо-M) для зон всех

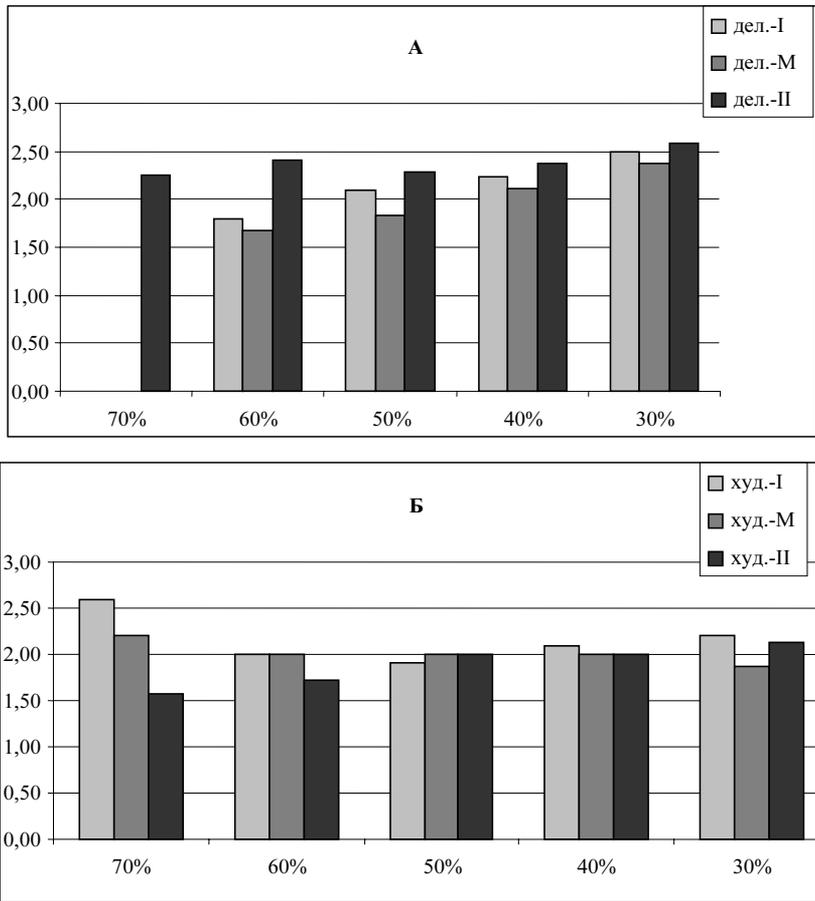

Рис. 7. Средняя длина опорных сегментов в слогах для разных вариантов псевдотекстов (псевдо-I, псевдо-M, псевдо-II). А — деловой псевдотекст, Б — художественный псевдотекст

уровней разборчивости. В целом, по всем уровням распознаваемости прослеживается зависимость распределения относительного числа ФС, содержащих опорные сегменты, от варианта псевдотекста (увеличение доли рассматриваемых ФС с увеличением «степени структурированности» в тексте) (см. рис. 8 и 9). Исключение составляют практически не различающиеся распределения для исходного и монотонизированного делового псевдотекстов (см. рис. 9).

Если ориентироваться на 30% уровень разборчивости, то подавляющее число ФС текста содержит в своем составе опорный сегмент (не менее слога, а в среднем около 2 слогов) (см. рис. 8 и 9). Единственное исключение составляет монотонизированный художественный псевдотекст (лишь 57%

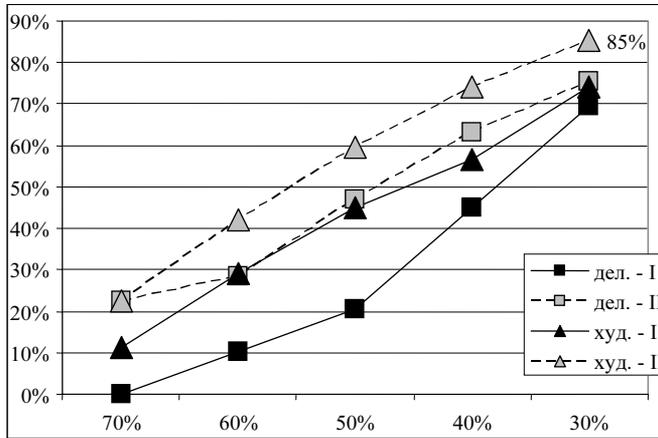

Рис. 8. Отношение числа ФС, содержащих опорные сегменты, к общему числу ФС в псевдотексте (псевдо-I и псевдо-II) для разных уровней разборчивости

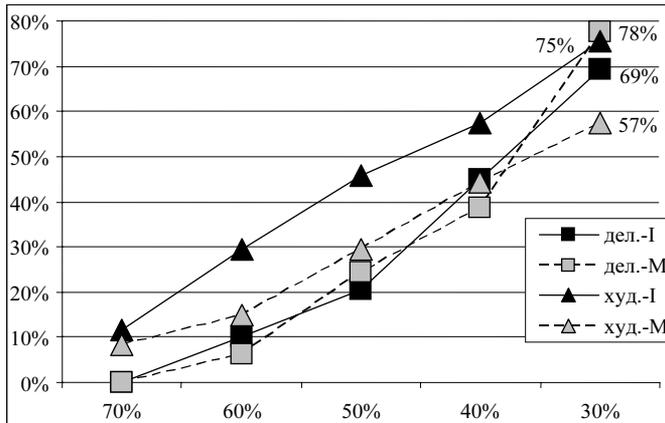

Рис. 9. Отношение числа ФС, содержащих опорные сегменты, к общему числу ФС в псевдотексте (псевдо-I и псевдо-M) для разных уровней разборчивости

ФС текста содержат опорный сегмент). Такие результаты согласуются с низкой распознаваемостью монотонизированного текста по всем параметрам. Для художественного псевдотекста с учетом грамматики относительное число ФС, содержащих опорный сегмент, возрастает (85 % ФС в тексте).

1.5.4. Обсуждение результатов дополнительных экспериментальных режимов

Результаты сопоставления данных трех экспериментальных режимов восприятия псевдотекста, различающихся «степенью структурированности» (псевдо)текста, свидетельствуют о следующем:

- 1) степень (просодической, просодико-грамматической) структурированности влияет на долю опорных сегментов и слов (покрытие площади от всего текста) для разных уровней разборчивости;
- 2) зависимость особенностей влияния степени структурированности от функционального стиля текста:
 - для *делового* текста увеличение структурированности (минимальная грамматическая структурированность) несколько улучшает разборчивость и увеличивает долю покрытия текста наборами опорных сегментов и слов,
 - для *художественного* текста монотонизация приводит к ухудшению разборчивости и уменьшению доли покрытия текста наборами опорных сегментов и слов;
- 3) средняя длина опорного сегмента (по всем экспериментальным режимам, для всех уровней разборчивости) составляет 2 слога:
 - для *делового* текста степень структурированности влияет на среднюю длину опорного сегмента (при монотонизации — уменьшение длины, при «добавлении грамматики» — увеличение их длины),
 - для *художественного* текста степень структурированности практически не влияет на значение этого признака.

2. Эксперимент по восприятию осмысленного текста в шуме

2.1. Материал и методика

В качестве исследуемого материала было выбрано два текста разных функциональных стилей¹⁰, начальные фрагменты которых являются прототипами для создания уже рассмотренных псевдотекстов:

1. Отрывок из официальной публикации «Закон об иностранных инвестициях во Вьетнаме и нормативные акты, изданные на его основе» (в дальнейшем «деловой текст»);
2. Отрывок сюжетной художественной прозы Нам Као «Ти Фео» с элементами диалога (в дальнейшем «художественный текст»).

В работе была поставлена задача рассмотрения «поверхностного восприятия» текста, мало затрагивающего уровни «понимания» и «интерпретации» (в той степени, в какой это возможно для ситуации восприятия естественного осмысленного текста). Тематическая специфика текстов, как нам кажется, позволила избежать заметного влияния ситуативных и фоно-

¹⁰ Тексты содержат параллельные версии документа на вьетнамском, французском, русском языках, что и обусловило их выбор для другого — более широкого — исследования на материале типологически разных языков (ср., напр., [Касевич, Венцов, Ягунова 1996]).

вых знаний испытуемых на восприятие. В наибольшей степени эта особенность, по-видимому, характеризует деловой текст, т. к. в эксперименте участвовали только испытуемые, не знакомые с данной предметной областью. Впрочем, художественный текст также содержал реалии вьетнамской действительности, далекие от жизненного опыта испытуемых.

В качестве типа искажения было выбрано наложение на исходный сигнал белого шума при общем соотношении сигнал/шум 0 дБ. В эксперименте приняло участие 40 испытуемых (носителей русского языка, далеких от предметной области экономики и соответствующего делопроизводства). Экспериментальный дизайн аналогичен описанному выше.

2.2. Сопоставление общих результатов эксперимента по восприятию текста в шуме и псевдотекстов

Коммуникативная ситуация эксперимента — однократное прослушивание, наличие сильной помехи (белого шума) и отсутствие у испытуемых знаний в данной предметной области — привела к тому, что слова правильно опознавались крайне редко. Для каждого признака нами отдельно рассматривалось правильное опознание фонетических и знаменательных слов (см. табл. 1).

Таблица 1

Обобщенные результаты распознаваемости слов текста в шуме

Тип текста	ФС	З.С.	О.
Деловой	21 %	22 %	62 %
Художественный	11 %	12 %	83 %

Условные обозначения: ФС — фонетическое слово, З.С. — знаменательное слово, О. — отказ

Наложение на сигнал белого шума создает стационарную помеху. Напомним, что белый шум характеризуется одинаковой спектральной плотностью на всем диапазоне рассматриваемых (речевых) частот. В результате наложения шума разные типы фонетической информации в исходном тексте оказываются искаженными в разной степени. Как известно, в «нижней» области частот речевой сигнал обладает большей плотностью (прежде всего, речь идет о частоте основного тона и формантных частотах), в «верхней» же — спектральная плотность сравнительно мала (прежде всего, речь идет о шумовых характеристиках шумных взрывных и щелевых). Таким образом, просодическая (ритмическая) информация в широком смысле (признаки «длина в слогах» и «фонемное качество ударной гласной») оказывается наименее искаженной; сегментная информация (фонемное качество согласных) искажена в большей степени, максимальное искажение характеризует шумные глухие согласные.

2.2. Опорные слова. Сопоставление результатов экспериментов по восприятию текста в шуме и псевдотекстов

При распознавании слов осмысленного текста соотносить роль собственно фонетических и внефонетических признаков практически невозможно. Очевидно лишь то, что распознавание осмысленного текста невозможно на основании только фонетической информации.

Сопоставим фонетические признаки, характеризующие опорные слова в псевдотекстах и в соответствующих фрагментах исходных текстов.

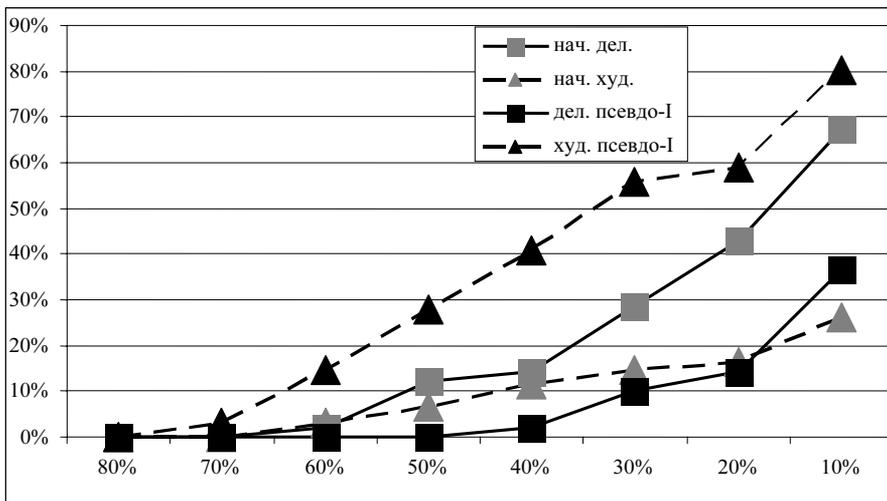

Рис. 10. Отношение числа опорных ФС к общему числу ФС в текстах (начальных фрагментов осмысленного текста, преобразуемого в псевдотекст, и псевдотекстах) для разных уровней разборчивости

Для исследования роли собственно фонетических признаков в данной работе использовался материал по восприятию псевдотекстов. На рис. 10 представлены результаты сопоставления соотношения числа опорных слов (ФС) для осмысленного текста, когда разделить влияние фонетических и внефонетических признаков невозможно, и для псевдотекста, когда мы можем говорить об изолированном влиянии собственно фонетических признаков. Линии, связывающие данные по естественным текстам, оказываются между линиями по данным псевдотекстов; в среднем наборы опорных слов для делового и художественного псевдотекстов значительно различаются, аналогичные наборы опорных слов по данным делового и художественного естественных текстов — различаются незначительно. Полученную картину можно интерпретировать как признание того, что взаимодействие фонетических и внефонетических признаков обеспечивает, условно говоря, большее единообразие, чем действие исключительно фонетических признаков.

Рассмотрим реализацию выше названных четырех фонетических признаков для описания наборов опорных слов от 30 % до 60 % уровней разборчивости.

1. Средняя длина опорных слов для художественного текста по уровням разборчивости близка к 2 слогам (уменьшается с увеличением уровня разборчивости — от 2,6 до 1,5 слогов), т. е. сопоставима с данными по опорным словам (и сегментам) художественного псевдотекста. Для делового текста значения средней длины опорного слова (4,4 слога) существенно выше, чем для художественного текста (в деловом тексте слова существенно длиннее, чем в художественном (в среднем — 4,4 и 2,6 слога, соответственно)). Таким образом, фонетический признак «длина слова в слогах» реализуется для опорных слов естественного текста таким же образом, как и для опорных слов псевдотекста.

2. Для художественного текста опорные слова (от 30 % до 50 % уровня разборчивости) несколько чаще приходятся на слова с ударной гласной /а/ (33—50 %), несколько реже — с /е/ (17—25 %) и /о/ (17—25 %); т. е. соотношение по признаку «ударная гласная» сходно для опорных слов художественного естественного текста и псевдотекста (и сегментов псевдотекста). Для делового текста опорные слова содержат, главным образом, ударную /а/ (64—86 %), существенно реже — /е/ (7—17 %) и лишь для слов 30 % уровня разборчивости — /о/ (22 %). Для 60 % уровня разборчивости все слова содержат ударную /а/ (2 опорных слова для художественного и 1 опорное слово для делового текста). Следовательно, фонетический признак «ударная гласная» аналогичным образом характеризует и опорные слова естественного текста, и опорные слова псевдотекста.

3. Лишь для псевдотекстов мы имели возможность определения устойчивости/неустойчивости согласных и их классов в зависимости от изменения их соотношения от минимального к максимальному уровню разборчивости. Для осмысленного текста направление такого рода изменений не прослеживается, поэтому в большинстве случаев мы могли лишь фиксировать согласные и их классы, наиболее часто встречающиеся в составе опорных слов разных уровней разборчивости.

Опорные слова *делового* текста демонстрируют следующую картину:

чаще всего встречались *глухие* согласные:

взрывные «т» (17—25 %) и «п» (5—14 %, кроме уровня максимальной разборчивости),

щелевой «с» (7—25 %);

перцептивную устойчивость (увеличение доли с увеличением уровня разборчивости) демонстрируют **сонанты** «й» (от 5 % до 13 %) и «л» (от 5 % до 13 %);

часто встречались сонанты «м» (9—17 %) и «р» (от 12 % до 10 %, кроме уровня максимальной разборчивости).

Данные по «р» можно трактовать как «условную перцептивную неустойчивость» (что сопоставимо с данными по псевдотексту) и объяснять их

высокой сонорностью «р» и общей тенденцией уменьшения сонорности. В то же самое время высокая доля сонантов («й», «л», «м», «р») не может не определяться спецификой условий зашумления, в наименьшей степени искажающего именно сонанты. Несмотря на то, что фонетические характеристики шумных глухих, напротив, в наибольшей степени искажены шумом, эти согласные в наибольшей степени представлены в составе опорных слов. Перцептивная устойчивость глухих взрывных («т» и «п») и даже глухих щелевых («с») может рассматриваться прежде всего с точки зрения распознавания в целом классов глухих взрывных и, в меньшей степени, глухих щелевых.

Естественно, распознавание слов осмысленного текста осуществляется на основании как фонетических, так и внефонетических признаков, разделить которые принципиально невозможно. Так, для выдвижения гипотез о слове и последующей их верификации может быть достаточно сравнительно небольшого сегмента (слога и более)¹¹. Поэтому «фонетические» характеристики опорных слов осмысленного текста могут определяться не только фонетическими (акустическими) свойствами соответствующих сегментов. В наибольшей степени, естественно, это относится к рассматриваемым фонемным (сегментным) признакам.

В составе опорных слов *художественного* текста представлено большое количество разных согласных, что не позволяет провести анализ распределения для отдельных согласных.

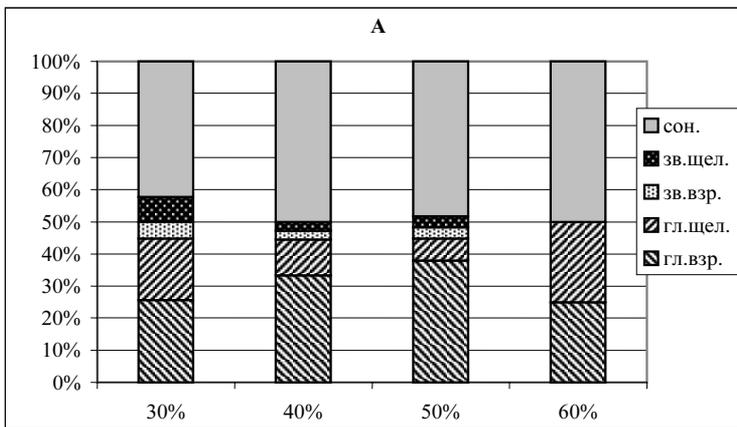

Рис. 11а. Распределение частот встречаемости основных парадигматических классов согласных фонем для делового и художественного текстов, для наборов опорных сегментов этих текстов. А — деловой текст

¹¹ Анализ данных этих экспериментов с точки зрения двух моделей — когорты и ShortList — на наш взгляд, наиболее адекватных (экспериментально подтвержденных) и, в то же время, «полярных» по отношению к роли анализируемых параметров в процедурах идентификации слова, см. в [Ягунова 2006б; Касевич, Ягунова 2007].

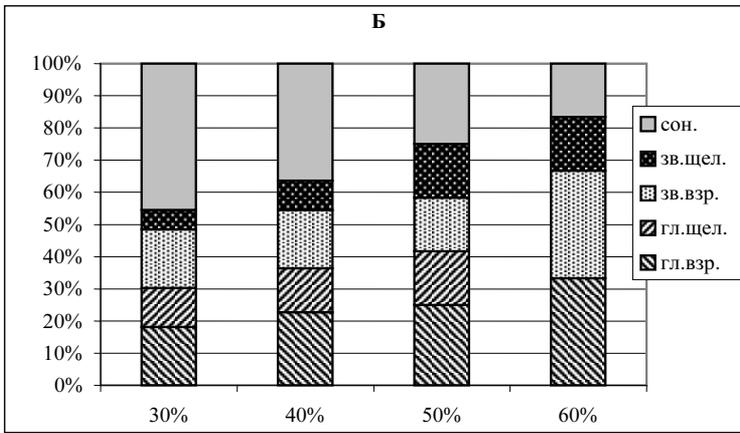

Рис. 116. Распределение частот встречаемости основных парадигматических классов согласных фонем для делового и художественного текстов, для наборов опорных сегментов этих текстов. **Б** — художественный текст

Общая тенденция *уменьшения сонорности* по мере увеличения уровня распознаваемости проявляется для наборов опорных слов осмысленного *художественного* текста (см. рис. 116) (так же как и для наборов опорных слов (и сегментов) псевдотекста). Так, доля глухих взрывных увеличивается с увеличением уровня распознаваемости (от 18 % до 33 %), а доля сонорных — уменьшается (от 45 % до 17 %). Доля глухих согласных в целом для наборов опорных слов выше, чем для набора опорных сегментов: 79 % и 100 % (для 60 % и 70 % уровней разборчивости, соответственно).

Для делового текста соотношение глухих и сонорных согласных в наборах опорных слов не зависит от уровня разборчивости (см. рис. 11а) (глухие 44—50 %, сонорные 42—50 %).

4. Для осмысленного *художественного* текста значения консонантного коэффициента (КК) по наборам опорных слов *увеличиваются* от 1,4 до 2 (по мере увеличения уровня разборчивости). Во-первых, эти значения несколько *выше* соответствующих значений для опорных слов псевдотекста (от 1,3 до 1) и опорных сегментов (1,2—0,9); во-вторых, *направление* изменения значений КК по мере увеличения уровня разборчивости *различно для осмысленного текста* (увеличение КК) и *псевдотекста* (уменьшение КК).

Для опорных слов осмысленного *делового* текста значения КК — 1,4—1,3 — практически не изменяются в зависимости от уровня разборчивости и соответствуют данным по опорным словам псевдотекста (1,3).

2.3. Сопоставление результатов эксперимента по восприятию текста в шуме и псевдотекстов. Выводы

На рассматриваемом материале полностью подтверждается гипотеза о том, что как распределение сегментов полного и неполного типа произне-

сения в пределах текста, так и фонетические характеристики этих сегментов существенным образом зависят от функционального стиля воспринимаемого текста.

1. Существенное различие в доле опорных сегментов и опорных слов по отношению ко всему тексту.

Для художественного псевдотекста опорные сегменты и опорные слова (распознающиеся на основании собственно фонетической информации) покрывают большую часть «карты» текста, чем для делового текста. Длина слов художественного текста оказывается оптимальной для распознавания, а слова делового текста представляются «слишком длинными». Для осмысленного текста, при распознавании которого невозможно разделить роль фонетических и внефонетических признаков, данные по опорным словам художественного и делового текстов оказываются зеркальным образом перевернутыми: доля опорных слов для делового текста существенно выше, чем для художественного. По-видимому, подобное «перевертывание» обусловлено механизмами контекстной предсказуемости слов осмысленного текста. Для делового текста результаты работы контекстной предсказуемости выше, чем для художественного (для правильной идентификации слов делового текста может быть достаточно сравнительно небольшого фрагмента). Одна из причин высокой контекстной предсказуемости лежит в более высокой синтаксической структурированности делового текста, чем художественного текста [Ягунова 2006б; Касевич, Ягунова 2007].

2. Зависимость особенностей влияния степени структурированности псевдотекста от функционального стиля текста.

Для *делового* псевдотекста более существенным является увеличение его структурированности за счет минимальной грамматической структурированности (увеличение доли покрытия текста наборами опорных сегментов и слов), а не уменьшение структурированности (монотонизация). Для *художественного* текста, напротив, более значимой является монотонизация (уменьшение доли покрытия текста наборами опорных сегментов и слов).

Необходимо обратить внимание на следующие фонетические характеристики опорных сегментов делового и художественного текстов:

1. Средняя длина опорного слова для осмысленных текстов и для псевдотекстов сопоставима: 2 слога для художественного и 4 слога для делового текстов (т. е. лишь для художественного текста эта длина является оптимальной с точки зрения возможности распознавания слов на основании только фонетических признаков, ср. данные по опорным сегментам).

2. Фонетический признак «ударная гласная» аналогичным образом характеризует опорные слова осмысленного текста и псевдотекста: слова делового текста значительно чаще содержат ударную /a/, чем слова художественного текста.

3. Несмотря на зашумление (в наибольшей степени искажающее высокочастотные фонетические характеристики глухих согласных), глухие согласные остались перцептивно высокоустойчивы. С одной стороны, глухие согласные частотны в составе опорных слов делового осмысленного текста (для всех уровней разборчивости), с другой — для опорных слов художественного текста характерна общая тенденция уменьшения сонорности (как и для художественного псевдотекста).

Л и т е р а т у р а

Бондарко и др. 1974 — Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина, Л. Р. Зиндер, В. Б. Касевич. Стили произношения и типы произнесения // ВЯ. 1974. № 2. С. 64—70.

Бондарко 1977 — Л. В. Бондарко. Звуковой строй современного русского языка. Л., 1977.

Бондарко 1981 — Л. В. Бондарко. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.

Венцов, Касевич, Ягунова 2003 — А. В. Венцов, В. Б. Касевич, Е. В. Ягунова. Корпус русского языка и восприятие речи // НТИ. Сер. 2. 2003. № 6. С. 25—32.

Касевич, Венцов, Ягунова 1996 — В. Б. Касевич, А. В. Венцов, Е. В. Ягунова. Типология языка и восприятие речи // Гуманитарные науки в России: Соросовские лауреаты. М., 1996. С. 269—275.

Касевич и др. 1990 — В. Б. Касевич, В. В. Рыбин, Е. М. Шабельников а. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.

Штерн 1992 — А. С. Штерн. Перцептивный аспект речевой деятельности. Л., 1992.

Касевич, Ягунова 2007 — В. Б. Касевич, Е. В. Ягунова. Еще к вопросу о перцептивной значимости начала слова // Лингвистическая полифония / Под ред. В. А. Виноградова: Сб. в честь юбилея проф. Р. К. Потаповой. М., 2007. С. 363—375.

Ягунова 2002 — Е. В. Ягунова. Влияние разных фонетических признаков на словесную разборчивость в рамках текста // Фонетика в системе языка: Сб. статей. Вып. 3. Ч. 2. М., 2002. С. 199—210.

Ягунова 2006а — Е. В. Ягунова. Просодические признаки и просодические структуры в процедурах восприятия текста // ... Слово отзовется: памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного. Пермь, 2006. С. 63—67.

Ягунова 2006б — Е. В. Ягунова. Восприятие звучащего текста: стратегии восприятия и функциональный стиль (жанр) текста // Пятая выездная школа-семинар «Порождение и восприятие речи»: Материалы. Череповец, 2006. С. 180—194.

Ягунова 2006в — Е. В. Ягунова. Мелодические признаки и опорные элементы при восприятии текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2006. С. 583—590.

Ягунова 2007 — Е. В. Ягунова. Тема и рема, данное и новое при восприятии текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2007 (в печати).

И. И. МАКЕЕВА

**ИСТОРИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОТЯЖЕННОСТИ ПО ВЕРТИКАЛИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В истории русского языка прослеживается тенденция к взаимосвязи семантического развития слов, обозначающих близкие или смежные понятия.

Наиболее существенные изменения в семантике значительной части лексем, заключающиеся в утрате старых и появлении новых значений, завершаются к началу XVIII века или в течение этого столетия. Таким образом была преобразована семантическая структура глаголов *глумиться*, *за-разить*, *запретить*, *воспретить*. Для некоторых слов этот период становится переломным, как для глагола *гласить*. С этого времени он перестает обозначать собственно речевой акт, имея значение «содержать в себе сообщение, утверждение» (*закон гласит*).

Нередко семантические изменения происходят не изолированно, а в связи и даже под влиянием других слов. Судьба глагола **говорити** во многом была связана с двумя другими утраченными к настоящему времени глаголами с близкими значениями — **глаголати** и **речи / рещи**, занимавшими первую позицию среди глаголов речи в древне- и старорусском языке. Каждый имел жанровые ограничения в употреблении: **глаголати** не использовался в деловой письменности, **говорити** — в текстах Священного Писания. В литературных произведениях равно вероятно употребление обоих слов. Возрастающая роль светской литературы и деловой активности способствовала укреплению позиций глагола **говорити**, тем более что **глаголати** уже в XVIII веке стал восприниматься как славянизм, стилистически маркированное слово. Из двух семантически тождественных глаголов — **глаголати** и **говорити** — первый впоследствии вышел из употребления, уступив второму слову все позиции, даже занимаемые исключительно им (ср. современные издания Свящ. Писания).

Еще одна тенденция в семантическом развитии лексем заключается в том, что в процессе языковой эволюции на смену прежней диффузности приходит специализация слов. Например, в истории русского языка среди тех же глаголов речи глагол **говорити** передавал разные типы речевых актов: «рассказывать», «предсказывать» и др. Однако соответствующие семантические ниши уже были заняты другими лексемами, не столь нагру-

женными по сравнению с **говорити**. Значение «рассказывать» / «рассказать» имели глаголы **расказати**, **повѣдати**, **повѣдѣти** и др.; значение «предсказывать» отмечено у слов **предиглаголати**, **прѣдѣвѣщати** и др. В дальнейшем определенные значения закрепляются преимущественно за той или иной лексемой.

Аналогичные тенденции наряду с особыми семантическими преобразованиями представлены в истории слов *глубина*, *пучина*, *бездна*, которые заслуживают внимания еще и по другой причине. Исходной точкой развития их семантики послужили коннотации, частично утраченные к настоящему времени. Эти лексемы входят в группу слов, характеризующих объекты, обладающие пространственной протяженностью. Многие члены этой группы обозначают также саму пространственную протяженность по горизонтали и по вертикали. Большинство слов принадлежит к двум словообразовательным типам (*вышина*, *глубина*, *толщина*, *ширина*; *высота*, *длгота*, *толстота*, *широта*). Существительные *пучина* и *бездна* отличаются от прочих лексем не только с точки зрения словообразования, но и в семантическом плане: они не обозначают собственно пространственную протяженность. В процессе языковой эволюции изменилась семантическая структура слов и их взаимосвязи. Особо существенные изменения произошли в семантике слов *глубина* и *пучина* и, как следствие, в их взаимоотношениях.

Существительное **гЛОУБИНА** унаследовано из праславянского лексического фонда (праслав. **glǫbina*) и является производным с суффиксом *-ina* от прилагательного **glǫb(окъ)* [ЭССЯ 1979: 140—141]¹. У производящего прилагательного **glǫbokъ(jь)* значение «глубокий» появилось из первоначального «выдолбленный, вырытый» [ЭССЯ 1979: 142].

В памятниках старославянского языка слово **ГЛЖБИНА** известно в значении «глубина», а также как переносное; оно являлось соответствием греч. βάθος, βυθός, βόθυνος, χύτος, ἄβυθος. Семантика лексемы **ГЛЖБИНА** была соотносительна с семантикой слов **ВЕЗДЪНА**, **ВЕЗДЪНИКЪ** [Цейтлин 1994: 171].

Исходя из первоначального значения прилагательного **glǫbokъ(jь)* «выдолбленный, вырытый» древнейшее значение производного существительного **glǫbina*, др.-русск. **ГЛОУБИНА** можно видеть в обозначении протяженности по вертикали вниз от поверхности земли. Такая семантика хо-

¹ В славянских языках представлено несколько суффиксальных имен существительных, производных от того же прилагательного и являющихся продолжениями праслав. **glǫbica*, **glǫbělъ*, **glǫbočina*, **glǫbostъ*, **glǫbota*, **glǫbyni* [ЭССЯ 1979: 140—144]. Из них в русском языке были известны **ГЛОУВОСТЬ**, **ГЛОУВОТА**, **ГЛОУБЫНИ**. Ср. также **glǫbь*, рус. **ГЛОУБЬ** (*глубь*). В памятниках русской письменности засвидетельствована лексема **ПРЕГЛОУБИНА**: **ПОТРАСОУТСА СОКРОВИЩА ЗЕМЛИ Ѡ КОНЦА ДО КОНЦА. И МОРЕ И ВСА ПРЕГЛЖБИНЫ** (Ег-805: 97 об.: Сл. св. Ефрема). В Словаре русского языка XI—XVII вв. представлено только прилагательное **ПРЕГЛОУБОКИЙ** [Сл XI—XVII вв.: 1992: 168]. В русских говорах (волог.) помимо слова *глубота* имеется существительное *глуботина* [Дилакторский 2006: 82].

рошо представлена в церковнославянских и русских памятниках письменности и сохраняется в современном русском языке. Слово используется для обозначения вертикальной протяженности природных объектов — самой земли, оврагов, ущелий — и искусственно созданных человеком (рвов, канав, колодцев и т. п.), а также места, находящегося в глубине земли: ... **дроугаѣ же падоша на каменнихъ... і авие прозъбоша. зане не имѣаше глѣбины землѣ** βάθος [SJS 1964: 405]; ... **дроугок же паде на каменни. гаже не имѣаше земла многы. и авие прозъбе зане не имѣаше глѣбины земла** (Мст. Ев.: 73; Матф. XIII 5); ... **и помпѣи ста на северскѣю страну. и тоу ровъ насыпа и дѣври вси. люто же баше воиномъ несоущимъ прѣсть. исплнѣюще глѣбиноу неизреченноу** βάθος (Флавий: 1, 77—78); **А гдѣ канѣла кровь... Исуса Христа на горѣ, ту разсѣлина до полупяди широка, а глѣбины никтожъ вѣсть** (Х. Тр. Короб.: 14); **Тогда повелѣ со гнѣвомъ великимъ вести вся ты въ глѣбину велику нѣкоего мѣста и мечемъ погубити я, идеже и первѣе ихъ мученицы усѣкновени бѣша** (ВМЧ: Октябрь 19—31 1848); **А по конецъ лѣствицы самая купѣль Филоямя, аки кладезь, въ грѣди человекѣку глѣбиною** (Х. Вас. Познякова: 56); ... **ров вкруг города и острога выкопал глѣбиною 5 сажен, шириною 7-ми сажен** (Разин. восст.: 2, 95 1670 г.); ... **и взять той рѣды тѣхъ рѣдныхъ жилъ изъ глѣбины немалое число** (ДАИ: 10, 328 1684 г.); ... **во глѣбину кладязя бѣднѣ упаде... изъ глѣбины кладязя отвѣща** (Систима: 23). Иногда слово могло обозначать сам объект, обладающий значительной протяженностью по вертикали: ... **ї припрохомѣ стремнѣ мѣсте и глѣбоцѣ ї видѣхомѣ** ту жену стогащю простовласѣ. на краи глѣбины... **їни же глѣси** [так!] **їсхожаху їс пропасти глѣбоки народа многа. їзъ глѣбины вопиюще** (П. Отреч.: 2, 61—62 XIV—XV вв.).

Нередко при слове **глѣбина** встречается уточнение, в роли которого выступает существительное или прилагательное: ... **сѣведѣ тѣ къ сѣлазѣщїимъ въ пропасть. къ людемъ вѣка. и въселю тѣ въ глѣбинахъ земельныхъ акы пѣстыню вѣчнѣю** τὰ βάθη (Библ. Генн.: Иезек. XXIV 20); ... **стго мощи положиша во гробѣ и во глѣбинѣ положиша земли** (Ж. Ио. Уст.: 13 об.); ... **на нѣнѣю** [так!] **высотѣ, и в зѣнѣю глѣбину** (Заговоры Олон.: 487). В этом случае существительное **глѣбина**, обычно употребляющееся с предлогом **въ**, обозначало уже не вертикальную протяженность от поверхности земли, а место, находящееся в глубине земли, более или менее далеко от поверхности.

В сочетании с другими прилагательными (**адовъ, адьскыи, огненъ, трѣторьскыи**) существительное **глѣбина** обозначало ад, геенну огненную — место вечных мучений грешников, по представлениям находящееся в глубине земли: ... **отиди. вѣсѣкъ демонъ нечисты. і сквртнѣны. прѣисподьнии земла. глѣбины трѣторьскыя. лѣжни катаχθόνιον, βύθιον, ταρταροφειδές** [SJS 1964: 406]; ... **многи** во красота мира сего погублѣе, **препшаецѣ** слава. і **многи** во адскѣю глѣбинѣ **своди**; **їс** **свазавъ** его во **огненѣ глѣбинѣ** повелѣ **оутвердити** (Измарагд: 17, 61 об.); ... **и да не по-**

стигнуть мене рѣка кнѣза мира сего исторгнѣти въ глѣбинѣ адовѣ (Требник: 61).

С обозначения протяженности вниз по вертикали от поверхности земли, вероятно, уже в дописьменную эпоху произошел перенос на обозначение аналогичной протяженности вниз от поверхности воды, то есть появилось обозначение глубины водного объекта (реки, озера, моря). Как и в случае с обозначением земных недр, существительное **гложбина**, обычно в сочетании с прилагательным **морская**, обозначало также место, находящееся более или менее глубоко от поверхности воды: ...**сѣмѣщаѣя глѣбинѣ морскѣ** τὸ κῦτος τῆς θαλάσσης [SJS 1964: 405]; ...**да не потопитъ мене воура водная, ни да пожретъ мене глѣбина** καταγῆς ὕδατος (Псалт. Чуд.: 101; то же — Библ. Генн.: Пс. XXVIII 15—16); ...**виждь гди въ гложбиноу. и въмещете мрѣжа ваша въ ловитвоу** (Мст. Ев.: 111; Лук. V 4)²; ...**а прочее тяжкое излишее множайшее въ Волгѣ вметаша и глѣбинѣ предаша, а иное огнемъ пожгоша** (Рог. лет.: 114); **Рѣша же бояре Игоревн: ...Се во не по земли ходимъ, но по глѣбинѣ морстѣи, но опца смерть всѣмъ** (Соф. I лет.: 27; то же — Тип. Лет.: 16); ...**и тѣ есть градъ Ираклія Великая; и противу томуу граду святое миро выходитъ изъ глѣбины морския** (Х. Дан. Иг.: 5); ...**и в морскѣю глѣбинѣ вверженъ бысть и скончаша** (ВМЧ: Апрель 1—8 38); ...**инех же з брегов крутых во глѣбинѣ рек с каменем верзаху** (Сказ. Авр. Пал.: 123). ...**дла глѣбины том рѣки не смѣлѣ пренести овѣнѣх дѣтѣи своихъ** (Рим. д.: 306—307); ...**в то стѣ морѣ вкианѣ етъ камѣ во глѣбинѣ морско** (Заговоры Олон.: 508); **Я вижу маткѣ-Волгѣ с корени и до вершины, в ширинѣ и глѣбинѣ исповедал** (Ерш Ершович: 16).

Помимо двух основных измеряемых вниз по вертикали объектов — земли и воды, — в их числе потенциально могут оказаться и другие, находящиеся в земле и имеющие протяженность в ее глубину. Например, камень: ...**камень твердъ широкъ. и долгъ сѣло, глѣбина же его кнѣца не имѣши. вѣ же камѣнѣ тѣ вышѣши прѣ црковію до ѿ. лако** (Симф-33: 104 а-б; Чудо в Хонех), далее в тексте: ...**прострѣ дѣсницѣ... оудари съ вѣрха твѣрдаго камени. и авіе разсѣдеша ѿ края до края. ѿ вѣрха и до низѣ; ср.: близъ же олтаря естъ камень твердъ. имѣя ширинѣ и высоту великоу а глѣбина кго коньца не имать** (СбТр: 43 об.)

Стандартным является употребление существительного **гложбина** по отношению к водным объектам при их измерении. Иногда словосочетание **гложбина рѣки, озера** может быть преобразовано в конструкцию **гложбина воды / водная глѣбина** при изменении объекта измерения (емкость → ее наполнитель): ...**отъ глѣбинѣ морскихъ — отъ глѣбины водѣ** (Псалт. Чуд.: 101); ...**пѣтемъ идѣчи близъ моря на рѣкѣ Фнѣге, спаде съ судна і во глѣбине воды воспоминаѣвъ своего чудотворца Сергия** (Ч. Серг. Р. Аз.:

² Этот стих Евангелия стал источником словосочетания **ловитвѣная глѣбина: ловитвѣноу глѣбиноу оставивѣ. и крѣстѣи трѣсти. вѣроу притече. и тѣмъ всѣм оуловилъ кси. фома апостоле** (Стихирарь: 28 об.).

53); в *Донѹ реке водянюю глѹбину вымеривал* (Булав. восст.: 82 1704 г.); ср.: ...*въ шестовую воду въ полтретьи сажени глѹбиною* (АЮБ: 2, 252 1670 г.).

При расширении круга измеряемых объектов в их число включается снег, который по отношению к земной и водной поверхности находится не внизу, а вверху, то есть в действительности происходит измерение вверх по вертикали, но в выборе языковых средств отражается взгляд пешехода: ...*пошелъ немалой снѣгъ... напалъ на ровномъ мѣстѣ по мѣрѣ въ 9 вершковъ съ половиною глѹбины* (Зап. Нащокина: 109 1751 г.). Возможно, такому употреблению способствовало частичное ассоциативное сходство с водой — погружение в воду и в снег, например при ходьбе. Ср. в современном русском языке *высота снежного покрова* и *глубокий снег, сугроб*.

Пребывание предмета в водной среде и возникающая по смежности связь измеряемого объекта с водой позволяют расширить круг предметов, по отношению к которым используется слово *глюбина*: ... *а сего каната ест ли бѣ было болше глѹбины то бы лапа якорная упадаючи ... могла переломитъся* (Разг. Адм. Зот.: 26); *Кораблямъ имѣющимъ глубины болше осьми футъ, въ Петербургъ не ходить... Всѣ корабли, которые ходять глубже осьми футъ... выгружать поклажи своей столько, чтобъ осталось восемь футовъ глубины* (Регламент: 5)³. Процесс расширения круга предметов приходится на XVIII столетие и сменяется современным достаточно жестким распределением функций между этим словом и другими лексемами, обозначающими протяженность (*длина, высота* и проч.).

Существительное *глюбина* и обозначаемое им понятие входило в число четырех основных пространственных измерений — по длине, ширине, высоте и глубине. Обычно они объединялись попарно: высота и глубина как протяженность в одной плоскости — по вертикали; длина (долгота) и ширина как протяженность в другой плоскости — по горизонтали: ...*и градъ на ѿуглы стонтъ. и дългота кго велика же и широта... на ѿ части градъ сини ксть. твърдына ради и оутвърження. глюбина бо и широта. и высота. твърдыню гавлактъ* (Апокал.: 99 об.); ...*вселенстини концы zelo премудри написуютца по широте и долготѣ и высоте и глѹбине* (Пов. об осаде Псков.: 162). В христианской культуре пространственные измерения имели символическое значение, когда речь шла о кресте⁴: ...*крѣтъ... знаменаетъ все совершенство хрѣтiанское... глѹбина знаменуетъ вѣрѣ. высота надеждѣ. широта любовь. долгота терпѣнiе* (Сим. Пол. Бес.: 8); *Индѣ Апостолъ глаголетъ: долгота креста и широта, высота и глѹбина небесамъ равна... высота и глѹбина — подножiе, верхней рогъ — высота, а нижней — глѹбина ꙗ подножiя* (Ав. Кн. Бес.: 265).

³ Выдержка из «Регламента...» издания 1780 г. идентична тексту в издании 1724 г., что указывает на стабильное употребление слова *глюбина* по отношению к этому предмету в течение почти всего XVIII столетия.

⁴ Ср. символику пространственных измерений у А. М. Ремизова: *Высота небесная — Отец, / широта земная — Сын, / глубина морская — Дух* [Ремизов 1928: 13].

Более редким является использование существительного **глубина** по отношению к объектам, имеющим большую протяженность вверх по вертикали, или для обозначения собственно такой протяженности: ...**заклинаѣтъ тѣ... потопльшиимъ водою съвыше. ꙗ подън(е)в(е)стныѣя глѣбины. оудръжавъшиимъ** τὰς ὑπ' οὐρανὸν ἀβύσσους [SJS 1964: 406]; ...**вѣща бо, егда в горнюю глубину оу^м члвчъ възрѣища бѣа начала** (ГБ: 54в); ...**и видѣхъ крѣпѣль держаща великѣ зѣло. глѣбина же еѣ елико ѿ землѣ до нсе. и ширинѣ еѣ бѣше елико ѿ вѣстока и до запада** (Откр. Варуха: 52). В этом случае происходит нейтрализация основного признака — протяженности вниз по вертикали, и слово **глубина** становится синонимом существительного **высота**. Ср. употребление слова **высота** по отношению к морским глубинам: ...**дивны высоты морскѣя. дивенъ во высокѣ г^р** (Симф-33: 107г: Чудо в Хонех). Обычно существительное **глубина** противопоставляется слову **высота**: ...**и приложи гѣ ахазъ рекин. проси себѣ знаменѣя ѿ гѣ. въ глѣбинѣ. или въ высотѣ** (Библ. Генн.: Ис. VII 10—12); ...**такъ ни смѣръ, ни живѣ... ни градѣщаѣ, ни нѣбѣшнаѣ, ни бѣдѣщаѣ, ни высота, ни глѣбина... не можѣ на^с разлѣчити ѿ любѣвѣ бѣжѣ** (ВМЧ: Апрель 22—30 1029); **Истинная правда Христосъ естъ, снѣетъ на все небесныѣ высоты и на земныѣ широты и на пренсподня глѣбины...** (Пересветов Б. Чел.: 176).

Обозначение словом **глубина** протяженности как вверх, так и вниз по вертикали, то есть противоположных понятий, сопоставимо с семантикой «вверх» ↔ «низ», хорошо представленной у некоторых слов в русских диалектах (*буй, юр, яр, плесо; корь, кореек; увал*) и в других славянских языках (*ripa* и др.) [Толстой 1969: 98—103]. Развитие полярной семантики чаще является результатом многоступенчатых семантических преобразований. Например, у лексемы *круча* значения, соответствующие понятиям «вверх» и «низ», оказываются конечными звеньями сложной семантической цепи: «лес» ↔ «гора» ↔ «крутой берег» ↔ «пропасть» ↔ «низменность» ↔ «глубокое место в реке». У терминов горного ландшафта при поляризации значения «вверх» ↔ «низ», как отмечает Н. И. Толстой, «объединяющим осевым признаком выступает крутизна». У лексемы **глубина** таким объединяющим признаком при обозначении протяженности вверх и вниз является понятие вертикали.

Результат еще одного перехода от исконного обозначения протяженности вниз по вертикали к обозначению протяженности внутрь и уже отсюда к обозначению протяженности по горизонтали, в глубину чего-л., представлен у слова *глубина* в современном русском языке. Обозначение протяженности внутрь словом **глубина** в памятниках русской письменности оставалось на периферии семантики лексемы и представлено в контекстах, где речь шла о человеческом теле. Как правило, обозначена не собственно протяженность, а некое место внутри тела: ...**не еще сладость въ глѣбинѣ** [так!] **чрева приемшиимъ** (О молитве СНБ: 405); **ѿкоже бо и стрѣпѣ... горѣ изъ глѣбины восходитѣ** (ВМЧ: Декабрь 6—17 733); ...**изъ глѣбины оутробныѣ и болѣзнь дѣвныѣ испѣщяютсѣ** (ВМЧ: Апрель 1—8 249);

...из глубинъ костяныхъ (Травник Любч.: 226). Значение «внутри чего-л.» распространяется на более широкий круг предметов, в том числе обладающих горизонтальной протяженностью: ...дрѣги медведь бежаше во глубинѣ тротѣя того (Девг. д.: 135); ...и пришедѣ и искал бы насѣ в глубине Норвегии (Ильдежерта: 19); ...изъ глубины пещеры показа (Систима: 6). Оно сохраняется в современном русском языке и ограничено кругом объектов, имеющих протяженность по горизонтали (*в глубине леса, страны*) или объем (*в глубине дома, комнаты, пещеры* и т. п.).

Обозначение протяженности по горизонтали распространилось и на обширное водное пространство, то есть существительное **глубина** в церковнославянских и русских памятниках письменности значило «(открытое) море; широкое водное пространство»: ...виждь ѿхалъ въ глубинѣ. и въметѣте мрѣжа ваша въ ловитвѣ [Цейтлин 1994: 171]; Придохъ въ глубины морьскыя. и воура потопи ма та βάθη τῆς θαλάσσης (Псалт. Чуд.: 107; то же — Библ. Генн.: Псал. LXVIII 3); ...по вѣдамъ бѣ беды морьскѣю глубинѣ преплаваа (Ж. Алек. Пах. Логоф.: 59). Обозначение широкого открытого водного пространства словом **глубина** возникло как вторичная характеристика объекта (моря, океана), обладающего не только большой глубиной, но и обширной поверхностью, большой протяженностью по горизонтали. В результате лексема **глубина** оказалась связанной со словами **поучина** (см. далее) и **ширина, широта**. Особо интересна в связи с этим замена слов в разных редакциях одного текста — двойного чуда Николая Чудотворца и Георгия Победоносца, где речь шла о плавании корабля в открытом море. В первоначальной редакции употреблено существительное **поучина**, замененное в более поздней редакции словом **глубина**, которое могло значить в этом контексте только «(открытое) море; широкое водное пространство»: ...такъ выхомъ въ поучинѣ пловоуще (Торж.: 74а); ...такъ выхомъ въ глубинѣ. пловоуще (Унд-258: 125). Впоследствии этот элемент семантической микросистемы слова **глубина** как более слабый и избыточный был утрачен.

Существительное **глубина** в церковнославянских и русских текстах нередко фиксировалось в переносном значении. На основе обозначения морской глубины, значительной по своей протяженности, оно получило возможность обозначения высокой степени, большой силы проявления, значительного количества чего-л. Слово употреблялось по отношению к неисчисляемым понятиям: ...о глубина бѣтства и премоудрости и разоумоу бжню (Апост.: 176 1220 г.: Римл. XI 33; то же — Ник. лет.: 11, 212; ВМЧ: Апрель 22—30 887); ...абы ди капла оума, негли глубина вазни (Пчела: 17); ...кгда оубо възритъ гь на ны вси бо мы въсколѣбаемса нѣса и земла ѿ глубины величствиа кго (П. Отреч.: 1, 104 XIV в.); ...ѿ онага глубины моленна... (О молитве СНБ: 405); ...глубина бжиа долготерпѣнѣа (Измарагд: 163); ...испытаетъ глубины духа (ВМЧ: Октябрь 4—18 1199); ...смиреномрѣа глубинѣ; ѿ глубины нечестѣа оудавленъ бы (ВМЧ: Декабрь 1—5 132, 413); ...съ страхомъ прѣстоу ти. въ глубинѣ мѣти

твоеа (Требник: 301 об.); ...самъ же въ молчаніи пребываше, в толникѣ глѣбинѣ смиренна вложи себе (Варл. и Иоасаф: 20); ...пребываютъ въ толкой глѣбинѣ вѣдѣ (Спафарий Нов. Дан.: 49 1679 г.); ...добротою вѣщанія и глѣбинами дѣха, яко мечемъ изостряюще уста (Мусик. грам. Дил.: 19 1681 г.). Переносное значение слова в некоторых случаях сближается с его образным употреблением.

Видимо, таким же одновременно переносным и образным является окказиональное употребление **глоуѣбина нощи**, которому в современном русском языке соответствует *глубокой ночью* и *поздней (поздно) ночью*: ...вѣ въ глѣбоко въ нощи [вар.: в глѣвинѣ нощи] пришествіе понамарево [к Меркурию] (Пов. Мерк. Смол. (Б): 67).

Существительное **глоуѣбина** образно употреблялось чаще, чем в переносном значении. Такие употребления слова относятся к ментальной сфере и нравственно-духовной жизни человека (*глубина забвения, глубина мудрости, глубина милости, глубина зол / злобы, глубина сердца, глубина разума* и др.): ...въздвигни ма г(оспод)і из глѣбины зъль монхѣ [Цейтлин 1994: 171]; ...аще бо дрѣвнихъ прркѣ книги. мнозѣми сказано. кще глоуѣвиноу соущихъ танихъ в нихъ. всемъ не гавленоу имоутъ (Апокал.: 5 об.); ...прѣдохъ въ глѣбинѣ грѣхѣвныа (Тр-784: 254: Поуч. Илар.). Обычной является конструкция *глагол + глоуѣбина + суц. в форме род. пад.*, изредка вместо существительного может быть использовано прилагательное. Наиболее частотным оказывается словосочетание *глагол + глоуѣбина забъвѣннѣ*. Роль слова **глоуѣбина** в разных группах конструкций различна.

В словосочетании **предати глоуѣбинѣ забъвѣннѣ** существительное **глоуѣбина** является вторичным, поскольку исходным было словосочетание **предати забъвѣннѣ**, где определяющую роль играл глагол⁵. Ср. аналогичные конструкции **предати проклѣтнѣ**, **казни**, **писаннѣ** и др. Словосочетание **предати глоуѣбинѣ забъвѣннѣ** (иногда с изменением порядка следования компонентов) в русской письменности стало достаточно стандартным и особенно часто использовалось авторами житийных текстов и сказаний о чудесах: ...потребно есть ни сего забвѣннѣ предати глѣвинѣ (Артем. Вр.: 106 об.); Непотребна есть и се забвѣннѣ глѣвинѣ предати (Львов. лет.: 1, 223); ...ниж забвѣннѣ глѣвинѣ предаю (Ж. Павла Обн.: 24); ...ниже се должно есть глѣбины забвѣннѣ предати; потребно есть ни се забвѣннѣ глоуѣбины предати (Унд-577: 46, 47 об.: Чуд. Варл. Хутын.). Слово **глоуѣбина** в этом случае в какой-то степени лишено собственной семантики и выступает как усилитель.

В словосочетании **покрыти / покрывати глоуѣвиноу забъвѣннѣ** определяющую роль играет существительное **глоуѣбина**, поскольку глагол **покры-**

⁵ У глагола **предати** было значение «подвергнуть какому-л. действию, привести в какое-л. состояние», реализуемое в сочетании с формой дательного падежа существительных, обозначающих действие или состояние [Сл. XI—XVII вв. 1992: 175]. Возможно, поэтому в некоторых из приведенных далее примеров слово **забъвѣннѣ** употреблено в форме дательного падежа.

ти / покрывати и в других образных выражениях нередко связан с морем и волнами: ...мысльми акы волнами покрываеми (ВМЧ: Ноябрь 13—15 1116); ... и покрыи [вар.: покры] мя нищета, акы Чермное море фараона (Сл. Дан. Зат.: 6). В словосочетании покрыти / покрывати глаувиною забъвенна, хорошо представленном в письменности, существительное глаувина полностью сохраняет свою семантику: ...ѿ бѣа дарованнаа забвеннаа глаувиною покровена; забвеннаа глаувиною покровенна воудеть (Ж. Мак. Каляз.: 1, 17 об.); ...да не глаувиною забвеніа покрываються стѣго добродѣдела (Ж. Серг. Р. Епиф.: 147); ...да не глаувиною забвеніа покрываются стѣхъ добродѣтели (ВМЧ: Декабрь 1—5 556). Следует отметить, что нередко используется не личная форма глагола, а причастие, как это видно из приведенных примеров. Возможно, как эллипсис или как появившуюся на основе данной вторичную конструкцию следует рассматривать словосочетание забвениемъ покрыватиса: многаа оцами блгв и доврѣ законоположеннаа забвениемъ покрываються (Скрижалъ: 37).

Доминирующую роль существительного глаувина в составе конструкции глаувина забъвенна / забытна показывает использование глаголов движения (в широком смысле) и некоторых других, выбор которых обусловлен именно этим словом: ...да не темна временѣмъ вѣдѣт добраа. ни приидѣтъ забвеніа глаувинами омрачаема (ГБ: 776); ...не въ глаувинѣ впадающе забвеніа (Библ. Генн.: Прем. Сол. XVI 11); ...не въсхотѣхъ си хъ въ глаувинѣ забытіа погresti (ВМЧ: Октябрь 19—31 1575); ...да не приидѣтъ во глаувинѣ забвеніа омрачаема она дивнаа бѣа чюдеса (Пов. Псков. Печ. м.: 545).

В составе других словосочетаний, где слово глаувина представлено в образном употреблении, оно также является доминантой в выборе глагола, которым часто оказывается глагол движения (в широком смысле, включая слова со значением «тонуть / топиться»): ...въ большую глаувиною зъль въвести (Изборник 1076 г.: 242 об.); ...въ глаувиною [вар.: глаувинѣ] зълобы [вар.: зъль] впадемъса; впадъшинса въ глаувиною грѣха; нечѣстивыи во члкъ въ глаувиною дошьдъ зъла (Златостр.: 100); ...повелѣннаа глаувинами погроузилъ кси блажене. фаравна бесплѣтнааго (Стихирарь: 70); ...въ глаувиною золь впадъша (Пролог: 1 об.); ...вшедше въ глаувинѣ стѣхъ словесъ (Сл. и поуч. против языч.: 81 XIV в.); ...во глаувинѣ грѣховѣ впадѣши (Измарагд: 307 об.); Приидох во глаувины греховныя (Посл. Ив. Гр.: 186 1573 г.); ...погрязнѣша во глаувине отступления (Посл. Иос. Вол.: 173); ...краткий ѹм наш до конца темен бывает / И глаувины разума никакоже достигают (Посл. Стефана: 407); ...во глаувинѣ неразуміа плавахъ (Наум-5: 51); въ послѣднюю золь глаувинѣ нѣзведенныхъ (Систима: 67).

Еще одна группа словосочетаний, в которых слово глаувина употребляется образно, — глагол + глаувина сьрдыца / сьрдыца, где последнее существительное имеет значение «душа». В церковнославянских и русских памятниках письменности они распространены и в целом являются стан-

дартными конструкциями. В зависимости от используемого глагола словосочетания образуют две подгруппы. В первой подгруппе присутствует глагол, обозначающий неречевое выражение эмоций человека, чаще всего **възддохнути**: ...**възддохнувъ из глѣбины сердца** (Новг. 1 лет.: 368); ...**възддохну из глѣбины сердца** (Моск. лет.: 203); ...**возддохнувъ из глѣбины сердца** (Пов. об осаде Псков.: 129); ...**изъ сердечныя глѣбины възддохнувъ** (Гист. о Дол.: 17). Возможно, сюда же следует отнести следующий контекст при неясности того, к предшествующим или последующим словам должно быть отнесено словосочетание **из глѣбины сердца**: ...**но ѱкорѣ поканиѣ принесе изъ глѣбины срѣца рыданъ и плача** (Измарагд: 102 об.). Во второй подгруппе употребляется глагол речи: ...**из глѣбины срѣца въпиемъ ти, хѣ бѣ нашъ** (Мин. сент.: 014); ...**призывая имя Господне... из глѣбины срѣца** (Ав. Ж.: 46). Вероятно, слово **глѣбина** в конструкции **из глѣбины сердца** также является вторичным и второстепенным, как и в приведенной выше **предати глѣбинѣ забъвенна**, поскольку вместо него может быть употреблено другое существительное с близкой семантикой: ...**и то глѣющи съ гнѣвъмъ и срѣды срѣца** (Усп. сб.: 289). Ср.: ...**въздыхаи же часто и тажько отъ всего срѣца** (Изборник 1076 г.: 222). Однако здесь слово **глѣбина** сохраняет свою семантику. С другой стороны, устойчивость словосочетания **глѣбина сердца** предоставила возможность употреблять равноценную эллиптическую конструкцию, в которой сохранялось только существительное **глѣбина**, а **сердце** было исключено: ...**нѣ рыци оумъмъ и из глѣбины възддыхни** (Златостр.: 103); **Стѣфанъ же... изъ глѣбины възддохнувъ** (Ник. лет.: 10, 199). В старорусский период словосочетание **из глѣбины сердца** в некоторых произведениях могло заменять другие исконные выражения, имевшиеся в ранних списках. Так, например, в чуде Николая Мирликийского о юноше Николе оно появилось взамен прежнего **великъмъ гласъмъ** (Овч-217: 141б). Употребляемое в настоящее время словосочетание *из глубины души* в истории русского языка фиксируется относительно поздно: **молю изъ глубины души и сердца Господа...** (Петр: 5, 631 1707 г.)

* * *

Существительное **поучина** унаследовано из праславянского лексического фонда: праслав. **pŕčina* образовано от глагола **pŕčiti* при помощи суффикса *-in-* [Черных 1993: 85—86].

В старославянском языке слово **пжчина** было засвидетельствовано в значении «(открытое) море» как эквивалент греч. *πέλαγος* и как переносное к нему, а также «пропасть, бездна» [Цейтлин 1994: 563]. Семантическими эквивалентами этой лексемы были **вездъна**, **глѣбина**, **море**.

В восточнославянской письменности слово **поучина** фиксируется с XI в. Его древнейшее значение «живот, брюхо», соответствующее семантике производящего глагола «вздувать, вздымать», в истории русского языка

засвидетельствовано слабо: ... [птенцы ласточки] **единъ** **вбра**^з **имѣю**^т **и**^т **единъ** **возрасть**... **ество** **бо** **и** **гладаво** **е**. **и** **неоудобъ** **сытноту** **имѣю**^т **поучиноту** (Толк. Палея 1477 г.: 98 об.). Сюда же, видимо, относится образное употребление слова в переводном источнике, где речь шла о музыкальном инструменте: ...**псалтырь** **есть**... **изваяние** **округлу** **пучинну** **свыше** **имѣя** *ventrem* (Брун. Толк. Псалт.: 7). Это значение мотивировано, скорее всего, как «то, что вздувается и одновременно имеет выпуклую форму». Несмотря на то что значение «живот, брюхо» у слова **поучина** органично вошло в семантическую структуру слова и было отмечено еще в XIX в. [Даль 1907: 1429], оно оставалось на языковой периферии ввиду большого количества семантических дублетов (*живот, чрево, утроба, стомах*) и в конечном итоге в литературном языке было утрачено. В русских диалектах (волог., костр., киров., перм., свердл., енис.) значение «живот человека» у слова *пучина* сохраняется. Кроме того, это существительное значит также «большой живот (у человека), брюхо» (перм., свердл., киров.), «желудок (у человека)» (волог.), «брюхо животного» (киров.) [СРНГ 1999: 168]⁶.

На основе метафорического переноса в процессе языковой эволюции у слова **поучина** появилось значение «трюм (корабля)»: ...**ишна** **же** **слѣзе** **въ** **пжчинѣ** **корабю**. **и** **спѣше** **тоу** **ѣс** **тѣн** **коилнѣ** [SJS 1979: 538]; ...**ишна** **же** **слѣзѣ** **въ** **пучинну** **корабля** **спаше** [Востоков 1861: 139].

Еще одно значение, соответствующее семантике производящего глагола «вздувать, вздывать», было отмечено у слова **поучина** позднее, уже в XVIII столетии, хотя можно предположить, что оно существовало и в старорусский период. Слово значило «термальный или грязевый источник»: **Изъ** **всѣхъ** **естественныхъ** **въ** **семъ** **островѣ** [Тамани] **достопамятностей** **суть** **пучины**, **выбрасывающія** **соляной** **иль** (Плещеев Обозр. Рос. имп.: 137). Ср. *пучина* «водоверть, водоворот, сувой, водокруть, вирь, вирь, заверть, суводь, сулой, вороть, крутень, закрутень, выбивающий воды из бездны или поглощающий их», *пучина* в русских диалектах (квк.) «сопка, жерло, выкидывающее кипень и грязь» [Даль 1907: 1429], *пучистый* «часто вспучивающийся, вздымающийся (о грунте, земле)» [СРНГ 1999: 169].

Самым распространенным значением слова **поучина** в памятниках церковнославянской и русской письменности было значение «(открытое) море, океан; широкое водное пространство»: ...**всѣдѣ** **въ** **корабѣ**. **и** **малы** **въ** **пжчинѣ** **отъплочувѣ** [SJS 1979: 537]; ...**онѣмъ** **же** **пловочимъ** **оуже** **въ** **поучиноту**. **и** **вънезапоу** **шюмъ** **вы**^с **на** **въздочуѣ**. **и** **приде** **до** **корабля** **то** **βαθὸ** **πέλαγος** (Ж. Нифонта: 331); ...**корабленникъ** **того** **ра**^д **многы** **пучины** **преплаваеетъ** (Тр-784: 122 об.: Сл. Ио. Злат.); ...**обрели** **на** **западѣ** **на** **морѣ** **окіянѣ** **вдоль** **по** **пучинѣ** **многія** **островы** **различныя** (Козм. ОИДР: 1); ...**волненіе** **велико** **в** **пучинѣ** **вздиже** (Муз-8932: 2 об.: Ж. Никол. Мирлик.); ...**в** **пучинѣ** **на** **парусѣ** **покоснымъ** **вѣтромъ** **вѣжащи** **лаи**; **начѣ** **плыти** **в**

⁶ Схожую семантику имеет диалектная лексема *пуча*: «живот человека», «большой живот», «брюхо животного» (свердл.) [СРНГ 1999: 166].

пѣчинѣ на црѣнѣ (Наум-5: 338, 339 об.: Чуд. Зос. и Сав. Солов.); ...такоже оугъ крѣпокъ в пѣчинѣ (Тр-727: 768); ...естъ на море окняне в пѣчинѣ въ западной странѣ к сѣверу островъ нарицаемъ Головки (М. Косм. Арс.: 16); ...идохомъ отъ Царяграда на Черное море, и преплывъ пѣчину и пристахомъ во Изманлъ городъ (Ио. Млн.: 27); ...сказываю^т, чѣм море wokow берегѣ мерзнетъ, а далече пѣчина не мерзнетъ зимою (Опис. гос. Кит.: 153). Слово поѣчина в этом значении часто употреблялось в составе словосочетания с существительными море, озеро или с прилагательным морской: ...да ... потопатъ i въ пѣчинѣ морстей [SJS 1979: 537]; ...не прендетъ корабль пѣчины морѣ безъ кормника (Измарагд: 187); ...пловущимъ имъ по морю и пѣчину уже морскую преплавающимъ, и яко близъ Царяграда бывши... (Ник. лет.: 11, 39); ...яко бывшимъ имъ на пѣчинѣ езера того, i дѣхнувшу на нихъ вѣтру (Ерм. лет.: 192); ...скитахомся в пѣстыни тако по пѣчинѣ морстей (ВМЧ: Октябрь 19—31 2042); Носима ж бысть сия клада по морю и в пѣчине морстей быв три лета и божим изволениемъ взнесе из пѣчины и принесе ко острову (Ж. папы Григория: 182). Повидимому, значение «(открытое) море; широкое водное пространство» продолжает основное направление семантики слова — «то, что вздымается, вздувается» — как отражение одной из характерных особенностей открытого водного пространства, на котором нередко разыгрывается волнение или шторм. Об этом свидетельствует, например, употребление существительного поѣчина в чуде о трех воеводах в составе Метафрастова жития Николая Мирликийского⁷ в контексте, где речь идет именно о шторме, препятствовавшем плаванью: ...плаваніа тѣмъ оубо поѣчина не даваше (Муз-8932: 12); то же в старопечатных изданиях Николина жития 1640 г. (л. кн) и 1643 г. (л. чз). В самостоятельном тексте чуда о трех воеводах ситуация изображена иначе: ...не соущю имъ подобену плаванью (Торж.: 66а). Ср. в связи с этим образное употребление существительного поѣчина, сопоставляемого с лексемой тишина, обозначающей тихое пристанище: ...отъ каковы тишины. в какову юстремися пѣчину душа твоя е корабль (Ж. мт. Филип.: 220); Оубы мнѣ, волнѣса посре^{ди} пѣчины житинскаго морѣ и како постигнѣ в тишинѣ оумленіа (ВМЧ: Апрель 22—30 1097).

Обозначение словом поѣчина широкого водного пространства позволило использовать его в качестве географического (гидрографического) термина как эквивалент существительных море, океанъ: ...поѣчиноу же кликинскоу и памфилинскоу прѣѣхавъше то те πέλαγος [SJS 1979: 537]; ...непрѣплаваныа поѣчины. таже дроузни. атлантския наричѣтъ (Псалт. Чуд.: 130); Аньдрятиньска пѣчина. имать же и островы (Ипат. лет.: 3); Агамемнонъ... пренде въ Родскую поѣчину, хотѣ на Моукинскую

⁷ Метафрастово житие Николая Мирликийского было переведено с греческого языка у южных славян (в Болгарии) в конце XIII в. или в XIV столетии, а в XV в. через молдавское посредство стало известно на Руси.

страну паки съплү(ти) (Хрон. И. Малалы: 139); **А** прилежит страна та **Персидстеген пүчинѣ; остров... иже стоит во акиянѣ, в пүчинѣ Индиистеген** (Алфавит: 83, 79); ...**инам оубв индискам пѣчина, инам же понтискам, иннам атлантискам** (Скрижалъ: 46).

В качестве еще одного географического (гидрографического) термина лексема **пүчина** значила «залив»: ...и **глѣху корьмичю, правн коравль на шюе в пүчиноу; да не... впадѣмъ въ шкеанѣ и погнѣнемъ** εἰς τὸν κόλπον (Козма Инд.: 66); ...**дошѣдше в пүчину, юже убо нарекоша именемъ святого мученика Иулнана** [Сл. XI—XVII вв.: 1995: 71]. Появление значения «залив», обозначающего часть моря, наиболее вероятно как реализация синекдохи.

В современном русском языке слово *пучина* значит «водная глубь, морская бездна». В восприятии слова в настоящее время актуализуется только одно из пространственных понятий — протяженность по вертикали. В истории русского языка на первом плане оказывалось не только и не столько представление о глубине, сколько о длине и ширине, то есть актуализовалось понятие протяженности по горизонтали. Именно об этом свидетельствуют приведенные примеры из памятников письменности по XVII столетие включительно. В этом отношении русская письменность продолжала старославянскую традицию: в Евангелии и Апостоле **пжчина** обычно значило именно «открытое море» [SJS 1979: 537]. Впоследствии в Тырновской школе его заменяли словом **ширина** [Ягич 1896: 388].

Обозначение протяженности по вертикали потенциально было в семантике слова **пүчина** изначально. Значение глагола **počiti* «вздувать, вздымать» и существительного **пүчина** «живот, брюхо», *пучина* «водоверть, водоворот, сувой, водокруть, вирь, вирь, заверть, суводь, сулой, вороть, крутень, закрутень, выбивающий воды из бездны или поглощающий их», «сопка, жерло, выкидывающее кипень и грязь» предполагают наличие некоторой протяженности по вертикали, которая в полной мере была реализована в современном значении лексемы *пучина*. Дополнительным фактором, способствовавшим этому процессу, можно считать представление о свойственной морю одновременно обширной поверхности и большой глубине. Ср. выше о лексеме **глоубина**. В XVII в. еще довольно многочисленны примеры употребления существительного **пүчина** в значении «(открытое) море, океан; широкое водное пространство», то есть в языковом сознании авторов текстов и писцов за этим словом продолжает сохраняться обозначение протяженности по горизонтали. Поэтому в памятниках письменности как правило **пүчина** и **глоубина** семантически разграничены: ...**немошно во естъ женѣ рече на толнкѣ пѣчиноу дрѣзноюти — ввергоша масло то въ глоубиноу морскю** (Муз-8932: 26—26 об.: Ж. Никол. Мирлик.). Однако параллелизм в употреблении обеих лексем позволяет предполагать их семантическую тождественность, а именно — обозначение глубины: ...**море сверѣпое волнами расколыбавса. въ свою пѣчинѣ восхитило бы на ... или кага рѣка напрасно наводнившиса воспрѣла бы во**

глубины своа (Унд-577: 81 об.: Сл. Ио. Злат.). В XVIII столетии есть контексты, в которых слово **пучина** обозначает протяженность воды вниз по вертикали: **...повсюду, не токмо на мѣлкихъ мѣстахъ, но и въ глубокихъ пучинахъ великое рыбы множество находится; ... земля сама себя пожираетъ. Поглотила... Елицю и Буру также въ Коринфскомъ заливѣ, которыхъ въ пучинѣ слѣды видны** (Ломоносов Слово о рожд. метал.: 9, 6)⁸. В некоторых более ранних источниках у слова **пучина** с большей или меньшей вероятностью можно предположить обозначение глубины или одновременно протяженности по горизонтали и вертикали: **... море же примѣ препочсти и [Иова] въ пучины своа. пучины же примѣше предаша и въ чрево... звѣри. глоубиньномуу львоу рекше китови** (Климент Смолят.: 129: Изборник XIII в.); **... въ третю же стражу ноци в пучиноу привезоша его [Василия] и ввергоша и в море τῷ βυθῷ τῆς θαλάσσης** (Ж. Вас. Нов.: 356).

Возможно, на переход «горизонталь» ↔ «вертикаль» указывает употребление в церковнославянской и русской письменности словосочетаний, включающих существительные **глоубина** и **пучина**. Такая переходная ситуация могла быть довольно длительной. Сравнительный материал для наблюдений над функционированием обоих слов дают разные списки и разные редакции одних и тех же произведений. В чуде Николая Мирликийского о муже, утопшем в море, речь идет о спасении некоего человека, который, находясь на корабле, споткнулся, упал в море и утонул. Св. Николай спас его и перенес в дом. Текст вошел в состав Прологов по крайней мере уже в XV в. (Тр-720). При описании этой ситуации автор использовал оба слова — **пучина** и **глоубина**: **...запенса и въпаде в пучинѣ морскѣю; водами морскими наводнившимса и въ пучинѣ и глѣбинѣ погразнувшю; швертеса сре^д дома своего, мнѣ яко во глоубинѣ емж столти** (Тр-721: 123—123 об.). Возможно, сосуществование у слова **пучина** еще не утраченного обозначения открытого моря и нового обозначения глубины обусловило употребление рядом с ним поясняющего существительного **глоубина**. В другом чуде святителя Николая со схожим сюжетом — чуде о Дмитрии в составе старопечатных изданий 1641 г. и 1643 г. и в списках с них — автор новой редакции на фоне преобладающего существительного **глоубина** также использует оба слова, но уже с подчинением одного другому: **...и в пучинѣ глѣбины морскѣ бывш; преславно глѣбины избавлѣн; како во глѣбинѣ пострада** (Ег-41: 148 об., 149 об.). В

⁸ Хотя М. В. Ломоносов в этом произведении дважды использует слово *пучина* (второй раз при переводе Плиния), предпочтение отдано слову *глубина*, семантически более узкому *недро* (ед. ч.), *недра* (мн. ч.) и лексеме *внутренности*: **землю въ глубинѣ около двухъ или трехъ футовъ во все лѣто замерзлую имѣють; весьма невѣроятно, чтобы солнечные лучи ... въ такой глубинѣ могли произвести къ тому довольно дѣйствіе; протекають изъ нѣдра земли источники; ключевая вода, кипящая изъ внутренностей земли; изъ земныхъ внутренностей; въ земныхъ нѣдрахъ; земному нѣдру** (Там же: 11, 9, 4, 10, 12).

чуде того же Николая Угодника о трех друзьях-христианах, сброшенных с корабля иноверцами, в списках XVII в. происходит замена одного слова на другое, благодаря чему становятся ясными языковые приоритеты писцов того периода. В самом древнем сохранившемся списке текста, относящемся к рубежу XIV—XV вв., была использована подчинительная конструкция, включающая оба слова: ...**избави насъ ѿ глѣбины сея поучины** (Тр-9: 199). Речь шла именно о глубине, то есть о протяженности по вертикали (она обозначена существительным **глоубина**) открытого моря (обозначено существительным **поучина**). Ср. аналогичную ситуацию в Памяти св. мученицы Ефрасии в составе Пролога 1429 г.: ...**впаде въ глоубиноу поучины; метноуша** [ее] **въ глоубиноу мѡрскѡю; скончанѣ бывши в морстѣи глоубинѣ** (Тр-715: 262 об.). В части списков чуда о трех друзьях произошла замена существительного **глоубина** на прилагательное **глоубокни**: ...**избави насъ ѿ глѣбокѡ пѣчины** (Наум-5: л. 195); ...**избави насъ ѿ глѣбокѡ сея пѣчины** (Тих-484.2: 194 об.); ...**избави ѿ глѣбокѡ сея морскѡя пѣчины** (Горск-40: 23 об.). В этой ситуации слово **поучина** еще могло обозначать открытое море, хотя уже нельзя полностью исключить вероятность значения «глубина». Такая нечеткость в одном из списков устранена за счет замены существительного с прилагательным **глоубокаа поучина** однозначным **глоубь / глоубина**: ...**избави на ѿ глѣби морскѡя; избави еси на ѿ глѣбины морскѡя** (Овч-220: 172 об., 173).

Обозначение словом *пучина* протяженности вниз по вертикали известно не только в литературном языке, но и в русских говорах: свердл. «яма с водой», волог. «овраг», ленингр., новгор., калин., волог., яросл. и др. «топкое место, болото, трясына» [СРНГ 1999: 168]; сюда же «глубокий провал в болоте, топь» [МАС 1984: 566]. За исключением значения «овраг», речь идет об объекте, заполненном водой⁹.

Лексема **поучина**, как и слово **глоубина**, иногда могло обозначать протяженность вверх относительно земной или водной поверхности. Речь шла о воздухе: ... **кдино верема живота и не вѣдомъ коньць. и не прѣходна поучина въздуха** (Изборник 1076 г.: 265); ...**многъ трепетъ пѣчины въздуха сего** [при восхождении души от земли на небо] (Измарагд: 25; то же — Сл. и поуч. против языч.: 281 XIV в.); ...**поучина водоуха сего** (Ег-805: 17 об.: Сл. Ио. Злат.). Употребление слова по отношению к воздуху обусловлено признаком беспредельности, обширной протяженности, имевшимся в семантике существительного. Здесь уже присутствует некоторый элемент образности, отмечаемой у лексемы в других контекстах.

Образные употребления существительного **поучина** в памятниках церковнославянской и русской письменности были столь же распространены, как и аналогичные выражения со словом **глоубина** (с учетом большей частотности последнего), но менее разнообразны. Образные употребления

⁹ Ср. обозначение словом *пучина* одновременно глубины и воды при описании прикормки рыбы: **да приметъ песокъ воню мяснѡю, и тогда разсѣи нѣсколько въ пучину въ различны мѣстѣ, да услышитъ... рыба** (Кн. землед.: 146 об.).

лексема **пучина** часто основаны на уподоблении земной жизни человека открытому бурному морю и таящимся в нем опасностям: ...**цркъвы акы корабель въ пучинѣ** (Сл. Испол. об Антихр.: 91); ...**по[сѣ]тною пучиноу преплавага. въздържаникъмь вѣтрѣмь** (Стихирарь: 45); ...**волнѣса посре пучины житїнскаго моря** (ВМЧ: Апрель 22—30 1097); ...**житїя сего пучину преидете** (Ант. С.: 100); ...**азъ во есмь пучина вѣмь грѣхѣмь** (Симф-33: 98а: Ж. Сим. Столп.); **Да не тужите о здѣшнемь... житїи... понеже преидоша отъ злаго во благое и отъ темнаго в житїе свѣтлое. Мы же еще в морѣ, плаваемъ пучиноу, и не видимъ своего пристанища** (Ав. Кн. Толк.: 250).

В отличие от образного употребления, переносное значение слов **глубина** и **пучина** идентично. Последнее также обозначало значительное количество, большую силу проявления, высокую степень чего-л., будучи производным от наиболее распространенного значения «(открытое) море; широкое водное пространство» на основе присущих ему количественных коннотаций¹⁰: ...**многѣ прегрѣшени пучиноу нсоуши** (Стихирарь: 31); ...**пучина щедротъ и члколюбіа** (Измарагд: 291 об.); ...**слышана же бысть чудесъ твоихъ пучина** (Соф. вр.: 84); ...**пона пучиноу блгоутровїа вѣїа** (ВМЧ: Декабрь 31 2779); ...**несказанна же щедротъ его пучина** (ВМЧ: Декабрь 1—5 416); ...**пучина разума** (Кн. Степ.: 401); ...**ха распатаго, нже есть и сила знаменїи, и пучина премрости** (Скрижаль: 102: Толк. притч.). В основе переносного значения может лежать не только обозначение широты, но и глубины: ...**изъ шїрокїа злочестїя пучїны изобїлно почерпая...** (Систима: Предисл. 6); ...**вступая въ неизмѣримую пучину древности, удалился бы я отъ намѣренїа моего** (Рычков Журн.: 1, 78). В некоторых контекстах переносное значение сближается с образным употреблением слова.

* * *

Существительное **бездна** (**бездѣна**) унаследовано из праславянского лексического фонда: праслав. **bezďbna* представляет собой сложение, состоящее из предлога-приставки **bez* и основы, имеющейся в **ďbno* «дно» [ЭССЯ 1975: 21—22].

В памятниках старославянского языка слово **бездѣна** известно в значении «пропасть, бездна» как эквивалент греч. ἄβυσσος [Цейтлин 1994: 80].

Особенностью этого слова является его принадлежность к основным обозначениям рельефа земной поверхности. Если существительное **глубина** в письменности не засвидетельствовано в значении географического термина, у слова **пучина** терминологические значения «море» и «залив» появились в процессе языковой эволюции¹¹, то существительное **бездѣна**

¹⁰ В русских говорах у слова *пучина* известно значение «толпа, скопление людей» (твер.), в основе которого также лежит количественный показатель, но примененный к исчисляемым существительным [СРНГ 1999: 168].

¹¹ Ср. также принадлежащее к обозначениям рельефа земной поверхности диалектное (волог.) значение «овраг» у слова *пучина*.

изначально принадлежало к славянской географической терминологии [Толстой 1969: 235—236]. Основное значение слова в русском языке в целом не менялось на протяжении нескольких столетий. В истории русского языка (с XI в.) и в настоящее время слово **БЕЗДЪНА** (*бездна*) значит «глубокая бездонная пропасть» и обозначает элемент рельефа, характеризующийся протяженностью по вертикали. Однако в современном русском языке оно употребляется по отношению к рельефу суши, а в исторический период едва ли не чаще было отнесено к воде, водному пространству¹². Слово нередко употреблялось с прилагательным-определением **морской** или **земной** и могло также значить «глубина» и «место, находящееся в глубине земли или воды»: ...**да не повелитъ имъ въ безднѣхъ ити** (Остр. Ев.: 99а: Лук. VIII 31); ...**бездна безднѣхъ призывають. въ гласъ затворѣ твоихъ; также нѣ въ кони безднѣхъ. потопленъ быхъ** (Псалт. Чуд.: 20); ...**низъходящи паки до бездны земныа** (ФСт: 182—183); ...**под нами яко бездна морская** ἄβυσσος θαλάττης; **трьбы облачныа свирають воду. и ѿ моря и ѿ рѣкъ и ѿ кзеръ напившеся. въсходатъ и изливаетъ съ себе воду тѣ въ скровныа бездны** εἰς τὰς τῶν θησαυρῶν ἀβύσσους (Ж. Андр. Юрод.: 205, 364); ...**море зримъ ѿ самыа бездны возмѣтившеся** (Наум-5: 2); **Армар тщетно борется с пѣнящимися волнами. Силы его ослабѣли. Он погрузился в бездну** (Макф.: 36). В церковнославянской и русской письменности были другие слова с той же основой **bezďbna-* (**БЕЗДЪНАТА**, **БЕЗДЪННИКЪ**), семантически тождественные существительному **БЕЗДЪНА**¹³. Они могли заменять друг друга в памятниках.

Из значения «место, находящееся в глубине земли или воды» берут начало два основных особых употребления слова **БЕЗДЪНА** в памятниках церковнославянской и русской письменности. Оно обозначало, с одной стороны, будучи связано с землей, ад, место осужденных на вечные муки и отвергнутых Богом бесов и грешников, с другой стороны — начало вод земных при сотворении мира, которые потом были разделены на моря, реки, источники. В Книге Бытия I, 2 сказано: ...**земля же бѣ невидима и неукрашена и тма врѣху бездны**. [вар. **БЕЗДНАТА**; в др. списке глосса на полях: **ВОДА**] и **дхъ бѣи ношашеся врѣху воды** [вар. **БЕЗДНЫ**] (Кн. Бытия: 1). Сам стих или рассуждения на эту тему включались в разные письменные источники, при этом наряду с лексемой **БЕЗДНА** употреблялись и другие однокоренные существительные: ...и **тма врѣху бездны а дхъ бѣи ношаше врѣху воды** (Палея Толк. 1406 г.: 2г); ...и **тма бѣаше врѣху бездны; сътвори**

¹² Ср. значения продолжений праслав. **bezďbna* в славянских языках и значения производных от основы **bezďbna-*, среди которых русск. диал. (арх.) *бездонница* «непроходимое болото, покрытое болотной растительностью», *бездонник* «то же», *бездонье* «непроходимое болото» и др. [ЭССЯ 1975: 21—23; Толстой 1969: 235—236; СРНГ 1966: 189].

¹³ И. И. Срезневский приводит следующие лексемы: **БЕЗДЪНАТА**, **БЕЗДЪННИКЪ**, **БЕЗДЪНЪ**, **БЕЗДЪННАТА**, **БЕЗДЪНЫ** [Срезневский 1893: 55—56].

оубо нѣо тако не быша, земли не соущи, бездны не соущи; Стонтъ же нѣо и аже под нимъ твердь на немже стоать водныя ты бездны пролѣты (ср. о том же: въ .а. днь нѣо вышнее, землю, воды); тако во бездноу тога едину воду соущю раздѣли (ср.: в сен днь раздѣлишася воды полъ) (Козма Инд.: 95—96, 273, 120, 278, 275, 279); ...възведу на тѣ бездную и покрыеть тѣ вода многа (Библ. Генн.: Иезек. XXVI 19); ...такоже бо и бездны [вар. въздъние, безденне, безднѣе] тогда. единою воду соущоуж раздѣли. на горнюю водуу. и на морѣ. и на рѣкы. и на источники и на езера. и на кладьзѣ; сътвори же бѣ нѣо не бывше. и землю не бывшоу. и бездонья воднаѣ не бывша (Шестоднев Ио. экз.: 348, 75). Из приведенных контекстов видно, что не только в разных списках одного и того же произведения, но и в разных местах одного текста существительное **бездъна**, обозначающее начало вод земных, нередко заменялось словом **вода**. Помимо употребления вместо слова **бездъна** форм существительного **вода**, в письменности встречается его замена другими словами, в том числе **глубина**: ...да и нынѣ рекъ премудрыи моноусен. тѣма верхъ глубины мьгльное (Шестоднев Ио. экз.: 96). Однако далее вновь употребляется слово от основы **бездън-**: ...бездънѣ [вар. бездътник, безднѣе] во глѣбоко съ верхнаѣ страны мьгльна баше, и мрачна. такоже и тѣмѣ верхъ еѣ быти (Шестоднев Ио. экз.: 97). В Житии Андрея Юродивого использовано словосочетание **пропасть без дна**: **Спифанъ рече: что естъ сотворилъ Богъ третѣе? Святецъ рече: сотворилъ естъ пропасть без дна, и тму, и воду, и огнь, и мьгалу** (ВМЧ: Октябрь 1—3 184).

При обозначении лексемой **бездъна** ада возможно как употребление слова без определения, так и использование прилагательного, уточняющего значение существительного: **бездны бѣсовьскыѣ тартарои** (Корм. Ряз.: 3776); ...сѣх во ангѣлъ свержень бы. югоже вы глѣта антихрѣ. за величанье юго низъвержень бы с нѣсе. и естъ в безднѣ (Лавр. лет.: 177); ...адъ зная и пожираѣ в непрѣходимую бездну *εἰς τὴν ἀπεραντων ἄβυσσον* (Ж. Андр. Юрод.: 335); Гордости бо места токмо помысли сатана, и бысть свержен с небес в бездну, и вместо архангела дьявол наречен (Ерм. Еразм.: 201); ...бѣси... послаша ѿцѣоу своемъ сотонѣ в безднѣ (Ег-805: 63: Сл. Нифонта о русальях); ср.: въ бездъныа адова (ФСт: 189г).

При исходной протяженности вниз по вертикали в более позднее время слово **бездъна** стало обозначать протяженность вверх по вертикали и, соответственно, то, что находится высоко вверху, то есть глубину неба, небесную безграничность: **Открылась бездна звѣзд полна; Звѣздам числа нѣт, безднѣ дна** (Ломоносов: 1, 34).

Образные употребления существительного **бездъна** в письменности сравнительно редки: **судбы твоѣ бездна многа** (ГБ: 86г).

Переносное значение «высокая степень, большая сила проявления, значительное количество чего-л.» развивается у слова **бездъна** таким же образом, как и у слов **глубина** и **поучина**: ...въздъна человекѣколюбѣѣ; да повѣднѣтъ множество щедротъ твоихъ съблазнѣт монахъ бездноу (СБЯР

80, 176); ... денег страшна бездна (Княж. Хваст.: 25). В XVIII столетии оно характеризуется как просторечное [Сл. XVIII в. 1984: 171]; в современном русском языке это значение свойственно разговорной речи. Другое переносное значение «то, что разделяет, является препятствием между кем-л.» зарождается в XVIII столетии и сохраняется в современном русском языке: ... больше чувствовал свое бессилие и углубляющуюся между ними бездну (Д. Мережковский «Воскресшие боги»).

Для памятников церковнославянской и русской письменности следует отметить своеобразное пересечение рассматриваемых слов не только в семантическом плане, но и за счет употребления с образованными от них прилагательными-эпитетами или в составе подчинительного словосочетания (см. также выше *глубина поучины*). При этом вместо существительного *вездьна* возможно использование другого однокоренного слова: *Кроугъ нѣсьнын обидохъ* (премудрость) *ѣдина. и по глубинѣ вездьныа походяхъ* (Изборник 1076 г.: 420—421); ... *глубина во ксть грѣхъ вездьныа* (Златостр.: 100); ... *Ѡ глубины вездьныа* (ГБ: 171г); ... *слнце помрачиса и пѣчина вездьныа сматеса* *πέλαγος ἀβύσσου* (ВМЧ: Декабрь 6—17 1106); ср.: ... *противоу вѣрамъ плавати не могую яко пловоушци въ глубину морьскѣ елико проникаеть поучиннаа широта стра^х въ срѣци волши приемлють* (Шестоднев Г. Пизиды: 45).

Другим случаем их пересечения является использование разных слов при описании одного и того же события или факта. В евангельской притче о том, как изгнанные Иисусом бесы вошли в свиней, которые бросились с крутизны в воду (Лук. XVIII 29—33), в разных источниках используются слова *глубина* и *вездьна*: ... *и моллахуотъ и да не повелитъ имъ въ вездьноу ити* (Мст. Ев.: 125; Лук. XVIII 31) — *Бѣ мон ѿ легеона со свинѣами глубинѣ в пагѣвоу предасть* (ВМЧ: Декабрь 1—5 561). Расступившееся море, через которое перешел израильский народ, идя из Египта, передано как *поучина* и *вездьна*: ... *егѣптѣны вилъ кси. свога люди свободилъ кси. тависа на мори. и раздѣлиса поучина. и жидько кстьство оба полы ста* (Псалт. Чуд.: 162); ... *ты во владѣкши державоу морьскоу. възмущеньѣ же волънъ ко ты оукротивъ раздѣливъ изрѣломъ непроходимую пѣчину* (Чуд-20: 98а; Похвала св. Клименту) — *иже древле чермьнаго моря. преидоша вездну* (Толк. Палея 1406 г.: 126).

Третьей позицией их пересечения становятся контексты, в которых представлено параллельное употребление обычно пары существительных: ... *погрѣжася во глубинѣ золь и сило потапла^с въ вездѣ греховѣнѣ* (ВМЧ: Апр. 22—30 1097); ... *море сверѣпое волнами расколыбавса. въ свою пѣчину^с восхитило бы на^с ... или кага рѣка напрасно наводнившиса воспрѣла бы во глубины своа* (Унд-577: 81 об.: Сл. Ио. Злат.).

Еще в древности различной была употребительность лексем. Самым частотным было существительное *глубина*, не имевшее жанровых ограничений. Оно засвидетельствовано в Священном Писании, в литературных сочинениях разных авторов и в деловой письменности. Такое широкое

употребление слова в истории русского языка обусловило его универсальность в будущем.

Менее частотным в церковнославянской и русской письменности было существительное **поучина**, еще реже встречалось слово **бездѣна**, с которым конкурировали однокоренные **бездѣнага**, **бездѣник**. Лексемы **бездѣна** и **поучина** не представлены в деловой письменности. В процессе языковой эволюции на фоне стилистически нейтральной лексемы **глубина** сохранилось и упрочилось ограниченное употребление слов **бездѣна** и **поучина**, которые характерны для художественной литературы¹⁴.

Широкая или ограниченная употребительность лексем **бездѣна**, **глубина**, **поучина** связана также с их семантикой. Из трех слов только существительное **глубина** (*глубина*) обозначало и обозначает собственно протяженность и сочетается со словами, являющимися единицами измерения (*метр*, *километр* и др.). По этому признаку оно входит в одну группу со словами *высота*, *длина*, *ширина* / *широта*. У слов **бездѣна** (*бездна*) и **поучина** (*пучина*) представлено абсолютное обозначение глубины, всегда большой, не поддающейся измерению. Ср. невозможность построения словосочетаний слов *пучина* и *бездна* с единицами измерения. Поэтому в группе слов со значением протяженности *пучина* и *бездна* оказываются на семантической периферии.

Общее для всех трех слов обозначение протяженности имело некоторые особенности. Существительное **глубина** изначально обозначало протяженность вниз по вертикали, что и сохранилось у слова в современном русском языке. Однако еще в древности оно стало передавать протяженность вверх по вертикали, внутрь чего-л. и по горизонтали. Особым случаем стало обозначение обширного водного пространства — моря, океана, когда лексема **глубина** характеризовала значительную протяженность объекта, одновременно обладающего большой глубиной.

Существительное **поучина** в древности имело значение «(открытое) море; широкое водное пространство», то есть подразумевалась протяженность объекта по горизонтали. Однако в процессе языковой эволюции была реализована заложенная в семантике слова протяженность по вертикали, в результате чего лексема **поучина** (*пучина*) стала значить «водная глубь, морская бездна».

У слова **бездѣна** (*бездна*) сохранилось первоначальное обозначение протяженности вниз по вертикали, к которому добавилась протяженность вверх по вертикали (о небе).

В процессе языковой эволюции на основе имеющегося в семантике слов **бездѣна**, **глубина**, **поучина** признака большого количества появилось переносное значение «высокая степень, большая сила проявления,

¹⁴ Ср., например, отсутствие существительного *бездна* в русских говорах при наличии слов *бездонник*, *бездонница* (псков.), *бездонье* (псков., смол.), одним из значений которых является 'бездна, пропасть' [СРНГ 1966: 189].

значительное количество чего-л.». Все три слова употреблялись по отношению к неисчисляемым понятиям, имеющим как положительные коннотации (смирение, долготерпение, (пре)мудрость, щедроты, чудеса и др.), так и отрицательные (нечестие, зло, беды, прегрешения). В XVIII столетии у слова *бездна* соответствующее значение характеризовалось как просторечное, в современном русском языке — как разговорное [СРЯ 1957: 77]. У слова *глубина* оно стилистически нейтрально и равно употребительно с древности по настоящее время. У существительного *пучина* в современном русском языке переносное значение не отмечено [СРЯ 1959: 760], хотя возможно его употребление по отношению к понятиям, имеющим отрицательные коннотации (*пучина несчастий*).

Некоторые изменения затронули объекты и среду, по отношению к которым могли употребляться слова **вездѣна**, **глоубина**, **поучина**. **Поучина** в памятниках церковнославянской и русской письменности употреблялось по отношению к воде, и это сохранилось в современном русском языке. Однако в русских диалектах оно обозначает элементы рельефа земной поверхности («овраг»), в том числе заполненные водой («яма с водой»). Существительное *бездна* в современном русском языке употребляется по отношению к суше, морю (океану) и небу. В древности оно чаще было отнесено к воде. У существительного *глубина* сохранилось древнейшее употребление по отношению к воде и земле, однако сузился круг находящихся в земле объектов, чья протяженность по вертикали могла быть обозначена словом *глубина*: вместо прежнего *глубина камня, каната* в современном русском языке возможно *толщина камня, длина каната*.

Употреблявшиеся по отношению к земле слова **глоубина**, **вездѣна** в письменности обозначали ад. Слово **вездѣна**, кроме того, выполняло функцию богословско-философского термина, обозначая начало вод земных. В качестве гидрографических терминов «море» и «залив» в церковнославянской и русской письменности засвидетельствовано существительное **поучина**, а лексема **вездѣна** принадлежала к общеславянской географической терминологии.

В процессе языковой эволюции благодаря стилистическим и семантическим особенностям, различиям в сочетаемости, специфике употребления по отношению к среде (земле и/или воде) ни один из трех членов этого фрагмента лексико-семантической системы, несмотря на кажущуюся избыточность, не был утрачен и продолжает оставаться в активном словарном запасе.

Л и т е р а т у р а

Востоков 1861 — А. Х. В о с т о к о в. Словарь церковнославянского языка. Т. 2. СПб., 1861.

Даль 1907 — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.; М., 1907.

Дилакторский 2006 — Словарь областного вологодского наречия: По рукописи П. А. Д и л а к т о р с к о г о 1902 г. / Изд. подгот. А. И. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2006.

- МАС 1984 — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 3. М., 1984.
- Ремизов 1928 — А. М. Р е м и з о в. Звезда надзвездная. Париж, 1928.
- Сл. XI—XVII вв. 1992 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 18. М., 1992.
- Сл. XI—XVII вв. 1995 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 21. М., 1995.
- Сл. XVIII в. 1984 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984.
- Срезневский 1893 — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893.
- СРНГ 1966 — Словарь русских народных говоров. Вып. 2. Л., 1966.
- СРНГ 1999 — Словарь русских народных говоров. Вып. 33. СПб., 1999.
- СРЯ 1957 — Словарь русского языка. Т. 1. М., 1957.
- СРЯ 1959 — Словарь русского языка. Т. 3. М., 1959.
- Толстой 1969 — Н. И. Т о л с т о й. Славянская географическая терминология. М., 1969.
- Цейтлин 1994 — Старославянский словарь по рукописям X—XI веков / Под ред. Р. М. Ц е й т л и н, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Черных 1993 — П. Я. Ч е р н ы х. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1993.
- ЭССЯ 1975 — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 2. М., 1975.
- ЭССЯ 1979 — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 6. М., 1979.
- Ягич 1896 — Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке / Собрал и объяснил И. В. Я г и ч. СПб., 1896.
- SJS 1964 — Slovník jazyka staroslověnského. Seš. 8. Praha, 1964.
- SJS 1979 — Slovník jazyka staroslověnského. Seš. 33. Praha, 1979.

Источники

- Ав. Ж. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Л., 1927. Стб. 1—240. (РИБ. Т. 39). 1673 г. (стб. 1—83).
- Ав. Кн. Бес. — Аввакум. Книга бесед. Л., 1927. Стб. 241—424. (РИБ. Т. 39). 1675 г., список XVIII в.
- Ав. Кн. Толк. — Аввакум. Книга толкований и нравоучений. Л., 1927. Стб. 425—576. (РИБ. Т. 39). 1677 г., список XVII—XVIII вв.
- Алфавит — Книга глаголемая алфавит. Ркп. БАН, 33.4.7. XVII в.
- Ант. С. — Житие Антония Сийского. Соч. иером. Ионы. Ркп. РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 284. 1578 г., список XVII в.
- Апокал. — Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. Ркп. БАН, собр. Никол., № 1. XIII в.
- Апост. — Г. А. Воскресенский. Древнеславянский Апостол. Вып. 1. Послания к римлянам. Сергиев Посад, 1892.
- Артем. Вр. — Житие и чудеса Артемия Веркольского. Ркп. РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 378. XVII в.
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1—3. СПб., 1857—1884.

Библ. Генн. — Книги Ветхого и Нового Завета, писаны в 1499 г. в Новгороде. Ркп. ГИМ, собр. Синодальное, № 915.

Булав. восст. — Булави́нское восста́ние (1707—1708). М., 1935. (Тр. Ист.-археогр. ин-та АН СССР; Т. 12).

Брун. Толк. Псалт. — Бруно́на Ви́рцбургско́го толкование на Псалтырь. Перевод с датского Дим. Герасимова. Ркп. ГИМ, собр. Синодальное, № 77/305. 1535 г., список XVII в.

Варл. и Иоасаф — Житие и жизнь преп. отец наших Варлаама пустынноика и Иоасафа царевича Индийского. Творение Иоанна Дамаскина. СПб., 1887. XII—XIII вв., список XVII в.

ВМЧ — Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. М.; СПб., 1868—1917. Список XVI в.

ГБ — Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского. Ркп. ГИМ, собр. Синодальное, № 954. Список XIV в.

Гист. о Дол. — Гистория о гишпанском знатного роду шляхтиче... имянуемом Долторне, и о прекрасной гишпанской королевне Элеоноре // А. Н. Пыпин. Из истории народной повести. СПб., 1887. С. 1—63. Список XVIII в.

Горск-40 — Ркп. РГБ, ф. 79 (собр. А. В. Горского), № 40. Сборник. XVII в.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим. Т. 1—12. СПб., 1846—1872.

Девг. д. — М. Н. Сперанский. Девгениево деяние: К истории его текста в старинной русской письменности: Исслед. и тексты // СОРЯС. Т. 99, № 7. 1922. С. 134—165. Список XVIII в.

Ег-41 — Ркп. РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 41. Минея четья на декабрь. Список 3-й четв. XVII в.

Ег-805 — Ркп. РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 805. Сборник. XVII в.

Ерм. Еразм. — А. И. Кибанов. Сборник сочинений Ермолая-Еразма // ТОДРЛ. Т. 16. Л., 1960. С. 178—207. Список XVI в.

Ерм. лет. — Ермолинская летопись. СПб., 1910. (ПСРЛ. Т. 23). Списки XV в. и XVI в.

Ерш Ершович — Повесть о Ерше Ершовиче // Русская демократическая сатира XVII в. / Подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 7—19. XVII в., список XVIII в.

Ж. Алек. Пах. Логоф. — Житие митрополита всея Руси св. Алексия, сост. Пахомием Логофетом. Вып. 1—2. СПб., 1877—1878. 1459 г., список XVII в.

Ж. Андр. Юрод. — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. XII в., список XIV в.

Ж. Вас. Нов. — С. Г. Вилинский. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2. Одесса, 1911. XIV в., список XVI в.

Ж. Ио. Уст. — Житие Иоанна Юродивого Устюжского. Ркп. РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 320. 1554 г., список XVII в.

Ж. Мак. Каляз. — Житие Макария Калязинского. Ркп. РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 382. 1547 г.

Ж. мт. Филип. — Житие мт. Филиппа. Ркп. РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 361. XVI в., список XVI—XVII вв.

Ж. Нифонта — Житие преподобного и богоносного отца нашего Нифонта, зовомого мниха // Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови / Підгот. до друку А. В. Ристенко. Одеса, 1928. С. 239—544. 1219 г. и XVII—XVIII вв.

Ж. Павла Обн. — Житие Павла Обнорского. Ркп. РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 349, XVI в. и № 369, XVII в.

Ж. папы Григория — Н. К. Гудзий. Новые редакции повести о папе Григории // ТОДРЛ. Т. 15. Л., 1958. С. 177—191. Кон. XVII в., списки XVII в. и XVIII в.

Ж. Серг. Р. Епиф. — Житие преп. и богоносного отца нашего игумена Сергия. СПб., 1885. (ПДПИ. Т. 58). 1418 г., список XVI в.

Заговоры Олон. — Сборник заговоров // В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для имп. АН в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 481—512. XVII в.

Зап. Нащокина — Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842.

Златостр. — В. Н. Малинин. Десять слов Златоструя XII в. СПб., 1910. Списки XII в. и XVI в.

Изборник 1076 г. — Изборник 1076 г. / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.

Измарагд — Измарагд. Ркп. БАН, 13.2.7, л. 10—422. XIV в., список XVI в.

Ильдежерта — История королевы Ильдежерты Норвежской. Ркп. БАН, 24.5.23 (Срезн., 99). 1759 г.

Ио. Млн. — Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы // Православный палестинский сборник. Т. 14. Вып. 3. С. 1—56. 1652 г.

Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. СПб., 1908. (ПСРЛ. Т. 2). Список перв. четв. XV в.

Кн. Бытия — А. Михайлов. Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Вып. 1—4. Варшава, 1900—1908. Список XV в.

Климент Смолят. — Н. К. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892.

Кн. землед. — Книга зовомая земледелательная... Ркп. БАН, 34.5.23. 1705 г.

Кн. Степ. — Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908—1913. (ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1—2). 1560-е гг., список XVI—XVII вв.

Княж. Хваст. — Я. Б. Княжнин. Комедия: Хвастун // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. СПб., 1787. С. 3—152.

Козма Инд. — Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1997. XII—XIII вв., список XV в.

Козм. ОИДР — Книга глаголемая козмография, сложена от древних философов, переведена с римского языка // Временник ОИДР. Кн. 16. 1853. Смесь. С. 1—14. Список втор. пол. XVII в.

Корм. Ряз. — Кормчая Рязанская 1284 г. Ркп. РНБ, Ф.п.1, 1.

Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись. 2-е изд. Л., 1926—1928. (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1—3). Список 1377 г.

Ломоносов — М. В. Ломоносов. Собрание сочинений. Т. 1—2. М., 1757—1759.

Ломоносов Слово о рожд. метал. — М. В. Ломоносов. Слово о рождении металлов от трясения земли // Сочинения. Т. 5. СПб., 1902. С. 1—31. 1757 г.

Львов. лет. — Львовская летопись. СПб., 1910—1914. (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1—2). Список XVI в.

Макф. — Дж. Макферсон. Поэмы древних бардов / Перевод А. [И.] Дмитриева]. СПб., 1788.

Мин. сент. — Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. / Труд И. В. Ягича. СПб., 1886.

М. Косм. Арс. — О великом и славном Российском Московском государстве // Ю. В. Арсениев. Описание Москвы и Московского государства. По неизд. списку Космографии кон. XVII в. // Зап. Моск. археол. ин-та. Т. 11. М., 1911. С. 6—17. Список кон. XVII в.

Моск. лет. — Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. (ПСРЛ. Т. 25). Список перв. трети XVI в.

Мст. Ев. — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983. XI—XII вв.

Муз-8932 — Ркп. РГБ, ф. 178 (собр. Музейное), № 8932. Житие Николая Мирликийского. Список 2-й пол. XVI в.

Мусик. грам. Дил. — Муסיкийская грамматика Николая Дилецкого / Посмертный труд С. В. Смоленского. СПб., 1910. 1681 г.

Наум-5 — Ркп. РГБ, ф. 595 (собр. Г. Р. Наумова), № 5. Сборник. Середина XVII в. Новг. 1 лет. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1880. Списки XIII в. (с. 1—245), XIV в. (с. 245—328), XV в. (со с. 330).

Ник. лет. — Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновской летописью. СПб., 1862—1906. (ПСРЛ. Т. 9—14). Список 2-й пол. XVI в.

Овч-217 — Ркп. РГБ, собр. Овчинникова, № 217. Торжественник. XVI в.

Овч-220 — Ркп. РГБ, собр. Овчинникова, № 220. Торжественник. XVII в.

О молитве СНБ — Семеона нового Богослова о молитве // С. Г. Вилинский. Описание старца Артемия. Одесса, 1906. С. 401—409. Список XV в.

Опис. гос. Кит. — Описание книги сея государства китайского или хинского. Ркп. б-ки Смоленского пединститута, № 124. 1731 г.

Остр. Ев. — Остромирово Евангелие 1056—1057 г. СПб., 1843.

Откр. Варуха — Откровение Варуха // Н. С. Тихонравов. Апокрифические сказания. СПб., 1894. (СОРЯС. Т. 58. № 4. С. 48—54). Список XV в.

Пересветов Б. Чел. — Сочинения И. Пересветова / Подгот. А. А. Зимин. М.; Л., 1956. XVI в., список XVII в.

Петр — Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. 1—7. СПб./Л.; М., 1887—1946.

Плещеев Обзор. Рос. имп. — Обзорение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии, учиненное Сергеем Плещеевым. СПб., 1787.

Пов. об осаде Псков. — Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием // Русские повести XV—XVI вв. М.; Л., 1958. С. 124—166. XVI в., список XVII в.

Пов. Мерк. Смол. (Б) — Л. Т. Белецкий. Литературная история повести о Меркурии Смоленском. Пг., 1922. С. 55—74, 83—95. (СОРЯС. Т. 99. № 8). XV в., списки XVI—XVIII вв.

Пов. Псков. Печ. м. — Повесть о начале Псково-Печерского монастыря, написанная Корнилием // И. И. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 545—551. (ЧОИДР. 1908. Кн. 4). XVI в.

Посл. Ив. Гр. — Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951.

Посл. Иос. Вол. — Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. XV—XVI вв., список XVI в.

П. Отреч. — Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. Т. 1—2. СПб.; М., 1863.

Посл. Стефана — Послание Стефана иноку-справщику Арсению Глухому // ТОДРЛ. Т. 17. Л., 1961. С. 404—407. 1637 г.

Пролог — Пролог сентябрьской половины года. Ркп. БАН, 4.9.20. Кон. XIII — нач. XIV в.

Псалт. Чуд. — В. Погорелов. Чудовская Псалтырь XI века. СПб., 1910.

Пчела — Древняя русская Пчела по пергаменному списку / Труд В. Семенова. СПб., 1893. (СОРЯС. Т. 54. № 4). XIII в., список XIV—XV вв.

Разг. Адм. Зот. — Разговор у адмирала с капитаном о команде... Учинил от флота капитан Конон Зотов. СПб., 1724.

Разин. восст. — Крестьянство и националы в революционном движении. Разинщина. М.; Л., 1931.

Регламент — Регламент шкиперам и прочим приходящим на торговых кораблях в порты Российского государства. СПб., 1780.

Рим. д. — Римские деяния. Вып. 1—2. СПб., 1877—1878. 1688 г.

Рог. лет. — Рогожский летописец. М., 1965. (ПСРЛ. Т. 15). Список середины XV в.

Рычков Журн. — Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по различным провинциям Российского государства в 1769—1770 гг. Кн. 1—2. СПб., 1770—1772.

СбТр — Сборник слов и поучений. Ркп. РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 12. Кон. XII — нач. XIII в.

СбЯр — Сборник молитв. Ркп. Ярославского областного краеведческого музея, № 15481. XIII в.

Сим. Пол. Бес. — Симеона Полоцкого беседы против протестантизма. Ркп. БАН, 33.7.4. XVII в., список 1-ой четверти XVIII в.

Симф-33 — Ркп. РГБ, ф. 445 (собр. Симферопольского пед. ин-та), № 33. Сборник. 1551 г.

Систима — Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722.

Сказ. Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицина / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. Список XVII в.

Скрижаль — Скрижаль Арсения Грека. М., 1656 г.

Сл. Дан. Зат. — Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Пригот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. Списки XVI—XVII вв.

Сл. Иппол. об Антихр. — Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в., с исследованием... К. И. Невоструева. М., 1868. XII в.

Сл. и поуч. против языч. — Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М., 1913. (Зап. Моск. археол. ин-та. Т. 18).

Соф. I лет. — Софийская первая летопись. Вып. 1. 2-е изд. Л., 1925. (ПСРЛ. Т. 5). Список XV в.

Соф. вр. — Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год. Ч. 1—2 / Издал П. Строев. М., 1820—1821. Списки XVI в. и XVII в.

Спафарий Нов. Дан. — Новые данные о службе Николая Спафария в России (1671—1708) // ЧОИДР. 1900. Кн. 4. Отд. 1. С. 32—63.

Стихирарь — Стихирарь месячный на крюковых нотах. Ркп. БАН, 34.7.6. XII в.

Тип. лет. — Типографская летопись. Пг., 1921. (ПСРЛ. Т. 24). Список XVI в.

Тих-484.2 — Ркп. РГБ, ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова), № 484.2. Сборник житий, чудес и служб Николая Чудотворца. 1-я треть XVII в.

Торж. — Ркп. РНБ, Ф. п. I, 46. Златоструй и отрывок Торжественника. XII в.

- Тр-9 — Ркп. РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 9. Сборник. Кон. XIV — нач. XV в.
- Тр-715 — Ркп. РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 715. Пролог. 1429 г.
- Тр-720 — Ркп. РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 720. Пролог. 1469 г.
- Тр-721 — Ркп. РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 721. Пролог. 1528 г.
- Тр-727 — Ркп. РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 727. Пролог. 1632 г.
- Тр-784 — Ркп. РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 784. Сборник. XVII в.
- Травник Любч. — Травник (Лечебник), перевод немчина Николая Любчанина (Булева). Ркп. ГИМ, собр. Уварова, № 387. 1534 г., список XVII в.
- Требник — Требник. Ркп. БАН, Арх. д., № 72. Список втор. пол. XVI в.
- Толк. Палея 1406 г. — Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. Вып. 1—2. М., 1892—1896. XIII в.
- Толк. Палея 1477 г. — Толковая Палея 1477 г. Воспроизв. Синодальной ркп. № 210. Вып. 1. СПб., 1892. XIII в.
- Унд-258 — Ркп. РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 258. Житие Николая Мирликийского. Список посл. трети XV в.
- Унд-577 — Ркп. РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 577. Сборник. XVI в.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.
- ФСт — Огласительные поучения Феодора Студита. Ркп. РГБ, ф. 172.1 (собр. МДА), № 52. XIV в.
- Х. Вас. Познякава — Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока / Под ред. Хр. М. Лопарева. СПб., 1887. (ППС. Т. 6. Вып. 3). 1561 г. Список XVII в.
- Х. Дан. Иг. — Житье и хоженье Данила Русьскыя земли игумена / Под ред. М. А. Веневитинова. СПб., 1883—1885. (ППС. Т. 1. Вып. 3, 9). 1113 г., список 1496 г.
- Хрон. И. Малалы — В. М. И с т р и н. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Репр. изд. материалов В. М. Истрина / Подгот. М. И. Чернышевой. М., 1994. XIII в., список XV в.
- Х. Тр. Короб. — Хождение Трифона Коробейникова. СПб., 1889. (ППС. Т. 9. Вып. 3). 1594 г., список XVII в.
- Флавий — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. 1. М., 2004. Список XV в.
- Ч. Серг. Р. Аз. — Книга о чудесах преп. Сергия. Творение Симона Азарыина / Сообщил С. Ф. Платонов. СПб., 1888. (ПДПИ. Т. 70). 1654 г., список XVII в.
- Чуд-20 — Ркп. ГИМ, собр. Чудовское, № 20. Сборник. XIV в.
- Шестоднев Г. Пизида — И. А. Ш л я п к и н. Шестоднев Георгия Пизида в славяно-русском переводе 1385 г. СПб., 1882. (ПДПИ. Т. 32). Список XV в.
- Шестоднев Ио. экз. — Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского / Изд. подгот. Г. С. Баранкова. М., 1998. Список посл. четв. XV в.

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

**«РУССКИЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ»
В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ
И СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРАХ**

0. История русского глагола, в отличие от истории именных систем, обычно представляется как история единой системы с частными, вторично сформировавшимися диалектными различиями (сохранение древнерусского плюсквамперфекта, возникновение нового причастного перфекта и некоторые др.), причем время формирования этих различий в большинстве случаев остается неясным. Однако это негласно постулируемое единство русской глагольной системы совсем не очевидно. Исследователи синтаксиса глагольных форм в русских говорах неоднократно отмечали существование диалектных различий, имеющих прямое отношение к устройству всей системы глагола в соответствующих говорах (см., например: [Кузьмина, Немченко 1968; 1971; Трубинский 1963; 1984; Пожарицкая 1991] и др.). На синхронном уровне есть основания говорить о нескольких типах русских диалектных глагольных систем; по крайней мере, наиболее отчетливо различаются системы литературного типа (основанные на говорах Центра), северо-западные (псковского типа) и северные и северо-восточные (представленные в говорах архангельских, вологодских и др.) (о принципиальном характере отличий глагольных систем северо-западных и севернорусских говоров от системы литературной см.: [Трубинский 1963; Пожарицкая 1991]).

Задача исторической грамматики (морфологии и синтаксиса) русского языка — реконструкция истории русских диалектных глагольных систем. Задача эта более сложная, чем реконструкция истории систем именных, — в силу специфики отношений между глагольной системой книжного церковнославянского языка и живых древнерусских диалектов, сосредоточенных именно в глаголе главных грамматических признаков, противопоставлявших книжный язык некнижному на протяжении всей средневековой истории русского языка, и потому малой возможности непосредственного отражения живых диалектных явлений глагольной морфологии и синтаксиса в книжных текстах (тексты же некнижные большей частью имеют ненарративный характер и редко предоставляют условия для реализации всех разнообразных значений глагольных форм). Но тем не менее задача эта не

кажется абсолютно неразрешимой. Во-первых, тексты гибридного регистра, прежде всего древнерусские летописи, в большей или меньшей степени допускают проникновение форм и конструкций живого языка (см. [Живов 2004: 63—69; Шевелева 2006] и др.). Во-вторых, отражение диалектных глагольных структур в книжных текстах могло быть опосредованным, с помощью книжных морфологических форм, используемых в семантико-синтаксических функциях, свойственных структурам диалектным (см. [Шевелева 1993: 149—152]). В-третьих, некнижные тексты все-таки дают определенный показательный материал. Все эти данные в сопоставлении с данными современных говоров могут стать основанием для подхода к проблеме реконструкции истории диалектных систем русского глагола.

Одним из важнейших признаков, различающих русские диалектные глагольные системы, является «русский плюсквамперфект»: наличие в системе специальной формы, восходящей к древнерусскому плюсквамперфекту, или трансформация ее в конструкцию с неизменяемым модальным показателем и спектр значений этих структур.

«Русскому плюсквамперфекту» посвящена недавняя статья П. В. Петрухина и Д. В. Сичинавы [Петрухин, Сичинава 2006], содержащая интересные соображения о специфике семантики этого образования в свете типологических данных.

Авторы статьи рассматривают русский плюсквамперфект (типа *ходиль быль* ← *ходиль есть быль*) как «сверхсложную форму» прошедшего времени, стоящую в ряду аналогичных образований, известных в других языках Европы (романских, германских и др.). Вспомогательный глагол этих новых «сверхсложных» форм плюсквамперфекта стоит в аналитическом перфекте и переосмысливается как два вспомогательных глагола, поскольку возникновение этих образований характерно для систем, в которых старые простые претериты (претерит) начинают вытесняться (бывшим) перфектом [Петрухин, Сичинава 2006: 196—200]. Семантика этих новых форм плюсквамперфекта переживает эволюцию в сторону зоны «отграниченного от момента речи прошедшего» в разных его вариантах («недостигнутый или аннулированный результат», «неактуальное прошедшее» и др.) [Там же: 195—200].

По мнению авторов статьи, русское *был* (-о, -а, -и) в составе плюсквамперфекта превращается в «показатель ретроспективного сдвига» [Там же: 204—206]. При этом авторы видят различие между набором значений русского плюсквамперфекта, представленным в известных материалах древнерусских памятников (рассматриваются примеры из Новг. I лет., ПВЛ по Лавр. сп., новгородских берестяных и пергаменных грамот, приводимых в [Зализняк 2004]), и набором его значений, представленным в современных северных говорах: в абсолютном большинстве древнерусских примеров авторы видят значение «отмененного результата», а в диалектных (цитируемых по работам [Пожарицкая 1991; 1996]) основным является значение дистанцированного от настоящего прошедшего, значения же аннулиро-

ванного результата или прерванного действия (характерные для современных литературных конструкций с *было*) гораздо менее частотны [Там же: 206—210]. Типичного для книжного плюсквамперфекта результативного значения П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава не устанавливают у «русского плюсквамперфекта» вообще — ни в древнерусских памятниках, ни в современных говорах [Там же: 203]. Авторы оставляют открытым вопрос о том, сохранили ли севернорусские говоры набор значений древнерусского плюсквамперфекта, подвергшийся редукции в литературном языке, или, наоборот, расширили его, но в любом случае различие между ситуацией в русском литературном языке и северных говорах они склонны объяснять влиянием на последние (возможно, поддерживающим) финно-угорских языков, имеющих аналогичный показатель «ретроспективного сдвига» [Там же].

Многие соображения этой работы представляются точными и реалистичными, другие вызывают сомнения и возражения. Хотелось бы продолжить обсуждение этой проблемы и представить материал исследованных мною древнерусских летописей неновгородского ареала — Киевской летописи XII в. по Ипатьевскому списку (КЛ) и Суздальской летописи XII — нач. XIV в. по Лаврентьевскому списку (СЛ), а также Псковских летописей XV—XVI вв. — Псковской 2-й летописи по Синодальному списку XV в. и Псковской 3-й летописи по Строевскому списку XVI в. (Пск. 2 лет. и Пск. 3 лет.) (по изд.: ПСРЛ, I, 1926—1928; ПСРЛ, II, 1908; Пск. лет., 2, 1955).

Проблема семантики нового славянского плюсквамперфекта

1. Сначала некоторые общие соображения о проблеме семантики славянского плюсквамперфекта.

1.1. Как справедливо отмечается в [Петрухин, Сичинава 2006: 195], традиционное определение значения плюсквамперфекта как «предпрошедшего» или «давнопрошедшего» не выявляет специфики семантики этой формы, в том числе и для славянских языков. Исконный славянский плюсквамперфект **ѣ** (**ѣаше**) + **-л**-причастие возникает в праславянском параллельно с перфектом и «также является перфектом, но отнесенным к прошедшему времени» [Мейе 1951: 213], т. е. имеет «смещенно-перфектное» значение (термин Ю. С. Маслова [Маслов 1987/2004: 441]). Славянский плюсквамперфект никогда не выражал собственно таксисного значения чистого предшествования в прошедшем, а выражал аспектуальное значение перфектности в прошедшем, что было обусловлено особенностями его формальной структуры: все славянские формы перфектной группы (включающие **-л**-причастие) оставались формами с относительно автономными частями и мотивированным значением (о перфекте см. [Топоров 1961: 40—41]); в старейших славянских текстах есть яркие примеры, де-

монстрирующие семантический и синтаксический параллелизм плюсквамперфекта/перфекта и именных конструкций с прилагательным, см., например, в евангельском переводе «Притчи о блудном сыне»: ...ѣко снъ мой съ. мрътвъ бѣ і оживе. изгыблъ бѣ і обрѣтеса. Зогр. ев., Л. XXIII (ср. с перфектом: *аще и тѣбѣльмь ошъла кста нъ блгдатию жива кста*. Сказание о Борисе и Глебе по списку Усп. сб. XII в., 15в).

Наиболее типичным для исконного славянского плюсквамперфекта является употребление в нарративном режиме для выражения «регресса в повествовании», т. е. отхода от движения по основной сюжетной линии и возврата рассказчика к более ранним событиям [Маслов 1987/2004: 441; 1984/2004: 239]: такова ситуация в старославянском, в южнославянских языках, сохранивших старый плюсквамперфект (болгарском, македонском, сербохорватском) [Маслов 1984/2004: 239, 247 и др.], и такова же ситуация с книжным плюсквамперфектом в древнерусских памятниках, в том числе в летописях (см. об этом ниже, 3). При этом во всех названных случаях значение «регресса» является не чисто таксисным, а перфектным: это не просто хронологическое предшествование в прошедшем, а возврат к более ранним действиям, сохранившимся в своих результатах (последствиях) во времени развертывания основных событий повествования (см. [Маслов, указ. соч.] (ср. чрезвычайно частотные в древнерусских летописях, близкие к формульным контексты типа: ...и положиша въ цркви стго Михаила юже бѣ самъ создалъ КЛ, 1113 г., л. 102 об.; И положиша и братіа оу стю мчнкоу юже бѣ создалъ щъь кго Георги. на Нерли СЛ, 1159 г., л. 117 — и под.). Используя терминологию, принятую в [Петрухин, Сичинава 2006], это значения «результатирующее состояние в прошедшем» и «событие, актуальное в некоторый момент в прошедшем» (по Ю. С. Маслову, статочно-перфектное и акционально-перфектное), а не простое «предшествование в прошедшем».

Гораздо реже исконный плюсквамперфект используется в речевом режиме. Показательно, что именно в диалоге эта форма может развивать значения противопоставленности настоящему и аннулированности результата — такова ситуация в совр. болгарском языке [Маслов 1959: 281; 1987/2004: 442], ср. то же в приведенном выше старославянском примере из «Притчи о блудном сыне».

Как справедливо отмечается в [Петрухин, Сичинава 2006], возникновение новых «сверхсложных» форм славянского плюсквамперфекта связано, по всей видимости, с процессом утраты простых претеритов в славянских языках и вытеснения их перфектом.

В современном словацком языке, имеющем такую форму плюсквамперфекта, она сохраняет тот же спектр значений, который мы находим у плюсквамперфекта южнославянского типа (исконного), причем основными, по свидетельству исследователей, остаются значения перфектные [Hogák 1964: 286—289; Маслов 1984/2004: 233—234] (ср. также примеры в [Исаченко 1960: 431]: Čital list, ktorý mu boli donesli deň predtým. — *Он чи-*

тал письмо, которое ему принесли накануне). Кроме того, отмечают, что словацкий плюсквамперфект может употребляться как стилистический вариант основного прошедшего времени, подчеркивающий отнесение действия к (давнему) прошлому [Hořák 1964; Маслов 1984/2004: 233; Смирнов 2005: 289]. Аналогичное значение «просто совершенное прошедшее действие (особенно давно совершившееся)» [Широкова 1961: 230] отмечают и у древнечешского «сверхсложного» плюсквамперфекта, утратившегося в разговорном чешском языке к XX в. [Там же]. Последнее значение — это значение дистанцированного, отдаленного от настоящего прошедшего, называемое обычно «давнопрошедшим», а в [Петрухин, Сичинава 2006] — «неактуальным прошедшим». Как мы видим, оно известно и в западнославянских языках «безаористного» типа.

В современном сербохорватском, отражающем живой процесс утраты простых претеритов, старый (исконный) плюсквамперфект и новый «сверхсложный», как известно, различаются стилистически: старые формы со связкой в аористе или аористе с имперфектной основой «стилистически маркированы (архаичны), формы типа *bio sam citao* нейтральны» [Кречмер, Невекловский 2005: 182]; см. о том же [Петрухин, Сичинава 2006: 199]. Для разговорного языка нехарактерны ни аорист и имперфект, ни старый плюсквамперфект. Именно с этим, думается, могут быть прежде всего связаны различия в спектре значений старой и новой форм в сербохорватском, отмечаемые в [Петрухин, Сичинава 2006: 199—200]: обе формы известны в перфектном значении (заметим, исконном для славянского плюсквамперфекта), но в значении аннулированного результата используется только новый «сверхсложный» плюсквамперфект. Показательно, что в качестве примера последнего значения приводится контекст из диалогической речи (*Ia sam ga bila oprala. Otkud sad na njemu ove mrlje?* — Я стирала эту вещь. Откуда же на ней взялись эти пятна?): именно для речевого режима, как уже говорилось, характерно развитие у плюсквамперфекта значения аннулированности результата, оно известно в прямой речи у исконного плюсквамперфекта в современном болгарском языке [Маслов 1959: 281] и др., ср. также *изгьбаль бѣ и обрѣтеса* из «Притчи о блудном сыне» в старославянском (см. выше).

Таким образом, как мы видим, значение аннулированного результата не является специфическим значением нового «сверхсложного» плюсквамперфекта в славянских языках — оно закономерно развивается на базе основного плюсквамперфектного значения в определенных контекстных условиях. Хотя, возможно, и формальное устройство нового плюсквамперфекта способствовало актуализации этого значения.

1.2. В древнерусских памятниках новый плюсквамперфект фиксируется уже в XII в. (см. ниже). Для древнерусского вряд ли корректно рассматривать новую форму как «причасти[e] с двумя вспомогательными глаголами (связками)», как это делается в [Петрухин, Сичинава 2006: 193], и даже на-

зывать ее «сверхсложной» можно лишь условно, имея в виду генетический аспект. Бывшее причастие в живом древнерусском языке уже превратилось в претерит, никакой связки перфекта не существует: в 3-м лице она отсутствует материально, в 1-м и 2-м лице превращается в синтаксический синоним личных местоимений, выражая только значение лица [Хабургаев 1978; Зализняк 2004: 179; Шевелева 2002: 61]. Реально это была уже структура, состоящая из претерита смыслового глагола и еще одного претерита бытийного глагола в роли вспомогательного. По-видимому, именно эта грамматическая трансформация формы нового плюсквамперфекта сыграла решающую роль в эволюции ее семантики.

Чрезвычайно перспективным мне представляется применение идеи «показателя ретроспективного сдвига» [Плунгян 2001] к структуре нового древнерусского плюсквамперфекта. Но при этом надо иметь в виду, что компонент *был* (-а, -о, -и) именно потому и превращается из обычной связки в особый показатель отнесенности ситуации к дистанцированному от настоящего прошлому, что он стал финитной формой бытийного глагола, употребленной при еще одной финитной форме — глагола смыслового (а не при причастии!). Этот новый вспомогательный глагол *был* (-а, -о, -и) представляет собой претерит экзистенциального глагола несов. вида и, соответственно, выражает, во-первых, значение прошедшего времени (дублируя и тем самым подчеркивая выраженное формой смыслового глагола значение отнесенности в прошлое), во-вторых, — за счет семантики основы несов. вида — отделенность, дистанцированность этого прошедшего от настоящего (об этом компоненте значения прошедшего времени несов. вида см. [Исаченко 1960: 426]). Экзистенциальная семантика основы в сочетании с семантикой разобщенного с настоящим прошлого, возможно, задает некоторый модальный компонент подчеркивания реальности существования данного факта в прошлом (об аналогичной функции элемента *есть*, превращающегося из связки перфекта в удостоверительную частицу, см. [Шевелева 2001; 2002]), тем самым еще более акцентируя семантику отделенности этого прошлого от настоящего.

То, что оба компонента нового плюсквамперфекта осмысляются как финитные формы, косвенно подтверждается и встречающимися в церковнославянских памятниках русского извода гиперкорректными образованиями, где -л-форма в составе книжного плюсквамперфекта заменяется на аорист: **Онъ же естъ иже ма бѣ ударилъ цвѣтною оною ветвию** (ЖАЮ нач. XII в. по списку XIV в., Тип. № 182, л. 13 об.); **сице ж баше оутвердися обычан** (Жит. Евфр. Псковск. по списку XVI в., Унд. № 306, л. 16) и др. — подобные формы могли соотноситься с разговорными типа *был ударил* (см. об этом [Шевелева 1993: 149—150]).

Таким образом, новый плюсквамперфект уже в раннедревнерусскую эпоху, очевидно, превращался в образование, состоящее из двух финитно-глагольных компонентов — основного и вспомогательного, который выполнял роль «показателя ретроспективного сдвига», т. е. «сдвигал» обо-

значаемую ситуацию «назад по временной оси» [Плунгян 2001; Петрухин, Сичинава 2006: 205], указывая на ее разобщенность с моментом речи.

Важно иметь при этом в виду, что наряду с новым плюсквамперфектом в древнерусском языке существовали свободные синтаксические конструкции с полнозначным бытийным глаголом ‘имеется, существует’, который мог стоять в любой временной форме (презенте, претерите, будущем) и представлял собой самостоятельный предикат ([Шевелева 2006: 217—218, 233—239; 2007; в печати], см. об этом также ниже). Такие конструкции есть и в современных говорах, причем конструкции с формой претерита смыслового глагола (*был, -а, -о, -и*) внешне совпадают (в письменной записи) с «русским плюсквамперфектом» и даже могут сближаться (но не совпадать, поскольку грамматически это структуры разные!) с последним по значению. Принципиально важным для исследования истории «русского плюсквамперфекта» мне представляется разграничивать конструкции синтаксической природы и происхождения, с одной стороны, и структуры морфологические по происхождению, восходящие к исконному славянскому плюсквамперфекту.

Один из главных недостатков работы П. В. Петрухина и Д. В. Сичинавы состоит именно в отсутствии этого разграничения, недифференцированном рассмотрении всех диалектных структур с формой *был (-а, -о, -и)* как «русского плюсквамперфекта» [Петрухин, Сичинава 2006: 206—209] (при том, что в диалектологических работах, на материалах которых авторы строят свою гипотезу, такое разграничение проводится [Пожарицкая 1991; 1996]).

Рассмотрим более подробно ситуацию в севернорусских говорах.

Плюсквамперфект в севернорусских говорах и древних новгородских и псковских памятниках

2. Как уже было сказано, в севернорусских говорах существуют структуры с формой *был (-а, -о, -и)* синтаксической природы (с полнозначным синтаксически самостоятельным бытийным глаголом) и морфологической природы (с вспомогательным глаголом в составе плюсквамперфекта).

2.1. Синтаксические конструкции с самостоятельным глаголом *быть* известны двух основных типов.

2.1.1. Первый тип — это так называемые «сдвоенные» структуры [Трубинский 1975] с самостоятельным экзистенциальным глаголом-сказуемым и однородным ему сказуемым (сказуемыми) при одном подлежащем, характерные для разговорного (не только диалектного!) синтаксиса: *Старик был ловил там пеледей; еще тоже тут дом был стоял; Тут была часовня у них стояла; У нас Гриша был бригадиром работал; Кудряшка была пела ходила померла уж и под.* [Пожарицкая 1996: 275]. Такие структуры абсолютно нормальны и в разговорном литературном языке, если учесть инто-

национное членение фразы — акцентную самостоятельность *был* и отделенность его от второго сказуемого паузой (*Гриша был / бригадиром работал; Старик был / ловил там пеледей; Кудряшка была / пела / ходила / померла уж*) см. об этом [Пожарицкая 1996: 275; Шевелева 2006: 239]; ср. аналогичные примеры из разговорной литературной речи: *У нас были яблоки лежали* и под. [Лаптева 1970; Рус. разг. речь 1973: 343 и др.].

И в диалектной, и в разговорной литературной речи такие примеры возможны не только с *был*, но и с *есть* ‘имеется, существует’, ср.: *Ребята есть курят* ленингр. [Трубинский 1975: 161]; *у ней доци есь живет на Северодвинске; у меня есть ведро стоит; за этим домом тоже бабушка есть живет; всякие есть растут* арх. (примеры из полевых записей С. К. Пожарицкой)¹ и под. Такие «сдвоенные» (точнее, «нанизанные», т. к. сказуемых может быть более двух) предикативные структуры могут быть и без бытийного глагола (ср.: *сохнут стоят, догадался вышел, я вчера читал лежал* [Лаптева 1970], ср. ряд следующих за бытийным глаголом сказуемых в примере *Кудряшка была пела ходила померла уж*) — наши конструкции с экзистенциальным глаголом представляют собой «один из многих типичных для разговорной и диалектной речи случаев удвоения (уточню, скорее нанизывания. — М. Ш.) в структуре предиката» [Трубинский 1975: 161].

Надо быть слишком углубленным в материал неродственных языков, чтобы увидеть в конструкции типа *Кудряшка была / пела / ходила* влияние финно-угорского субстрата [Петрухин, Сичинава 2006: 207] и не узнать в ней нормальной для славянского не книжного синтаксиса бессоюзной конструкции, регулярно употребляемой нами в русской разговорной речи. Вот уж замечательное подтверждение неосознаваемости самими говорящими многих структур спонтанной разговорной речи, которые, будучи представлены в записанном виде, не узнаются, «вызывают удивление, а иногда и возмущение» [Рус. разг. речь 1973: 37]! Это очередной раз напоминает нам, что без обращения к синтаксису разговорной речи невозможно реалистичное объяснение многих грамматических особенностей как современных русских говоров, так и древнерусского языка.

2.1.2. Второй тип конструкций с полнозначным экзистенциальным глаголом — это конструкции с независимым *было*, представляющим собой самостоятельную предикативную единицу со значением указания на последующую ситуацию ‘было [так]’: *Было у нас эропорт был воде; Было ловили рыбу; Вот было раньше как робили; На Успенье было праздновали — сейчас не празднуют; Ак ведь мельницы были раньше-то было, а было и не было мельниц-то, все было* и под. [Пожарицкая 1996: 276]. Это структуры очень архаичные, хорошо известные в древнерусских памятниках и даже зафиксированные в старославянских. Они известны не только с формой

¹ Хочу выразить глубокую благодарность С. К. Пожарицкой за любезно предоставленные диалектные материалы.

прошедшего времени бытийного глагола, но и с формами настоящего и будущего *есть*, *будет* с тем же значением введения ситуации: ‘существует [так]’, ‘окажется [так]’.

Специальному исследованию этих конструкций посвящены работы [Шевелева 2007; в печати], см. также [Шевелева 2006: 233—237]; остановимся здесь на самом главном.

В древнерусских памятниках «вводящий» ситуацию независимый бытийный глагол в прошедшем времени чаще всего выступает в форме *бысть*. Эта конструкция со значением ‘случилось [так]’ нередко встречается в летописях, причем разного времени и разной диалектной локализации, ср.:

И бы^с по потопѣ и по раздѣленьи языка поча цѣрствовати первое Местромъ от рода Хамова. по немь Еремия. по немь Феоста. (ПВЛ по Ипат. списку, 1114 г., л. 104);

И бы^с на другон неделѣ во вторникъ на шѣднѣ потрѣсѣя землѣ (КЛ, 1195 г., л. 238);

Бы^с на зимуѣ придоша пльсковници поклонишасѣ кнзю (Новг. 1 лет., 1232 г., л. 231);

И бы^с завтра съѣха кнзѣ с городища и оканьнии татарове с нимь (Новг. 1 лет., 1259 г., л. 274);

И бы^с в день 15 августѣ мѣсѣца нѣкто діаконъ тѣфѣритинъ прозвище емю Дудко поведе кобылицу младу и зѣло тучну попити ю на Волзѣ воды (Рогож. летописец, 1326 г., л. 269 об.);

И бысть в субботу в полдень оударишася на нихъ новгородская рать торонь (Пск. 3 лет., 1471 г., л. 144, о материалах псковских летописей см. [Шевелева 2006: 235]) и др. — примеров достаточно много.

В книжных церковнославянских текстах, начиная с древнейшего перевода Евангелия, тоже известны такие структуры, ср.: **И бысть, когда благословаше га. отъстоупи отъ нихъ и възношааше сѣ на нбо.** Л. XXIV, 51 (Мст. ев., л. 22а; так же: Арх. ев., л. 14—14 об. и др.).

В памятниках встречаются аналогичные конструкции с «вводящим» ситуацию *есть* и *будеть*, ср.:

Есть* па^к и по воли бжьи нѣци горкою смртью оумираю^т (‘существует [такое]’) (вставка из Никона Черногорца по списку Чуд. Нов. Завета, XIV в., л. 546);

И будѣ^т в послѣднѣа дни. въздвигнетъ гъ бѣ знаменникъ въ скончаникъ языкомъ (‘окажется, случится [так]’) (ЖАЮ, л. 65).

В древних текстах «вводящий» ситуацию бытийный глагол обычно находится в препозиции к последующей части высказывания — видимо, препозиция дейктического бытийного глагола для этих структур исконна; но известны и случаи интерпозиции, ср.: **нѣци же есть хоблювци дагаху чаты по волѣ а не по прошенью** (ЖАЮ, л. 10) (на то, что мы имеем здесь дело с независимым *есть* ‘существует [такое]’, указывает отсутствие согласования его по числу с подлежащим).

В современном русском литературном языке такие структуры с «вводящим» глаголом *быть* утрачены (ср. показательное устранение такого **бысть** в современном Синодальном переводе Библии: **И бысть. югда благословаше га...** (см. выше) — «И когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо»); однако точно такие конструкции возможны сейчас в литературном языке с глаголом *бывасть*: *Бывает* [так], *Бывало* [так] — синтаксис этих структур и наших конструкций с *быти* тот же самый.

Северные говоры хорошо сохранили и конструкции с *быть*, в том числе с формой прошедшего времени *было*. Приведенные выше примеры это прекрасно демонстрируют. Надо сказать, что в работах С. К. Пожарицкой отмечается дейктическая самостоятельность такого *было*, «которое как бы вводит ситуацию прошедшего времени», что подтверждается его акцентным усилением, указывается, что любое из этих высказываний может быть трансформировано через «(А было так): ...», — и это свидетельствует о том, что такое *было* не входит в состав сказуемого, относится ко всему высказыванию в целом и подобные структуры не имеют отношения к древнерусскому плюсквамперфекту [Пожарицкая 1996: 276, 277].

Странно, что эти выводы о синтаксическом, а не морфологическом происхождении таких структур были частично незамечены, частично переосмыслены авторами [Петрухин, Сичинава 2006] — и в итоге рассматриваемое употребление *было* интерпретировано как результат влияния на севернорусские говоры финно-угорских языков [Там же: 208].

Между тем, перед нами совершенно обычная русская конструкция, хорошо известная нам в литературном языке с *бывало*, *случалось*. Более того, берусь утверждать, что в спонтанной разговорной речи мы спорадически употребляем и конструкции с *было* — точно такие же, как в приведенных диалектных примерах; как употребляем и такие же конструкции с дейктическим *есть* — на последнее уже обращали внимание исследователи (пример из разговорной речи: *Есть взрослые разговаривают — маленькие обязательно влезут* ‘Бывает так, что...’ [Шведова 1964; Кузьмина, Немченко 1968: 145, 149]). Очевидно, все эти конструкции не являются специфически диалектными (ср. указание И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко по поводу конструкций с «вводящим» *есть* — что они зафиксированы на разных территориях и могут быть рассмотрены как неразличительные для русских говоров [Кузьмина, Немченко 1968: 149]). Видимо, в северных говорах такие конструкции с *было* употребляются регулярно (что могло быть поддержано наличием других структур с бытийным глаголом, в том числе и с формой *было* — см. ниже), а в литературно-разговорной речи — окказионально, но структуры это те же самые. Как мы видели, известны были эти конструкции и в древнерусских памятниках разной диалектной локализации.

В отличие от древнерусских примеров, для которых характерна (и, видимо, исконна — см. выше) прежде всего препозиция «вводящего» бытий-

ного глагола, в современных диалектных «вводящее» *было* свободно употребляется в любой позиции (см. примеры выше). Попадая в интерпозицию, независимое *было* (как и *есть*, *будет*) может превращаться во вводное слово или частицу (см. подробнее [Шевелева 2007]) — совершенно то же происходит в литературном языке с *бывало*, *бывает*.

Таким образом, рассматриваемые структуры — чисто синтаксические, архаичные, известные с древнейшего времени и в книжных церковнославянских, и в некнижных древнерусских текстах, и в современной разговорной речи, а с другими глаголами существования (*бывать*, *случаться*) — и в литературном языке. Ни с каким финно-угорским влиянием их происхождение никак не связано, как не связано и с древнерусским плюсквамперфектом.

Другое дело — вопрос о том, могло ли независимое *было* таких конструкций в системе, где есть новый плюсквамперфект, тоже восприниматься как некий «показатель ретроспективного сдвига», относящий ситуацию в не связанное с настоящим прошлое. Как мы уже говорили (1.2), связочное *было* (*был*, *-а*, *-и*) в составе плюсквамперфекта получает такое значение в силу сочетания временного значения формы, ставшей финитно-глагольной, и видового и экзистенциального значения основы. У дейктического *было* все эти семантические составляющие тоже присутствуют, причем экзистенциальный семантический компонент ‘существовало, имело место’ здесь даже весомее в силу однозначности глагола *быть*. Хотя грамматически это структуры разные, их семантическое и функциональное сближение в таких системах вполне возможно, при этом независимое *было* действует на уровне синтаксиса (ср. в недавней работе С. К. Пожарицкой, последние конструкции характеризуются как «синтаксическое выражение плюсквамперфектности» [Пожарицкая 2007]). Не знаю только, удачно ли называть общим термином эти грамматически разные элементы, поскольку это не тот единый показатель «ретроспективного сдвига», о котором говорится в [Петрухин, Сичинава 2006: 208].

Не берусь судить о западноевропейских сверхсложных формах плюсквамперфекта, для которых П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава отмечают акцентную автономизацию второго вспомогательного глагола, сходную с акцентным усилением севернорусского (независимого) *было* [Там же], но у русского плюсквамперфекта связка всегда была энклитикой — в отличие от акцентно самостоятельного однозначного бытийного глагола (что совершенно справедливо отмечается и в [Петрухин, Сичинава 2006: 206] в противоречии с интерпретацией [Там же: 208]) — может быть, и в тех языках мы имеем дело в подобных случаях с грамматически независимым компонентом? Такого рода показатели отнесенности ситуации в прошлое, как русское *Было* [так], работающие на уровне синтаксиса, известны и в ряде неиндоевропейских языков; структуры эти, судя по всему, очень древние, но они не имеют отношения к эволюции морфологической формы плюсквамперфекта.

2.2. Обратимся к севернорусскому плюсквамперфекту.

В севернорусских говорах плюсквамперфект употребляется в трех основных типах значений: 1) результативном, т. е. «смещенно-перфектном»; 2) недостигнутого или аннулированного результата («антирезультативном»); 3) дистанцированного от настоящего прошедшего, т. е. давнопрошедшего, с результатом не связанного (по терминологии [Петрухин, Сичинава 2006] — «неактуального прошедшего»).

2.2.1. Первичное для славянского плюсквамперфекта смещенно-перфектное значение широко представлено в севернорусских говорах — такие примеры есть в немалом количестве во всех записях диалектологов, ср.: *Отец тоже был потонул; Тот год хлеб озяб был весь; Все ребята у ней там были родились; Приехала была в гости; Наше время было прошло; Корова опять отелилась была; Обгорели были старики-ти; Померли были все; Вся, говорят, сгорбатилась была* [Пожарицкая 1991: 789; 1996: 273]; *не собрались были оишо; зимусь все промерзло было; припухла была рука; все засохло было в то время* арх. [Мансикка 1912: 124; 1915: 162], см. также [Обнорский 1953: 160] и др.

Совершенно непонятно, почему в [Петрухин, Сичинава 2006: 203] говорится о нетипичности результативного значения для русского плюсквамперфекта, а при разборе диалектных материалов эти примеры просто не упоминаются. И это при том, что в работах, из которых авторы черпают материал, говорится даже о преобладании таких результативно-перфектных структур с непереходными глаголами сов. вида среди плюсквамперфектных конструкций во всех исследованных говорах [Пожарицкая 1991: 789; 1996: 272—274] и о синонимичности их северо-западному деепричастному перфекту (типа *У нас Галя наплакавши была*), в этих говорах отсутствующему [Там же].

Исконное перфектное значение осталось широко представленным, если не основным, у нового русского плюсквамперфекта в северных говорах — ср. аналогичные выводы Е. Горака и Ю. С. Маслова о новом словацком плюсквамперфекте: *Izba bola vychladla* ‘Комната была выстывшей’; *matku robota už tiež bola zhrbila* ‘мать уже тоже сгорбили труды’ и под. [Horák 1964; Маслов 1984/2004: 233—234].

В примерах из древненовгородских памятников, рассматриваемых в [Петрухин, Сичинава 2006] и в [Петрухин 2004] и приводимых в [Зализняк 2004: 175—177], действительно нет явных случаев результативного значения русского плюсквамперфекта. Может быть, это связано с ограниченностью материала: в новгородских летописях, где примеров русского плюсквамперфекта больше, такие случаи есть (см. ниже, 3). Однако стоит обратить внимание и на территорию распространения русского плюсквамперфекта типа *был потонул, приехала была* с результативным значением и причастного перфекта типа *был погибши, была приехавши* (Ю. С. Маслов, например, именно его называет новым плюсквамперфектом русских говоров [Маслов 1984/2004: 237]): как уже отмечалось, эти формы не сосуще-

ствуют в пределах одной системы, в говорах с плюсквамперфектом типа *был потонул* причастного перфекта (и плюсквамперфекта) нет [Пожарицкая 1996: 158—162]. Псковско-новгородские говоры представляют сейчас собой основную, видимо первичную, территорию распространения причастного перфекта [Кузьмина, Немченко 1971: 116—127; Трубинский 1984: 158—162]. Может быть, поэтому памятники древненовгородского диалекта, северо-западного по своей основе и близкого к древнепсковскому, и не отражают нового плюсквамперфекта *был + л* в результативном значении? Вопрос этот еще требует изучения, прежде всего — с точки зрения проблемы синтаксиса причастных форм и времени формирования причастного перфекта в древнем новгородско-псковском диалекте².

Надо сказать, что в псковских летописях XV—XVI вв. новый русский плюсквамперфект тоже не зафиксирован в перфектном значении, см. [Шевелева 2006: 236—239] — для позднего периода это уже можно вполне закономерно связывать с наличием в системе причастного перфекта и, соответственно, утратой плюсквамперфектом своего первичного значения.

Если отсутствие у нового плюсквамперфекта перфектного значения в древнем новгородско-псковском диалекте надежно подтвердится, у нас будет свидетельство в пользу развития в северо-западной зоне (в узком смысле) причастного перфекта еще в раннедревнерусскую эпоху и, соответственно, существования важных диалектных различий в глагольной системе между говорами западной и восточной части древненовгородской территории (см. ниже).

2.2.2. Значение отмененного или недостигнутого результата, по данным С. К. Пожарицкой, представлено у плюсквамперфекта в севернорусских говорах значительно реже, ср. «единичные», как указывается в [Пожарицкая 1996: 276], случаи таких примеров на фоне многочисленных примеров других значений: *Сын-то женился был на учительнице, да запил, она его выгнала; Парализовало ей было, да отошло; Я за морошкой была пошла, да*

² Высказывались разные точки зрения на эту проблему: одни исследователи относили формирование «нового перфекта» ко времени перестройки исходной системы прошедших времен, т. е. не позднее XII в. [Горшкова, Хабургаев 1981: 337—338], другие считали причастный перфект поздним «новообразованием последних веков» [Кузьмина 1993: 177]; по мнению В. И. Трубинского, формирование причастного перфекта в псковско-новгородских говорах следует относить ко времени после XIV в. — как раз на основании его отсутствия в архангельских и вологодских говорах, активно подвергшихся новгородскому влиянию с XIII—XIV вв. [Трубинский 1963: 169—170]. Как мы теперь знаем, значительная часть различий между говорами восточной и западной частей древненовгородской территории могла восходить к очень раннему времени [Зализняк 2004: 5—6] (см. об этом ниже), поэтому последний аргумент нельзя считать достаточным для поздней датировки псковско-новгородского причастного перфекта. Справедливым остается замечание П. С. Кузнецова, что история этих форм еще почти не изучена [Кузнецов 1953: 248].

воротилась; Така бывалошина чистенка та стара была, вся заросла была, дак вот дед-от подчистил. Обращает на себя внимание, что во всех этих случаях перед нами конструкция противопоставления с противительным союзом — по-видимому, данное значение здесь контекстуально обусловлено (связь его с первичным перфектным значением может проступать очень явственно, ср. особенно последний пример: *...вся заросла была, дак вот дед-от подчистил* = ‘вся заросшей была, а дед подчистил’).

Как уже говорилось выше (1.1), значение отмененного или недостигнутого результата не является, вопреки распространенному мнению, специфическим значением нового плюсквамперфекта в славянских языках — оно известно и у исконного плюсквамперфекта в современном болгарском [Маслов 1956: 241; 1959: 281; 1987/2004: 442] и в старославянском, причем возникает в определенных контекстных условиях (чаще — в речевом режиме, причем в ситуации противопоставления положению дел в момент речи, ср. экспликацию этого противопоставления в старославянском контексте из «Притчи о блудном сыне», сходном с нашими диалектными: *изгывалъ бѣ ѿ оврътеса* ‘пропавшим был и нашелся’).

Можно согласиться с П. В. Петрухиным, что в древненовгородских памятниках (и шире — в других древнерусских, см. об этом ниже) русский плюсквамперфект чаще всего употребляется в значениях из сферы противопоставленного настоящему прошедшего — «антрезультативных», т. е. отмененного или недостигнутого результата. Отметим, что это отличает древние памятники от современных севернорусских говоров. Действительно, это значение просматривается в приведенных в [Петрухин, Сичинава 2006: 201—203] древнерусских примерах, в том числе из новгородских берестяных грамот. Можно добавить, что значение противопоставленности настоящему представлено и в договорной грамоте Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем 1264 г.: *а что быль ѡяль бра^м твою Алезандръ позже а то ти кнѣже не надобѣ* [Хрест.: 54]. Значение аннулированного результата имеет и единственная зафиксированная в ЖАЮ форма русского плюсквамперфекта: *имже образомъ быль вшелъ тѣмже и снидохъ* (ЖАЮ, л. 23 об.) — опять же в контексте противопоставления (здесь — последующему ходу событий). Близкое значение недостигнутого результата мы находим в приведенном в [Петрухин 2004: 94] контексте из Новг. 1 лет.: *тон ж зимы извиша новгородцевъ котории были пошли на Югру* (1329 г., л. 166).

Таким образом, значение аннулированного или недостигнутого результата достаточно регулярно представлено в новгородских памятниках XII—XIV вв. Основным оно является у русского плюсквамперфекта и в псковских летописях XV—XVI вв., ср.:

А что были полонили или кони или снасти, а то все вороначани отъяша (Пск. 3 лет., 1408 г., л. 54 об.);

А в Двине истопоша москвич много, а шли были за Двиною на добытокъ (Пск. 3 лет., 1518 г., л. 205) и др. (см. [Шевелева 2006: 237—238]).

Видимо, высказанное в [Шевелева 2006: 238—239] предположение о возможной вторичности этого значения по отношению к значению дистанцированного от настоящего прошедшего и более позднем приобретении им употребительности в северо-западных говорах нуждается в корректировке. Судя по южнославянским данным, развитие этого значения возможно на базе первичного смещенно-перфектного значения плюсквамперфекта в благоприятных контекстных условиях. Данные древненовгородских памятников, приведенные в [Петрухин, Сичинава 2006] и др., убеждают в его достаточно регулярной представленности в северо-западных говорах и в древнерусскую эпоху. При этом надо иметь в виду, что в абсолютном большинстве примеров мы имеем те же самые благоприятные условия контекста противопоставления. Что касается современных северных говоров, то там это значение отошло на периферию.

2.2.3. Как справедливо отмечено в [Петрухин, Сичинава 2006: 200—202], значение отделенного от настоящего прошедшего имеет со значениями аннулированного или недостигнутого результата общую семантическую основу ‘неактуального прошедшего’. В современных северных говорах это значение представлено очень широко, ср.: *Я тоже на Татьяну-ту ругалась была; В сороковом году покупал был платки ти; Лошадь волочила была; Раньше-то была по Мезени ходила; А я была лошадей кормила* и др., реже с глаголами сов. вида, ср.: *Все комсомольцы были разорили; Он уехал, дак она взади поехала была* [Пожарицкая 1991: 789—790; 1996: 273—275]; ср. в севернорусских фольклорных записях:

ен сицяс шел был, шел был не знае сколько время (А. Смирн., Ск. 238) [Обнорский 1953: 160];

Никого не нагядел тут был (Гильфердинг; Онеж. был. 238 [Колосов 1878: 250];

Холодна зима была,

День крутила — ночь мела

Заморозила была молодчика бравого (Болхов.; Зап. Кондратьевой, № 90) [Чернышев 1970: 240] и др.

Надо еще раз подчеркнуть, что отличить эти структуры от конструкций с самостоятельным экзистенциальным глаголом-сказуемым ‘имеется, существует’ (см. выше 2.1) часто невозможно «без знания интонационного членения фразы» — места паузы и характера интонации, ср.: *У нас Гриша был / бригадиром работал, Старик был / ловил там пеледей* и под., см. [Пожарицкая 1991: 790; 1996: 275; Шевелева 2006: 239]. Обратим внимание еще на то, что вспомогательный глагол плюсквамперфекта занимает позицию энклитики (ср. в приведенных примерах: *В сороковом году / покупал был платки ти; Лошадь волочили была*; ср. с перемещением энклитики в конец первой тактовой группы: *Раньше-то была по Мезени ходила* и др.) и не может выступать в начале высказывания — это отличает его от независимого вводящего ситуацию *было* (см. 2.1.2), для которого начальная позиция вполне нормальна.

Как отмечает С. К. Пожарицкая, рассматриваемое значение плюсквамперфекта обычно выражается глаголами несов. вида, выступающего в таком употреблении в общефактическом значении [Пожарицкая 1996: 275]. В более редких случаях с сов. видом, добавим, тоже нет перфектности — это просто констатация события, приуроченного к какому-то моменту разобщенного с настоящим прошлого (аористическое, условно говоря, значение с добавлением семантического компонента дистанцированности от настоящего).

Мы уже говорили в 1.2, что развитие этого значения давнопрошедшего — отделенного от настоящего прошедшего, констатируемого как имевший место факт (событие), — связано, очевидно, с эволюцией новой формы плюсквамперфекта, ставшей восприниматься как образование из двух финитно-глагольных компонентов, из которых вспомогательный (*был*, *-а*, *-о*, *-и*) представлял собой экзистенциальный глагол несов. вида и взял на себя роль «показателя ретроспективного сдвига» (см. выше). Напомним, что аналогичное значение нового плюсквамперфекта известно и в западнославянских языках, переживших утрату простых претеритов и превращение перфекта в претерит (см. выше); известно оно и в карпатоукраинских говорах [Толстая 2000: 137]. Значит, это значение не специфично только для севернорусских говоров и не может быть объяснено финно-угорским влиянием. Специфично оно, видимо, для новой формы плюсквамперфекта в глагольных системах «безаористного» типа.

Обратим внимание на отмечаемую исследователями всех таких славянских систем «синонимию» плюсквамперфекта и простого прошедшего, указания на возможность употребления плюсквамперфекта в аористном значении, его факультативность и возможность замены основным прошедшим временем (о словацком и чешском: [Horák 1964: 290, 294; Маслов 1984/2004: 234; Широкова 1961: 230], о древненовгородском диалекте: [Зализняк 2004: 176] — см. об этом ниже). Эта «взаимозаменяемость» с простым прошедшим закономерно связана с рассматриваемым значением нового плюсквамперфекта: оно отличается от общефактического значения прошедшего несов. вида и аористического значения прошедшего сов. вида только «ретроспективным сдвигом», т. е. добавлением семантического компонента дистанцированности данного факта от момента речи, что эксплицировано вспомогательным глаголом *был* (*-а*, *-о*, *-и*).

В отличие от значений отмененного или недостигнутого результата, также относящихся к семантической зоне ‘неактуального прошедшего’, это значение дальше отстоит от первичного результативного значения славянского плюсквамперфекта, и развитие его, по всей видимости, следует связывать с грамматической эволюцией компонентов новой формы и утратой ими перфектности.

В древненовгородских памятниках, как мы знаем, рассматриваемое значение русского плюсквамперфекта тоже представлено. Самый яркий пример — берестяная грамота № 724 (XII в.), где плюсквамперфект *оста-*

ВИЛИ МА БЫЛИ ЛЮДЬЕ начинает достаточно длинный рассказ о происшедших событиях, относя «повествование к сфере не связанного с настоящим прошлым» [Зализняк 2004: 176]. Можно согласиться с П. В. Петрухиным и Д. В. Сичиновой, что эта функция «сдвига начальной точки» является специфически плюсквамперфектной [Петрухин, Сичинова 2006: 201—202], см. также [Шевелева 2006: 237]. Употребление в книжных текстах в таких контекстах аориста [Зализняк 2004: 176] объясняется тем же, чем взаимозаменяемость нового плюсквамперфекта и простого прошедшего в словацком и чешском языках: плюсквамперфект добавляет к аористному значению семантический компонент отделенности от настоящего, маркирует эту временную дистанцию (что в принципе факультативно в выражении), в языках же со старым плюсквамперфектом такой маркирующей формы во временной системе просто нет.

Представленность данного значения в ранних новгородских берестяных грамотах свидетельствует о том, что к XII в. в северо-западной диалектной системе оно уже сложилось. Есть случаи такого значения и в псковских летописях XV—XVI вв., хотя число их уступает числу примеров со значением отмененного или недостигнутого результата (как, впрочем, и в новгородских памятниках XII—XIV вв. — см. выше 2.2.2), причем в поздних записях XVI в. достаточно употребителен плюсквамперфект с антитезными значениями, но не встречается со значением давнопрошедшего, см. [Шевелева 2006: 236—238]. Один из таких контекстов давнопрошедшего из Пск. 3 лет., в котором структура *было* + *-ло* стоит в начале записи, относя содержание сообщения к отделенному от настоящего прошлому, ставит ту же проблему различения плюсквамперфекта и синтаксических конструкций с самостоятельным указывающим на ситуацию *было*, которая возникает по отношению к некоторым диалектным примерам (см. выше), ср.:

Тоя же тамъ лѣта силно было в осень дожгя сло <шло> много, ино христиане по селом многи по семь волостем ржи не жяли, а хлѣбъ дасть богъ десевь <дешевъ> на сем лѣте (Пск. 3 лет., 1476 г., л. 167 об.) — *было* здесь может быть и вводной предикативной единицей со значением ‘было [так]’ [Шевелева 2006: 236—237].

Напомним, что те и другие структуры, оставаясь грамматически разными, могли сближаться по значению (см. 2.1), так как и вспомогательный глагол плюсквамперфекта в таком употреблении, и независимое *было* относили ситуацию к не связанному с настоящим прошлому. Сближение это, как мы видим, в XV в. уже имело место (а скорее всего и ранее). В северо-западной диалектной системе уже тогда присутствовали оба типа показателей временной дистанции между прошлым и настоящим — морфологический и синтаксический, которые в северных говорах присутствуют и сейчас.

Возвращаясь в связи с этим к поставленному в [Петрухин, Сичинова 2006] вопросу о возможной связи развития значения давнопрошедшего у плюсквамперфекта с финно-угорским влиянием — поддерживающим, поскольку, как мы уже говорили, причиной развития этого значения, извест-

ного у нового славянского плюсквамперфекта и за пределами данной диалектной зоны, оно быть не может (см. выше), надо сказать, что, учитывая тот факт, что в севернорусских говорах это значение стало очень употребительным, такую поддержку исключать нельзя. Надо иметь при этом в виду, что плюсквамперфект и конструкции с независимым относящим ситуацию в прошлое *было*, видимо, поддерживали друг друга — аналогичная ситуация наблюдается в этих диалектах с конструкциями с индикативным *есть*, которые тоже могут восходить в одних случаях к перфекту со связкой, в других — к двупредикатным структурам с самостоятельным «вводящим» *есть* [Шевелева 2002: 66, 70]. Возможно, активное развитие всех этих структур в северных говорах и было связано с поддержкой со стороны финно-угорских систем (кстати, и широкую употребительность в северо-западных говорах конструкций с *есть* некоторые исследователи объясняют взаимодействием с финно-угорскими языками [Дементьева 1973]).

Обратим при этом внимание на широкую употребительность в этих диалектных системах р а з н о о б р а з н ы х конструкций с бытийным глаголом во всех трех временных формах (*есть, будет, было* (-а, -и, -Ø)), а также служебных слов, развившихся на их основе [Шевелева 2002; 2007; в печати]. Во всех этих конструкциях бытийный глагол выражает, помимо временного, еще модальное значение; в конструкциях с *есть* модальное значение индикативности, т. е. подчеркивания реальности данного факта, становится доминирующим [Шевелева 2002], в конструкциях с *было*, -Ø, -а, -и (в том числе и в составе плюсквамперфекта) оно явно тоже присутствует, накладывается на временное значение дистанционности от настоящего (см. выше, 1.2). Широкое развитие в севернорусских говорах всех этих структур, в том числе и плюсквамперфекта в значении давнопрошедшего, надо рассматривать в связи с характерной для этих систем общей тенденцией к выражению подчеркнутого значения индикативности, реальности данного факта, позволяющей даже предполагать наличие в такой системе особой категории «заверительного статуса» [Пожарицкая 1991: 798—799], см. там же о других средствах выражения заверительности в архангельских говорах; см. также [Шевелева 2002: 69—70], ср. материалы в [Чернышев 1970: 230—259]. С чем связано развитие здесь этой тенденции, имеет ли она какое-либо отношение к финно-угорскому влиянию — на эти вопросы пока ответов нет.

Обратим еще внимание на то, что в севернорусских говорах широко представленным остается и первичное перфектное значение плюсквамперфекта (см. выше 2.2.1). Это отличает их от говоров северо-западных и древних псковско-новгородских памятников, где это значение не представлено, — в собственно северо-западной зоне эту функцию мог взять на себя новый причастный перфект/плюсквамперфект — видимо, уже в древнерусский период (там же). Таким образом, в северных и северо-восточных (архангельских, вологодских) говорах новый плюсквамперфект сохраняет весь спектр своих значений, а в псковско-новгородских первич-

ное значение утрачивается еще в древнерусскую эпоху. Если это предположение подтвердится, то вполне вероятно, что мы имеем дело с диалектным различием, существовавшим еще в говорах древней Новгородской земли и противопоставлявшим восточноновгородские говоры (ильменско-словенские по происхождению) западноновгородским и псковским (кривичского типа); диалект самого древнего Новгорода, как известно, по большинству признаков был сходен с древнепсковским [Зализняк 2004: 5—6] (ср. современную область распространения основного типа причастного перфекта — «псковско-новгородского», — ограниченного территорией «узкого Северо-Запада» [Трубинский 1984: 157—162]). Как мы знаем, эти две диалектные зоны на территории древней Новгородской земли различались по достаточно многим признакам [Зализняк 1993: 231—232; 2004: 146—153 и др.]. Возможно, мы имеем дело с еще одним таким признаком.

При этом значение дистанцированного от настоящего прошедшего (давнопрошедшего), по всей видимости, было известно на всей древненовгородской территории.

Плюсквамперфект в Киевской и Суздальской летописях

3. Обратимся к памятникам не новгородско-псковской зоны — Киевской летописи XII в. (КЛ) и Суздальской летописи XII—XIII вв. (СЛ), которые дают богатый материал по употреблению плюсквамперфекта — как книжного, так и нового некнижного («русского»).

Сразу же обратим внимание на то, что в обеих летописях плюсквамперфект не является, вопреки распространенному мнению (см., например: [Горшкова, Хабургаев 1981: 305]), так уж редко употребляемой формой: в КЛ зафиксировано более 260 случаев книжного плюсквамперфекта и 17 случаев «русского» плюсквамперфекта; в СЛ по Лавр. сп., меньшей по объему, чем КЛ, книжного плюсквамперфекта отмечено более 110 случаев, «русского» — 4 случая. В обеих летописях плюсквамперфект употребляется вполне регулярно, что позволяет выявить спектр его значений и дискурсивных функций. Особенно яркий материал, демонстрирующий грамматические функции книжного и некнижного плюсквамперфекта, дает КЛ; данные СЛ в большинстве случаев с ним согласуются, показывая, однако, и некоторые отличия.

Хотя предметом нашего обсуждения является новый «русский» плюсквамперфект, для понимания развития его значений и специфики употребления необходимо сопоставление с книжным плюсквамперфектом.

Охарактеризуем сначала общую картину употребления книжного плюсквамперфекта в КЛ и СЛ.

3.1. В КЛ старый плюсквамперфект регулярно используется для выражения регресса в повествовании, возврата летописца к более ранним собы-

тиям. Последовательность употребления плюсквамперфекта в КЛ именно в такой функции демонстрирует точность предложенной Ю. С. Масловым характеристики плюсквамперфектного значения в нарративе (см. выше, 1.1) и показывает, что в КЛ плюсквамперфект употребляется всегда грамматически правильно и достаточно регулярно. Старый плюсквамперфект — это форма прежде всего летописного повествования, нарративного режима: на более чем 260 случаев книжного плюсквамперфекта в КЛ только в 4-х случаях он употреблен в прямой речи. Важно отметить, что в контекстах возврата к более ранним событиям, актуальным для времени основного повествования, плюсквамперфект в КЛ употребляется вполне последовательно — аорист или имперфект в таких контекстах встречаются крайне редко (не более 10 случаев типа: **и възъ из Вышегорода икону сѣтоу бѣци юже принесоша с Пирогощею исъ Црѣграда въ единомъ корабли, 1155 г., л. 173**), и даже перфект в подобных контекстах встречается значительно реже плюсквамперфекта.

В СЛ наблюдается сходная картина: книжный плюсквамперфект здесь тоже используется как форма регресса в нарративе, причем случаев употребления его в прямой речи в СЛ нет вообще. Чуть меньшая регулярность его употребления, чем в КЛ, здесь обнаруживается в несколько большем числе примеров с аористом, имперфектом или перфектом в ретроспективных контекстах, с одной стороны, и нескольких случаях употребления плюсквамперфекта не в контекстах регресса — с другой (см. об этом ниже).

Наше представление об исконной факультативности плюсквамперфекта, как кажется, во многом основано на недостаточной изученности условий его употребления. Определяя плюсквамперфект как предпрошедшее, мы привыкли искать чисто таксисное значение предшествования другому прошедшему действию в рамках того же контекста — между тем, главным здесь была, видимо, ретроспективная направленность, которая могла реализоваться и в более широком контексте, в сочетании с соотносительностью результата (последствий) данного действия со временем основного повествования. Надо специально подчеркнуть, что речь идет о регрессе именно с позиции повествователя-летописца. Сюда не относятся, например, контексты с придаточными изъяснительными при ментальных и перцептивных глаголах и отглагольных именах (типа: **Рюрикъ же слышавъ уже Сѣтославъ вѣжалъ за Днѣпръ. и вѣхъа въ Киевъ** КЛ, 1180 г., л. 216 об.; **Ростиславъ же бы вѣсть уже Изяславъ пришелъ къ Переяславу** КЛ, 1161 г., л. 184 и под.) — в таких случаях время определяется не с точки зрения повествователя, а с точки зрения воспринимающего персонажа, на позицию которого перемещается точка отсчета; именно здесь мы имеем собственно относительное употребление времен (в смысле [Бондарко 1971: 115] и др.), а не в случае плюсквамперфекта, где точка отсчета нарративного времени никуда не перемещается. В подобных собственно относительных контекстах плюсквамперфект в КЛ и СЛ не употребляется — в абсолютном большинстве случаев здесь представлен перфект (изредка аорист),

причем показательно, что рядом с ним в таком же относительном употреблении может выступать презенс (например: **И приде вѣсть Мьстиславу вже Глѣвь вродиться на сю сторону с Половци и къ Дѣдови больши помочи пришли** КЛ, 1172 г., л. 196 и др.). Исследование проблемы формирования этого «славянского» согласования времен не входит в нашу задачу³, скажем только, что КЛ замечательным образом демонстрирует различие ретроспективного (с позиции нарративного времени) употребления плюсквамперфекта и относительного (с позиции воспринимающего персонажа) употребления перфекта, аналогичного употреблению презенса; нечастые отклонения от этого распределения возможны только в сторону расширения функций перфекта и появления его в контекстах нарративного регресса, что может быть связано с общей экспансией перфекта под влиянием живого языка; в СЛ таких отклонений несколько больше, но общая картина сохраняется⁴.

Рассмотрим типы употребления книжного плюсквамперфекта в КЛ и СЛ.

3.1.1. Чаще всего плюсквамперфект выступает в своем основном смещенно-перфектном значении в нарративе при выражении регресса. Помимо устойчивых формул типа **юже вѣ создаль**, употребительных в обеих летописях (см. выше, 1.1), плюсквамперфект широко используется и в свободном употреблении⁵, ср.:

³ КЛ дает очень показательный материал, связанный с этой проблемой: употребление временных форм в таких придаточных фактически тождественно их употреблению в прямой речи (презенс, перфект, единичные случаи аориста в перфектном значении — как в прямой речи), что указывает на связь этих структур типа **слыша вже пришли** с речевым режимом интерпретации — по всей видимости, они представляют собой нечто переходное от речевого режима (к которому, очевидно, и восходят) к нарративному с перемещением точки отсчета времени на позицию персонажа.

⁴ Проблеме распределения нарративных функций плюсквамперфекта и перфекта (в относительном употреблении) в Новг. 1 лет. по Синод. сп. специально посвящена статья [Петрухин 2004]: по наблюдению автора, плюсквамперфект используется для обозначения событий, о которых сообщается впервые, перфект же называет уже известные читателю. Судя по приведенным данным, в Новг. 1 лет. перфект шире, чем в КЛ, употребляется в ретроспективных контекстах, в большинстве примеров выступает в придаточных определительных [Там же: 86], в то время как в КЛ абсолютно преобладают изъяснительные конструкции (СЛ по этому соотношению занимает положение между КЛ и Новг. 1 лет.). Не углубляясь здесь в обсуждение предложенной гипотезы, заметим, что КЛ, вероятно, отражает более архаичную картину, чем Новг. 1 лет., и выявленное в Новг. 1 лет. распределение, возможно, вторично по отношению к более древнему, связывающему изначально перфект с речевым режимом интерпретации, а плюсквамперфект — с нарративным.

⁵ Причем в КЛ шире, чем в СЛ, где устойчивых формул больше (так, формула типа **юже вѣ создаль** представлена в КЛ 20 раз на 260 случаев книжного плюсквамперфекта, в СЛ — 24 раза на 110 употреблений).

И ꙗша лѣтъ на санехъ. бѣ бо нѣчто извергълоса ему на нозѣ (КЛ, 1194 г., л. 235);

И приде Амбалъ ключникъ гасинъ родомъ тотъ бо ключъ держашеть оу всего дому княжа. и надо всеми волю ему далъ башеть (КЛ, 1175 г., л. 208 об.);

Романови же не бы и в Лахухъ помочи иде к Рюрикови ко цтю своему в Бѣлгородъ и с моужи тѣми котории же его ввели бяхутъ в Галичь (КЛ, 1188 г., л. 229 об.);

Романъ же слышавъ и поустри шюрина своего домовъ. а самъ ꙗхъ в Лахы къ Казмироу. из Лахувъ же приде к Володимероу (в Х., П. списках — рю) и не поустри его братъ в Володимерь. Романъ же башеть пришелъ с Лахы на брата с Межк[омь] оуемъ своимъ (КЛ, 1188 г., л. 230 — ‘а Роман пришел с ляхами вместе с дядей своим’ — приход Романа к Владимиру сначала — в нарративной цепи — обозначается в аористе, а потом при возврате повествователя к нему и необходимости уточнить возникшее в результате положение дел — в плюсквамперфекте);

Того же лѣтъ приде к Гюргеви галичьскага помощь зане бѣ почалъ рать замышливати Дѣвичъ (СЛ, 1155 г., л. 115 об.);

А городъ пожже. а людье баху вывѣгли. а жита пожгоша (СЛ, 1178 г., л. 131 — ‘а город сжег, а жители успели убежать (убежали к тому времени), а несокошенные хлеба (тоже) сожгли’) и др.

При этом плюсквамперфект с таким значением может стоять и в начале контекста, даже в начале записи (в КЛ таких случаев 15, в СЛ — 2), например:

∴ В то же время пришелъ бѣ Гюргевичъ старѣшини Ростиславъ роскоторавъса съ ѿцмъ своимъ (КЛ, 1148 г., л. 134);

∴ Тогда же пришелъ башеть Романъ нсъ Смоленска къ братьи своен въ помощь (КЛ, 1175 г., л. 211);

Тое же зимы пошелъ бѣ оуже Гюрги в Русь. слышавъ смѣртъ Изславлю и вы^с противу Смоленску кмю вѣсть (СЛ, 1154 г., л. 115 — та же запись читается и в КЛ, л. 171, но, что показательно, еще без слова оуже, т. е. ретроспективность и перфектность выражались только плюсквамперфектом без поддержки со стороны контекста); ср. отдельную запись:

∴ В то же время преставильса башеть братъ ему мѣньшини миръ (sic!) въ Берестьи. ∴ (КЛ, 1173 г., л. 200).

Однако впечатление о том, что плюсквамперфект здесь выступает в начале рассказа, выполняя функцию «сдвига начальной точки», оказывается мнимым: в действительности во всех таких контекстах представлен тот же регресс по отношению к предшествующему повествованию, что и в прочих случаях (см., например, приведенные примеры вместе с предшествующим контекстом: Того же лѣтъ родиса Игорю снъ и нарекоша имя ему Влегъ. а въ крощени Павелъ. ∴ Тогда же пришелъ башеть Романъ нсъ Смоленска къ братьи своен въ помощь КЛ, 1175 г., л. 211; внъ же послу-

ша дружинѣ своѣи. поѣха къ братѣи. ∴ В то же время преставилъсѣ башеть братъ ему мѣньшии... въ Берестѣи. ∴ КЛ, 1173 г., л. 200 и под.), ср. экспликацию этого регресса:

Того же лѣта пошеть баше Мьстиславъ из Володимера къ Киеву ратью. съ братомъ Ёрославомъ. и Галичане. и Гѣтополкъ Гюргевичъ. и Всеволодича пустила башета свою помочь с нимъ. мы же на прѣднее възвратимъсѣ (КЛ, 1171 г., л. 195 об.). Важно иметь в виду, что летописный текст представляет единое непрерывное движение повествовательного времени и каждая последующая запись, даже если она представляет собой относительно автономное сообщение, находится в связи с предыдущими и последующими.

В ряде случаев плюсквамперфект выступает в смещенном стательноперфектном значении («результатирующего состояния в прошлом»), ср.:

Князем же Роускимъ нѣлазѣ бѣ ѣхати по ни^х оуже борзо. сполонисѣ башеть Днѣпръ. бѣ бо вѣсна (КЛ, 1187 г., л. 227);

Симъ же баше полкомъ нѣлазѣ витисѣ с ними тѣсноты ради. зане бяху волога пришли по вли на подъ горы (КЛ, 1144 г., л. 116 об. — ‘болота были подошедшими под самое подолье горы’, т. е. были у самого подолья горы);

Всеволодъ же поѣха противу кмю с Володимерци и с дружиною своєю. и что баше богаръ всталосѣ оу него (СЛ, 1177 г., л. 128 об. — ‘с теми, которые остались, боярами’, т. е. с оставшимися боярами) и под. — ср. аналогичное значение в современных диалектных примерах: *не собрались были ошшо; все засохло было в то время; хлеб озяб был весь; зимусь все промерзло было* и под. (см. выше, 2.2.1).

Атрибутивность в таких контекстах может быть очень ощутима, выходить на первый план и создавать мнимое впечатление отсутствия плюсквамперфектной ретроспективности, ср., например, отдельную запись: В лѣтѣ ^т ѣ. ѡ. з. мѣца маѣ въ .ѡ. і. ѡгородилосѣ башеть сѣнце грозно. Того же лѣта... (СЛ, 1299 г., л. 171 об.) — ‘солнце было огородившимся’, т. е. в этот день оно было таким, — внимание на результирующем состоянии, существующем в данный момент летописного времени. Не менее интересен контекст из КЛ:

...поне Ростиславъ Новугороду. занеже не добръ живаху новгородци съ Гѣтославомъ сѣмъ его. и приде Чичьрьску к зати Улгови. тѣ бо бѣ Улегъ ждалъ его с женою и поа Улегъ Ростислава на ѡбѣдъ (КЛ, 1168 г., л. 188 об.) — ‘Олег там уже к этому времени ждал его’, т. е. ‘был уже ждавшим’, — глагол несов. вида создает значение состояния, начавшегося ранее и продолжавшегося в данный момент летописного времени.

Рассмотренные случаи древнего стательного значения плюсквамперфекта в КЛ и СЛ и наличие соответствующего значения у нового русского плюсквамперфекта в современных северных говорах свидетельствует в

пользу архаичности таких севернорусских результативных структур, синонимичных северо-западному причастному перфекту (ср. [Пожирицкая 1996: 274], см. выше 2.2.1).

3.1.2. Реже, чем перфектное значение, книжный плюсквамперфект в КЛ и СЛ имеет значение недостигнутого или аннулированного результата, при этом во всех таких случаях «антирезультативность» обусловлена контекстом, ср. в нарративных ретроспективных контекстах:

Оумножившюся дождю внезапно въ шдинъ днь и ношь понде вода изъ Днѣстра велика в волоньк и взиде ван до Быковаго волота и потоппи чакъ воле .т. иже бѣху пошли съ солью из Ѹдеча (КЛ, 1165 г., л. 187);

Томъ же лѣтъ прѣстави Сѹтополкъ Мьстиславичь оу Кочерьска. пошелъ во бѣ брату своему Изаславу в помочь (КЛ, 1154 г., л. 168 об.) — Святополк преставился в пути, так и не дойдя до цели своего похода, недостижимость результата задается семантикой относящегося к основной линии повествования глагола **прѣстави** (как и в предыдущем контексте **потоппи**);

Том же лѣтъ ходи Рогъволодъ с Полтчаны на Рославнаго Глѣбовича къ Мѣньску. послалъ же бѣше Ростиславъ ис Кнева по//мочь Рогъволоду съ Жирославомъ съ Нажировичем .х. а ты помершее голодомъ. и придоша пѣши не дождавше мира (КЛ, 1160 г., л. 180 об. — 181) — недостижимость результата обусловлена противопоставлением последующему ходу событий;

И потомъ Рогъволодъ съвѣкѹпи воѣ многы Полчаны и Ростиславъ Мьстиславичь пусти ему два сѣна в помочь... и самъ бѣше пошелъ но вѣроти и Аркадъ епѣ Новгородьскыи (КЛ, 1159 г., л. 177 об.) — недостижимость результата (здесь прерванность действия) обусловлена, как и в предыдущем случае, контекстом противопоставления последующим событиям;

...и много дѣшь Ѡполониша. иже бѣхутьъ взали половци (КЛ, 1160 г., л. 180 об.) — аннулированность результата задана семантикой глагола **Ѡполониша** ‘освободили из плена’ в соотношении с семантикой стоящего в плюсквамперфекте **бѣхутьъ взали**; ср. такую же лексическую обусловленность отмененности результата:

Ѡта городаи ѡпа иже бѣше Ѡ него Всеволодъ Ѡгалъ (СЛ, 1146 г., л. 104 об.);

Того ж лѣтъ мѣа авгѹ ѡбновлена бы цркъ сток бѣи Володимери. гаже бѣ ѡполѣла в великыи пожаръ... Того ж лѣтъ мѣа сѣмтѣ ѡбновлена бы цркъ сѣта бѣа в Сѹждали. гаже бѣ опадала старостью (СЛ, 1194 г., л. 139) и др.

Значение аннулированности или недостижимости результата, как мы видим, во всех подобных случаях задается лексическими и/или синтаксическими средствами контекста — как и в современных северных говорах (см. выше, 2.2.2). В КЛ конструкции, в которых представлен плюсквамперфект с таким значением, разнообразнее, чем в СЛ, где в подобных случаях преобладают придаточные определительные (см. примеры), но обу-

словленность «антирезультативных» значений контекстом противопоставления последующему положению дел налицо в обеих летописях. Контекстуальная обусловленность значения недостижимости (отмененности) результата хорошо видна в контексте с двумя формами плюсквамперфекта, одна из которых имеет значение недостигнутого результата, другая — сохраненного (результативное): *Изаславъ же перестрапавъ два дни оу Логожска и иде къ Изаславию. къ строеви своему. вода съ собою Брачнслава. затѣ своего. иже баше пошелъ къ шцоу своему и бывъ посредѣ пути и оустрашивса не мога понти ни сѣмо ни онамо. и иде шюрину своему в рѣцѣ. и Логожаны приведе. иже бѣ вывелъ изъ Логожства* (КЛ, 1128 г., л. 109) — недостижимость результата *баше пошелъ* обусловлена последующим противопоставлением и *оустрашивса не мога понти*, плюсквамперфект *бѣ вывелъ* имеет обычное смещенно-перфектное значение.

Заданность «антирезультативных» значений плюсквамперфекта контекстом наглядно проявляется и в контекстах нарушения или выполнения данного ранее обещания — в зависимости от контекста, — частых с плюсквамперфектом, ср. нарушенное обещание:

...и приде к нему Игорь. бѣ во Игореве обѣщаль изъдавна дати подѣ собою Черниговъ и не да емоу (КЛ, 1140 г., л. 112 об.);

Глѣбъ же не посла помочи Володимиру. рекаъ бо баше Глѣбъ послю к товѣ помочь. и не посла (КЛ, 1171 г., л. 195);

Тое же зими в великое говенне сдоумавъ Гдрославъ Всеволодичь князь черниговьскин с братьею своею перестоупивъ крѣтное цѣлованне на чемъ же башеть оумолвилъ с Рюрикомъ и крѣтъ к нему целовалъ како не воеватиса до радоу... Гдрославъ же не дождавъса радоу посла сновца своа ко Витевьскоу на затѣ на Дѣда (КЛ, 1195 г., л. 238) и др. — ср. выполненное обещание:

Изаславъ же какоже баше рекаъ переже въ швидѣ не могоу быти. и тако шправса въ хрѣтно^м целованне (КЛ, 1150 г., л. 143 об.);

Гюрги же Володимира (в списках Х., П. — ря) не собѣ искашетъ. но цѣловалъ башеть хрѣтъ къ брату своему Андрѣви. въ животѣ (и) еще. тако по животѣ его волость оудержати снви его... и про то поиде к Володимерю (КЛ, 1157 г., л. 174 об.) и др.

Все эти контексты показывают, что значения отмененности или недостижимости результата развиваются на базе исконного результативного значения плюсквамперфекта в контексте противопоставления последующему ходу событий, которые и аннулируют этот результат (или прерывают действие).

В одном контексте из КЛ «отмененным» оказывается статальное значение плюсквамперфекта: ...а сама по немъ идоста.пришедшимъ же имъ лѣсъ Болдыж и тоу бахоуть стали шѣдоу. и прибѣже моужь къ Изаславу Мьстислаличю и ре^ч емоу. бра^т ти Изаслава повѣди // Стославъ. и дружиноу вашю. Изаславъ же то слышавъ Мьстислави^ч. ражеже ср^аце волма на Стослава бѣ во храборъ крѣпокъ на рать. исполчи

воѣ свои поиде на Сѣтослава (КЛ, 1146 г., л. 123 об.) — они (уже) остановились на обед ('были остановившимися, расположившимися'), когда неожиданно прибыл человек к Изяславу с сообщением, изменившим намерения князя, и они спешно выступили против Святослава (ср. выше с «отменным» стательным значением евангельский контекст **изгыблѣ вѣ и обрѣтеса** Лк. XXIII и современные диалектные типа *вся заросла была, дак вот дед-от подчистил* — см. 2.2.2). Интересно, что ретроспективность в этом случае определяется отношением к данному моменту летописного времени ('уже были остановившимися' в этот момент времени), а не к какому-то другому действию данного контекста. Как и в рассмотренных выше случаях «неотменного» стательного-перфектного значения (типа **тѹ бо вѣ влэгѣ ждалѣ его** КЛ, 1168 г. и др., см. выше), здесь может возникать иллюзия отсутствия ретроспективной направленности и только стательность перфектной семантики объясняет в таких случаях грамматическое значение плюсквамперфекта: 'уже были остановившимися' — как и 'Олег уже был ждавшим', т. е. состояние, уже существовавшее в данный момент летописного времени (а значит, возникшее ранее).

В прямой речи книжный плюсквамперфект употребляется крайне редко (4 случая в КЛ)⁶. Во всех этих случаях плюсквамперфект употребляется в контексте противопоставления положению дел в момент речи и имеет значение аннулированного или недостигнутого результата, ср.:

Помниши ли жидовине въ которыхъ порѣтѣхъ пришелъ башеть. ты нынѣ в оксамитѣ стоиши (КЛ, 1175 г., л. 208 об.);

По сем же посла Сѣтославъ по Дѣдвѣ Смоленскоу река. рекли башомъ понти на Половци и лѣтовати на Донѣ. нынѣ же Половци се повѣдилѣ Игоря и брата его (с)снмъ а поеди брате постережи землѣ Роускоиѣ (sic!) (КЛ, 1185 г., л. 225 об.) — прежняя договоренность аннулируется из-за изменившейся ситуации;

Приде Изяславъ из Новагорода въ Киевъ. и начаша емоу повѣдати на Гюргевича на Ростислава рекоуче. много зла баше замыслилѣ. подъ-молвилѣ на тѣ люди Берендичѣ и Кипаны. толико бы бѣ ѡцю его помоглѣ и шномоу было вѣѣхавши в Киевъ. и домъ твои взати. и брата твоего тати. и жену твою. и сѣна твоего. а пѹсти и къ ѡцю. то твои ворогъ (КЛ, 1149 г., л. 135 об.) — Ростислава обвиняют в заговоре против Изяслава, неосуществившемся только из-за неблагоприятного для него развития событий, — результат замысла оказывается недостигнутым; показательно, что в последующем изложении событий то же самое действие обозначает-

⁶ Кроме них, еще 3 формы плюсквамперфекта употребляются в книжном контексте плача новгородцев о кончине князя Мстислава Ростиславича под 1179 г.; хотя здесь тоже представлен речевой режим, контекст этот подлинной прямой речью не является, представляя собой особый литературный «жанр». Впрочем, здесь, как и в подлинной прямой речи в КЛ, плюсквамперфект имеет значение противопоставленности положению дел в момент речи.

ся новым русским плюсквамперфектом — Изяслав посылает за Ростиславом, напоминает о сделанном ему добре и возмущается его неблагодарностью: ...**ты же еси бра^Т оудомалъ былъ** тако. **шже на ма бѣ ѿцю твоємү помогать и товѣ было вѣхавши в Кневь. бра^Т моего тати и сна моего... и домъ мон взати** (КЛ, 1149 г., л. 136).

Как мы видим, в этих редких случаях употребления книжного плюсквамперфекта в прямой речи он фактически употребляется так же, как русский плюсквамперфект (см. ниже). Вряд ли стоит относить это только на счет влияния системы живого языка и переноса семантики русского плюсквамперфекта на книжный: просто речевой режим создает благоприятные контекстные условия для развития на базе результативных перфектных значений антирезультативных (в ситуации противопоставления положению дел в момент речи), что известно и у южнославянского плюсквамперфекта в совр. болгарском (см. выше, 1.1). Синонимия старого и нового плюсквамперфекта в прямой речи это подтверждает.

Как мы видим, книжный плюсквамперфект в КЛ и СЛ может выражать те же значения сохраненного или отмененного (недостигнутого) результата, что и русский плюсквамперфект в современных северных говорах. Интересно, что даже относительная частотность того и другого значения здесь оказывается сходной: исконное перфектное значение в обоих случаях представлено шире, чем обусловленное контекстом «отмененное» прошедшее (см. о говорах выше, 2.2.1). Поскольку, как мы говорили, есть все основания видеть в рассмотренном употреблении книжного плюсквамперфекта реальную славянскую грамматику, оно свидетельствует в пользу архаичности в данном пункте системы нового плюсквамперфекта современных северных говоров архангельско-вологодского типа.

3.1.3. Однако в отношении третьего известного в говорах значения плюсквамперфекта — дистанцированного от настоящего прошедшего (см. 2.2.3) — такого явного соответствия с книжным плюсквамперфектом не обнаруживается. В КЛ употреблений плюсквамперфекта в значении давнопрошедшего, кажется, не встречается: везде просматривается ретроспективная направленность в сочетании с перфектностью, пусть даже «отменной». С другой стороны, в СЛ есть несколько примеров, где регресс совсем не очевиден; наиболее явный из них — с цепью последовательно сменяющих друг друга действий в рамках одного эпизода (описания сражения): **Изяслава же Мстиславича гзвнша в рѹкѹ. и свегли и бяхуть с коня. и хотѣша и оубити свои пѣщи не знающе кго** (СЛ, 1151 г., л. 111 об.) — не исключено, что **бяхуть** здесь употребляется как эквивалент русского вспомогательного *были* в роли показателя дистанцированности от момента речи (времени повествователя), возможно, в сочетании с подчеркиванием реальности существования данного факта в прошлом (см. 2.2.3). Здесь это скорее та самая «взаимозаменяемость» с основным претеритом, которую отмечают у нового славянского плюсквамперфекта и в за-

паднославянских языках, и в древнерусских бытовых текстах (см. 1.1, 2.2.3). Возможно, мы имеем дело с отражением этого значения русского плюсквамперфекта, существовавшего у него в диалектной системе росто-во-суздальских говоров, книжными морфологическими средствами.

Единичность этих случаев в СЛ и отсутствие их в КЛ, более архаичной и грамматически «правильной» (хотя отнюдь не более книжной), свидетельствует о нехарактерности данного значения для старого плюсквамперфекта и, соответственно, в пользу специфичности его именно для новой формы (см. выше 1, 2.2.3).

3.2. Обратимся к употреблению русского плюсквамперфекта.

В КЛ русский плюсквамперфект, в противоположность книжному, употребляется преимущественно в прямой речи: только в трех случаях из 17-ти он представлен в нарративе, причем два из них читаются в Ипат. списке с порчей текста. В СЛ случаев русского плюсквамперфекта меньше: в СЛ по Лавр. списку отмечено 2 употребления в нарративе и 2 употребления в прямой речи, в продолжении СЛ по Акад. списку встречается еще один случай в прямой речи (впрочем, в СЛ прямая речь представлена реже, чем в КЛ).

По данным КЛ, основное значение русского плюсквамперфекта — это значение отмененного или недостигнутого результата. Однако важно отметить, что первичное перфектное значение, хоть и редко, все-таки у новой формы встречается; есть оно и в СЛ.

3.2.1. В КЛ все случаи русского плюсквамперфекта в нарративе имеют значение смещенной перфектности, в таком значении употреблена и одна форма в прямой речи.

Ср. в нарративном режиме:

В се же лѣто посла Всеволодъ Стѣполка в Новъгородъ. шюрина своего. смолвася с Новъгородьци. которыхъ то быль приналь и поташа и Новгородци и сѣде (и — нет в списках) на столѣ (КЛ, 1142 г., л. 114 об.) — ‘договорившись с новгородцами, которые (до этого) были им приняты’⁷ — последствия этого действия определили дальнейший ход событий;

И се слышавъ Всеволодъ не поустити сѣна своего Стѣслава. ни моужни новгородьскихъ. иже то бы (в X., П. списках — был) привель к собѣ (КЛ, 1140 г., л. 114) — ‘которых (он) привел’ = ‘которые были приведены’;

Изяславъ же не хоташе ис Кіева поити. зане олюбилъ бы (в X., П. списках — был) Кіевъ ему (КЛ, 1155 г., л. 172)⁸.

⁷ Или: ‘задержаны’ — но в таком случае контекст перейдет, вероятно, в значение отмененного результата.

⁸ Последний случай ненадежен, т. к. имеет, очевидно, испорченное чтение во всех трех списках: синтаксически в этом контексте либо ему избыточно, либо утрачено са. Однако скорее всего все-таки в данном контексте исконно выступал плюсквамперфект олюбилъ былъ ‘потому что полюбился Киев ему’ или ‘потому что

В прямой речи:

...есть ми // вестъ. ажъ Всеволодъ сватъ мой всѣлъ на коня. како ми сѧ былъ вѣѣчалъ помочи на Улговича и стати оу Чернигова. а творять ми како же сѧ оуже совокоупилъ с братомъ моимъ Дѣдомъ и волость ихъ жъжета. и Ватъскыѣ города поималѣ и пожыглѣ (КЛ, 1196 г., л. 239 об. — 240) — контекст «выполненного обещания» (см. выше, 3.1.2) — ‘пришло мне сообщение, что Всеволод, сват мой, «сел на коня» (= вступил в военные действия), как мне и обещал помочь против Олеговича...’, т. е. все выраженные в перфекте и презенсе действия (всѣлъ, совокоупилъ, жъжета, поималѣ, пожыглѣ) явились результатом выполнения данного ранее обещания.

Во всех этих случаях смещенно-перфектного значения русский плюсквамперфект употребляется в придаточных предложениях (в том числе и в составе прямой речи), чаще — определительных, причем — что очень показательно — с книжными относительными местоимениями (которыѣ то былъ пригалъ, иже то былъ привелъ).

Контекст «выполненного обещания» из прямой речи (како ми сѧ былъ вѣѣчалъ помочи — с совершенно правильным, кстати, «живым» русским порядком постановки энклитик, см. [Зализняк 1993: 280—295; 2004а: 44—72]) еще раз показывает, что результативность или, наоборот, антирезультативность плюсквамперфекта в таких случаях — как видим, не только старого, но и нового «русского» — зависит от контекста (см. выше, 3.1). Любопытно, что в том же рассказе о распре русских князей под 1196 г. мы находим далее книжный плюсквамперфект со значением «невыполненного обещания»: Рюрикъ же слышавъ снемъ Всеволожь и не оулюби пожалова на нь. занеже чим сѧ вѣшетъ емоу вѣѣчалъ. и того не исполнилѣ (КЛ, 1196 г., л. 240 об.) — в контексте противопоставления последующему ходу событий.

Мы снова убеждаемся в том, что антирезультативность развивается в контексте противопоставления дальнейшему развитию событий на базе перфектного значения — первичного и для нового плюсквамперфекта. Показательным подтверждением этого является тот факт, что антирезультативное значение может приобретать в контексте противопоставления положению дел в момент речи и перфект, ср. предшествующий нашему примеру с русским плюсквамперфектом в результативном значении контекст — значение нереализованного намерения здесь выражается как раз перфектом: а гзъ самъ хотѣлъ есмь ити к Володимероу (в списках Х., П. — рю). но есть ми // вестъ. ажъ Всеволодъ сватъ мой всѣлъ на коня. како ми сѧ былъ вѣѣчалъ помочи на Улговича... (КЛ, 1196 г., л. 239 об. — 240) — ‘хотел было, но...’ — выражено перфектом, а реализованное обе-

полюбил (он) Киев’, читающийся в списках Хлебн. и Погод. Для предыдущего примера первичность чтения был привелъ (Хлебн., Погод.), совершенно грамматически правильного, не вызывает сомнений.

щение — русским плюсквамперфектом! Парадокс объясняется тем, что в контексте противопоставления результативное значение (в речевом режиме перфект ведь не теряет перфектности семантики) превращается в антирезультативное. Подобных примеров выражения перфектом значения «отмененного» или «недостигнутого» результата довольно много, ср. о измене крестному целованию: **нынѣ же како еси со мною оумовилъ. на чьмъ еси ко мнѣ крѣтъ цѣловалъ. того еси всего не исправилъ** (КЛ, 1196 г., л. 241) и др., ср. аналогичные контексты с русским плюсквамперфектом: **Како еси былъ оумовилъ с братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною. аже совокупитиса оу Чернигова всимъ... ты же нынѣ ни моужа своего еси послалъ** (КЛ, 1196 г., л. 240) и др. (см. об этом ниже). В таких контекстах противопоставления настоящему и перфект, и плюсквамперфект приобретают значение «отмененности» («недостигнутости») результата — у плюсквамперфекта эта противопоставленность временных планов только еще специально подчеркнута вспомогательным *был*.

В СЛ перфектное значение имеет один из двух случаев русского плюсквамперфекта в нарративе и один из двух в прямой речи. Ср. в рассказе о убийении Андрея Боголюбского: **... а всѣхъ невѣрны оубицихъ числомъ .к. иже сѧ были снали на шканьныи свѣтъ того дѣни оу Петра оу Кучкова зѧтъ** (sic!) (СЛ, 1175 г., л. 124 об.) — как и в примерах из КЛ (см. выше), перед нами придаточное определительное с относительным местоимением ‘которые собрались (до этого) на тот совет у Петра Кучкова’ — результат этого «сбора» уж никак не аннулирован: «собравшиеся» вместе убийцы приходят в покои князя и убивают его. Интересно, что в КЛ в этом контексте русский плюсквамперфект читается в Хлебн. и Погод. списках, а в Ипат. списке **были снали** заменяется на книжный плюсквамперфект **бѣху снали** (л. 207).

Ср. в прямой речи:

Брате вже тѧ привели старѣишаѧ дружина. а поѣди Ростову. а Ѡтолѣ миръ възмевѣ. тобе Ростовци привели и волгаре. а мене былъ с братомъ бѣ привелъ и Володимирци. а Сүздаль бѣди нама шече. да кого всхотѣтъ. то имъ бѣди князь (СЛ, 1177 г., л. 128 об.) — Всеволод предлагает Мстиславу мир, утверждая законность своего наследственного права на Владимирское княжение (**а мене былъ с братомъ бѣ привелъ** — изначально, до всех этих событий), перешедшее к нему от только что умершего брата, — результативность значения русского плюсквамперфекта здесь несомненна. Обратим внимание, что это единственный из всех зафиксированных случаев, где русский плюсквамперфект с перфектным значением выступает не в придаточном предложении.

3.2.2. Значение отмененного или недостигнутого результата имеют в КЛ большинство форм русского плюсквамперфекта, все они — в прямой речи (13 случаев). Во всех этих случаях контекст задает противопоставление положению дел в момент речи, ср.:

Се прислалъ сѧ еси к нама. а се нама далъ тѧ былъ бѣ и волость твою по твою винѣ. нынѣ же ти гнѣва Ѡдаевѣ и волости подѣ тобою не Ѡимаевѣ (КЛ, 1152 г., л. 163) — аннулированность результата задается противопоставлением нынѣ же;

...а оуже брате кде есме были доумали понти на стрѣя своего. то оуже тамо не ходи. но понди сѣмо ко мнѣ (КЛ, 1147 г., л. 127 об.) — отмена прежней договоренности непосредственно эксплицирована в контексте;

ср. контексты «нарушенного обещания»: ка[ко] еси былъ оумолвилъ со мною и с братомъ моимъ Дѣдомъ. восѣсти на конѣ и снати сѧ в Черниговѣ. азъ же совокоупив сѧ с братьею своею... и сѣдѣлъ есмь доспѣвъ жда Ѡ тебе вѣсти. ты же тоѣ зими не вѣлы има имъ вѣры (КЛ, 1196 г., л. 239);

какo еси былъ оумолвилъ с братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною аже совокупити сѧ оу Чернигова всимъ... ты же нынѣ ни моужа своего еси послалъ (КЛ, 1196 г., л. 240 — см. выше) и др.;

ср. также: азъ Витевска стоупилъ тобѣ и посолъ былъ свои послалъ есмь ко братоу Дѣвди и повѣдаю емоу аже есмь состоупилъ сѧ Витевска тобѣ. ты же того не дождавъ послалъ еси снѣца своа ко Витевскоу (КЛ, 1195 г., л. 238 об.) — как и в предыдущих случаях, нарушение договоренности эксплицировано противопоставлением ты же... и др.

Ср. «недостигнутый результат» (неосуществленный замысел) в контекстах:

Ты были на рать встали [а] што оуспѣли (КЛ, 1148 г., л. 133 об.);

Ты же еси бра^т оудумалъ былъ тако вже на ма бѣ ѡцю твоемоу помогъ. и тобѣ было вѣѣхавши в Киевъ. бра^т моего пати и снѧ моѣ"... и домъ мон взати (КЛ, 1149 г., л. 136 — об этом контексте обвинения Ростислава в неосуществившемся заговоре, где сначала в синонимичном употреблении выступает книжный плюсквамперфект вѣше замыслилъ, см. выше 3.1.2); интересно что в ответе Ростислава, отрицающего это обвинение, употреблен уже перфект (Ростиславъ же емоу то Ѡвѣча. брате и Ѡце ако ни в оумѣ своемъ ни на ср^аци ми того не было, 1149 г., л. 136).

Реже противопоставленность настоящему задается более широким контекстом. Некоторые из таких контекстов хорошо показывают, что введение плюсквамперфекта мотивировано именно потребностью подчеркнуть противопоставление прошедшего положения дел настоящему — значение же аннулированности результата оказывается «побочным продуктом» этого противопоставления, может быть не явно выраженным и даже не очевидным. Ср., например, предупреждение Андрея Боголюбского новгородцам: ... и посла к Новгородцемъ река имъ. вѣдомо буди. хочю искати Новгорода и добромъ и лихомъ. а хр^стъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ. тако имѣти мене кня//земъ собѣ. а мнѣ вамъ хотѣти. и Ѡтолѣ начаша Новгородци масти. и вѣче часто начаша творити (КЛ, 1160 г., л. 182—

182 об.) — здесь нет явного утверждения о измене крестному целованию, а есть только сомнение в том, что новгородцы остались ему верны, — ситуация в прошлом (когда было заключено соглашение) противопоставляется ситуации в момент речи.

В нескольких случаях плюсквамперфект, обозначающий результирующую ситуацию в прошлом, оказывается включенным в более широкое противопоставление прошедшего и нынешнего положения дел, и именно на базе этого противопоставления у него возникает семантика отмененности результата, ср.:

Гюргевичъ же прислася Володимиру гла. поневоли есмь хр^стъ цѣловаль къ Изяславу. уже ма былъ встоупилъ в городѣ. а ѿ ва^с ми помочи не было. нынѣ же всако с вама хочю быти (КЛ, 1147 г., л. 132) — противопоставление нынѣ же в данном случае связано с действиями, выраженными в перфекте (есмь хр^стъ цѣловаль къ Изяславу — нынѣ же... с вама хочю быти), однако плюсквамперфект с перфектным значением уже ма былъ встоупилъ ‘который меня (тогда) осадил в городе’ = ‘был осадившим’ относится к первой ситуации (≈ ‘[тогда] я целовал крест к Изяславу, осадившему меня в городе’) и, соответственно, тоже оказывается противопоставленным моменту речи;

Ты же еси снѣ самъ позывалъ Киеву. а га есмь былъ цѣловаль хр^стъ къ брату своему Дюргеву. а ны^н такъ естъ снѣ а то товѣ Киевъ а га поѣду въ свои Вышегородѣ (КЛ, 1150 г., л. 144 об.) — как и в предыдущем случае, «отмененным» оказывается перфектное значение плюсквамперфекта (‘ты сам меня звал в Киев, а я тогда был целовавший крест (в крестном целовании) к брату своему Гюргию — а сейчас...’) и др.

Эти примеры хорошо показывают, как значение «отмененности» возникает на базе значения противопоставленности прошедшей и нынешней ситуаций — и возникает оно из результирующего значения плюсквамперфекта.

Таким образом, по данным КЛ, значение отмененного или недостигнутого результата у русского плюсквамперфекта — так же, как и у плюсквамперфекта книжного, — обусловлено определенными контекстными условиями и явно развивается на базе исконного смещенно-перфектного значения. Старый и новый плюсквамперфект оказываются, в сущности, распределенными не по значению, а по более / менее характерным для них типам употребления: старый плюсквамперфект — это форма прежде всего нарратива, новый — прежде всего прямой речи; для старого плюсквамперфекта основным является первичное смещенно-перфектное значение, а вторичные антирезультативные значения представлены значительно реже, для нового — наоборот, вторичное значение отмененного или недостигнутого результата стало основным, первичное же представлено только в придаточных конструкциях.

Такая картина вполне объяснима особенностями структуры летописного текста, ярко проявляющимися в КЛ, где прямая речь персонажей отли-

чается от летописного нарратива своей близостью к живому языку, см. [Зализняк 2004а: 51 и др.]. Преобладание новой формы в прямой речи и доминирование у нее значения отмененного результата, развитию которого благоприятствует именно контекст прямой речи (см. выше), связано с близостью прямой речи в КЛ к живому разговорному употреблению; это вполне согласуется с ситуацией в современных славянских языках, имеющих старую и новую форму плюсквамперфекта (см. выше о значениях старого и нового плюсквамперфекта в сербохорватском, 1.1).

В СЛ, где случаев русского плюсквамперфекта меньше, антирезультативное значение представлено тем же количеством примеров, что и результативное: один случай в прямой речи и один случай в нарративе. Обратим внимание, что в КЛ таких употреблений в нарративе не встречалось, ср. в СЛ в самом начале записи в функции регресса по отношению к основной линии повествования — так же, как мог употребляться в летописях книжный плюсквамперфект (см. 3.1), но при этом со значением отмены результата последующими событиями:

А Болгарьскыи князъ прише^з былъ^а на Пуреша ротника Юргева. и слышавъ уже великыи князъ Юрги с бра^тею жжетъ села Мордовьскага. и вѣжа прочь ночи (СЛ, 1227 г., л. 155 об.).

Ср. значение недостигнутого результата в прямой речи:

рекоша кѣмѹ новгородци. оударили кси платою Новъгородъ. и шелъ кси былъ на стрыпа своего Михалка повавленъ Ростовци. да уже Михалка бѣ погалъ а с брато^м кго съ Всеволодомъ бѣ росудилъ тѣ чѣмѹ к намъ идиши (СЛ, 1177 г., л. 129 об.) — в контексте противопоставления настоящему (шелъ еси былъ на... Михалка, а Михалка бѣ погалъ) плюсквамперфект получает значение недостигнутого результата на фоне имеющих перфектное значение форм погалъ, росудилъ.

Еще один случай русского плюсквамперфекта со значением отмененного результата встречается в продолжении СЛ по Акад. списку — в авторской речи летописца в конце рассказа о битве на Калке:

Си^х же здыхъ татаръ таоурмень не свѣдаемъ ѿкѹду были пришли на на^с и гдѣ са дѣли шпаты толко бѣ вѣ^с. (СЛ по Акад. сп., 1223 г., л. 234 об.).

Обратим внимание, что выход русского плюсквамперфекта с антирезультативным значением за пределы прямой речи персонажей обнаруживается в записях XIII в. Возможно, СЛ отражает более позднюю сравнительно с КЛ картину, а потому контекстное распределение старой/новой форм здесь оказывается несколько размытым (ср. выше об употреблении в СЛ русского плюсквамперфекта в перфектном значении вне придаточной конструкции, также не зафиксированном в КЛ).

3.2.3. При этом в обоих летописях отсутствуют случаи употребления русского плюсквамперфекта в значении давнопрошедшего — вне связи с

результативностью. Напомним, что в КЛ не встречается такое употребление и у книжного плюсквамперфекта, в то время как в СЛ есть, по-видимому, несколько случаев, представляющих употребление старой формы в значении дистанцированного от настоящего прошедшего (см. 3.1.3). Если такие контексты появляются в СЛ как опосредованное отражение диалектного употребления плюсквамперфекта нового (что тем более вероятно, поскольку, как мы видим, спектр значений старой и новой форм в летописях практически совпадал — различалась лишь их представленность по контекстам), то отсутствие примеров значения давнопрошедшего у самого русского плюсквамперфекта может объясняться просто общей немногочисленностью случаев новой формы в СЛ (такие примеры не зафиксированы, кстати, и в Новг. 1 лет., см. [Петрухин 2004; Петрухин, Сичинава 2006], между тем как в новгородских бытовых берестяных грамотах XII в. такое употребление русского плюсквамперфекта известно — см. выше). Все это говорит скорее в пользу того, что в диалектной системе ростово-суздальских говоров употребление новой формы в значении дистанцированного от настоящего прошедшего тоже было известно.

Что касается данных КЛ, то вопрос о значении дистанцированного от настоящего прошлого у русского плюсквамперфекта в отраженной здесь системе остается неясным, поскольку явных случаев такого значения не представлено. Можно было бы предполагать его отсутствие и, соответственно, существование раннего диалектного различия между северными и южными древнерусскими говорами в статусе плюсквамперфекта — в пользу этого вроде бы говорят и некоторые другие отличия в употреблении плюсквамперфекта в КЛ и СЛ, связанные с отмеченной выше «размытостью» распределения старой и новой форм по типам контекста в СЛ сравнительно с ясной картиной в КЛ, — однако такое предположение нуждается в гораздо более серьезном обосновании, имеющих пока данных явно недостаточно. По имеющимся данным КЛ и СЛ скорее можно предполагать большую архаичность системы, отраженной в КЛ, сравнительно с СЛ; в таком случае отсутствие в КЛ у плюсквамперфекта значения давнопрошедшего — вне связи с регрессом и перфектностью — оказывается свидетельством в пользу более позднего развития этого значения у нового плюсквамперфекта сравнительно с развившимся на базе исконного результативного значения антирезультативным. Однако вопрос о последующей эволюции семантики плюсквамперфекта в диалектной системе южных древнерусских диалектов остается открытым — его решение требует исследования материалов памятников более позднего времени (XIII—XVI вв.).

В северных же древнерусских диалектах скорее всего уже в XII—XIII вв. был представлен тот спектр значений плюсквамперфекта, который известен в современных северных говорах. Диалектная система ростово-суздальских говоров в этом отношении скорее всего была близка к северо-восточной части древненовгородской территории (как, впрочем, и по многим другим грамматическим признакам). Действительно ли эта система

имела в раннедревнерусскую эпоху отличия в спектре значений плюсквамперфекта от системы южнодревнерусских говоров и имело ли отношение к раннему развитию здесь значения давнопрошедшего влияние финно-угорского субстрата (ср. [Петрухин, Сичинава 2006]), что, кстати, в той же мере можно предполагать и для ростово-суздальских говоров, не только для архангельско-вологодских, — все это еще требует изучения. Повторю только, что речь может идти лишь о поддерживающем влиянии, ускорившем это развитие, поскольку соответствующее значение известно и в других славянских диалектах, никак с финно-угорскими контактами не связанных, — словацких, старочешских, западноукраинских (т. е. в том числе и восточнославянских) — см. выше, 1.1.

Говоры Центра (вокруг Москвы), как известно, в основе своей представляют диалектную систему ростово-суздальского типа, позднее подвергнувшись влиянию южнорусских говоров (см., например: [Образование... 1970] и др.). В приводимых исследователями примерах из московских документов XV—XVII вв. плюсквамперфект употребляется только в антирезультативных значениях, например: *язь велѣль быль ихъ судити... а ноничя есми ихъ пожаловать* (московская грамота 1455—1462 гг., Акты Калач. I, 103); *козаки были на службу пошли, а нынѣ воротилися* (московская разрядная книга 1615 г., Временник Общ. ист. и др. III, 3) и др. [Соболевский 1907: 242—243], см. также [Кузнецов 1953: 243—244; Горшкова, Хабургаев 1981: 339—340] и др. Аналогичные примеры отмечают и в южнорусских грамотах XVII в. [Горшкова, Хабургаев 1981: 340]. В XVII в. фиксируется неизменяемое *было*, ср. у Котошихина о Лжедмитрии: *А какъ началъ царствовать і въ Росіискомъ государстве учалъ было заводитъ вновь вѣру папижскую... и ему того не потерпѣли* [Кузнецов 1953: 243—244] и др. Похоже, что в Москве, и прежде всего в московском приказном языке, плюсквамперфект в этот период уже сужает свое значение до антирезультативного, возможно постепенно закрепляясь за определенными типами контекстов «прерванного» действия (недостигнутого результата), теряя согласование и фразеологизируясь — впоследствии превращаясь в современную литературную конструкцию с *было*. Ход этого процесса еще требует исследования.

Обратим только внимание, что в XVI—XVII вв. этот процесс еще явно не завершен и антирезультативные значения плюсквамперфекта еще шире того значения прерванного действия, которое характерно для современной литературной структуры с *было*, ср., например, в Посланиях Грозного: *Тако же потом дядю нашего, князя Андрея Ивановича изменники на насъ подъяша, и с теми изменники пошел было к Новугороду... и те в те поры от нас отступили* (в других списках — *были отступили* или *было отступили*) и *приложилися к дяде нашему ко князю Андрею... И тако божиею помощию тот совет не совершися* (Первое послание Грозного Курбскому. 1-я ред., л. 312 об. [Переписка... 1993: 27]) — недостигнутый результат (*пошел было*) и отмененный результат (*в те поры... были отступили* = ‘то-

гда они были отступившими', но последующий ход событий аннулирует эту статальную перфектность) и др.

Представленные в диалектологических работах старые записи говоров Московской губернии и других среднерусских, где фиксировался плюсквамперфект, редко дают контекст, достаточный для надежного определения значения формы. Значение прерванного действия для некоторых из этих записей тем не менее явно устанавливается, ср.: *Был паехал, а ево не взяли* (Моск. губ.) [Чернышев 1970: 28], ср. в рязанских говорах: *Вецер был закапал дожичек, да вот нету* [Шапино 1953: 161]. Однако есть в этих записях и случаи, где антирезультативного значения все-таки нет — представлены, видимо, перфектное значение (*летось какой у меня лен был вырос*, Горьк. [Шапино 1953: 161]) и значение дистанцированного от настоящего прошлого (*я самоучкой был учился*, Моск. губ. [Чернышев 1970: 63; Обнорский 1953: 160] и под.). Правда, во всех этих случаях остается неясно, действительно ли перед нами русский плюсквамперфект или «сдвоенная» конструкция, хорошо известная в разговорной литературной и диалектной речи (типа *Гриша был / бригадиром работал* и под. — см. выше 2.1 о таких конструкциях в северных говорах).

Вопрос об эволюции русского плюсквамперфекта в говорах Центра еще требует тщательного исследования с учетом всех имеющихся данных памятников и говоров. Если предположение о наличии у него значения давнопрошедшего все-таки найдет подтверждение, можно будет говорить об исконной принадлежности центральных говоров вокруг Москвы по этому признаку северо-восточному типу и, видимо, о позднейшем сужении и фразеологизации значения плюсквамперфекта в говоре Москвы — возможно, под влиянием южнорусских говоров, как известно, очень активном в XV—XVII вв. (см. [Образование... 1970; Горшкова, Хабургаев 1981: 114] и др.).

Все это еще требует изучения. Но и имеющиеся сейчас данные позволяют предполагать, что диалектные различия, связанные с судьбой плюсквамперфекта в русских говорах, восходят к разным этапам истории русского языка.

Л и т е р а т у р а

- Бондарко 1971 — А. В. Б о н д а р к о. Вид и время русского глагола. М., 1971.
Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Г о р ш к о в а, Г. А. Х а б у р г а е в. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
Дементьева 1973 — В. И. Д е м е н т ь е в а. Конструкции с глагольной формой *есть* в современных русских северо-западных говорах // Советское финно-угроведение. Таллин, 1973. № 2.
Живов 2004 — В. М. Ж и в о в. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII вв. М., 2004.
Зализняк 1993 — А. А. З а л и з н я к. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984—1989 гг. М., 1993. С. 191—321.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк 2004а — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004.

Исаченко 1960 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.

Колосов 1878 — М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878.

Кречмер, Невекловский 2005 — А. Г. Кречмер, Г. Невекловский. Сербохорватский язык // Языки мира: Славянские языки. М., 2005. С. 139—197.

Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

Кузьмина, Немченко 1968 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу об употреблении слова «есть» в русских говорах // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968. С. 144—170.

Кузьмина, Немченко 1971 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Лаптева 1970 — О. А. Лаптева. Общие устно-речевые синтаксические явления литературного языка и диалектов // Русская разговорная речь. Саратов, 1970. С. 135—140.

Мансикка 1912 — В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // ИОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 2. С. 86—144.

Мансикка 1915 — В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // ИОРЯС. 1914. Т. 19. Кн. 4. С. 141—173.

Маслов 1956 — Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1958.

Маслов 1959 — Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке: (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 157—312.

Маслов 1984/2004 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии // Избранные труды. М., 2004. С. 21—302.

Маслов 1987/2004 — Ю. С. Маслов. Перфектность // Избранные труды. М., 2004. С. 426—444.

Мейе 1951 — А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.

Обнорский 1953 — С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Образование... 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970.

Переписка... 1993 — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1993.

Петрухин 2004 — П. В. Петрухин. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. 2004. № 28. С. 73—107.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.

Плунгян 2001 — В. А. П л у н г я н. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Грамматические категории. М., 2001. С. 50—88.

Пожарицкая 1991 — С. К. П о ж а р и ц к а я. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des Études slaves*. 1991. V. LXIII, fasc. 4. С. 788—799.

Пожарицкая 1996 — С. К. П о ж а р и ц к а я. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исслед.* 1991—1993 гг. М., 1996. С. 268—279.

Пожарицкая 2007 — С. К. П о ж а р и ц к а я. Реликты *бы, было, буде, бывает, бывало* // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. МГУ, 2007. С. 102.

Пск. лет., 2, 1955 — Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

ПСРЛ, I, 1926—1928 — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3. Л., 1926—1928.

ПСРЛ, II, 1908 — Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908.

Смирнов 2005 — Л. А. С м и р н о в. Словацкий язык // *Языки мира: Славянские языки*. М., 2005. С. 274—309.

Рус. разг. речь 1973 — Русская разговорная речь. М., 1973.

Соболевский 1907 — А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.

Толстая 2000 — М. Н. Т о л с т а я. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // *Балтославянские исследования 1998—1999 гг.* М., 2000. С. 134—143.

Топоров 1961 — В. Н. Т о п о р о в. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 5. М., 1961. С. 35—70.

Трубинский 1963 — В. И. Т р у б и н с к и й. Особенности употребления прошедшего совершенного в русских говорах // *Учен. зап. ЛГУ*. 1963. № 322 (Сер. Филол. науки, № 68). С. 160—170.

Трубинский 1975 — В. И. Т р у б и н с к и й. К вопросу о тавтологии в структуре предиката (на материале диалектных конструкций со словом *есть*) // *Севернорусские говоры*. Вып. 2. Л., 1975. С. 148—162.

Трубинский 1984 — В. И. Т р у б и н с к и й. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.

Хабургаев 1978 — Г. А. Х а б у р г а е в. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // *Вестник МГУ. Сер. 9, Филология*. 1978. № 4. С. 42—53.

Хрест. — С. П. О б н о р с к и й, С. Г. Б а р х у д а р о в. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М., 1952.

Чернышев 1970 — В. И. Ч е р н ы ш е в. Избранные труды. Т. 1. М., 1970.

Шапиро 1953 — А. Б. Ш а п и р о. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.

Шведова 1964 — Н. Ю. Ш в е д о в а. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе // *ВЯ*. 1964. № 2. С. 3—18.

Шевелева 1993 — М. Н. Ш е в е л е в а. Аномальные церковнославянские формы с глаголом **быти** и их диалектные соответствия // *Исследования по славянско-*

му историческому языкознанию: Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 135—155.

Шевелева 2001 — М. Н. Шевелева. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. науч. ст. к 80-летию проф. К. В. Горшковой. М., 2001. С. 199—216.

Шевелева 2002 — М. Н. Шевелева. Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 2002. № 5. С. 55—72.

Шевелева 2006 — М. Н. Шевелева. Некнижные конструкции с формами глагола **быти** в псковских летописях // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 215—241.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. О судьбе одной архаичной конструкции с независимыми формами глагола **быти** в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей рус. яз.: Труды и материалы. МГУ, 2007. С. 96—97.

Шевелева, в печати — М. Н. Шевелева. О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола **быти** в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология (в печати).

Широкова 1961 — А. Г. Широкова. Чешский язык. М., 1961.

Horák 1964 — E. Horák. Predminuly čas v slovenčine // Slovenská reč. 1964. Roč. 29, č. 5.

ПОЛЕМИКА

Л. Л. КАСАТКИН

ЧТО ТАКОЕ ДИАЛЕКТНЫЙ ЯЗЫК

1. В 1947 г. Р. И. Аванесов выдвинул следующее положение: «При всем различии фонетических систем отдельных русских говоров в них имеются, наряду с чертами различия, черты общие, тождественные. Поэтому можно говорить не только о частных фонетических системах отдельных русских говоров, но также и — в несколько, правда, ином смысле — об общей фонетической системе русского языка в целом. Эта последняя включает в себе, с одной стороны, черты общие для всего русского языка, черты, так сказать, устойчивые, стабильные и, с другой стороны, черты в большей или меньшей степени неустойчивые, подвижные, мобильные, в которых и проявляются диалектные различия. Поэтому наряду с частными фонетическими системами отдельных говоров возможно построение фонетической системы „высшего ранга“, можно сказать „системы фонетических систем“ русского языка в целом, включая все его диалектные разновидности и литературный язык» [Аванесов 1947/1970: 301].

Позднее Р. И. Аванесов распространил эту формулировку, выдвинутую им в отношении фонетической системы, на весь язык: «При всем различии систем отдельных русских говоров в них имеются наряду с чертами различия черты общие, тождественные. Поэтому можно говорить не только о частных системах отдельных русских говоров, но также и об общей системе русского языка в целом со всеми его говорами. Эта последняя включает в себе, с одной стороны, черты, общие для всего русского языка, черты, так сказать, устойчивые, стабильные, и, с другой стороны, черты, в большей или меньшей степени неустойчивые, подвижные, в которых и проявляются диалектные различия» [Аванесов 1949: 10]; «Структура языка, рассматриваемого во всем многообразии его местных разновидностей и нормализованного типа национального языка, включает в себя, с одной стороны, элементы общие, т. е. свойственные всем разновидностям данного языка, с другой — элементы частные, различительные, т. е. такие, в которых проявляются диалектные различия» [Аванесов 1957: 9]; «Система языка в разных пунктах картографируемой территории обычно оказывается тождественной в одних своих звеньях (элементах) и различающейся в других. Это дает право говорить о языке народа в аспекте территориальном как о сложной системе или системе частных систем, включающей в свой состав

черты общие, тождественные в любой частной системе, и черты различительные, специфические для разных частных систем» [Аванесов, Бернштейн 1958: 7].

Общими для всего русского языка элементами Р. И. Аванесов считал следующие: «Единство русского языка сказывается в общности решающих элементов грамматического строя, ряда принципиальных элементов фонематической системы (например, широко представленные коррелятивные пары твердых и мягких согласных фонем, различение этих пар перед [о]; неразличение гласных [и] и [ы] как особых фонем), так называемого основного словарного фонда» [Вопросы теории 1962: 7].

Дальнейшее изучение русских говоров показало, что таких черт, общих для всего русского языка, включая все его диалекты и литературный язык, гораздо меньше, чем думал Р. И. Аванесов. Так, были обнаружены русские говоры, где нет противопоставления согласных по твердости/мягкости, а звуки [и] и [ы] являются представителями разных фонем [см.: Касаткин 1973; 1999: 143—170]. Теперь можно с уверенностью говорить, что таких фонетических черт, которые были бы свойственны всем русским говорам и литературному языку, в действительности нет. Доминанты, основные представители всех фонем неодинаковы в русских говорах и образуют диалектные различия¹. То же надо сказать и о фонологических системах, о составе фонем, их соотношении, реализациях в разных позициях, о супер-сегментных единицах и средствах их выделения.

Интенсивное собирание и изучение диалектной лексики во второй половине XX в. привело к пониманию того, что в так называемой общенародной лексике по говорам существуют различия. Все или почти все слова говора не совпадают полностью с соответствующими словами литературного языка: у них могут отсутствовать некоторые значения, свойственные этим словам в литературном языке, либо эти слова могут обладать такими значениями, которых нет в литературном языке, а также может быть иная сочетаемость с другими словами или иная стилистическая характеристика; см. [Оссовецкий 1964: 185—188; Словарь д. Деулино 1969: 8—9; Гецова, Ильинская 2002: 207].

2. Р. И. Аванесов предложил термин «диалектный язык», который широко использовался в работах и самого Р. И. Аванесова, и некоторых его учеников. Содержание этого термина определялось следующим образом.

Один говор, по определению Р. И. Аванесова, представляет собой микросистему, «не имеющую измерений», «одну территориальную точку», «взятую в одном хронологическом срезе», или «частную диалектную сис-

¹ Возможно, звук [м], доминанта фонемы /м/, одинаков во всех говорах, однако изучение этого звука в русских говорах, в том числе инструментальные исследования, не проводились. В соответствии с разными артикуляционными базами русских говоров можно предполагать в них и отличия в тембре этого звука.

тему». «Совокупность микросистем образует макросистему, или систему систем, которая характеризуется чертами, общими для макросистемы как целого, и чертами, отличающими в пределах данной макросистемы одни микросистемы (или группы их) от других. (...) Макросистемы с менее глубокими различиями входящих в ее состав микросистем и охватывающие относительно ограниченные территории (макросистемы 1-й степени) могут входить в макросистему с более глубокими различиями (...) охватывающими более обширную территорию (иначе — в макросистему 2-й степени) и т. д. (...) Диалектный язык представляет собой сложную систему диалектных микросистем и макросистем различных степеней». Термину «макросистема 1-й степени» соответствует термин «группа говоров», термину «макросистема 2-й степени» — «наречие» [Аванесов 1963: 296—299; 1964: 10—11; 1965: 35].

Близость систем (макросистем), образующих макросистему следующего уровня, может быть различной: макросистемы 1-й степени «отличаются ярко выраженным единством своей структуры», у макросистем 2-й степени «такое единство может отсутствовать: отдельные более частные системы, входящие в состав макросистемы 2-й степени, обладая общностью по определенному кругу черт, в то же время могут существенно отличаться друг от друга по своей структуре» [Аванесов 1964: 10—11].

Если следовать логике Р. И. Аванесова, то можно считать, что родственные языки тоже образуют макросистемы 3-й, 4-й и т. д. степеней в зависимости от степени родства; например, восточнославянские — славянские — индоевропейские языки, а если продолжить и далее, то и ностратические языки. У этих языков тоже наряду с различительными чертами есть и черты общие, объединяющие эти разные языки в группы или семьи.

И действительно, Р. И. Аванесов допускал, что «возможны разные языки, которым свойственна одна сложная система, имеющая различительные элементы. Точно так же есть языки, диалектам которых свойственны разные системы, имеющие общие элементы². (...) Впрочем, это разграничение практически не так уж существенно: важно определить удельный вес общих и различительных элементов системы языка на разных territori-

² Р. И. Аванесов также писал: «Указанное разграничение (одна система, имеющая различительные элементы, и разные системы, имеющие общие элементы) не совпадает с разграничением конкретного языка, с одной стороны, и группы родственных языков — с другой. Возможны разные языки, которым свойственна одна система, имеющая различительные элементы, точно так же имеется немало отдельных конкретных языков, диалектам которых свойственны разные системы, имеющие общие элементы (многие языки Северного Кавказа, армянский язык)» [Аванесов, Бернштейн 1958: 9]. Однако о славянских языках Р. И. Аванесов писал: «Если на отдельной национальной территории язык чаще образует одну сложную систему или — что то же — систему частных систем, различающуюся в отдельных своих звеньях (элементах), то на территории группы родственных языков наличествуют разные системы, имеющие общие элементы» [Аванесов 1962: 502].

ях» [Аванесов 1962: 25—26]; «Моделируя диалектный язык, исследователь имеет дело с системой языка в его территориальном варьировании. К какому диалекту (а в иных случаях даже — к какому языку, если речь идет о близко родственных языках [выделено мною. — Л. К.]) относится та или другая микросистема, для него не имеет особого значения: существенно лишь выделение элементов системы языка, одни из которых объединяют диалектный язык как единое структурное целое, а другие противопоставляют и разграничивают разные его части как разные структурные единства „низшего“ ранга (входящие в состав структурного единства „высшего“ ранга)» [Аванесов 1963: 305].

Но как определять этот «удельный вес общих и различительных элементов» и где та граница между их «удельными весами», которая позволяет считать, что два языка обладают одной языковой системой или разными, что диалекты одного языка входят в одну или разные системы и, следовательно, образуют один диалектный язык или более, Р. И. Аванесов не уточнил.

В неоднократно повторяемом в разных работах Р. И. Аванесова положении, что язык, в том числе и диалектный язык, представляет собой систему, проявлялась приверженность автора к идеям структурной лингвистики, представителем которой Р. И. Аванесов был как один из основателей Московской фонологической школы. Эти идеи Р. И. Аванесов, глава Московской диалектологической школы, в том числе и Московской школы лингвистической географии, старался реализовать и в диалектологии.

При этом Р. И. Аванесов понимал, что та идеальная система языка, которую выстраивают лингвисты, может не вполне соответствовать реальной, более сложной системе самого существующего языка: «Идея о том, что язык образует систему, есть, вне сомнения, величайшее завоевание современного языкознания, идущее еще от И. А. Бодуэна де Куртенэ и укрепившееся в учении Ф. де Соссюра. Больше того, даже самое представление о системе языка как о величине, не имеющей измерений, несмотря на то, что оно не соответствует непосредственной реальной языковой действительности, чрезвычайно важно, так как без него рушилась бы самая идея системы языка. Не соответствуя непосредственно и в полной мере реально существующей языковой системе, такое представление о системе языка ценно потому, что оно представляет собой как бы ее идеальную модель и отражает ее существенный признак — наличие закономерных связей между отдельными ее элементами. Без такого представления о системе языка мы бы не имели, так сказать, точки опоры, отправляясь от которой можно было бы понять систему языка как целого в качестве явления более сложного, каким оно является в действительности» [Вопросы теории 1962: 8].

Р. И. Аванесов своими трудами и своей организаторской деятельностью, в том числе и созданием самого крупного в мире национального диалектологического атласа, сыграл выдающуюся роль в истории нашей и мировой науки. Важно и то, что в своих трудах Р. И. Аванесов опирался на

передовые для его времени и не утратившие своего значения и в современную эпоху идеи и методы структурной лингвистики. Однако, выстраивая свою систему диалектного языка, Р. И. Аванесов употреблял термин «система» не в том значении, которое он сам при этом декларировал.

В одной из своих главных работ, посвященных обоснованию понятия «диалектный язык», Р. И. Аванесов писал: «Современной лингвистике свойственно стремление изучать язык как систему, отдельные элементы которой взаимно обусловлены и как таковые не существуют изолированно, сами по себе, вне системы» [Аванесов 1963: 308; выделено мною. — Л. К.]. Именно в этом ключе рассматривал Р. И. Аванесов фонетическую систему русского литературного языка, из этого понимания системы и ее элементов он исходил и в конкретных своих описаниях фонем и их истории [см.: Аванесов 1974].

У слова «система» в современном русском литературном языке есть несколько значений. В применении к человеческому языку установилось то понимание, которое формулирует Р. И. Аванесов; см. также: [ЛЭС: 452].

Так, если в фонетической системе говора есть фонема /ц/, представленная в абсолютно сильной позиции (т. е. в сигнификативно и перцептивно сильной) звуком [ц], то ее содержание (состав ее дифференциальных признаков) обусловлен наличием и содержанием других фонем этой системы.

В говорах с твердым цоканьем /ц/ — единственная аффриката, этим признаком она отличается от всех остальных фонем, поэтому ее содержание характеризуется одним дифференциальным признаком — аффрикатностью. В говорах, где наряду с /ц/, представленной звуком [ц], есть фонема /ч/, представленная твердым [ч], в состав дифференциальных признаков фонемы /ц/ входят аффрикатность и второй — зубность, отличающий /ц/ от /ч/.

В говорах, где наряду с /ц/ есть фонема, представленная звуком [ч’], содержание фонемы /ц/ составляют тоже два дифференциальных признака, один из которых аффрикатность, а другой тот, по которому противопоставлены эти две аффрикаты. Звуки [ц] и [ч’] отличаются двумя признаками: [ц] зубной твердый, [ч’] передненёбный мягкий. Какой из них — место образования или твердость/мягкость — дифференциальный, а какой интегральный, зависит от веса этих признаков в системе, что, в свою очередь, зависит от наличия или отсутствия в говоре корреляции согласных по твердости/мягкости и от степени ее развитости. В говорах с развитой этой корреляцией (как в литературном языке) она включает значительно большее число фонем, чем корреляция по зубности/передненёбности. Поэтому твердость/мягкость — дифференциальный признак фонем /ц/, /ч’/, а зубность [ц] и передненёбность [ч’] — интегральный. В говорах с неразвитой корреляцией согласных по твердости/мягкости фонемы /ц/—/ч’/ противопоставлены как зубная передненёбной, эти признаки дифференциальные, а твердость [ц] и мягкость [ч’] — интегральные.

Значение глагольной формы с суффиксом -л- зависит от наличия в глагольной системе других форм. В системе, аналогичной литературной, *Он*

уехал обозначает действие, совершенное в прошлом. В говорах, где наряду с этой формой есть форма давнопрошедшего времени, *Он уехал* обозначает действие, совершенное в недавнем прошлом, тогда как о давно прошедшем действии надо сказать: *Он был уехал*. В говорах, где есть форма перфекта, *Он уехал* обозначает действие, совершенное в прошлом без соотнесения с настоящим, тогда как *Он уехавши* обозначает действие, совершенное в прошлом, результат которого есть и в настоящем: 'он уехал и его здесь нет'.

В говорах, где система терминов родства аналогична литературной, в значение слова *брат* не входит дифференциальный признак 'прямое родство'. Поэтому для обозначения прямого или непрямого родства необходимо дополнительное указание: *родной брат*, *двоюродный брат*, *троюродный брат*. В некоторых говорах 'прямое родство' — дифференциальный признак, входящий в состав значения слова *брат*, так как ему противопоставлено слово *братан* со значением 'двоюродный брат'.

Системы разных языковых ярусов взаимосвязаны и образуют сложную систему, или систему систем, говора. Например, от наличия в фонетической системе говора двух фонем /e/ и /ɤ/ или в соответствие с ними одной /e/ может зависеть система склонения имен. Так, в некоторых говорах с /e/ и /ɤ/ у личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного формы Р.-В. падежей ед. числа противопоставлены формам Д.-П. падежей: Р.-В. *менé, тебé, себé* — Д.-П. *менѣ, тебѣ, себѣ*. В говорах, где на месте /e/ и /ɤ/ выступает одна фонема /e/, формы всех четырех падежей у этих местоимений могут не различаться, нейтрализованы: Р.-Д.-В.-П. *менé, тебé, себé*.

Существует определенная связь конкретных слов с лексической системой и грамматической. Например, слова *зверь, мышь, путь* входят в разные тематические группы (семантические поля). От того, какого рода эти слова в говоре — мужского или женского, зависит их тип склонения и функциональная нагрузка разных типов склонения.

Можно говорить о системе одного говора, но разные говоры одного и того же языка не составляют, вопреки тому, что писал Р. И. Аванесов, одной макросистемы: их нельзя считать элементами этой «системы», так как между ними нет взаимной связи и взаимообусловленности. Всякая классификация или группировка говоров рассматривает их как независимые объекты.

Между соседними говорами можно видеть некоторую связь. Она вызвана контактами между жителями этих населенных пунктов. Такое же влияние друг на друга могут оказывать и контактирующие языки. Но степень влияния и его направление от одного говора (языка) к другому обусловлены, главным образом, внелингвистическими факторами — политическими, экономическими, природными (географическими). Но это не та «взаимосвязь», которая существует между элементами одной системы.

Диалектный язык, по Р. И. Аванесову, представляют варианты не только территориальные, но и временные. Термином «макросистема» Р. И. Аванесов определял не только современный диалектный язык «с включенным пространством и выключенным временем», то есть «территориальную мак-

росистему», или «топо-макросистему», но и «макросистему с выключенным пространством (т. е. однотерриториальную) и включенным временем», то есть «хроно-макросистему», и «хроно-топо-макросистему», то есть «макросистему в ее разных хронологических срезах и в ее территориальной динамике во времени» [Аванесов 1963: 311—313; см. также: Аванесов, Бернштейн 1958: 4—5].

Язык современного старшего поколения отличается от языка среднего, младшего и самого младшего поколения. Можно говорить в этом случае о разных языковых системах. Однако они функционируют в одном языковом пространстве, временном и территориальном. Поэтому можно считать, что в говоре или в литературном языке они образуют одну сложную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

Но русский литературный язык современный и XVII, XVIII, XIX, начала XX в. — разные системы, хотя различий между ними гораздо меньше, чем сходств, и чем ближе к нашему времени, тем этих сходств больше. Это разные языковые системы, так как эпохи их функционирования не совпадают, не пересекаются. Когда говорят об истории русского литературного языка XVII—XXI вв., имеют в виду, что это один язык. Но каждое изменение, происшедшее за это время в фонетической системе, или системе грамматической, или лексической, есть и изменение общей системы языка³.

Ф. де Соссюр, один из «отцов» структурализма, иллюстрирует свое понимание системы примером из области шахмат: «тот факт, что эта игра пришла в Европу из Персии, — внешнего порядка; напротив, внутренним является всё то, что касается системы и правил игры. Если я деревянные фигуры заменяю фигурами из слоновой кости, такая замена безразлична для системы; но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет „грамматику“ игры. (...) Возьмем коня: является ли он сам по себе элементом игры? Конечно, нет, потому что в своей чистой материальности, вне своего места и прочих условий игры, он ничего для игрока не представляет, а становится он в игре элементом реальным и конкретным лишь постольку, поскольку он облечен своей значимостью и с нею неразрывно связан. Предположим, что в течение партии эта фигура уничтожится или потеряется: можно ли будет заменить ее другой? Конечно, можно: и не только другая фигура, изображающая коня, но любой предмет, ничего общего с ним не имеющий, может быть отождествлен с конем, поскольку ему будет придана та же значимость. (...) Каждый шахматный ход приводит в движение только одну фигуру (...). Несмотря на это, каждый ход отзывается на всей системе» [Соссюр 1933: 45, 94—95, 111].

³ Р. И. Аванесов считал, что «древнерусский язык по отношению к современному русскому литературному языку может быть рассматриваем в известной мере как другой язык», что «факты древнерусского языка (А) и факты современного русского языка (В) (...) по своему строю и словарному составу представляют собой разные системы, разные языки» [Словарь древнерусского языка 1966: 3, 18—19].

Ю. Д. Апресян, рассматривая этот пример, пишет: «Если мы заменим деревянные фигуры фигурами из слоновой кости, металла или стекла, такая замена будет безразлична для системы, потому что отношения между фигурами или их противопоставления друг другу („значимости“) остаются прежними» [Апресян 1966: 28—29, 31].

Можно представить себе некое множество лежащих на большом столе шариков, кубиков, пирамидок разной величины, разного цвета, сделанных из разного материала. Все эти предметы объединены общим признаком: это артефакты — произведения рук человека, а не природы. Можно сгруппировать эти предметы, произвести их классификацию, разделив их сначала на три подмножества (разложив на кучки) в зависимости от их формы: шарики, кубики и пирамидки. Может быть и иное распределение: шарики могут быть сначала отделены от кубиков и пирамидок, имеющих общий признак — наличие граней и плоскостей. Внутри этих подмножеств могут быть выделены более мелкие подмножества по признаку величины: крупные, средние и мелкие. Можно произвести и дальнейшее разбиение, распределив эти предметы по цвету: красные, синие, черные — или по материалу: из дуба, из липы, из пластмассы и т. д. Можно произвести и другие разбиения всего этого множества, распределив веса признаков по-иному: главным признаком считать не форму этих предметов, а величину, или цвет, или материал.

В каждом из этих множеств и подмножеств можно выделить (как и в описываемом Р. И. Аванесовым диалектном языке и в составляющих его «макросистемах» более низкого ранга) черты (признаки), общие для всех его членов, и черты, их различающие. Однако ни одно из этих множеств не является системой в вышеуказанном смысле. Можно из любого подмножества (кучки) вынуть часть предметов или добавить туда подобные, при этом с остальными ничего не произойдет: каждый предмет из всего этого множества существует самостоятельно и независимо от остальных.

Так же и диалектный язык по определению Р. И. Аванесова состоит из «микросистем» (говоров), «макросистем 1-й степени» (групп говоров) и «макросистем 2-й степени» (наречий), существующих как независимые друг от друга объекты. От рассмотрения их по отдельности или всех вместе ничего с ними не происходит, ничего не меняется. Может меняться лишь порядок описания присущих им черт. Если сначала дается характеристика наречия, то описываются черты, свойственные всем входящим в него диалектным группам, а эти группы описываются по чертам, отличающим их друг от друга. Если же описывается какая-либо одна из этих диалектных групп, то должны быть перечислены и те и другие ее черты. Но сами наборы этих языковых черт у каждого из этих диалектов остаются неизменными.

Любая классификация, любая группировка представляет объекты, упорядоченные определенным образом на основе общности их свойств, признаков, но не составляющие систему в указанном выше смысле. Отличи-

тельная особенность такой системы, как уже упоминалось, — взаимосвязанность и взаимообусловленность ее элементов; ср. [Реформатский 1996: 37—38].

Существует в русском языке и другое, более старое значение слова «система» — ‘определенный порядок расположения частей целого’ (см. [Даль 1903—1909/1994, т. 4]), к которому близко значение ‘классификация, группировка’ (см. [МАС, т. 4]). «Система» диалектного языка может быть понята только в этом смысле.

Таким образом, при характеристике диалектного языка Р. И. Аванесов употребил термин «система» не в том значении, которое он сам определил и которому следовал в других своих работах, а в более старом, до-структуралистском, встречающемся теперь уже как архаизм при рассмотрении языка, не говоря уже о других семиотических системах.

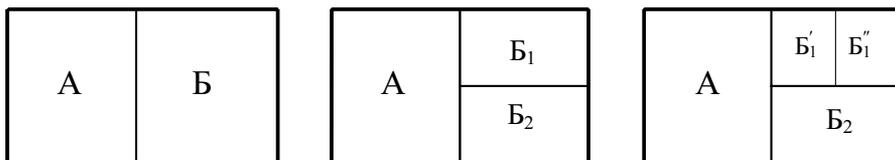
3. Диалекты одного языка выделяются на основе существующих между ними различий. Р. И. Аванесов в своих трудах разработал теорию диалектного различия, сыгравшую решающую роль в формировании созданной им и его учениками Московской школы лингвистической географии. Эта теория изложена в ряде работ (см., в частности, [Вопросы теории 1962]) и реализована главным образом в региональных диалектологических атласах⁴ и созданном на их основе Диалектологическом атласе русского языка [ДАРЯ]. Диалектные различия — предмет картографирования в диалектологических (лингвистических) атласах. «Диалектное различие, — писал Р. И. Аванесов, — есть такой элемент структуры языка, который в отдельных диалектных микросистемах выступает в разных своих соотносительных вариантах, в разных своих членах» [Аванесов 1964: 11].

Диалектные различия наблюдаются во всех ярусах языковых систем. При этом обычно один из членов междиалектного соответственного явления совпадает с литературным вариантом; например: аканье : оканье, аканье сильное : аканье диссимилятивное, иканье : еканье : яканье; [г] : [γ]; [ч'] : [ч] : [ч''] : [ц] : [ц'] : [ц''] : [ш'] ; ударные окончания Д.-П. падежей ед. числа существительных 1-го склонения -е : -ы: к (о) *женé* : к (о) *женьí*; твердость : мягкость заднеязычного согласного основы перед безударным окончанием П. падежа ед. числа прилагательных муж. и ср. рода: в *тón[к]ом*, в *дóл[г]ом*, в *тí[х]ом* : в *тón[к']им*, в *дóл[г']им*, в *тí[х']им*; форма местоимения *тот* : *той*; форма инфинитива глаголов на заднеязычный

⁴ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1951; не изданы и хранятся в рукописном виде в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Атлас русских говоров северо-западных областей РСФСР» под ред. В. И. Борковского и С. С. Высотского, «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы» под ред. Р. И. Аванесова, «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы» под ред. О. Н. Мораховской и Т. Ю. Строгановой, «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы» под ред. В. Г. Орловой.

согласный *печь, беречь* : *печи, беречи* : *пекчи, береччи* : *пекти, березти* : *печти, беречти*; пространственные конструкции с предлогом *из* : *с* : *з* : *приехал из Москвы* : *с Москвы* : *з Москвы*; названия петуха: *петух* : *пету́н* : *пéвун* : *пéю́н* : *пéвень* : *кóчет*; значения слова *пахать*: ‘пахать’ : ‘мести пол, двор, улицу’ : ‘резать хлеб небрежно, крупно, в большом количестве’ и т. п. И лишь в редких случаях ни один из членов диалектного различия не имеет соответствия в литературном языке в связи с отсутствием самого понятия или отдельного слова, называющего соответствующее понятие; например: название берестяного сосуда цилиндрической формы: *ту́ес* : *бура́к*; название хорошей погоды: *вёдро* : *погода* и др.

Члены диалектных различий имеют разный статус при выделении диалектов — территориальных единиц разных рангов. Одни из этих диалектных различий выделяют наиболее крупные диалекты первой степени членения, другие — второй, третьей и др. степеней⁵. Используя схему Р. И. Аванесова [Аванесов 1965: 31], можно показать эту зависимость следующим образом:

Диалекты первого уровня членения А и Б характеризуются разными соответственными членами диалектных различий; например, Северное и Южное наречия русского языка противопоставлены по таким чертам, как полное оканье — аканье, произношение [г] — [γ], твердая фонема /т/ — мягкая фонема /т'/ в 3-м лице глаголов, название посуды, в которой заквашивают тесто *дежá*, *дéжка* — *кваши́ня*, *квашио́нка*, и др.

Диалекты второго уровня членения Б₁ и Б₂ характеризуются общими чертами, свойственными диалекту Б, и противопоставлены по ряду других черт; например, Восточная (Рязанская) и Донская группы Южного наречия противопоставлены по таким чертам, как отсутствие — наличие перехода [е] в [’о] в отдельных словах и в личных окончаниях глаголов: *св[é]кор*, *с[é]стры*, *кот[é]нок*, *нес[é]ш*, *нес[é]т* — *св[’о]кор*, *с[’о]стры*, *кот[’о]нок*, *нес[’о]ш*, *нес[’о]т*; прогрессивное смягчение [к] после парных мягких согласных, /j/ и звуков на месте ч: *ба́нь[к’]я*, *ча́й[к’]ю́*, *до́ч[к’]я* — смягчение [к] только после парных мягких согласных и /j/: *ба́нь[к’]я*, *ча́й[к’]ю́*, но *до́ч[к]а*, и др.

⁵ «В структуре языка диалекты могут занимать разное положение, быть разных „рангов“ (ср., например, понятия „северновеликорусское наречие“, „олонецкая группа говоров“, „говоры Пудожского района“, „говор дер. Келкозеро“») [Аванесов 1947: 300].

Диалекты третьего уровня членения B_1' и B_1'' характеризуются общими чертами, свойственными диалекту B_1 , и противопоставлены по ряду других черт; например, Хоперская и Чирская подгруппы Донской группы говоров противопоставлены по таким чертам, как култуковский и кидусовский типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья — донской тип диссимилятивного яканья; произношение на месте /ф/ звуков [ф] — [хв]; формы слов *блесна́, копна́, метла́, стена́, стрела́* — *блесно́, копно́, метло́, стено́, стрело́*; эпитеза (вставка в конце слова) гласного [у] в безударном окончании 3-го лица мн. числа глаголов — отсутствие такой эпитезы: *бе́гаютю, забирáютю, работáютю, вóзютю* — *бе́гаютъ, забирáютъ, работáютъ, вóзютъ*; курень 'плохой дом, развалюшка' — 'лучший дом, квадратный казачий дом с четырехскатной крышей' и др. [см.: Орлов 1984: 86—90; Касаткин 2000; Русская диалектология 2005: 251—268].

Все члены диалектных различий, по мнению Р. И. Аванесова, представляют собой элементы «системы диалектного языка». Однако никакой взаимосвязанности и взаимообусловленности (необходимого признака любой системы) членов диалектных различий в действительности нет. Рассматриваем ли мы весь ряд членов диалектного различия, свойственный всем диалектам, или часть членов этого ряда, свойственных одному из диалектов высшего «ранга» (уровня членения), или лишь один из членов, характерный для диалекта более низкого «ранга», характер, содержание этих членов не меняется. **Любой набор диалектных различий, как и любой набор членов междиалектных соответствий, можно считать лишь упорядоченным множеством, но никак не языковой системой.** И эта упорядоченность разная в случаях, когда лингвист оценивает члены междиалектных соответствий с точки зрения их места в языковой системе, или в группировке говоров, или в типологической классификации.

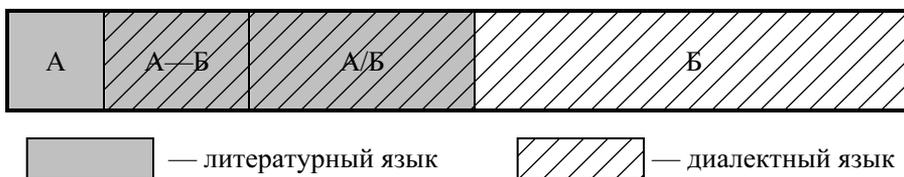
Так, русские говоры различаются по наличию или отсутствию в их фонетических системах особых фонем /ѣ/ и /ѡ/ — важной черте при характеристике конкретного говора, но несущественной с точки зрения выделения групп говоров и наречий, так как говоры с наличием и отсутствием этих фонем не выделяют более или менее компактных территорий. Аканье — наиболее важный признак, противопоставляющий Южное наречие Северному в группировке говоров К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой (как и в группировке Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова). В типологической классификации Н. Н. Пшеничновой, где выделяются Главные и не-Главные, типопределяющие и сопутствующие признаки, аканье отнесено к сопутствующим Главным признакам, вес его — на 9-м месте в списке Главных признаков Южнорусского диалектного типа [Дурново и др. 1915: 28—29; Захарова, Орлова 1970: 78—80; Пшеничнова 1996: 96, 189—191; см. также: Касаткин 2002: 30—32].

4. Черты, свойственные литературному языку и диалектам, могут входить в разные множества, которые схематически можно представить следующим образом:

А	А—Б	А/Б	Б
---	-----	-----	---

А — черты, свойственные только литературному языку. А—Б — черты, свойственные литературному языку и всем диалектам, это общерусские черты. А/Б — черты, свойственные литературному языку и отдельным диалектам, это члены междиалектных соответствий, совпадающие с литературными. Б — черты, свойственные только диалектам, это члены междиалектных соответствий, не совпадающие с литературными.

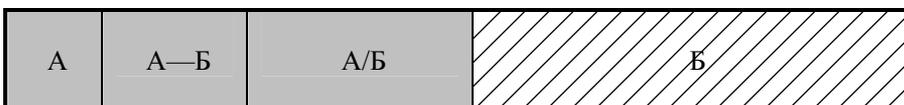
Соотношение между литературным языком и диалектным языком на этой схеме по Р. И. Аванесову таково:

При таком понимании диалектного языка между литературным языком и диалектным нет четких границ, существуют значительные области их пересечения: литературный язык характеризуется чертами из областей А, А—Б и А/Б, а диалектный язык — чертами из областей Б, А—Б и А/Б; А—Б и А/Б — области пересечения литературного языка и диалектного языка, это черты, свойственные литературному языку и диалектному языку.

Между тем другие разновидности русского национального языка — просторечие и жаргоны — описываются не как языковые системы, а как совокупность черт, отличных от соответствующих литературных. Следует и диалектный язык характеризовать подобным же образом.

Исходя из всего вышесказанного, можно охарактеризовать диалектный язык следующим образом: **диалектный язык — совокупность всех собственно диалектных черт, свойственных диалектам данного языка и представленных на разных территориях членами междиалектных соответственных явлений — диалектных различий, отличающими диалекты друг от друга и от литературного языка.** При таком понимании диалектного языка между ним и литературным языком четкая граница, отсутствуют области их пересечения: литературный язык характеризуется чертами из областей А, А—Б и А/Б, а диалектный язык — чертами из области Б на приведенной выше схеме. К диалектному языку относятся только такие черты, которые отсутствуют в литературном языке.

Р. И. Аванесов понимал под диалектным языком «язык в его в принципе бесписьменных формах в любом пункте⁶ территориального распространения на всей территории данного языка», «на любой территориальной точке он имеет свою систему» [Аванесов 1964: 10, 16]. При таком понимании словосочетания «диалектный язык» и «язык всех диалектов» синонимичны. Поэтому, казалось бы, можно вообще не использовать термин «диалектный язык», как это и делают многие диалектологи⁷. Но в этом случае литературному языку противопоставляются в качестве другой разновидности общенародного языка диалекты (так же как еще одна разновидность — жаргоны), а не их совокупность или совокупность собственно диалектных черт.

Термин «диалектный язык» необходим и по другой причине. Рассматриваемая с позиций Р. И. Аванесова зона Б в вышеприведенной схеме включает в себя такие члены диалектных различий, каждый из которых встречается только в части говоров. Однако в этой зоне следует выделить такую подзону, которая включает черты, характерные для всех русских говоров и отсутствующие в литературном языке. Исследования последних десятилетий выявили такие общедиалектные особенности в традиционной системе русского деревенского общения, в отражении в языке своеобразной для русских диалектов картины мира, в характере деревенской языковой личности (см. [Никитина 1989; Пауфошима 1989; Гольдин 1997; Демешкина 2000]).

При описании диалектных различий, свойственных диалектам данного языка, необходимо учитывать, как это обычно и делается, и такие члены, которые совпадают с литературными (см., например: [Аванесов 1947; Русская диалектология 1964; Русская диалектология 2005; Пожарицкая 2005] и др.). При описании диалектного языка следует учитывать только такие члены диалектных различий, которые не совпадают с литературными.

Л и т е р а т у р а

Аванесов 1947/1970 — Р. И. Аванесов. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1947. Т. VI, вып. 3.

⁶ Конечно, исключая города.

⁷ В частности, так и поступают некоторые ученики и соратники Р. И. Аванесова в своих работах, посвященных группировке русских говоров или рассмотрению явлений, охватывающих все русские говоры или их значительную часть; см., например: [Орлова, Строганова 1968; Образование 1970; Захарова, Орлова 1970]. Встречающиеся здесь единичные упоминания термина «диалектный язык» приводятся без рассмотрения его содержания [Захарова, Орлова 1970: 3]. Против употребления термина и соответствующего понятия «диалектный язык» резко выступал Ф. П. Филин [Филин 1981].

Цит. по: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 300—325.

Аванесов 1949 — Р. И. А в а н е с о в. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Аванесов 1957 — Р. И. А в а н е с о в. Вступит. статьи, справ. материалы и коммент. к картам // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957. С. 7—118.

Аванесов 1962 — Р. И. А в а н е с о в. К вопросу об общеславянском лингвистическом атласе // *Slavia. Roč. 31* (1962). Seš. 4. С. 501—512.

Аванесов 1963 — Р. И. А в а н е с о в. Описательная диалектология и история языка // *Славянское языкознание. V Междунар. съезд славистов* (София, сентябрь, 1963): Докл. сов. делегации. М., 1963. С. 293—317.

Аванесов 1964 — Р. И. А в а н е с о в. Введение // *Русская диалектология* / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964. С. 7—28.

Аванесов 1965 — Р. И. А в а н е с о в. О двух аспектах предмета диалектологии // *Общеславянский лингвистический атлас: (Материалы и исслед.)* / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1965. С. 24—35.

Аванесов 1974 — Р. И. А в а н е с о в. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов, Бернштейн 1958 — Р. И. А в а н е с о в, С. Б. Б е р н ш т е й н. Лингвистическая география и структура языка: о принципах Общеславянского лингвистического атласа [IV Междунар. съезд славистов. Доклады]. М., 1958.

Апресян 1966 — Ю. Д. А п р е с я н. Идеи и методы структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966.

Вопросы теории 1962 — Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.

Гецова, Ильинская 2002 — О. Г. Г е ц о в а, Н. Г. И л ь и н с к а я. Типология различий общерусского глагола в системах диалекта и литературного языка // *Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII)* / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2002. С. 207—232.

Гольдин 1997 — В. Е. Г о л ь д и н. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1997.

Даль 1903—1909/1994 — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1903—1909 / М.: Изд. группа «Прогресс» «Универс», 1994.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР [в 3-м вып. — России]. В 3 вып. / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986—2004.

Демешкина 2000 — Т. А. Д е м е ш к и н а. Теория диалектного высказывания: Аспекты семантики. Томск, 2000.

Дурново и др. 1915 — Н. Н. Д у р н о в о, Н. Н. С о к о л о в, Д. Н. У ш а к о в. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. З а х а р о в а, В. Г. О р л о в а. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Касаткин 1973 — Л. Л. К а с а т к и н. Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости—мягкости // *Исследования по русской диалектологии* / Отв. ред. С. В. Бромлей. М., 1973. С. 57—74.

Касаткин 1999 — Л. Л. К а с а т к и н. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Касаткин 2000 — Л. Л. К а с а т к и н. Донские казацкие говоры // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М., 2000. С. 582—590.

Касаткин 2002 — Л. Л. К а с а т к и н. Диалектное членение русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2002. С. 25—39.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. 3-е изд. М., 1988.

Никитина 1989 — С. Е. Н и к и т и н а. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989. С. 34—40.

Образование 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, Т. Ю. Строганова; Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1970.

Орлов 1984 — Л. М. О р л о в. Русские говоры Волгоградской области: Учеб. пособ. Волгоград, 1984.

Орлова, Строганова 1968 — В. Г. О р л о в а, Т. Г. С т р о г а н о в а. Народные говоры: Фонетика // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. [Т. 4] Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968. С. 183—211.

Оссовецкий 1964 — И. А. О с с о в е ц к и й. Словарь говора деревни Деулино Рязанского района Рязанской области // Вопросы диалектологии восточнославянских языков / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1964. С. 176—206.

Пауфошима 1989 — Р. Ф. П а у ф о ш и м а. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989. С. 41—48.

Пожарицкая 2005 — С. К. П о ж а р и ц к а я. Русская диалектология. М., 2005.

Пшеничнова 1996 — Н. Н. П ш е н и ч н о в а. Типология русских говоров. М., 1996.

Реформатский 1996 — А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Введение в языковедение. 5-е изд. М., 1996.

Русская диалектология 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.

Русская диалектология 2005 — Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.

Словарь древнерусского языка 1966 — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.: Введение, инструкция, список источников, пробные статьи / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1966.

Словарь д. Деулино 1969 — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

Соссюр 1933 — Ф. де С о с с ю р. Курс общей лингвистики. М., 1933.

Филин 1981 — Ф. П. Ф и л и н. О так называемом «диалектном языке» // ВЯ. 1981. № 2. С. 36—43.

П. В. ПЕТРУХИН

ЖИЛИ-БЫЛИ: ВОПРОС ЗАКРЫТ?*

Традиционный элемент русского сказочного зачина — сочетание *жили-были* — издавна рассматривался в исторической русистике как своеобразный рудимент исчезнувшего «русского плюсквамперфекта», ср. [Буслаев 1959: 363; Потебня 1958: 266; Соболевский 1907/2004: 243; Будде 1914: 291]. Основанием для этого послужило прежде всего внешнее сходство двух форм; правда, «русский плюсквамперфект» включал три показателя (ср. 1 л. ед. ч.: *есмь былъ шель*), но в третьем лице связка в форме презенса отсутствовала (*былъ шель*), так что имеется практически полное сходство. Кроме того, зачин сказки относит описываемые события к «давнопрошедшему», а именно с ним обычно ассоциировалось значение плюсквамперфекта, ср. традиционный термин «давнопрошедшее время».

Вместе с тем, рядом исследователей традиционный взгляд был раскритикован и отвергнут. Впервые, насколько можно судить, несогласие с общепринятой точкой зрения выразила А. П. Евгеньева [1951], указавшая на то, что фольклорная формула по целому ряду характеристик расходится с древнерусским плюсквамперфектом. Затем вышла книга О. Б. Ткаченко [1979], целиком посвященная интересующей нас конструкции. Автор книги утверждает, что словосочетание *жили-были* — заимствование (калька) из финских языков. Наконец, относительно недавно к точке зрения Ткаченко решительно присоединился Д. Вайс [2003], поставивший *жили-были* в один ряд с прочими двойными глаголами русского языка, которые, по его мнению, все в конечном счете обязаны своим появлением воздействию распространенных (сейчас и / или в прошлом) в европейской части России финских языков. При этом исследователь пишет: «Интересно отметить, что все еще пользующаяся популярностью среди русистов альтернативная гипотеза о славянском происхождении формулы *жил-был* (обычно ее выводят из давнопрошедшего времени) отстает исключительно авторами, которым работа [Ткаченко 1979], по всей видимости, неизвестна» [Вайс 2003: 55].

Таким образом, Д. Вайс полагает, что после книги Ткаченко в вопросе о генезисе русского сказочного зачина можно поставить точку. На мой

* Работа написана при поддержке Фонда Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung), которому автор искренне признателен.

взгляд, для столь категоричных выводов нет оснований: здесь требуется гораздо более осторожный подход. Ниже я постараюсь рассмотреть этот вопрос с учетом всей относящейся сюда информации. Поскольку работа О. Б. Ткаченко действительно, как отмечает Д. Вайс, не получила большой известности среди русистов, имеет смысл сначала остановиться на ней.

Книга под названием «Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков» в действительности, как уже говорилось, посвящена одному-единственному вопросу: истории сочетания *жили-были*, а точнее, доказательству его финно-угорского происхождения.

В отличие от Евгеньевой, Ткаченко интересуют не древнерусские письменные памятники, а «внешнее» сравнение. Уже в начале книги, исключительно на том основании, что зачин *жили-были* не представлен в других славянских языках, кроме русского, автор делает вывод, что его следует рассматривать «как специфическое новообразование русского языка (подчеркнуто Ткаченко. — П. П.), с начала своего возникновения носившее характер сложного слова копулятивного типа и не имевшее ничего общего с плюсквамперфектом» [Ткаченко 1979: 40] (ниже даются ссылки на страницы этой книги). Ср. далее: «Отсутствие каких-либо инославянских параллелей русскому „жил-был“, в том числе и в виде употребления в сказочных зачинах формально близкого ему плюсквамперфекта, сводит практически к нулю возможность преобразования русского „жил-был“ из исходной плюсквамперфектной формы. (...) Это ставит под сомнение также возможность его появления в русском языке (имеется в виду независимое развитие формы. — П. П.)» (с. 42).

Как видим, из отсутствия *жили-были* в других славянских языках, кроме русского, О. Б. Ткаченко делает сразу три далекоидущих вывода: 1) что подобной формы никогда не было ни в одном славянском языке, кроме русского («специфическое новообразование русского языка»); 2) что она «не имеет ничего общего с плюсквамперфектом»; 3) что ее источник следует искать в инославянской языковой среде.

Методом исключения автор книги выходит на финно-угорские языки как на единственно возможный источник заимствования интересующего нас словосочетания. И действительно, в этих языках встречаются двойные глаголы со значением ‘жить-быть’, круг употребления которых довольно широк и сильно варьируется в различных языках. В частности, что касается сказок, подобные глаголы встречаются в зачине, в середине и в конце текста. Серединные (медиальные) формулы по значению приблизительно соответствуют русскому «долго ли, коротко ли», «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» и т. п. В отличие от русского языка, глагол может выступать как в прошедшем, так и в настоящем времени, равно как и в нефинитных формах.

Автор книги приводит исчерпывающий материал по каждому из финно-угорских языков. Ниже я кратко резюмирую эти сведения. Жирным шрифтом выделены группы языков, подчеркиванием — отдельные языки.

Прибалтийско-финские языки:

В вепском, ижорском и ливском языках глагол типа «жить-быть» отсутствует.

В водском: отсутствует в сказках; отмечены всего два примера «в повествовательных предложениях», где, по словам Ткаченко, нельзя исключить влияние русского языка (с. 64—65).

В эстонском двойной глагол со значением ‘жить-быть’ есть, но он никогда не употребляется ни в сказках, ни вообще в нарративе (с. 62—63).

Карельский «следует признать прибалтийско-финским языком, где данный глагол выступает наиболее активно» (с. 65). При этом главным образом он используется в медиальных формулах, значительно реже — в зачине (как в прошедшем, так и в настоящем времени) и совсем редко — в конце. Контраст между стандартным употреблением в середине сказки и спорадическим в начале настолько выразителен, что автору приходится защищать (причем без особой уверенности) карельский двойной глагол от само собой напрашивающегося вывода о том, что его появление в сказочном зачине — следствие влияния русского языка (с. 67). Его окончательное заключение таково: «есть основание считать карельский копулятивный (т. е. образованный от глагола со значением ‘жить-быть’. — П. П.) зачин самостоятельным явлением, не столько вызванным, сколько, возможно, поддержанным русским языковым влиянием» (с. 68; подчеркнутая мной фраза — пример характерного для Ткаченко стиля логических парадоксов. — П. П.).

Использование карельского глагола «жить-быть» в финальной формуле, по словам Ткаченко, «сравнительно позднее явление, начавшееся с его упадком» (с. 74). При этом здесь он всегда выступает в сочетании с глаголом ‘стать, начинать’: по Ткаченко, «это словосочетание наиболее точно по-русски передается близким ему сказочным выражением „стали жить-поживать“» (с. 72). Тем не менее, автор почему-то не рассматривает возможность заимствования этой формулы из русских сказок.

Предположение о том, что карельский двойной глагол изначально использовался только в середине сказок и лишь под влиянием русского фольклора стал появляться также в начале и в конце, находит серьезную поддержку в материале финских сказок, где, как указывает Ткаченко, данный глагол встречается только в медиальных формулах и «[н]и в каких других функциях... не засвидетельствован» (с. 78).

В саамском языке (близком к прибалтийско-финской группе, но все же, по мнению большинства специалистов, не входящем в нее) отсутствует глагол, который можно было бы перевести на русский как ‘жить-быть’. Здесь есть несколько иная формула — ‘жили, жили’, которая, опять же, регулярно используется в середине сказки, в то время как в зачине отмечено лишь несколько примеров.

Волжские языки:

В марийском двойного глагола нет.

В мордовских языках (эрзянский, мокшанский) имеется глагол со значением ‘жить-пребывать’ (второй элемент можно также перевести как ‘стоять, находиться в определенном месте, посещать’, с. 143). Встречается в зачине, в середине (очень редко) и в конце сказки (чаще), в настоящем и прошедшем времени.

Пермские языки — единственные из финно-угорских, где форма, эквивалентная русскому *жили-были*, регулярно используется в сказочном зачине:

В коми(-зырянском) глагол используется в начале сказок (в настоящем и прошедшем времени), в конце (реже) и в середине (еще реже).

Коми-пермяцкий: нет данных о сказках.

Удмуртский: двойной глагол преобладает в зачине, в других функциях редок. Только в прошедшем времени, причем преобладают эвиденциальные (неочевидные) формы.

Угорские языки:

Венгерский: нет двойного глагола.

Обско-угорские (мансийский и хантыйский): двойной глагол переводится как ‘жить / быть — лежать / спать / ночевать’. В обоих языках формы презенса преобладают над претеритными. В мансийском двойной глагол часто употребляется в зачине, в середине — очень редко; в хантыйском — в середине чаще, чем в начале.

Приведенная ниже таблица суммирует данные по всем рассмотренным языкам.

Группа	Язык	Двойной глагол	Зачин	Середина	Конец
прибалтийско-финские	вепский	—			
	водский	—			
	ижорский	—			
	карельский	‘жить-быть’	?	+	?
	ливский	—			
	финский	‘жить-быть’	—	+	—
эстонский	‘жить-быть’	—	—	—	
саамский		‘жили, жили’	?	+	—
волжские	марийский	—			
мордовские	мокшанский	‘жить-пребывать (стоять, посещать)’	+	?	+
	эрзянский	‘жить-пребывать (стоять, посещать)’	+	?	+
пермские	коми-зырянский	‘жить-быть’	+	+	+
	коми-пермяцкий	‘жить-быть’	?	?	?
	удмуртский	‘жить-быть’	+	?	?

угорские	венгерский	—			
обско- угорские	мансийский	‘жить / быть-лежать / спать / ночевать’	+	+	—
	хантыйский	‘жить / быть-лежать / спать / ночевать’	+	+	—

Как можно видеть, из 17 языков лишь в шести отмечен двойной глагол, который можно перевести на русский как ‘жить-быть’, из них лишь в двух (коми-зырянском и удмуртском) он засвидетельствован в сказочном зачатке (в карельском, как уже отмечалось, весьма вероятно русское влияние).

Впрочем, Ткаченко настаивает на том, что изначально двойной глагол ‘жить-быть’ имелся во всех без исключения финно-угорских языках, и даже реконструирует соответствующую прафинно-угорскую форму **elä-wole-*. Каким образом автор аргументирует свою гипотезу, можно показать на примере саамского языка с его конструкцией *jil'l'en, jil'l'en* ‘жили, жили’: «Употребление саамского *jil'l'en, jil'l'en* „жили, жили“ при некоторых, впрочем незначительных, отличиях, настолько функционально совпадает с карельским *elettih-oldih* „жили-были“, имея при этом этимологическую общность обоих первых глаголов, что невольно возникает предположение о неслучайном характере этого совпадения. Наиболее вероятное объяснение причины появления саамского повтора *jil'l'en, jil'l'en*, функционально сильно связанного с карельским копулятивным *älä(-)olla*, заключается в том, что этот повтор в саамском языке, по-видимому, заменил существовавший в нем в прошлом копулятивный глагол, являвшийся саамским рефлексом предшествовавшего ему ф.-уг. **elä(-)wole(-)*» (с. 93—94). Примерно таким же путем Ткаченко «реконструирует» искомый глагол во всех без исключения финно-угорских языках — даже тех, где отсутствуют какие-либо намеки на нечто подобное.

Опирающаяся исключительно на приведенные выше данные, гипотеза о финно-угорском происхождении русского *жили-были* сталкивается с целым рядом принципиальных трудностей, для преодоления которых О. Б. Ткаченко предлагает сложную и далеко не всегда убедительную аргументацию.

Первая (отмеченная самим Ткаченко) проблема состоит в том, что «парный зачин *жил-был* наиболее распространен именно в центральной России, где в настоящее время финно-угорское население отсутствует» (с. 229), в то время как финно-угорский материал показывает, что зачин типа «жили-были» «широко используется только в пермских сказках, весьма отдаленных от центрально-русских областей» (там же). Вероятность заимствования из пермских языков, бытующих в Приуралье, в говоры центральной России (главным образом, Московская, Рязанская, Ярославская и Тверская области, с. 47), естественно, вызывает сомнение.

Предлагаемый автором книги выход из этой ситуации состоит в следующем: «[И]з всех финно-угорских языков как наиболее вероятный и даже *единственно возможный* язык-источник калькирования р. *жил-был* может быть принят только субстратный мерянский язык» (с. 231; курсив мой. — П. П.). Таким образом, на роль источника рассматриваемой конструкции предлагается язык, о котором не известно практически ничего! Ло-

кализуемая Повестью временных лет в районах озер Неро и Плесеево (где расположены, соответственно, Ростов и Переславль-Залесский), меря исчезает со страниц русских летописей после 907 г., где она упоминается в связи с походом Олега на Царьград. Согласно археологическим данным, на протяжении X—XI вв. меря была ассимилирована славянскими племенами: «[о]кончателное разрушение племенной структуры мери происходит в княжение Ярослава Мудрого» [Леонтьев 1996: 281].

Одна из проблем, с которыми сталкивается «мерянская» гипотеза, — широкое распространение зачина *жили-были*: он известен на всей великорусской территории, в том числе на севере, ср. его регулярное использование в беломорских былинах (с. 25). Что же касается мери, то ее и Повесть временных лет, и современные археологические данные локализуют в относительно небольшом районе центральной России (Волго-Клязьминское междуречье). Ткаченко объясняет экспансию *жили-были* тем, что «[п]оскольку оборот проник в русский язык центральных областей Русского государства, духовная культура которых, в том числе и фольклор, пользовались особенно большим авторитетом, он смог сравнительно быстро распространиться по всей огромной территории Русского государства» (с. 232). К счастью, однако, повсеместное использование того или иного оборота в устном народном творчестве нельзя ввести указом. В целом, как представляется, для самой финно-угорской гипотезы мерянская версия создает больше проблем, чем решает. Если действительно здесь имело место финно-язычное влияние, едва ли целесообразно связывать его с каким-то одним языком.

Поскольку мы не знаем о языке мери *ничего* (за исключением — тоже, впрочем, спорных — данных топонимики), мы, естественно, не можем знать о том, был ли в нем двойной глагол типа «жить-быть» и употреблялся ли он в сказочном зачине.

Специалисты расходятся в вопросе о том, к каким из ныне известных финских языков был ближе мерянский. Есть две основные гипотезы: о его родстве с прибалтийско-финскими языками [Альквист 1997] и с марийским [Vasmer 1935; Матвеев 1996] (ср. близость этнонимов *мари* и *меря*). Е. А. Хелимский предположил существование в прошлом особой «северо-западной» языковой группы, в которую, в частности, входила меря, однако и по его мнению данные топонимики говорят в пользу близости мерянского к прибалтийско-финским языкам, тогда как «марийская» гипотеза безосновательна [Helimski 2006: 111—112]. Для нас существенно, что ни в том, ни в другом случае версия о наличии в мерянском сказочного зачина типа *жили-были* не находит подкрепления: как уже говорилось, в прибалтийско-финских языках соответствующий двойной глагол надежно засвидетельствован только в «серединных» формулах, в марийском же вообще отсутствует что-либо подобное.

Способ, каким Ткаченко доказывает наличие искомой формы в мерянском языке, можно признать самым оригинальным пассажем в книге, ибо он обосновывает свое предположение тем, что соответствующий оборот имеется... в зачине русских сказок, поскольку «[М]аловероятно, чтобы русское выражение калькировало значение „жить-быть“, если этого значе-

ния не было в языке-источнике» (с. 228). С последним высказыванием, разумеется, трудно спорить, как и невозможно представить, чтобы кого-то убедил подобный (заметим, характерный для книги Ткаченко) ход мысли.

Однако допустим, что Ткаченко прав и в «субстратном мерянском языке» действительно имелся двойной глагол, который использовался в сказочном зачине (и / или в начале связного рассказа). Допустим также, что этот глагол представлял собой точное соответствие русскому *жили-были*, а не что-то другое (ср. саам. «жили, жили», морд. «жить-пребывать / стоять», обско-уг. «жить-лежать/спать»). Тогда возникает следующий вопрос. Во-первых, приведенный в работе Ткаченко материал показывает, что ни в одном из финно-угорских языков, имеющих интересующую нас форму, ее дискурсивные функции не ограничены сказочным зачином. В частности, типологически для нее весьма характерно употребление в середине рассказа (в значении «долго ли, коротко ли»), в меньшей степени — в конце. Кроме того, финское «жить-быть» принимает самые разные грамматические формы, в том числе — регулярно — форму презенса, ср. в коми-зырянском (двойным подчеркиванием выделены показатели, указывающие на то, что речь идет о событиях в прошлом): Важён олё-вылө руч да коч пальник вылын «Раньше живет-есть лиса и заяц на пали» (настоящее время); Олёны вылөны вöлі купеч гозья «Живут-суть было купеческая чета»¹ (с. 97). Почему же русский язык, заимствуя финно-угорский оборот, «выбрал» из всего этого списка лишь одну дискурсивную функцию и лишь одну грамматическую форму?

Показательно, что оба различия в употреблении форм типа «жили-были» между русским и финно-угорскими языками — и дискурсивное, и грамматическое — в сущности, заключаются в одном и том же: единственная функция русской формы — маркировать начало повествования, отнесенного к далекому прошлому, в этой функции она абсолютно самодостаточна и не нуждается ни в каких дальнейших смысловых или грамматических уточнениях; напротив, финно-угорские двойные глаголы нейтральны по отношению к оппозициям ‘начало / не-начало повествования’ и ‘прошедшее / не-прошедшее время’.

Сравнительное исследование Ткаченко не дает удовлетворительного объяснения этим фактам. Собранный им материал убедительно свидетельствует лишь о том, что двойные глаголы типа «жить-быть» (как и многие другие) довольно распространены в финно-угорских языках, причем в большинстве случаев их употребление, по-видимому, не обусловлено влиянием русского языка. Но отсюда не следует с необходимостью обратное — заимствование русского *жили-были* из финно-угорских языков.

Вообще говоря, как известно, обращение к соседним языкам или к идее субстрата оправдано лишь в том случае, если есть основания полагать, что

¹ Подобные примеры показывают, что «жить-быть» финских языков является лексической единицей, а ни в коем случае не грамматическим (временным) показателем.

та или иная форма не могла самостоятельно развиваться в языке. Ткаченко фактически игнорирует этот аспект проблемы, ограничиваясь кратким критическим разбором статьи А. П. Евгеньевой [1951] в начале книги (с. 23—25). Между тем подход Евгеньевой абсолютно адекватен поставленной задаче, так как он увязывает решение вопроса о генезисе словосочетания *жили-были* с семантикой древнерусского плюсквамперфекта — точнее, с тем, что нам известно об этой семантике, а в настоящее время о ней известно несколько больше, чем в 1951 г., — прежде всего, благодаря находкам берестяных грамот. В связи с этим имеет смысл вновь обратиться к этой статье².

Следует заметить, что, хотя оборот *жили-были* традиционно считается «потомком» «русского плюсквамперфекта», в статье Евгеньевой примеры на его употребление приводятся попеременно с примерами «книжного» плюсквамперфекта (состоящего из *л*-причастия и вспомогательного глагола в форме имперфекта или имперфективного аориста, ср. 3-е л. ед. ч.: *бѣше (бѣ) пришель*), а под словом «плюсквамперфект» подразумеваются как тот, так и другой показатель. Это связано с почти общепринятым в исторической русистике неразличением этих двух форм: обычно полагали, что «русский плюсквамперфект» возник как формальная замена «книжного» после утраты в восточнославянском простых претеритов, унаследовав при этом его семантику. В действительности же нет никаких оснований ни напрямую связывать происхождение «русского плюсквамперфекта» с книжной формой, ни отождествлять их семантику [Петрухин, Сичинава 2006] (о семантике книжного плюсквамперфекта также [Петрухин, в печати]). Сам по себе термин «русский плюсквамперфект» по ряду причин неудобен, поэтому в [Петрухин, Сичинава 2006] предложено именовать эту форму *сверхсложным прошедшим*, т. е. так же, как аналогичные (формально и семантически) временные показатели западноевропейских языков, ср. *passé surcomposé*, *supercompound past*. Так как только сверхсложная форма надежно засвидетельствована в близких к разговорному языку некнижных письменных памятниках, в данной работе мы можем сконцентрироваться на ней, оставив книжный плюсквамперфект за скобками.

Критикуя гипотезу о плюсквамперфектном³ происхождении *жили-были*, А. П. Евгеньева [1951: 165—167] формулирует четыре вопроса:

1) почему в русском языке не сохранилось других «следов» плюсквамперфекта, кроме *жили-были*;

² На момент сдачи статьи в печать мне была недоступна диссертация В. И. Чернова, один из разделов которой посвящен вопросу о происхождении словосочетания *жили-были* и обсуждению работы Евгеньевой [Чернов 1961: 227—232]. Мои выводы в целом совпадают с выводами Чернова; отчасти совпадает и аргументация.

³ Излагая концепцию А. П. Евгеньевой, использующей, как было сказано, термин «плюсквамперфект» как для книжной, так и для разговорной формы, мы вынуждены следовать терминологии автора.

2) почему это сочетание отсутствует в древних текстах;

3) «почему реликт plusquamperfekt'a сохранился в начальной и независимой форме сказочного зачина, т. е. в положении, совершенно чуждом для употребления plusquamperfekt'a»;

4) «почему „остаток“ plusquamperfekt'a сохраняется в сочетании „жили-были“, где „жили“ — глагол вида несовершенного, длительного, тогда как уже в XIII—XIV вв. plusquamperfekt от глаголов несовершенного вида представляет собой исключение?»

Ответ на первый из перечисленных вопросов дает сама Евгеньева: «Как известно, переживают и остаются в языке отдельные явления в наиболее традиционных и наиболее употребительных (разрядка А. П. Евгеньевой. — П. П.) речевых формулах (например, аорист „рече“ перед прямой речью сохраняется до XIX в. в лубочных сказках, форма творит. падежа на *-ы* в традиционном сочетании „запивают меды сладкими“, старая форма винит. падежа „сядутся на свои добры кони“ в былинах и сказках; „выйти замуж“, „поделом ему“ в нашем разговорном языке и т. д.)».

Ответить на второй вопрос также нетрудно: дело в том, что сказки не фиксировались в древнерусских текстах. С другой стороны, в пользу древности рассматриваемой формы говорит ее употребление в древних былинах, которые цитирует Евгеньева.

Сама исследовательница наибольший упор делает на третий вопрос, ибо, подчеркивает она, «никто из исследователей древнерусского глагола не дает примеров на употребление plusquamperfekt'a в первой фразе произведения, на употребление его безотносительно к какому-либо действию»; «[п]редставляется поэтому совершенно невероятной постановка plusquamperfekt'a в зачине, в начальной фразе... Это — отнюдь не специфика plusquamperfekt'a» [Там же: 168—169]. Сказанное, по-видимому, справедливо по отношению к «книжному» плюсквамперфекту. Что же касается сверхсложной формы, то после находки берестяной грамоты № 724 (1166/1167 гг., согласно [НБГ 1990—1996: 25]) ее употребление в первой фразе связного текста уже отнюдь не кажется невозможным, ср.:

- 1) \bar{W} Савы покланане къ братъи и дрѹжине. Оставили ма были людье, да остатъ дани исправити было имъ досени, а по первомѹ пѹти послати и отъбыти проче. И заславъ Захарья въ в[ѣ]ре ѹрокль...
‘От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил...’ [Зализняк 2004: 350].

Как пишет А. А. Зализняк [Там же: 176], первая фраза грамоты (содержащая сверхсложную форму) «относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого».

Подобное употребление, свойственное плюсквамперфекту целого ряда европейских языков, Д. В. Сичинава предложил называть «сдвигом на-

чальной точки» [Сичинава, в печати]. Вполне понятна и причина, по которой аналогичные употребления ранее не встречались в древнерусских памятниках: отсутствие древних некнижных нарративных текстов. Тем более показательно, что в первом же (и до сих пор едва ли не единственном) достаточно длинном некнижном раннедревнерусском нарративе начальная фраза содержит сверхсложное прошедшее.

Наконец, последний вопрос. Действительно, «русский плюсквамперфект» чаще всего образуется от глаголов совершенного вида, но несовершенный вид тоже встречается, причем как в древних, так и в более поздних текстах, ср.:

- 2) а оуже, брате, кде есме бѣли доумали поити на стрѣя своего, то оуже тамо не ходи, но поиди сѣмо ко мнѣ [Ипат.: л. 127 об.; 1147 г.].
‘А теперь, брат, куда мы собирались пойти на нашего дядю, не ходи, а иди ко мне сюда’.
- 3) не мыслиль есмь до пльсковичь груба ничегоже, нѣ везль есмь бѣль въ коробѣяхъ дары: паволокы и оwoць, а они мя обьщствовали [НПЛ: л. 104; 1228 г.].
‘Я не хотел причинить псковичам никакого зла, а (напротив) вез им в сундах подарки — шелка и плоды, а они меня оскорбили’.
- 4) А в Двине истопоша москвич много, а шли бѣли за Двину на добыток [Пск.: л. 205; 1519 г. (в летописи по ошибке указан 7026 г. вместо 7027 г.)].
‘А в (Западной) Двине утонуло множество москвичей, а шли они за Двину за добычей’.

Пример с вторичным имперфективом:

- 5) Царевы и великого князя воеводы, которыи были збиралися на Литву, как Литва от Тарбаса отошла, князь Василей Глинской да князь Петрь Серебряной и инья воеводы ходили воевать за вельян [Пск.: 226 об.; 1561 г.].
‘Когда литовцы отошли от Тарабаса, князя Василий Глинский и Петр Серебряный, а также другие воеводы царя и великого князя, которые собирались выступить против литовцев, пошли защищать вельян’.

Есть и пример с глаголом *жить*:

- 6) А от Полтеска князь велики пошел на другои недѣли великого поста к Москвѣ; а которыа были въ городѣ жили люди Жидове, и князь велики велѣл ихъ и с семьями в воду в речную вметати, и оутопили ихъ [Пск.: л. 230 об.; 1563 г.].
‘А из Полоцка (после взятия города) на второй неделе великого поста великий князь отправился в Москву, а евреев, которые жили в городе, вместе с семьями, великий князь велел бросить в речную воду, и утопили их’.

Впрочем, как отмечает М. Н. Шевелева [2006: 239], изучившая употребление не книжных конструкций с глаголом *быти* в Псковских летописях, не исключено, что в последнем случае представлена известная по данным русских диалектов «избыточная» форма глагола *быти* со значением ‘имелись, находились’. «Однако, — пишет М. Н. Шевелева [Там же], — надо специально подчеркнуть, что ничто не противоречит интерпретации этого контекста как русского плюсквамперфекта: место *были* точно соответствует позиции энклитики — как и во всех остальных примерах, сама конструкция с плюсквамперфектом после относительного местоимения *а которыа были въ городѣ жили* является в Пск. 3-й лет. самым частотным контекстом употребления плюсквамперфекта ⟨...⟩ и значение здесь полностью соответствует значению остальных примеров, представляющих „отмененное прошедшее“. В любом случае перед нами не книжная синтаксическая структура, но второе решение (т. е. в пользу плюсквамперфекта. — П. П.) кажется более вероятным».

Таким образом, древнерусский материал демонстрирует отсутствие каких-либо непреодолимых препятствий для «независимого» возникновения сказочного зачина *жили-были* в русском языке.

От диахронии (в ее генетическом и ареальном аспектах) перейдем к современному состоянию русского языка. В цитированной в начале настоящей статьи работе Д. Вайс [2003: 55] ссылаются на книгу Ткаченко для обоснования тезиса о том, что относительно широкое распространение в русском языке двойных глаголов, равно как и «сам принцип русского глагольного удвоения», есть не что иное, как следствие влияния бытующих на севере европейской России финских языков. Обсуждение русских двойных глаголов и их генезиса выходит за рамки моей статьи. Существенно, однако, что в предыдущей работе на эту тему Д. Вайс [2000] исключил из рассмотрения *жили-были*, поскольку эта форма не вполне подпадает под определение двойных глаголов и «находится вообще на грани интересующей нас конструкции» [Там же: 359].

Действительно, в [Вайс 2000: 356—357] названы пять формальных свойств «прототипического» двойного глагола; из них два — *просодическая слитность* и *возможность перестановки* — не подходят для *жили-были*.

Признак просодической слитности, который Д. Вайс поставил на первое место в определении русских двойных глаголов, заключается в том, что «в отличие от ряда однородных членов, оба глагола произносятся без паузы, и только один (при нейтральном порядке — второй) несет ударение»⁴ [Там же] (подчеркнуто мной. — П. П.). Именно с учетом этого признака исследователь не счел возможным однозначно причислить *жили-были* к двойным глаголам: «поскольку здесь оба глагола ударны» [Там же: 359].

⁴ Ср. разг. *поди посмотри́, ляг отдохни́, возьми почита́й* (*возьму почитаю* и т. д.).

Здесь вызывает возражение лишь утверждение о равноударности обоих компонентов сочетания *жили-были*. В действительности в традиционных фольклорных текстах ударение здесь всегда падает на первый компонент, второй же безударен, и сам по себе этот факт весьма небезразличен для генезиса данной конструкции.

Дело в том, что, как показал А. А. Зализняк, просодические свойства древнерусского глагола *быти* зависят от его грамматического статуса: в качестве полнозначного глагола он — акцентно самостоятельная словоформа, в качестве вспомогательного — энклиномен. Для форм презенса от глагола *быти* такое распределение не вызывает сомнений, для «русского плюсквамперфекта» примеров меньше, но, по мнению Зализняка [1993: 285—286], здесь, по-видимому, действовал тот же принцип; это подтверждают и наблюдения М. Н. Шевелевой [2006: 237—239] над языком Псковских летописей. Как указывает Зализняк, отмеченные просодические особенности сохранились у глагола *быть* «в современных выражениях, исторически восходящих к плюсквамперфекту: *жил-был у бабушки...; он было пошёл, да раздумал*» [Зализняк 1993: 285—286]. Ср. также примеры из русских былин: *А и жил-был богатой гость, А по имени Терентишиша* [Кирша Данилов: 255]; *Там-то жил-был ведь дородней добрый молодець* (цит. по [Евгеньева 1951: 172]).

Другой упомянутый Д. Вайсом [2000: 357] признак двойных глаголов предусматривает возможность перестановки их компонентов без изменения смысла, ср. *пойду прилягу ~ прилягу пойду*. Ясно, что и тут *жили-были* резко выделяется на фоне двойных глаголов. Хотя в северо-западных русских диалектах встречается форма *был-жил* [Ткаченко 1979: 48], очевидно, что речь идет о локальном преобразовании исходной конструкции, а отнюдь не о свободной перестановке ее составляющих.

Итак, три тезиса — три столпа, на которых покоится гипотеза о финно-угорском происхождении русского сказочного зачина *жили-были*: о невозможности его самостоятельного развития в (древне-)русском языке, о широком распространении аналогичного зачина в финских языках и о принадлежности данного сочетания к «двойным глаголам», — на деле оказываются ненадежными.

Означает ли это, что следует полностью отвергнуть идею о каком-либо влиянии издревле бытовавших на огромном пространстве европейской части России финских языков на возникновение и историю этой конструкции? На мой взгляд, нет. Проблема русско-финских языковых связей и взаимовлияний (субстратных и адстратных) требует к себе очень внимательного отношения, и в нашем случае собранный Ткаченко материал, безусловно, нельзя игнорировать. В целом рассмотренный материал подтверждает хорошо известный тезис о том, насколько сложной является проблема языковых контактов и как трудно бывает отделить генетические явления от ареальных.

Как именно возникла форма русского сказочного зачина *жили-были*, мы, скорее всего, никогда не узнаем. Но, как представляется, исходя из имеющихся у нас данных, можно предполагать конвергенцию между финской и русской конструкциями. Гипотеза о конвергенции примирила бы обе версии происхождения *жили-были*, одновременно устранив их слабые места. Так, наличие у «русского плюсквамперфекта» функции «сдвига начальной точки» [Сичинава, в печати] может служить объяснением «избирательности» «заимствования» рассматриваемой формы из финских языков (где, как показал Ткаченко, соответствующий двойной глагол имеет гораздо более широкий набор грамматических форм и дискурсивных функций, чем русское *жили-были*). В таком случае, финский двойной глагол (в претерите) на русской почве был переосмыслен как сверхсложная форма. Это вполне соответствует современному пониманию механизмов языковой конвергенции, среди которых важное место занимает реинтерпретация (в том числе морфологическая) иноязычной конструкции⁵. Нельзя исключить и того, что данная форма возникла в древнерусском независимо от финского влияния. В любом случае, последним может объясняться ее «консервация» в русском языке вопреки утрате в нем сверхсложного прошедшего («русского плюсквамперфекта»), а также на фоне отсутствия подобных формул в остальных славянских языках⁶. Если понимать «плюсквамперфектную» и «финно-угорскую» гипотезы как строго взаимоисключающие (как это было до сих пор), то обе они слишком уязвимы, вместе же, напротив, они дополняют друг друга.

Л и т е р а т у р а

Альквист 1997 — А. А л ь к в и с т. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // ВЯ. 1997. № 6. С. 22—36.

Будде 1914 — Е. Ф. Б у д д е. Лекции по истории русского языка. Казань, 1914.

Буслаев 1959 — Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Вайс 2000 — Д. В а й с. Русские двойные глаголы: кто хозяин, а кто слуга? // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 356—378.

Вайс 2003 — Д. В а й с. Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Рус. яз. в науч. освещении. 2003. № 2 (6). С. 37—59.

⁵ Ср. определение этого понятия в [Aikhenvald 2006: 10]: «[r]eanalysis, i.e. a historical process whereby a morphosyntactic device acquires a different structure from the one it originally had, with little or no change to its surface form or semantics».

⁶ Ср.: «If languages in contact have similar constructions and patterns, they reinforce each other» [Aikhenvald 2007: 31]. Между прочим, иллюстрируя этот тезис, А. Ю. Айхенвальд приводит в качестве примера сериальные глагольные конструкции африканских языков.

Евгеньева 1951 — А. П. Евгеньева. Сочетание «жили-были» в сказочном зачине // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944): Сб. ст. Л., 1951. С. 165—174.

Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 191—321.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962. 2-е изд. М., 1998.

Кирша Данилов — Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977. (Лит. памятники).

Леонтьев 1996 — А. Е. Леонтьев. Археология меры: К предыстории Северо-восточной Руси. М., 1996.

Матвеев 1996 — А. К. Матвеев. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1. С. 3—23.

НБГ 1990—1996 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. 2-е изд. М., 2000.

Петрухин, в печати — П. В. Петрухин. Дискурсивные функции древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // Исследования по теории грамматики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Плуменя, А. Ю. Урманчиевой. М., в печати.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.

Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.

Пск. — Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

Сичинава, в печати — Д. В. Сичинава. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Исследования по теории грамматики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Плуменя, А. Ю. Урманчиевой. М., в печати.

Соболевский 1907/2004 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка // Труды по истории русского языка. Т. 1 / Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М., 2004.

Ткаченко 1979 — О. Б. Ткаченко. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979.

Чернов 1961 — В. И. Чернов. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянскими языками: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1961. (<http://www.2shared.com/file/2478255/5eeb4c43/Chernov.html>)

Шевелева 2006 — М. Н. Шевелева. Некнижные конструкции с формами глагола быти в псковских летописях // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 215—241.

Aikhenvald 2006 — A. Y. Aikhenvald. Reflections on language contact, areal diffusion, and mechanisms of linguistic change // В. Caron, P. Zima (eds).

Sprachbund in the West African Sahel. Louvain; Paris, 2006. P. 23—36. Цит. по: <http://www.latrobe.edu.au/rclt/StaffPages/aikhenvald%20downloads/CaronandZimavolu me.pdf>

Aikhenvald 2007 — A. Y. A i k h e n v a l d. Grammars in contact: a cross-linguistic perspective // A. Y. A i k h e n v a l d, R. M. W. D i x o n (eds). Grammars in contact: a cross-linguistic typology. P. 1—66. Цит. по: <http://www.latrobe.edu.au/rclt/StaffPages/aikhenvald%20downloads/Grammarsincontact.pdf>

Helinski 2006 — E. H e l i m s k i. The «Northwestern» Group of Finno-Ugric Languages and its Heritage in the Place Names and Substratum Vocabulary of the Russian North / J. Nuorluoto (ed.). The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology // Slavica Helsingiensia. 27. 2006. P. 109—127.

Vasmer 1935 — M. V a s m e r. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen. Berlin, 1935. (Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Klasse XIX).

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Симпозиум памяти Герты Хюттль-Фольтер (Венский университет, 10—13 мая 2007)

Ни один другой профессор венской славистики послевоенного времени не был в такой мере интернациональной фигурой и не был столь тесно связан с русской наукой, как Герта Хюттль-Фольтер (1923—2000). Ее главные труды посвящены описанию эволюции языковой нормы на протяжении восьми столетий русской письменности. Исследования различных языковых эпох выполнены на материале, наиболее характерном для каждого синхронического среза. Для древнего периода таким материалом является язык русской летописи с его сложным механизмом отбора славянских и русских элементов¹, в период же сложения нового литературного языка в XVIII веке языкотворческий центр переместился в сферу лексики и синтаксиса². Книга Г. Хюттль-Фольтер, посвященная лексическим новациям XVIII века³, на несколько лет опередила развитие науки в нашей стране и во многом определила ее цели и методы в 60—80-е гг. XX в. В результате общих усилий самый темный пе-

риод в развитии русского языка стал к 1990-м годам наиболее изученным, а плодами этих разработок пользуется и сегодня высшая школа в преподавании истории языка и культуры. Обращаясь к памяти Герты Хюттль-Фольтер, организаторы венской встречи стремились привлечь внимание участников симпозиума к главному моменту языкового и культурного развития XVIII века — слиянию исторического наследия с потоком обновления, в связи с чем это научное мероприятие получило название «Русский язык и литература в XVIII веке: традиции и инновации». Действительно, развитие как объект изучения и постижения ставит перед наукой самые трудные вопросы, потому что всякое развитие есть соединение разнородных составляющих, а не вытеснение и замена одного другим.

Венский симпозиум продолжил дело, начатое в 1989 г. конференцией на Фагеруде по изучению истории русского языка в XVIII в.⁴; активное и плодотворное участие в ней приняла тогда Герта Хюттль-Фольтер. Прошедшие между двумя научными мероприятиями годы оказались, однако, не слишком благоприятны для русистики. В результате перестройки зарубежные университеты свернули изучение России, ибо она, став открытой непосредственному

¹ *Hüttl-Folter G.* Die trat / torot-Lexeme in den altrussischen Chroniken. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der russischen Literatursprache. Wien, 1983.

² *Hüttl-Folter G.* Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Überetzungen aus dem Französischen. Wien; Köln; Weimar, 1996.

³ *Hüttl-Worth G.* Foreign Words in Russian: A historical sketch, 1550—1800. Berkeley; Los Angeles, 1963. (Univ. of California Publications in Linguistics; Vol. 28).

⁴ Доломоновский период русского литературного языка (материалы конференции на Фагеруде, 20—25 мая 1989 г.) / Ed. A. Sjöberg, L. Đurovič, Ulla Birgegård. Stockholm, 1992.

жизненному опыту, многое потеряла от своей прежней загадочности, тогда как в самой России экономические трудности, ставшие такой же неперменной частью новой действительности, как прежде экономические успехи, вытеснили науку на задворки общественной жизни. Сегодня Институт славистики Венского университета производит впечатление одного из наиболее продуктивных и, во всяком случае, благополучных центров русистики, где все еще хранят веру в мировое значение русского языка и культуры и имеют возможности превратить эту веру в жизнь. Организаторами конференции выступили заведующая кафедрой восточнославянских языков профессор Юлиана Бестерс-Дильгер, которая в 1994 г. сменила на своем посту Герту Хюттль-Фольтер, и заведующий кафедрой восточнославянских литератур профессор Федор Борисович Поляков, который в 2005 г. пришел на место покойного С. С. Аверинцева⁵. В отборе участников симпозиума они руководствовались уважением к личным научным связям Герты Хюттль-Фольтер и объективной оценкой состояния современной русистики. Благодаря их усилиям материалы симпозиума в скором времени увидят свет; к ним будет приложена полная библиография трудов Г. Хюттль-Фольтер. Предвидя эту публикацию, я предлагаю лишь самый краткий пересказ прочитанных докладов.

Большая их часть по своей тематике была непосредственно связана с наследием Герты Хюттль-Фольтер.

Вернер Лефельдт (Геттинген) выступил с двумя сообщениями. В одном

⁵ Память С. С. Аверинцева Институт уже почтил изданием: Wort — Geist — Kultur. Gedenkschrift für Sergej S. Averincev / Hrsg. von J. Besters-Dilger, H. Miklas, G. Neweklovsky, F. B. Poljakov (= Russian Culture in Europe / Ed. by F. B. Poljakov. Vol. 2). Frankfurt am Main, 2007.

из них он представил очерк жизни и научных трудов покойного ученого, в другом на материале ранних переводов Третьяковского коснулся одной из любимых тем Г. Хюттль-Фольтер — французского влияния на синтаксис русского языка в XVIII в. О синтаксисе сложного предложения, в частности о закономерностях в употреблении союзных слов *кой* и *который*, рассказал *Ю. С. Казарлицкий* (Москва), а в докладе *Ю. Бестерс-Дильгер* (Вена) был представлен полный набор союзных средств организации сложноподчиненных предложений и отмечены тенденции их системного развития в XVIII в.

Истории грамматической мысли XVIII в. были посвящены доклады *Светланы Менгель* (Галле), рассказавшей о новых документах, сохранивших лингвистическое наследие пастора Глюка, и *Гельмута Кайперта* (Бонн) о характеристике глагола в трудах Пауса. Сообщение *Яна Ивора Бьорнфлаттена* (Осло) содержало наблюдения о развитии деепричастия в литературном языке на ранних этапах его становления и о формальных ограничениях в образовании этой грамматической категории. В выступлении *Н. Н. Запольской* (Москва) была сделана попытка описания нормативного механизма XVII—XVIII вв. как автоматически действующей системы в сфере словоизменения.

Лексикологии русского языка XVIII в. были посвящены работы двух ученых из Кракова — *Веслава Витковского* и *Адама Фаловского*. Первый говорил о польском посредничестве в заимствовании из немецкого, второй — о многоязычном торговом словаре Немниха (Гамбург, 1797) как источнике изучения определенных пластов русской терминологии.

Широкий круг вопросов, связанных с сосуществованием двух лингвистических систем в период сложения нового русского литературного языка (т. е.

церковнославянской и собственной русской) и с развитием стилистики, был затронут в докладах *Анны Кречмер* (Бохум / Вена) об эпистолярном формуляре конца XVII — начала XVIII в., *Анны Болек* (Краков) о стилистических особенностях русского перевода «Деяний церковных» Барония в издании 1719 г., *Стефана Гарзонио* (Пиза) о переводах с итальянского, выполненных Иваном Барковым, *Иоганнеса Райнхарта* (Вена) о сходстве и различии в грамматической структуре текстов Крылова и Пушкина. Попытки осмысления итогов лингво-стилистического развития XVII в. в связи с традициями и новшествами эпохи представили в своих докладах *Элиза Малек* (Лодзь), *Алеи Браднер* (Брно) и *А. А. Алексеев* (С.-Петербург). В докладе *Габриэлы Зауберер* (Вена) дана общая характеристика значения переводной письменности для развития русского языка в XVIII в.

Тематика ряда докладов вышла за пределы XVIII в. и собственно русского ареала. *А. М. Молдован* (Москва) отметил дисгармонию между семантикой слова *обида* и его научной этимологией. *Герхард Невекловский* (Вена) предложил анализ акцентной системы в Забелинской редакции Домостроя. *Андраш Золтан* (Будапешт) привел наблюдения

о семантическом влиянии латинского языка на язык русской канцелярии XVI—XVII вв. *Ф. Б. Поляков* (Вена) выявил использование барочных литературных моделей в писаниях Аввакума. *Е. А. Земская* (Москва) извлекла из частной переписки конца XIX в. данные для гендерной лингвистики. *Б. А. Успенский* (Москва / Неаполь) предложил опыт систематического описания семантики, выражаемой через категорию глагольного вида. *Стефан Михаэль Невекла* (Вена) рассказал о чехах Злобичком и Шимеке, распространявших знания о русском языке в Вене в конце XVIII в.

Участники симпозиума посетили Венское центральное кладбище и возложили цветы на могилу Герты Хюттль-Фольтер. Следует особо отметить интерес, проявленный к симпозиуму Российским культурным институтом в Вене. Участники симпозиума услышали рассказ о работе по распространению русского языка и русской культуры в Австрии. Симпозиум был отмечен духом возрождения подлинных научных ценностей и потому оказался способен открыть новые перспективы, реализации которых, хочется надеяться, будет придан систематический характер.

А. А. Алексеев

РЕЦЕНЗИИ

Т. Б. Радбиля. Языковые аномалии в художественном тексте:
Андрей Платонов и другие. М.: МПГУ, 2006. — 319 с.

Книга Тимура Беньюминовича Радбиля посвящена языковым аномалиям — их роли в речевом узусе, в языке, в художественном тексте и их значению для лингвистики. Объектом исследования служат, в основном, романы, повести и рассказы Платонова, но в качестве фона выступают Хармс, Введенский и другие мастера литературы абсурда. Речь идет преимущественно об аномалиях, которые возникают на уровне семантики.

Последние несколько десятилетий семантика переживает бурное развитие. Одно из направлений этого развития связано с попыткой обнаружить КАРТИНУ МИРА, лежащую в основе языка в целом или же языка отдельного автора. Автор считает, что это направление было намечено когнитивной лингвистикой: когнитивный подход к языку дает возможность научной постановки вопроса об аномалиях, которые связаны не только с языком в узком смысле слова, но и с картиной мира, лежащей в основе языка и написанных на нем текстов.

Мощный фактор, оказавший влияние на общую концепцию книги, — возникновение теории НАРРАТИВА. Один из самых интересных разделов книги посвящен аномалиям нарратива, и надо твердо сказать, что еще пару десятилетий назад такая задача не могла бы иметь достаточно прочной теоретической базы.

Сколь это ни парадоксально, область лингвистики, к которой принадлежит исследование Т. Б. Радбиля, можно очертить лишь очень широко. Наука

занимается изучением закономерностей, и современная лингвистика ищет закономерности в самых разных сферах. Это семантика (в том числе лексическая семантика, референциальная семантика), морфология, синтаксис, фонетика, просодия, структура текста, прагматика. Книга посвящена аномалиям — т. е. нарушениям закономерностей, относящихся к любой из этих сфер языка. Так что единственное ограничение состоит в том, что речь идет о русском языке и о художественных текстах. Точнее, о текстах Андрея Платонова, писателя, который известен как раз уникальным своеобразием и, в конечном счете, аномальностью своего языка. В предисловии к Новому объяснительному словарю синонимов, под ред. Ю. Д. Апресяна, подробно обосновывается положение о том, что конечным критерием, подтверждающим те или иные языковые факты, являются литературные примеры. При этом специально оговорено, что иллюстрации в словаре НЕ берутся из произведений А. Платонова, поскольку тексты Платонова в каком-то смысле ориентированы на нарушение языковых норм. Т. Б. Радбиля показывает, что для лингвиста (не лексикографа) тексты Платонова — благодатнейший материал, чуть ли не на каждом шагу сулящий открытия.

Имеется немало трудов, посвященных философским аспектам творчества Платонова — близости Платонова к экзистенциальной онтологии бытия по Хайдеггеру, к «воскресительным» про-

ектам Федорова и т. д. (см., например, [Эпштейн 2006]). Т. Б. Радбиль не касается, однако, напрямую ни философских, ни религиозных, ни каких-либо иных аспектов сочинений Платонова: никаких, кроме лингвистических. Философский смысл сочинений этого писателя, картина соотношения жизни и смерти, бытия и его отражения в сознании, отсутствие границы между бытием и сознанием, феноменализм Платонова — все это обнаруживается и при чисто лингвистическом анализе его сочинений. Перед нами Платонов, увиденный глазами лингвиста.

Т. Б. Радбиль вступает в диалог с лингвистикой: для того, чтобы фиксировать нарушение, отклонение от нормы, нужно, чтобы закономерность, норма была заранее известна. В этом смысле перед охотником за аномалиями ответ должна держать вся лингвистика: достаточно ли основательно исследованы закономерности (русского) языка, чтобы все, что неискушенный читатель интуитивно воспринимает как аномальное, можно было охарактеризовать как нарушение такой-то закономерности из такой-то области. Впрочем, в некоторых случаях предъявленный материал как раз позволяет говорить о новых языковых закономерностях, ранее не замеченных или недостаточно понятых.

Надо сказать, что лингвистика, как оказывается, неплохо выдерживает этот экзамен. Там, где аномальный текст не поддается раскладыванию по полочкам, речь, видимо, идет не о лингвистике — даже в самом широком ее понимании. В одной из своих статей автор рассматривает следующий пассаж из Хармса:

Покупая птицу, смотри, нет ли у нее зубов. Если есть зубы, то это не птица.

Семантический анализ в пределах лингвистики позволяет усмотреть в этом тексте всего лишь немотивированную тавтологичность; между тем эф-

фект этого построения, как кажется, рассчитан на то, что читатель усмотрит «прецедентный текст» — аллюзию к поговорке *Дареному коню в зубы не смотрят*, а может быть, еще и к шутке — как сказать: *У рыбеи нет зубей или у рыбов нет зубов*. Это дает основание для перехода от получения коня в подарок к его покупке и потом от покупки коня — к покупке рыбы. Так что лингвистика должна отвечать за многое, но далеко не за всё.

Сильная сторона исследования Т. Б. Радбиля — аналитическая интерпретация аномалий. Аномалия, как правило, носит комплексный характер, и расчленение комплекса на его составляющие — это отдельная сложная задача. Лингвистический анализ языка Платонова требует специальной техники работы с аномалиями. Эта техника близка к той, которую виртуозно применял Михаил Леонович Гаспаров. Разбирая фразу из Платонова —

питал к ней [своей жене, которой «мало владел»] озабоченную нежность¹ —

Михаил Леонович сводит эту комплексную аномалию к совокупности метафорических и метонимических переносов. Именно в таком ключе анализирует аномалии Платонова Т. Б. Радбиль. Например:

...черты его личности уже *стерлись о революцию* («Чевенгур») (с. 195²).

В этом фрагменте усматривается одновременно метафорический перенос — революция как «овеществленная предметная сущность» — и метонимический: общее вместо частного — *пора*

¹ На этот пример обратил внимание Михаила Леоновича М. Михеев [2003: 70].

² Здесь и далее в скобках указываются страницы рецензируемой книги, на которых анализируются соответствующие примеры.

революции, события революции. Автор ссылается на неразрывность метафоры и метонимии, отмеченную Н. А. Кожевниковой [1994]. Можно думать, что одновременное присутствие двух переносов является общим правилом. Ср. сочетание метафоры и метонимии в блоковском

Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели.

Совершенно иной характер носит комплексная аномалия в разделе 5.2.1, посвященном текстовой связности:

На сельских улицах пахло гарью — это лежала зола на дороге, которую не разгребали куры, потому что их поели («Чевенгур») (с. 266).

Здесь аномальна, с одной стороны, причинно-следственная связь (зола лежит на дорогах потому, что ее не разгребают — не уничтожают — куры, как если бы это было нормальной причиной отсутствия золы на дорогах), а вдобавок аномальна и сама фоновая пропозиция: как выясняется, и кур уже не существует, а между тем нормальное предложение с глаголом физического действия требует референтного подлежащего.

Установка автора — на поиск системности аномалий у Платонова. По-видимому, именно системностью отличаются аномалии у Платонова от аномалий у оберинутов.

Представляется вполне оправданной триада, на которой основана композиция книги. После двух вступительных глав следуют три основные: глава III — Аномалии языковой концептуализации мира, глава IV — Аномалии языка, глава V — Аномалии текста. Это деление соответствует ранее принятой классификации аномалий. На содержании глав III—V хочется остановиться.

Глава III посвящена специфичности свойственной Платонову концептуализации мира. Надо сказать, что само по-

нятие «концептуализация» — это достижение последних лет развития лингвистики, когда возросло внимание к соотношению языкового выражения с действительностью. Структурализм видел в тексте и в языке в лучшем случае соотношение между знаком и означаемым. Так, Н. Хомский в работе 1977 года еще продолжает считать главной задачей лингвистики описание соответствия между «звучком и значением языкового выражения». А между тем к этому времени в компетенцию лингвистики уже входит постепенно и третья вершина треугольника Фреге — денотат. Все чаще значение выступает не только как смысл по отношению к форме языкового выражения, но и как КОНЦЕПТ по отношению к внеязыковому объекту. Возникают понятия КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СИТУАЦИИ и КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. Они подчеркивают некую ранее не осознававшуюся произвольность связи между действительностью и ее отражением в языке. Эту произвольность надо считать определяющей для современной лингвистической парадигмы.

В самом деле, существенно то, что концептуализация одного и того же фрагмента действительности может быть различной: для разных людей (и даже для одного и того же человека в разное время) и для разных языков — каждый язык навязывает говорящим свою модель мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005].

Все это позволяет автору поставить вопрос о специфичной концептуализации мира, свойственной текстам Платонова.

Обсуждается одна из характерных особенностей художественного стиля Платонова — овеществление абстрактных понятий. Иначе можно сказать, что это аномальная — предпочтительно вещная — категоризация явлений действительности. Например, «телесное» представление абстрактных понятий, таких, как *коммунизм, революция:*

Разве *в теле* Якова Титыча удержится коммунизм, когда он тощий? («Чевенгур») (с. 115);

Коммунизм ведь теперь *в теле* у меня — от него не денешься («Чевенгур») (с. 115).

Несколько иная, но тоже неадекватная категория присвоена слову *коммунизм* в примере:

от коммунизма умер самый маленький ребенок в Чевенгуре... («Чевенгур») (с. 133).

В главе IV тоже идет речь про овеществление абстракций — слова *отсталость*, *сиротство* трактуются как обозначающие вещество, материальную субстанцию. В принципе, такая трактовка в природе языка, о ней говорил еще Есперсен. За какие границы заходит в этом процессе метафоризации Платонов — это еще предстоит выяснить.

Надо сказать, что важная роль категоризации, таксономии в семантике текста была осознана лишь в последнее время: пионеры отечественной теоретической семантики (см., в частности, [Апресян 1974]) недооценивали таксономию. Сейчас интерес к таксономии резко возрос. Принципиальное значение имеют таксономические классификации, применяемые в системе «Лексикограф» [Кустова, Падучева 1994] и в Национальном корпусе русского языка (сайт в Интернете — www.ruscorpora.ru).

Итак, один из источников платоновских аномалий — неадекватная категоризация. Примером может служить аномальная субстанциализация свойства, признака, атрибута:

видел *лунную чистоту* далекого масштаба [вместо *чистую луну*] (с. 137);

печальность замершего *света* [вместо *печальный свет*] («Котлован») (с. 138).

Надо сказать, что такого рода субстанциализации свойства — самое обыч-

ное дело в поэтическом тексте, и трактуется она как метонимия; ср. у Пастернака:

Перегородок тонкоробость
Пройду насквозь, пройду как свет.

Собственно говоря, аномально лишь употребление таких тропов в непозитическом тексте.

Смещение эпитета, которое автор отмечает как аномалию,

женщина в сытой шубке («Чевенгур») [вместо *сытая женщина в шубке*] (с. 144)

тоже часто в поэзии. Ср. у Пушкина *ишенье пенистых бокалов*.

Другой источник аномалий, позволяющий говорить об аномальном устройстве мира Платонова, а не о чисто языковых нарушениях, — это аномальные причинно-следственные связи, т. е. аномальные пресуппозиции, которые кладутся в основу аргументации:

Здесь, граждане, ведь *не фронт* — *голым* ходить *не вполне прилично* («Чевенгур») (с. 168).

Приведу примеры аномалий, которые Т. Б. Радбиль подводит под разряд тавтологий:

летний день стал... вредоносным для *зрения глаз*;
плакала слезами из черных *глаз*;
библиотека *книг* (с. 166).

Тавтологии этого рода были отмечены в [Левин 1998]; один из ярких примеров — сочетание *косарь травы*. Аномалия здесь возникает за счет избыточного выявления ИНКОРПОРИРОВАННОГО УЧАСТНИКА ([Падучева 2004]; в традиционной терминологии это ВНУТРЕННИЙ ОБЪЕКТ), который имеет право выходить на поверхность только при определенных условиях, например, при наличии определения, см. **видеть глазами*, но *видеть своими глазами*.

Самый простой случай — аномалия на чисто синтаксическом уровне, например, нарушение законов сочетаемости видовой формы с обстоятельством времени; так, *долго* требует глагольной группы, обозначающей длящийся процесс или деятельность:

*Я бы *долго* заплакала (с. 49).

В классической работе [Булыгина 1982], посвященной классификации предикатов, отмечено явление, состоящее в том, что глагол состояния может при определенных условиях трактоваться — в аспектуальном отношении и с точки зрения сочетаемости с обстоятельствами времени — как глагол процесса. У Платонова есть много характерных примеров на эту тему:

— Нет, — сказала Фрося, — я не пойду.
Я по мужу *буду скучать* («Фро»).

Здесь СОСТОЯНИЕ *скучать* представлено как процесс — ЗАНЯТИЕ, которое героиня планирует на тот или иной отрезок времени.

В принципе, такого рода трактовка состояния как процесса свойственна русскому языку — это явление рассмотрено в работе [Зализняк 2006] на примере глагола *собираться*, который наряду с чисто стативным значением 'намереваться' имеет значение процесса, протяженного во времени:

уже час лежу и *собираюсь* встать; *собираюсь*, да все никак не *соберусь* (ответить на письмо, кому-то позвонить), все утро *собирался* сесть работать, да так и не *собрался*.

Большая группа аномалий идет по разряду «стилистическая неряшливость». Тут дело в неточной номинации; часто она порождается паронимической аттракцией — сближением похоже звучащих слов:

пополам [вместо *наполовину*] готовый котлован («Котлован»);

Здесь [в пивной] были *невыдержанные* [вместо *невоздержанные* (в питье)] люди, предававшиеся забвению своего несчастья... («Котлован»);

Копенкин пришел в *самозабвение* [вместо *забылся*, *потерял контроль над собой*] (с. 253—254).

Принципиальное значение имеет механизм, лежащий в основе аномалии в примере:

умру к тебе = 'умерев, окажусь с тобой' (с. 243).

Неуместная направительная предложная группа *к тебе* выявляет в семантике глагола *умереть* компонент «перемещение»; однако этот компонент (перемещение в мир иной) образный, имплицитный, так что в норме вытекающая из него направительная валентность не может быть реализована на поверхностном уровне.

Глава V посвящена аномалиям нарратива. Этот раздел книги в очередной раз свидетельствует о том, что платоновские аномалии — это ценнейший лингвистический материал, позволяющий увидеть тонкие языковые закономерности. Теория нарратива — недавно сложившаяся область исследований. Важную роль в ней играют понятия РЕЖИМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ и ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА. Это работы В. В. Виноградова, Н. А. Кожевниковой, Ю. Манна. Лингвистика нарратива начинается со статей Э. Бенвениста и великой статьи Р. Якобсона о шифтерах, где обнаружены внутренние связи между дейксисом и модальностью. В [Падучева 1996] дан подробный обзор литературы; в [Шмид 2003] изложена история вопроса.

Один из важных аспектов семантики нарратива — нарративное значение времени: в нарративе обязательно возникают связи между видо-временными формами. Известный факт состоит в том, что перфектив в норме обозначает

последовательные события, а имперфектив — одновременность. В этой связи большой интерес представляет пример, разбираемый на с. 256:

Появился Захар Павлович на опушке города, снял себе чулан у многолетнего вдовца-столяра, вышел наружу и задумался: чем бы ему заняться? («Чевенгур»).

Оставим пока начальную фразу и рассмотрим фрагмент (аномальный):

Захар Павлович (...) *снял* себе чулан у многолетнего вдовца-столяра, *вышел* наружу и *задумался*: чем бы ему заняться?

Источник аномалии, можно думать, следующий: *снять* (помещение) — это действие, у которого результат (наступившее состояние) локализуется в сверхдолгом интервале. Снимают помещение на какой-то относительно долгий срок — несоизмеримый с таким, на который человек может *выйти наружу*. И хотя в русской аспектологии достаточно подробно описаны значения совершенного вида, это явление не было замечено. Дело в том, что цепочка перфективов интерпретируется как цепь последовательных событий при условии, что каждый перфектив имеет перфектное состояние относительно небольшой длительности. До сих пор в русской аспектологии не принимался во внимание класс глаголов, у которых перфектное состояние локализуется в сверхдолгих интервалах. А он играет особую роль в нарративной перспективе текста. Так что этот пример аномальной последовательности перфективов имеет принципиальное значение для дальнейшего исследования функции видовых противопоставлений в нарративных цепочках.

Одна из замечательных лингвистических находок Платонова (и, соответственно, Т. Б. Радбиля) — слова *оказаться* и *очутиться*. Они позволяют выявить противопоставление «голос

Повествователя vs. голос Персонажа» по Бахтину. Пример:

Прожил Пухов... переехал на самостоятельную квартиру. *Очутившись* дома, он обрадовался («Обыкновенный человек») (с. 253) [надо — *оказавшись*].

Как показывает исследование Т. Б. Радбиля, у Платонова своего рода феноменологическая концептуализация мира — очень часто в контексте, где герой должен действовать, он оказывается всего лишь объектом наблюдения кого-то со стороны:

Появился Захар Павлович на опушке города, снял себе чулан у многолетнего вдовца-столяра...

Естественно было бы сказать про Захара Павловича не *появился*, а *приехал*. Есть и много других примеров этого рода:

Левой рукой Копенкин ударил из нагана в хату, громя оконное стекло. Дванов *очутился* у порога («Чевенгур») (с. 253).

В сугубо событийном контексте герой оказывается не Агенсиом действия (такого, как *подбежал* или *подскочил*), а объектом чьего-то восприятия: *очутился*. Герои не перемещаются, а «внезапно обнаруживают себя в некотором месте, куда, в общем-то, сами стремились».

В этой связи интересны аномалии, состоящие в том, что контекст не предоставляет кандидата на роль Наблюдателя, которая предусмотрена семантикой глагола (о Наблюдателе см. [Апресян 1986; Падучева 1996]):

На краю города *открывалась* мощная глубокая степь («Чевенгур») (с. 252).

Можно сказать *от края города открывалась*; можно сказать *взгляду открывалась*, но платоновская фраза, как она есть, аномальна, поскольку не предоставляет места Наблюдателю. Другой пример:

По аллее они проехали версты полторы. Потом *открылась* на высоком месте торжественная усадьба («Чевенгур») (с. 252).

Место, которое мог бы занимать в ситуации наблюдающий ее субъект, элиминировано довольно искусно, потому что достаточно убрать *потом* и переставить слова, как аномалия исчезнет:

По аллее они проехали версты полторы. На высоком месте *открылась* торжественная усадьба.

В связи с фигурой Наблюдателя как подразумеваемого субъекта вторичных эгоцентрических элементов чрезвычайно интересен раздел 5.2.2, где речь идет о метатекстовых показателях субъективной модальности и их субъектах. Один пример:

Пухов, *например*, Фома Егорыч, сразу почел такое занятие обыкновенным делом («Сокровенный человек») (с. 270).

Здесь вводное слово *например* метатекстовое, и оно выявляет повествователя — который перед этим скрывал свое присутствие, как это естественно для традиционного нарратива.

Хрестоматийная аномалия (отмеченная в [Успенский 1970], одной из первых отечественных работ по современной семантике нарратива) — употребление первичного эгоцентрика в гипотаксическом режиме, т. е. в косвенной речи. В примере ниже такой эгоцентрик — *значит*:

Чагатаев понял их и спросил, что, *значит*, они теперь убедились в жизни и больше умирать не будут? («Джан») (с. 272).

Проявлением аномалии можно считать то, что для этого предложения нельзя найти адекватную просодию.

Более известный тип аномалии представлен примером

Он подумал, что дождь — и тот действует, а я сплю (с. 276),

где *я* употреблено в гипотаксической позиции вместо правильного *он*. Этот тип аномалии подробно рассмотрен в той же работе Б. А. Успенского (и упоминается в «Философии грамматики» О. Есперсена).

Интересно, что среди аномалий Платонова относительно незначительное место занимают коммуникативные неудачи; т. е. Платонова интересовали принципиально иные аспекты языка и мироздания, чем, например, Льюиса Кэррола (см. о Кэрроле [Падучева 1982]).

Следует сказать, что при той пронизательности, с которой автор относится к лингвистической стороне платоновских аномалий, недостаточное внимание уделено назначению аномалии. Напряженные отношения между персонажами и повествователем, борьба за право голоса на каждом эгоцентрическом элементе вызывают к ответу на вопрос: что это, несобственная прямая речь (в стиле, скажем, Вирджинии Вульф), когда повествователь уступает свое право на эгоцентрику герою, или сказ (как, например, у Зошенко), когда повествователь говорит (и думает) на языке героев? Это вопросы, которые возникают у читателя, но не получают удовлетворительного ответа.

С целью осмысления функции аномалии Т. Б. Радбиль обращается к понятию ОСТРАНЕНИЕ. По В. Шкловскому, который ввел в употребление этот термин, остранение — художественный прием, цель которого — нарушить существующие стереотипы и обеспечить свежесть восприятия (в частности, за счет нарушения традиций и норм). Средством остранения могла быть осложненность семантики, заторможенность сюжетообразования (это был способ противопоставить себя банальной установке на сюжет, свойственной литературе масскульта), оглушение повествователя и под. Писательскую манеру Платонова Т. Б. Радбиль называет, вслед за Ольгой

Меерсон [Меерсон 2001], НЕОСТРАНЕНИЕМ — вероятно, имея, в виду подчеркнуть различие между Платоновым и, скажем, Хармсом, состоящее в том, что у Хармса установка на абсурд, в которой он дистанцируется от своего читателя, а у Платонова нет такой установки.

Едва ли, однако, термин НЕОСТРАНЕНИЕ можно признать удачным: все-таки желательнее иметь термин с положительным, а не с отрицательным значением. Различие между Платоновым и Хармсом, как кажется, следует искать на уровне отношения между автором и его персонажами.

Аппарат современной теории нарратива, в принципе, должен допускать локализацию текстов Платонова в пространстве повествовательных форм. Скажем, тавтологичность Платонова явно отличается от тавтологичности Искандера, и это различие на современном уровне нашего проникновения в структуру нарратива можно выразить достаточно точно.

Можно повторить, что анализ Платонова в книге Т. Б. Радбиля остается на уровне чисто лингвистическом, и в этом смысле достижения автора бесспорны. Но поскольку речь, все-таки, идет о художественном тексте, какие-то специфические функции платоновских аномалий хорошо было бы предьявить.

Так или иначе, чтение этой книги не оставляет сомнения в том, что изучение аномалий вносит вклад в наше понимание закономерностей, действующих на самых разных уровнях языка — от семантики до просодии.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1974 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян 1986 — Ю. Д. А п р е с я н. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5—33.

Булыгина 1982 — Т. В. Бу л ы г и н а. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85.

Гаспаров 1997 — М. Л. Г а с п а р о в. Избранные труды. Т. 2. О стихах. М., 1997.

Зализняк 2006 — Анна А. З а л и з н я к. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Анна А. З а л и з н я к, И. Б. Л е в о н т и н а, А. Д. Ш м е л е в. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

Кожевникова 1994 — Н. А. К о ж е в н и к о в а. Типы повествования в русской литературе XIX—XX вв. М., 1994.

Кустова, Падучева 1994 — Г. И. К у с т о в а, Е. В. П а д у ч е в а. Словарь как лексическая база данных // ВЯ. 1994. № 4. С. 96—106.

Левин 1998 — Ю. И. Л е в и н. От синтаксиса к смыслу и дальше (о «Котловане» А. Платонова) // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 392—419.

Меерсон 2001 — О. М е е р с о н. «Свободная вещь»: Поэтика неостранения у Андрея Платонова. Новосибирск, 2001.

Михеев 2003 — М. М и х е е в. В мир А. Платонова через его язык. М., 2003.

Падучева 1982 — Е. В. П а д у ч е в а. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982. С. 76—119.

Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Успенский 1970 — Б. А. У с п е н с к и й. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970.

Шмид 2003 — В. Ш м и д. Нарратология. М., 2003.

Эпштейн 2006 — М. Э п ш т е й н. Язык бытия у Андрея Платонова // ВЛ. 2006. № 2. С. 146—164.

Е. В. Падучева

Е. С. Отин. Словарь коннотативных собственных имен.
М.: ООО «А Темп», 2006. — 440 с.

В данном издании объектом лексикографического описания стали имена собственные, обладающие устойчивыми коннотациями и на их базе развившие вторичные значения, подобные понятийным значениям нарицательных лексем. Для обозначения этих языковых единиц автор вводит термин *коннотонимы*, понимая под ним имена собственные, которые «не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию — быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных».

Такого рода языковой материал имеет, по справедливому замечанию автора, характер универсалии, а в русском языке отличается обширностью и разнообразием. Однако до сих пор «апеллятивированным» онимам не было уделено заслуженного внимания со стороны исследователей, в том числе и лексикографов. К слову, в качестве одной из причин такой ситуации можно назвать устойчивое (но, как представляется, несколько неточное) восприятие лингвистами этих языковых фактов как языковой периферии, где фактор случайности преобладает над системностью, а экспрессивно-игровое начало — над логикой семантического развития.

Таким образом, фраза В. М. Мокиенко из предисловия к «Словарю коннотативных собственных имен» о том, что «Е. С. Отин открывает новую страницу в нашей лексикографии», не является преувеличением. Наличие предшествующих изданий, подобных по проблематике, — а таковых всего два: работа Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова «От собственных имен к нарицательным» (Тбилиси, 1970) и словарь

Т. Н. Кондратьевой «Метаморфозы собственного имени» (Казань, 1983), — лишь подчеркивает значимость словаря Е. С. Отина. Спустя почти четверть века лексикографический аспект изучения апеллятивированных онимов получил развитие, выразившееся в более обширном охвате материала, в разработке авторских методов его осмысления и описания.

Одна из ярких особенностей Словаря — разнообразие, подчеркнутая смешанность его состава.

Думается, автор не ставил себе цели описать материал со всей полнотой, последовательностью и системностью; скорее им руководило стремление представить это масштабное языковое явление «эскизно», высветив его различные стороны, наметив как можно больше его особенностей. Следовательно, можно считать вполне оправданными и заметную эклектичность словника, и очевидную «непрописанность» семантической структуры многих коннотонимов.

В Словарь включены коннотативные собственные имена различных семантических классов — антропонимы, топонимы, зоонимы, эргонимы, хрононимы, мифонимы, поэтонимы, библионимы и пр. (например, весь перечень представленных имен на букву «Б» выглядит так: *Балакирев, Барбос, Бармалей, Барсик, Бастилия, Бедлам, Бельмондо, Бендер, Бобик, Богдан, Болдинская осень, Бонапарт, Борман, Бородино, Борух, Бродвей, Бурадино, Бухара, Буцефал*).

Е. С. Отин представляет номинативные единицы, относящиеся к различным языковым традициям (книжной и разговорной) и к различным формам существования русского языка (литературный язык, просторечие, жаргоны, диалекты). Соответственно, на страницах словаря достаточно обширные опи-

сания символично-философских коннотаций некоторых имен (это, например, знаки библейско-христианской традиции — *Адам, Палестина, Иуда, Молох* и др.) соседствуют с многочисленными примерами «низкого стиля» — словами из современного молодежного сленга, тюремно-лагерного жаргона. Литературно-книжная традиция, конечно, все же ближе Е. С. Отину, поэтому если со Словарем захотят ознакомиться носители современных жаргонов, то они обнаружат случаи авторских неточностей в определении значения коннотонима. Мы имеем в виду лексические единицы, значение которых автор реконструирует сам, пользуясь, например, одним примером словоупотребления в публицистическом источнике (*хачик* «торговец, принадлежащий одной из кавказских национальностей»; *клава* «самый распространенный тип лесбиянок»). Иногда просчеты имеют вид даже не столько неточной дефиниции, сколько лексического фантома. Например, в приведенном Е. С. Отиним фрагменте интервью с А. Б. Пугачевой певица, рассказывая о своей поддержке молодых исполнителей, говорит: «*Так ведь не бывает, что от начала до конца ведешь человека. Так, стимулируешь то своим примером, то замечаниями, поощрениями. Остальное все от Бога — индивидуальность, талант. А Буратино сделать невозможно*». Это упоминание известного сказочного сюжета, явно сделанное с целью противопоставить самостоятельно развивающихся артистов и появившегося исключительно благодаря усилиям папы Карло человечка, почему-то стало поводом для реконструкции Е. С. Отиним «языкового факта» *Буратино* — «бездарный человек».

Диалектные лексико-семантические варианты тоже представлены на страницах Словаря, но весьма и весьма фрагментарно; перечень диалектных словарей, использованных Е. С. Оти-

ним, отнюдь не обширен, и даже эти источники просматривались выборочно (отдельные тома).

В предисловии к Словарю Е. С. Отин подчеркивает значимость для него исторического аспекта: «Словарь представляет собой собрание коннотонимов на разных этапах истории русского языка». Автор привлекал словарные и литературные источники XI—XIX вв. Отдельные словарные статьи, посвященные имеющим длительную историю номинативным единицам, отличаются обширностью и носят характер историко-этимологических этюдов, например: *Олух, Пентюх*.

Если присутствующие в Словаре лексические факты распределить по шкале «язык — речь», то они займут на ней самые разнообразные позиции. Наряду с номинациями, имеющими языковой статус (например: *ловелас* «волоки-та, франт-обольститель», *гаврик* «ребенок»), представлено немало примеров, которые имеют характер метафор с различной степенью закрепленности в языке: от устойчивых, представленных серией словоупотреблений (*Клеопатра* «обольстительная, сексапильная женщина»; *Лиса Патрикеевна* «хитрый и льстивый человек»), до скорее речевых (*Москва* «с собирательным значением: русское войско»); и явно единичных авторских (*Илиада* «течение жизни, жизненный путь»). Вообще, критерий «узуальное — окказиональное» важен для Е. С. Отина: автор оценивает по нему каждый представляемый номинативный факт. Другое дело, что не всегда с этой оценкой (как, впрочем, и с формулируемым значением) можно согласиться: например, цветаевская строка «*Как живет вам с стотысячной — Вам, познавшему Лилит!*» становится, похоже, единственным основанием для выявления узуальной с точки зрения автора номинации *Лилит* «первое увлечение, первая любовь (женщина)».

Помимо указания на узуальный либо окказиональный тип представляемых лексических единиц, автор характеризует их в аспекте области распространения: интралингвальные (бытующие в одном языке, т. е. в данном случае русском) и интерлингвальные (межъязыковые). Кроме того, указывается семантический разряд онима (топоним, мифоантропоним и пр.), а иногда форма существования языка и сфера его распространения. Данные характеристики обозначаются посредством

аббревиатуры, предваряющей описание каждого лексико-семантического варианта.

Безусловная значимость «Словаря коннотативных собственных имен» состоит прежде всего в том, что он обращает внимание на интереснейшее языковое явление, демонстрирует его многогранность и тем самым дает импульс для его дальнейшего детального и системного анализа.

И. В. Родионова

О. А. Анищенко. Словарь русского школьного жаргона XIX века.

М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2007. — 368 с.

Попытки целостного описания лексики определенного социального диалекта относительно отдаленного прошлого, предпринимаемые в последние десятилетия, являются в силу специфики объекта описания своеобразными историко-лексикологическими реконструкциями. Это важно осознавать, поскольку мы сегодня далеко не во всех деталях способны понять тонкости словоупотребления, характерного для относительно закрытых общественных групп 100—200 лет назад, порой и по весьма неполным описаниям.

Подобные реконструкции могут опираться на значительный круг источников и результаты сдержанной экстраполяции за пределы описываемого периода, как, например, «Словарь дореволюционного арго» [Грачев 1991], или же базироваться на анализе разночтений двух словарей одного автора, как «Алфавитный перечень мазовских слов» с комментариями — на сопоставлении двух жаргонных словарей В. И. Даля (1842 и 1854 г.) [Бондалетов 2004: 158—171]. При этом наряду с лексикографическими вопросами неизбежно возникает и вопрос о методах работы с источником, выбор которых в каждом

случае зависит как от задач описания, так и от наличия и качества самих источников.

В связи с этим нельзя не отметить разительное отличие источников по школьному жаргону XIX века от большинства иных описаний социальных диалектов этого периода. Описания условных языков ремесленников, торговцев, нищих доступны нам по преимуществу в виде записей более или менее сторонних людей. Это заинтересованные наблюдатели, но обычно они посвящали знакомству с описываемым лингвистическим феноменом месяцы, недели, а порой и считанные дни. Школьные же словечки представлены в описаниях квалифицированных наблюдателей, опыт которых базировался на многолетнем погружении в материал. Это, пожалуй, единственный социальный диалект, который в значительной степени описывали и фиксировали сами его носители. И это сильная сторона источников. Другая важная отличительная черта материала — форма его представления. Если для условных языков это лаконичные словарные списки, с трудом верифицируемые исследователем в случае разночтений или сомнений, то для

школьных словечек имеются нередко обширные контексты, примеры употребления, пояснения авторов. Эти особенности материала позволяют ставить многие важные вопросы источниковедческого плана и искать на них ответы, так что анализ описаний «буршикозного» лексикона в методологическом аспекте является если не эталоном, то хотя бы перспективным банком аналогий и параллелей при реконструкции других социолектов и потому приобретает определенное значение и для русской исторической лексикологии в целом.

Труд О. А. Анищенко «Словарь русского школьного жаргона XIX века» [Анищенко 2007], материал к которому собирался около 20 лет, с одной стороны, продолжает линию упомянутых выше и других лексикографических реконструкций социолектов прошлого, а с другой — пополняет ряд словарей школьного жаргона нашего времени, с которыми он созвучен как по лексикографической концепции, структуре словарной статьи и т. д., так и по объекту описания, напр. [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005; Грачев 2006; Мокиенко, Никитина 2000; Никитина 2003; Никитина 2005] и др., см. [Шаповал 2006].

В словаре О. А. Анищенко описано около тысячи слов и выражений. Это значительный и впечатляющий материал. Достаточно сказать, что в знаменитом словаре В. Ф. Трахтенберга под редакцией И. А. Бодуэна де Куртене 753 словарных статьи [Трахтенберг 1908]¹. XIX век — это целая эпоха, за которую был пройден путь от паровоза до аэро-

плана в истории техники и от Пушкина до Чехова в истории литературного языка. В сфере народного образования также имели место разнообразие и эволюция ряда форм обучения, поэтому, безусловно, необходимыми являются регулярные указания О. А. Анищенко на тип учебного заведения и период времени (обычно десятилетие), когда слово имело распространение. В действительности хронологические рамки словаря охватывают и предреволюционную эпоху XX века (Л. А. Кассиль, Е. Д. Поливанов) и порой даже более поздние годы (Н. И. Толстой). Кроме того, даются систематические географические указания, что позволяет иногда проводить содержательные параллели с материалом народных говоров. Вместе с тем специфика источников, публицистических и художественных, такова, что среди географических объектов оказываются порой названия зашифрованные (С-кая гимназия, N-ское кавалерийское училище) и вымышленные (Грязнодольское духовное училище, Мутноводская духовная семинария). Последние целесообразно было бы как-то пометить, чтобы отличить от реальных географических объектов на карте Российской империи. Условности художественного времени и пространства нельзя не учитывать также, в частности, привлекая словечки школяров из повести «Вий» Н. В. Гоголя. Вряд ли можно считать, что изображена Киевская духовная семинария именно 1830-х годов, поскольку время действия в этой фантастической повести прямо не обозначено.

Прочтение записи жаргонизма, несмотря на близость к нам XIX века и обычно печатную форму источников, не всегда является тривиальной задачей. В частности, это вызвано как неупотребительностью литеры «ё» в ряде необходимых случаев, так и отсутстви-

¹ Нынешние словари уголовного арго достигают 15 000 единиц, включая, правда, в немалых дозировках такие «перлы», как, например, фантастическое слово *лашла* ‘враг’, возникшее в результате ряда ошибок прочтения из реального *летла* ‘враг’ [Шаповал 2001: 33—35; Добродомов, Шаповал 2005: 152—153].

ем регулярных указаний на ударение в малоизвестных словах в большинстве текстов.

Нерегулярное использование литеры «ё» в русских изданиях создает серьезную текстологическую проблему, если речь идет о прочтении записей редких, в частности жаргонных, слов. О. А. Анищенко избирает компромиссное решение вопроса о восстановлении «ё»: *закопёрщик* ‘друг’ (обычно *закопёрщик*), *минёк* ‘обмен’ (вероятнее *минёк*, полтавский «школяризм» от *м[и]нять*, укр. *мінати*) [Анищенко 2007: 99, 164], однако в ряде случаев «ё» восстанавливается: *матрёшка* ‘ученик с привлекательной внешностью’ [Анищенко 2007: 159]². Юнкерское *шепёрка* ‘низкая (нежелательная для юнкеров) оценка’ [Анищенко 2007: 303]: *разумеется, шепёрка* (‘карта шестёрка’ [Попов 1912: 75; Мокиенко, Никитина 2000: 687]), строго говоря, пишется с «ё», но при цитировании источника восстанавливать написание с «ё» не следует, у А. И. Куприна: «шеперокъ» [Куприн 1912: 100]. В описанном Н. И. Толстым слове *стоднёвка* ‘день, который отмечали за сто дней до экзаменов на аттестат зрелости (с учителями в ресторане русские гимназисты в Белграде в 1940-е гг.)’ [Толстой 1998: 360—361]³

² Для современного читателя нелишне напомнить, что игрушка-*матрёшка* распространяется лишь с начала 1890-х годов, так что Д. Н. Мамин-Сибиряк, описывая слово гимназистов 1860-х гг., имел в виду производность от женского уменьшительного имени *Матрёшка* (*Матрёна*).

³ Только этим контекстом иллюстрируется словосочетание *большая матура* ‘аттестат зрелости’ [Анищенко 2007: 160], которое является заимствованным наименованием (полукалькой) югославской школьной реалии. Включение этого выражения в словарь, как и помета «Шутл.» при нем, нуждается в дополнительном обосновании. Кроме

буква «ё» почему-то утрачена: *стоднёвка* [Анищенко 2007: 262].

В одном случае автор воспоминаний подчеркивает специфическое произношение слова *жедепом* ‘старое мрачное здание, в котором держали провинившегося кадета’ [Анищенко 2007: 93]. Оно описано по воспоминаниям генерала М. Я. Ольшевского и, в частности, неточно процитирован его комментарий, где им передано произношение, записанное как *жедепоць*, а не *жедепомь* [Ольшевский 1886: 74, сн. 2].

Не учтены особые ударения, представленные в источнике: «**АЗБУЧКА**, -и, ж. Уменьш. к *Азбука*. ♦ **Азбучка забалдырь Евангилье Свитцы**. Семин. Ирон. Прозвище ученика. Его прозвали *Азбучка забалдырь Евангилье Свитцы* — за то, что он азбуку называл азбучкой, а псалтырь — забалдырью (Н. Помяловский. Очерки бурсы; Петербургское духовное училище, 1840-е гг.)» [Анищенко 2007: 37]. В издании 1865 г. отметим неожиданное «й» в *Евангилье*: «Его прозвище *Азбучка забалдырь Евангилье Свитцы* за то, что ⟨...⟩» [Помяловский 1865: 149], в академическом издании 1935 г. два нестандартных ударения по рукописи: «Его прозвище *Азбучка забалдырь Евангилье Свитцы* — за то, что ⟨...⟩» [Помяловский 1935: 90]. У Н. Г. Помяловского, вероятно, содержался намек на «низкие» звучания типа: *азбучка* — *взбучка*, *забалдырь* — *булдырь(?)* (*волдырь*), *евангилье* — *гиль*. В этом ряду запись *Свитцы* (которая фонетически совпадает с *светцы*, мн. ч. от *светец* ‘зажим для лучины’) может указывать на произношение [свитци], вызванное переносом ударения на окончание и отчетливым иканьем в первом слоге.

того, небольшой и интересный материал Н. И. Толстого явно выбивается за хронологические и географические рамки объекта описания.

В словах *цуканье, цукание* ‘грубое обращение старшего курса с младшим’ [Анищенко 2007: 296] и *цукать* ‘издеваться над первокурсником’ [Анищенко 2007: 297; Коровушкин 2000: 316—317] постановка ударения на первом слоге вступает в противоречие с основным источником, где по крайней мере в первом слове показано регулярно иное ударение: «цуканіе» [Домрачев 1912: 149, 154]⁴. Маловероятно и ударение в *цукатэль* ‘кадет, который издевается над первокурсником’ [Анищенко 2007: 216]. Скорее, ударение во всех однокоренных словах было постоянным: *цукать, цукание* [Ушаков, IV: 1228, 1229; БАС, 17: 721, 722; МАС, IV: 648], **цукатель*. Будучи усвоенным через устную речь, для тогдашних военных такое ударение было единственным и безальтернативным, так что А. И. Куприн не ставит знака ударения. Нет ударений и в другом важном источнике: *цуканье, цукатель, цукаемые* [Н.К.М. 1908: 200, 203, 212].

В тех случаях, когда ударение не указано, для принятия решения о месте ударения иногда можно опираться на сведения о производности слова: *пуститься на феру* ‘решиться на удачу прочесть (на экзамене ответ на) совсем не тот билет, который достался’ [Анищенко 2007: 217], там же поясняется, что выражение является результатом стяжения гласных на стыке предлога и существительного, в исходном *на афэру* ударение должно было остаться на прежнем месте, ср.: *воображать — выбращать, по офэни — по фэни*. В слове *реал* ‘реалист’ (учащийся реального

училища) [Анищенко 2007: 229] также вероятно сохранение ударения на прежнем месте: *реальное > реал*.

Сложнее дело обстоит со словом *кулей* ‘товарищ’ [Анищенко 2007: 144], Е. Д. Поливанов характеризует это слово как локальное (рижское) заимствование из речи городских низов «латышско-немецко-русского» города в речь подростков-гимназистов, указывая в качестве источника немецкое *Kollege* с ударением на втором слоге [Поливанов 2003: 161—162]. При заимствовании в русский для выбора ударения постоянное латышское ударение на первом слоге реально не столь значимо, как долгота на втором слоге (ср. совр. латышск. *kolēģis* ‘коллега’), который трактуется как ударный, так что, видимо, в начале XX века рижские русские гимназисты произносили *кулэй* или, если допустить влияние местной фонетики, [күл’э:й / күлэ:й].

По альтернативным источникам можно уточнить место ударения в слове *мушник* ‘прозвище учителя Вологодской духовной семинарии 1840-х гг.’ (принявшего подношение ржаными пирогами) < ‘деревенский ржаной пирог’ [Анищенко 2007: 168—169]. У В. И. Даля *мучник (мушник)* ‘ржаной пирог’ (от *мукá*, а не от *муха*) дано как северное [Даль, II: 358, 363].

Скорее опечатками объясняется ряд спорных ударений (полу жирным отмечено стандартное ударение): *завянутъ* ‘замолчать’, *мáтрикул* ‘зачетная книжка’, *до мóщей* ‘в состоянии сильного опьянения’ [Анищенко 2007: 97, 159, 80/168] и др.

В ряде случаев лексический материал XIX в., вероятно, целесообразнее не снабжать ударениями, восстановленными на интуитивных основаниях, если в источнике место ударения не показано, например:

бáзить ‘дразнить, злить’ [Анищенко 2007: 43], ср. без ударения [Бундас

⁴ Написание *Домрачев* (но не *Домрачѣв* [Анищенко 2007: 270]) стандартный «Ворд» автоматически меняет на *Домрачевев*, что нашло отражение в ряде словарных статей и списке литературы [Анищенко 2007: 270, 343 и др.]. Правильно первое [Анищенко 2007: 103, 295 и др.].

1897: № 5—6, 68]; *бертовский*: *бертовская подливка* ‘картофельный соус с морковью’ [Анищенко 2007: 48/209], ударение в источнике отсутствует [М. Л. 1862: 403].

Ряд неофициальных наименований институток: *четвёрик* ‘воспитанница четвертого отделения’, *пятерик* ‘воспитанница пятого отделения’, *шестёрик* ‘воспитанница шестого отделения’ [Анищенко 2007: 298—299, 226, 304—305] — описан, в частности, по воспоминаниям А. Энгельгардт (1902), где ударение не указано: *четверики* [Энгельгардт 1902: 92]. Можно ожидать, что ударение было не по типу **четвёрик*, **пятёрик*, **шестёрик*, а *четверик*, *пятерик*, *шестерик* с переносом ударения на окончание в формах мн. ч., ср.: *четверик* ‘четверокурсник’ [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005: 311].

Особое ударение не показано писателем в слове *пикет* [Станюкович 1893: № 1, 35], так что выбор необычного места ударения прямо не обоснован: *пикет* ‘большое круглое пространство в центре коридора (учебного здания морского кадетского корпуса)’ [Анищенко 2007: 206]⁵.

Толкование жаргонизмов нередко связано с описанием разнообразных реалий прошлого. Очевидно, что авторы воспоминаний и других источников ориентировались на современных, владевших актуальным культурным контекстом. Это касается, например, сроков обучения и учебной программы духовной семинарии. Думается, толкование ‘ученик низшего отделения семинарии (**риторики**)’ при словах *грамматик*, *поэт*, *ритор* / *риторист*, *син-*

таксист, *словарь* / *словесник*, *этимолог* [Анищенко 2007: 74, 217, 232, 244, 249, 311] для читателя начала XXI века оказывается недостаточно информативным и может быть уточнено.

В духовном училище срок обучения был 4 года (2 двухгодичных отделения). (*Приходчина* у Н. Г. Помяловского — это младшее отделение (объект издательства для второго курса), а не ‘ученики (другого) приходского училища’ [Анищенко 2007: 219].) В духовной семинарии полный курс обучения был 12 лет. Первые шесть классов были годичными: 1) аналогия, или фара (класс чтения, или приходский, — приготовительный); 2) инфима (низший); 3) грамматика / этимология (семинаристов этого курса именовали *грамматики* или *этимологи*); 4) синтаксима (синтаксисты); 5) пиитика (поэты); 6) риторика (риторы, словесники, словари); а на два последние требовалось до шести лет: 7) философия (философы); 8) богословие (богословы) [Булгаков 1843: 54, 126]. С. И. Сычугов пишет, что в Вятском духовном училище грамматика изучалась обыкновенно три года, а синтаксис — четыре, и его случай, когда он прошел за год третий класс грамматики и за два — четвертый класс синтаксиса⁶, был довольно редким [Сычугов 1933: 97].

В учебных заведениях различных типов различались и системы отметок, которые выставлялись по шкалам с разным количеством баллов. Например, в практике духовных училищ и семинарий обнаруживается шкала от 0 до 5

⁵ Кроме того, в источнике представлена особая сочетаемость слова в этом значении с предлогом *на*: *стоять «на пикете»* (кавычки Станюковича), а не *в пикете*, что следовало бы отразить в словарной статье.

⁶ Судя по цитате в словаре, *синтаксисты* однажды якобы названы *первоклассниками* [Анищенко 2007: 244]. Но это не так, недоразумение возникло в результате пропуска запятой: «первоклассники (sic!), синтаксисты, риторы и другие не имеющие личных прав участвовать в угощении» [Спротяженносложенский 1865: 149].

(«с *пятка́ми*, т. е. самыми лучшими баллами» [Помяловский 1935: 121; Анищенко 2007: 227]), а С. И. Сычугов упоминает и о десятибалльной шкале [Сычугов 1933: 198, 222]. В военных гимназиях и училищах использовалась 12-балльная шкала [Куприн 1912: 104; Деникин 1990: 41, примеч. *]. Это позволяет уточнить толкования ряда слов: «ШЕПЁРКА, -и, ж. Юнкер. Шутл. Низкая (нежелательная для юнкеров) оценка. <...> Форсилы и отчаянные не без хвастливой гордости декламировали: | Единица да нули — | Вот и все мои баллы. | Двоек, троек очень мало, | А пятерок и «шепёрк» совершенно не бывало... (А. Куприн. На переломе (Кадеты); Московский кадетский корпус, 1880-е гг.)» [Анищенко 2007: 303]. Шепёрка (шестерка), действительно, была весьма посредственной оценкой. Однако в цитируемой песенке это не «низкая и нежелательная» оценка, а не достигаемая по причине нежелания учиться. Разброс выпускных баллов был очень значительным и определял очередность при выборе вакансий из списка. Например, А. И. Деникин училище закончил со средним баллом 10,4 [Деникин 1990: 46].

«Ноль» и «единица» в то время были оценками не эмоциональными, а вполне ходовыми, о чем отчасти свидетельствует и фразеология. Так, *дубина (запалить дубину)* — это не «двойка» (2 балла) [Анищенко 2007: 88], а «единица» (1 балл), ср. также: *калю́га* (от *кол?*), *кол* «единица» [Анищенко 2007: 120, 134—135], а также пропущенное в одном из заявленных источников слово *оглобля* «единица»: «Хоть вы зубрил, а на оглоблю (*), как быть, ответишь» — «(*) Т. е. на единицу — плачевный балл» [Новицкий 1863: 260].

Сборная братия «певчие» [Анищенко 2007: 54, под *братия*], толкование может быть уточнено на основе приведенного там же иллюстративного примера из Н. Г. Помяловского: «*сборная*

братия, то есть певчие-любители из оставшихся в бурсе оборвышей и отрепьяшей». Певчими они были лишь по случаю, главное, за что они названы *сборной братией*, — это случайный подбор из оставшихся в бурсе людей, не имевших родственников и знакомых для «отпуска» на субботу и воскресенье. В принципе эта братия могла исполнять и любые другие обязанности.

Уточнение толкования вероятно в следующем случае: «ГАЛДА́, -ы, ж. Семин. Подношения, подарки авдиторам» [Анищенко 2007: 70]. В иллюстративном контексте важна деталь «*угощали „галдой“*», которая указывает на съестное. У Даля отмечено как ярославское: «*Галда, ярс. лакомство*» [Даль, I: 341, под *га(о)лдит*].

Толкование к *махалка* «лестница» [Анищенко 2007: 160—161] основано на контексте: «на лестницу, именуемую на корнетском языке „махалкой“» [Домрачев 1912: 154]. Однако, как подсказал проф. И. Г. Добродомов, у Н. И. Толстого *махалкой* названо неопределенное место, откуда удобно предупредить о появлении учителя, а у Г. Домрачева — не всякая, а именно *та* лестница, откуда виден приближающийся офицер. Соответственно, толкование можно уточнить: «место, откуда *махальный* наблюдал за появлением источника опасности». Ср. в современном жаргоне курсантов: *стра́та* «наблюдательный пункт, на котором находится курсант во время неуставных действий его товарищей, его функция — предупредить о появлении командиров и начальников» [Грачев 2006: 522].

Жаргонизмы нередко примыкают к профессионализмам, поэтому требуется прояснять и специальную составляющую семантики слова. Как неофициальный профессионализм можно упомянуть слово: «РУЖИ́СТИКА, -и, ж. Кадет. Разновидность строевой службы. В курсе кадетского образования ед-

ва ли не первое место занимала строевая служба, вернее сказать, фронтальная служба, распадавшаяся на две отрасли, которые получили название „*ружистики* и *шагистики*“» (А. Ф. Петрушевский. Из моих воспоминаний: в кадетском корпусе; Новгородский кадетский корпус, 1830-е гг.)» [Анищенко 2007: 234]. В данном случае толкование может быть уточнено, поскольку и в современных строевых уставах описываются и изучаются отдельно: а) «Строевые приемы и движение без оружия» и б) «Строевые приемы и движение с оружием» (см., напр., ныне действующий «Строевой устав ВС РФ», гл. 2). Второе, т. е. изучение строевых приемов и движения с оружием, и подразумевалось под *ружистикой*. Ср. четкое выделение ружейных приемов как особой «дидактической единицы» в воспоминаниях другого бывшего кадета при описании проблем, возникающих в связи с изменением персонального состава подразделения: «Кроме ранжира и других мелочей, нужно было согласовать ружейные приемы и уровнять шаг» [Ольшевский 1886: 91]. Ружейные приемы выполнялись синхронно, а особый шик состоял в скорости их выполнения: «...приемы делались с таким темпом, что ружья трещали и нередко ломались приклады» [Воспоминания 1861: 157].

Источники XIX века порой имеют индивидуальные особенности в орфографическом оформлении слов, которые нельзя игнорировать при переводе в новую орфографию. В одном случае в «Словаре русского школьного жаргона XIX века» следует исправить неточность в цитате: «**СЕДЬМОВЦЫ**, -вцев, м. *Кадет*. Коллективное прозвище великовозрастных кадет седьмого класса. (...) *седьмовцы* или „*рогатые*“ — те же старые кадеты первой роты, восемнадцатилетние лентяи, восьмидесяти вершковые *верзилы* (...)» (М. Оль-

шевский. Первый кадетский корпус в 1826–1833 гг. Воспоминания ген. от инфант. М. Я. Ольшевского)» [Анищенко 2007: 239; 233, под *рогатые*]. В источнике же читаем: «восемнадцатилетние лентяи, восьми — десяти вершковые *верзилы*» [Ольшевский 1886: 73]. Разумеется, получившийся при исправлении оригинального написания рост в 80 вершков (335 см) — это невероятно. Но это не означает также, что их рост составлял 8—10 вершков (35—45 см): «Для XIX в. можно отметить странное с точки зрения простых арифметических подсчетов употребление слова *вершок* часто при описании роста (...) когда упоминается только количество вершков свыше двух аршин, которые подразумевались сами собой, но не назывались, так как нормальный рост любого человека всегда был больше двух аршин» [Романова 1975: 97—98]. То есть суммарно около 177—187 см (см. об этом также: [Федосюк 1998: 40—41]).

Оценочные пометы. При описании семантики жаргонного слова XIX в. возникают заметные трудности при выборе помет оценочного характера. Хотя нередко есть основания предполагать, что оценочная составляющая была существенной, далеко не всегда мы можем определить ее и надежно обосновать. Думается, помета «*Шутл.*» при *кляксспатир* ‘промокательная бумага’ [Анищенко 2007: 130] обязана своим появлением оценке «шутливое» у М. Фасмера, однако у него последняя отнесена не к слову *кляксспатир*, а только к производному слову *кляксспаташа* из петербургского ученического опыта автора [Фасмер, II: 259].

Трудно сказать, насколько постоянным компонентом была уважительность в значении слова «**МАМАН**». *Инст. Уваж.* Руководитель института благородных девиц (начальница) [Анищенко 2007: 315]. Когда девочки

говорят о новом инспекторе: «Он не побегал „с языком“ к *tatam* (...)» [Лухманова 1893: № 11, 106], т. е. жаловаться на их проказы, — особого уважения к начальству обеих уровней не ощущается.

Оценочные пометы порой не только непостоянны, но и потенциально амбивалентны. «**БАЗИТЬ**, -зю, -зишь; *несов. Гимн. Неодобр.* Дразнить, злить» [Анищенко 2007: 43] имеет помету «неодобрительное», которая отражает скорее точку зрения учителей, а не учеников, с удовольствием дразнивших учителя по прозвищу Ермак или Образец [Бундас 1897: № 5—6, 69].

Неясно, чем обоснована помета «*Шутл.*» при слове *вино* ‘водка’ [Анищенко 2007: 62], довольно обычном не только в речи семинаристов в прошлом, но и ныне (водка «Смирновская» имеет на этикетке родовое название «Столовое вино № 21»).

Реконструкция оценочного компонента значения нередко прямо зависит от понимания того образа, на основе которого возник перенос наименования: «**ШАМАЙКА**, -и, *ж. Пансион. Преп.* Удар линейкой по рукам» [Анищенко 2007: 302]. Автор воспоминаний указывает, что название *шамайка* было дано надзирателем (не преподавателем) Шагевичем, но никак не раскрывает происхождение этого названия [Воронов 1859: № 2, 80]. Видимо, воспитанникам было очевидно, что *шамайка* — это разновидность вяленой рыбы (ср.: *шешая, шамая* [Даль, IV: 620, 628]) и что удар линейкой по руке уподоблялся шлёпанью воблой о стол для облегчения чистки. Вероятно, по причине прозрачности для современников нет и разъяснения этой метафоры. Ее раскрытие позволяет предложить помету «ироническое».

Не вызывает доверия пояснение происхождения выражения «**Писать по восемнадцатому псалму.** *Семин.*

Шутл. Быть в состоянии сильного опьянения»: «Выражение передает походку пьяного, бессознательно выписывающего ногами своеобразные кренделя, напоминающие по форме восьмерку» [Анищенко 2007: 223—224, под *псалом*]. Во-первых, «8» — это не «18». Во-вторых, число «18» в церковнославянской нумерации псалма выглядит как «**ИИ**» под титлом, что еще далее отстоит от траектории пьяной походки. Быть может, это выражение по принципу наименования следует сближать со следующим: «**На руках возьмут тя.** *Семин. Ирон.* Быть в состоянии сильного опьянения» [Анищенко 2007: 234, под *рука*], что созвучно стиху из 90-го псалма: «на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею» (Пс 90:12). Что касается 18-го псалма, вероятно, у Н. Г. Помяловского имелась в виду нумерация, восходящая к Септуагинте, т. е. это 19-й псалом по масоретской нумерации. Точно сказать нельзя, но в нем для описательного обозначения сильного опьянения при подобном способе переосмысления подходит, например, стих «они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо» (Пс 19:9). Это был очень распространенный способ использования цитат-аллюзий, например: **Кто есть ударит тя?** ‘порка’ [Анищенко 2007: 143], «кто есть ударей тя?» [Сычугов 1933: 94]. В иллюстративном примере пояснено как ‘основательная лупцовка’, т. е. неформальное наказание фискала коллективом учащихся, а не учителем. Ошибка автора словаря при цитировании вызвана графическим переразложением: ей >> ит. Источник цитаты: Евангелие (Мф 26:68; Мк 14:65).

Неучтенные словарем О. А. Анищенко жаргонные слова, особые значения жаргонизмов и устойчивые выражения, отмечаемые в источниках к словарю, немногочисленны. Возможно, по

каким-то причинам они не были сочтены принадлежностью лексики школьного жаргона. В ряде случаев причины такого решения понятны. Например, Н. Лухманова отмечает, что институтки «перетянуты „в рюмочку“» [Лухманова 1893: № 10, 155]. Однако это выражение сохранилось до наших дней и широко известно. Считать его принадлежностью только школьного жаргона нет оснований. В анонимных воспоминаниях кадета 1861 г. встречается без всяких шрифтовых выделений слово *сторожевой*: «Для предосторожности же, чтобы не попасть врасплох, один из воспитанников стоял у дверей настороже, а прочие держали на столе раскрытые книги, и лишь только сторожевой возвещал о приближении инспектора или дежурного по корпусу, как один из воспитанников вставал и читал громко, а прочие сидели уткнувши носы в книги и следили за чтением» [Воспоминания 1861: 149]. Понятно, что здесь *сторожевой* — это то же самое, что *махальный* ‘кадет, предупреждающий о появлении начальства’ [Анищенко 2007: 161], но жаргонной специфики в этом случае, вероятно, не обнаруживается. Однако в ряде других случаев представляется обоснованным расширение жаргонного словаря за счет специфического материала источников.

Не вполне ясны принципы отбора, например, названий игр школьников. Необычное слово *бриманка* ‘игра, предполагающая деление на две команды: «лошадей» и «седоков»’ [Анищенко 2007: 54] (от франц. *brimer* ‘испытывать новичков, издеваться?’) взято по источнику: [М.Л. 1862: 396], в котором также упомянуты названия игр, выделенные в издании курсивом и один раз кавычками: *чехарда*, *в палку мячом*, *скачка через табуреты*, «*в казаки-разбойники*» [М.Л. 1862: 395—396]; также: *в «сало» (пятнашки)*, *латту*, *бар*, *классы* [Корпчевский 1897: 65]. Предположение

об отборе в словарь только необычных названий не подтверждается: игра *в килу* также не включена в словарь («играют *в килу* — кожаный набитый волосом мяч, величиной с человеческую голову») [Помяловский 1865: 124]. Столь же неясным представляется отбор кличек и прозвищ (которые иногда включаются в жаргонные словари, ср.: [Грачев 1991: 16]), поскольку пропуски достаточно значительны, например: «Гадюка» — Шагевич, надзиратель, по обычному его обращению к ученикам [Воронов 1859: № 2, 80]; «Свирепая дылда» — кличка одного дежурного офицера [Станюкович 1893: № 1, 44]; «Езоп» — кличка и «любимое бранное слово, с каким обращался упомянутый надзиратель Колесников к пасомым им пансионерам» [Бундас 1897: № 7—8, 29]; Жомок: «Кто Жомка еще глупей» [Бундас 1897: № 7—8, 28]; «Инспектор Василий Иवानыч, прозванный Жомком...», по его изречению: «Жомки (хлебные катыши) катать умеешь, а учиться не умеешь» [Бундас 1897: № 7—8, 27], ср.: «Жомки. Крестьянские конфеты» [Бурнашев 1843: 209]; «Ермак» — прозвище словесника Ермакова [Бундас 1897: № 5—6, 69]; «Образец» — прозвище того же Ермакова [Бундас 1897: № 5—6, 68]; «Скнипа» — прозвище инспектора Ангермана (букв.: ‘вошь’): «Скнипа куда-то уехала» [Бундас 1897: № 5—6, 69]; «Сударь-чорт» — кличка полковника Черкасова [Ольшевский 1886: 94]; «Цирюльник» — прозвище инспектора [Лухманова 1893: № 11, 100] и мн. др. Их анализ мог бы дать ряд параллелей с территориальными говорами (*жамок*, *скнипа*).

Не учтено весьма любопытное название и описание классной мебели для кадетов у М. Ольшевского: **Банка**, -и, ж. *Кадет*. Парта (на 4—6 мест). «Так называемые „банки“¹ стояли в четыре или пять параллельных линий двумя колоннами, между которыми, кроме бо-

ковых были средние проходы —¹⁾ „Банки“ уподоблялись длиною от 1,5 до 2 сажень (ок. 3,2—4,2 м), шириною в аршин (ок. 0,7 м), и такой высоты конторкам, что сидящие за ними на скамейках кадеты могли удобно заниматься, а главное писать. Скамейка с конторкой составляло целое так, что вместе с конторкой передвигалась и скамейка» [Ольшевский 1886: 87]. Таким образом, один и тот же предмет мебели именовался в разное время и в разных учебных заведениях: *скамья* — *парта* — *банка*. Ср.: «скамьи были у нас с ящиками» [Воронов 1859: № 3, 128] и др.

В частности, от *скамья* ‘школьная парта’ образовано у П. Новицкого слово *заскамейный* ‘связанный с обучением [за партой-скамьей]’: *заскамейная жизнь*, *заскамейный мир*, *язык* и т. п. [Новицкий 1863: 241, 264, 270]. Это прилагательное, как и ряд других слов, прошли мимо внимания составителя словаря. П. Новицкий упоминает «учителя, задающего теребачку своему питомцу» [Новицкий 1863: 255]. Слово *теребачка* ‘физическое наказание’ у автора воспоминаний не выделено и не пояснено. В ряде других случаев жаргонизмы имеют толкования в подстрочных примечаниях: *привесті* ‘украсть’, «Вот, я привел (*) вам всего, — нате». — «(*) Это на заскамейном языке значило: „ловко стащить, успешно стянуть“» [Новицкий 1863: 270, примеч. *]; *ошаривать* — «(*) Т. е. тянуть у калашниц калачи, пироги и прочее съедомое» [Новицкий 1863: 274, примеч. *].

У К. Станюковича мелькает существительное, возникшее в результате разговорной компрессии официального выражения «отпуск (выход) за пределы кадетского корпуса», кратко: «за корпус» ‘домой (в отпуск)’ [Анищенко 2007: 140]. Возвращение из таких увольнений обозначалось как *из «за корпуса»*: «Только двое кадет, падких до угощения, были близки с маленьким

Н, приносившим из „за корпуса“ по воскресеньям от тетки очень вкусные яства и лакомства» [Станюкович 1893: № 1, 44]. Здесь именно не *из-за корпуса*, а *из «за-корпуса»*, т. е. «за-корпус» трактуется как склоняемое существительное типа *заграница*, *подмышка*.

Есть несколько специфических слов у Г. Домрачева, которые также могут дополнить кадетский лексикон: *залавщице* ‘фамилия’; *однокопытник* (sic! *однокорытник*?) ‘однокашник’; *мотать / замотать* ‘лениться, хитрить, уклоняться от выполнения приказа’ [Домрачев 1912: 150; 153; 162/174].

Переосмысление слова *чужестранка* ‘воспитанница, оставленная на второй год, пришедшая из другого класса’ [Анищенко 2007: 301] дополнялось не отраженным в словаре параллельным переосмыслением слова *чужеземка* ‘дежурившая временно [классная] дама из чужого класса’ [Лухманова 1893: № 10, 155]. Дифференциация жаргонных значений здесь носит условный характер.

Слово *штрик* (*немецкий штрик*) было ‘прозвищем немца’. Шарманщик под окном мешал воспитанникам спать: «Замолчишь ли ты, немецкий штрик? прозвучал энергичный голос одного мальчика» [Воронов 1859: № 2, 72]. Одним из надзирателей был немец Мутман: «надзирателя величали „штриком“» — прозвище, прилагавшееся у нас ко всем немцам» [Воронов 1859: № 2, 75].

В иллюстративных примерах также обнаруживаются слова, жаргонный статус которых, как кажется, нуждается в проверке: *марфутка* ‘podex’ [Анищенко 2007: 79, под *держатель*; Сычугов 1933: 94, а также: 55, 58, 123, 160], *сборная* ‘вестибюль в гимназии’ [Анищенко 2007: 158, под *масло*], *заядлый* ‘= *отчаянный*, *отпетый*’ [Анищенко 2007: 189, под *отпетый*].

Специфическое значение глагола *бегать* в речи морских кадетов, а именно: ‘бегать в самоволку’ («Я сам два или

три раза „бегал“ таким образом из корпуса к знакомым студентам» [Станюкович 1893: № 3, 45]) — не только выделено кавычками, но и имеет синоним *быть в «бегах» из корпуса* («Пока в роте, сидя на своих кроватях, гардемарины лясничали, несколько смельчаков были в „бегах“ из корпуса» [Там же]), а также: «Побеги эти обыкновенно совершались во время ужина» [Там же], где кавычки отсутствуют, что, видимо, указывает на обычное нежаргонное употребление слова *побеги*, по мнению писателя.

Выражение одной из институток *приходить в христианскую веру* значило «начинать говорить на русском языке (о немке-воспитательнице)»: «Классная дама всегда по ночам, по выражению Чернушки, „приходила в христианскую веру“, т. е. говорила почему-то, на потеху девочек, по-русски» [Лухманова 1893: № 10, 151]. Образчики этой речи (*спайт, знайт, глупый мальшик*) позволяют понять причины потехи. Днем дама должна была говорить с воспитанницами только по-немецки. Там же институтки говорят: *побежать «с языком» к кому-л.* «пойти пожаловаться донести» [Лухманова 1893: № 11, 106].

В иллюстративных примерах, возможно, стоило бы выделить выражения с нетривиальной сочетаемостью, например: *турусы подвести* «обмануть, заболтать» [Анищенко 2007: 278] (где как будто отчетлив исходный фортификационный образ), *бенефис подкатить* «устроить скандал на уроке» [Анищенко 2007: 47—48]. Хотя здесь существует опасность смешать авторские находки с жаргоном школьников, например: «Те учителя в свою очередь начинали *досекать* лентяя *до своей науки*» [Помяловский 1865: 143; 1935: 86]. Трудно решить, чье это выражение, хотя здесь и есть маркирующее выделение курсивом.

Варианты жаргонизмов обычно представлены в словаре с отсылками,

например: *парфёшка* «то же, что *парфётка* (послушная ученица)» [Анищенко 2007: 196], при этом указание на источники позволяет заключить, что только Н. Лухманова приводит вариант «*парфёшка*», например: [Лухманова 1893: № 10, 148, 156, без кавычек — 167].

К выражению *сидеть на закилках* «занимать последнюю парту» [Анищенко 2007: 99], поданному по рукописному петербургскому словарю 1898 г., не отмечена параллель также у питерца Н. Г. Помяловского: «Запрещалось бить с *закилька*, т. е. забежав в лагерь неприятеля...» [Помяловский 1865: 124], где при игре *в килу* (мяч) *закильком* именуется «тыл противника».

В Иркутском духовном училище середины XIX в. обнаруживаем вариант к иркутскому бурсацкому слову *ядичка* «кусочек булки» [Анищенко 2007: 313], описанному по воспоминаниям А. П. Щапова, учившегося там же и примерно тогда же: *едичка* «то же» [Загоскин 1981: 72].

При значительном сходстве ряда глаголов с современными отдельного внимания заслуживает употребление особых видовых форм:

дуть «бить» (современное обычно *вздуать* / **вздувать*): «— А мы (кадета) Егорова вздуем! — Не надо, не дуйте! заступился (учитель) Иван Захарыч» [Станюкович 1893: № 2, 28]; «Пусть дуют» «пусть бьют» [Новицкий 1863: 271]; «приходчину дуть» [Анищенко 2007: 219, под *приходчина*];

фискалить «ябедничать, жаловаться» [Анищенко 2007: 288—289], вариативность совершенного вида демонстрируют неучтенные: «— Неужели сфискалишь?...» [Станюкович 1893: № 1, 39]; «— Про кого ж он... профискалил?» [Журин 1912: 97].

При **морфологической квалификации жаргонизма** порой формально возможны альтернативные решения, выбор между которыми затруднен, по-

сколько материал дает иногда лишь одну форму слова. Так, на фоне слов типа *зубрила / зубрило* [Анищенко 2007: 106, 107] представляется более обоснованным восстановить начальную форму в виде *спасала, -ы, / *спасало, -а, а не: «СПАСАЛ, -а, м. *Семин. Шутл.-ирон.* Сбегающий с уроков. <...> *Спасалы* — *мученики!* (Л. Добронравов. Новая бурса)» [Анищенко 2007: 255].

То же касается слова: «КУРЬЛО, -ы⁷, м. *Кадет.* Воспитанник кадетского корпуса, имеющий собственный табак и умеющий затягиваться, курящий» [Анищенко 2007: 144—145]. Единственный контекст в последней редакции повести «На переломе» А. И. Куприна недостаточно информативен для однозначного вывода о морфологических характеристиках слова: «не устраивал „курилам“ ловушек» [Куприн 1912: 90], однако там же имеются однотипные слова с поясненной в тексте производностью: *форсила*, которое отдельно не описано, см.: **ФОРСИТЬ** [Анищенко 2007: 290], и «ЗАБЫВАЛА, -ы, м. *Кадет. Неодобр.* Жестокий кадет, мучитель первокурсников» [Анищенко 2007: 96], — что позволяет восстановить: **курила*, -ы. Однако в ранней редакции повести («Кадеты») представлен вариант *курило* с пояснением [Куприн 1906: № 52, 826, прим.], который О. А. Анищенко обоснованно принимает в качестве исходного.

«ЕРА́НЦ, -а, м. <...> *Семин.* Ученик духовного училища, имеющий в ноте отметку -ег- *errans* (в переводе с лат.: „заблуждающийся“) <...> „*еранцев*“ <...> *ставил на колени* <...>» [Анищенко 2007: 89]. В данном случае уместна аналогия с парой *шанс* — шутливое *шанец*,

⁷ Вариантные производные агентивы на -ло, вероятно, относятся ко второму склонению, т. е. *зубрило*, -а, в словаре род. пад. показан по первому склонению: «ЗУБРИЛО, -ы, м. *Школьн. Презр.* То же, что ЗУБРИЛА» [Анищенко 2007: 107] и др.

поэтому вероятнее **еранец*, -а⁸. Ср. также семинарское: «ВАКА́НЕЦ, -а, м. *Семин. Шутл.* Свободное место, вакансия» [Анищенко 2007: 59], от лат. (*locus*) *vacans* — ‘(место) пустующее’, по-казательно, что с той же финалью и так же латинское причастие действительно залога, как и *errans*.

«ФЕФЕ́РА, -ы, ж. ♦ **Задать фефэру**. *Семин. Шутл.-одобр.* Удивить кого-то, совершив что-то необычное. — *Вот так браво!* — *вскликнули все. Задали же мы ему фефэру** ... *Теперь он к нам долго опять не придёт, будет надеяться на нас...* ***Задать фефэру** *значит отличиться перед кем-нибудь на славу* (М. Малеевский (В. Бурцев). Владиславлев. Повесть из быта семинаристов и духовенства; Мутноводская духовная семинария, 1860-е гг.)» [Анищенко 2007: 285]. Заимствование из немецкого *féfer* ‘перец’ известно только в выражении *задать фефэру* ‘досадить, наказывать’ [Даль, IV: 534]. Здесь родительный части с окончанием -у от вещественного существительного мужского рода был принят автором за винительный падеж существительного женского рода⁹.

Нереальная форма им. п. мн. ч.: «ВОЗДУ́СЯ, -ей, мн. ♦ **ВЫ́драть (выпороть, вы́сечь) на воздуха́х.** *Семин. Преп.* Наказание, при котором провинившегося держали за руки, за ноги и секли со всех сторон» [Анищенко 2007: 64]. Начальная форма — *воздух*, или

⁸ Ср. подобную неточность к восстановлению начальной формы вместо *га́рнец* в любопытном по авторской концепции региональном слове: «Гáрнц. Сбор за помол муки на мельнице» [Ткаченко 1998: 77].

⁹ О забвении этого выражения свидетельствует и его искусственное расчленение, в результате которого в словаре Д. С. Балдаева возникло неправдоподобное *фефэру* ‘наказание, расправа’ [Балдаев, II: 108], справедливо проигнорированное в «Большом словаре русского жаргона».

им. п. мн. ч. церковнослав. *vózdуси*. Вероятно, *на воздусях* — это еще один пример старого местного падежа мн. ч. в дополнение к фольклорному песенному *во лузях* [Фасмер, II: 531, под *лузь*].

Новичок «не „строил подъярок“ начальству, т. е. не старался подделаться и угодить ему» [Коропчевский 1897: 59]. Этот контекст морфологически интерпретирован противоречиво: «**ПОДЪЯРКИ**, -рок, мн.» — как бы от **подъярка* (ж. р.), но далее, без учета родительного отрицания, уже как бы от **подъярок* (м. р.): «♦ **Строить подъярок**. Гимн. Презр. Лстить и угождать начальству» [Анищенко 2007: 212]. Контекст не дает возможности однозначного выбора.

Вопрос о принадлежности слова к жаргонному словарю, учитывая хронологическую отдаленность и специфику источников, относящихся отчасти к художественной литературе, иногда может и не иметь однозначного ответа. Вряд ли школьным жаргонизмом является слово *бриль*. Скорее, это регионализм, на который обращалось внимание в словарях и ранее. Из словарной статьи следует, что гимназисты позаимствовали этот предмет у окружающего населения и использовали его с целью нарушения правил ношения форменной одежды: «**БРИЛЬ**, -я, м. Гимн. Шутл. Войлочная шляпа. Кто-то из гимназистов вздумал носить вместо форменной фуражки, войлочную шляпу — так называемый „бриль“. Эти шляпы продавались на базаре по 30 копеек и отличались страшной тяжестью. Я думаю, что шишак пожарного солдата не легче этого **бриля**. Другим гимназистам показалось это чем-то демократическим, и вот началась мода на **брили** (И. Ясинский. Дома и в школе; Нежинская гимназия, 1863 г.)» [Анищенко 2007: 54]. Ср. томское, также гимназическое: «**АНАФЕМСКАЯ**, -ой, ж.

Гимн. Шутл. Легкая пуховая шляпа» (также носившаяся в нарушение правил) [Анищенко 2007: 40], где контекст: «*шляпу, прозванную в гимназии **анафемской** — до того она была либеральна*», — думается, еще не дает оснований говорить о субстантивации.

Оба примера — середины XIX века, характеристики *демократичный, либеральный* указывают на веяния оттепели Александра II. Любопытно, что в немецком словаре жаргона также по источникам середины XIX века описано слово из Fieselsprache (арго юнцов, буршей, особенно искателей уличных удовольствий): «**Bre** [675] *m* Hut (шляпа)...» [Wolf 1956: 62, 97]¹⁰. Уже в 1862 г. Аве-Лаллеман указывал на неясность этимологии: «Die Etymologie ist dunkel» [Avé-Lallemant 1862: 526]. Не исключено, что это трансформированное в [bre:] в зоне германско-славянских контактов польское *bryl* или украинское *бриль*, ср.: новороссийское, воронежское, смоленское *брыль* ‘мужская шляпа, круглая и треугольная’ [Даль, I: 132]; а также в записи, поразительно близкой к немецкой: «Б р э й. Шляпа на Украине, отличается от наших» [Бурнашев 1843: 53], см.: [Фасмер, I: 214].

О. А. Анищенко в качестве иллюстрации особого семинарского ударения в слове *рôман* ‘прозаическое произведение’ приводит: «Голохвостов говорит: мóмент, рóман, пéриод» [234]. Ударение *рôман* указывается как характерное и для семинаристов, однако пример не вполне удачен, так как Голохвостов имеет весьма условное отношение к духовному званию: в прошлом это ротный фельдшер, не выдержавший фельдшер-

¹⁰ Из немецких словарей это слово не так давно было неосторожно переписано в русские словари уголовного жаргона: «**Бре** (*м(ежду)н(ародное)*.) — шляпа» [Мильтяников 1992: 88]; «**БРЕ** (*ин(оязычное)*.) — шляпа» [Балдаев, Белко, Исупов: 33; Балдаев, I: 46].

ского экзамена, который оказывает медицинскую помощь бурсакам. Кроме того, последнее слово в источнике имеет иное ударение: «пери́од» [Воронский 1933: 100].

Известную трудность при определении границ объекта описания в словаре создают особенности речи школьников в ситуации контакта языков. Как отмечает И. Г. Добродомов, *кондуит* в одном из иллюстративных примеров (А. Свидницкий) [Анищенко 2007: 137] возникает только в русском переводе на месте украинского собир. *шпаргáлля* ‘записи’ [Свидницкий 1984: 233], см. также: [Добродомов 2001: 189; Добродомов 2002: 109]. Столь же спорным оказывается статус ряда словечек, написанных по-русски, в воспоминаниях русских студентов из Дерпта, где язык обучения и местного населения был немецкий, например: *лошак* ‘молодой человек, приехавший в Дерптский университет, но еще не получивший матрикал (зачетную книжку)’ [Анищенко 2007: 151]. Это немецкое *Maulesel*, переведенное В. А. Сологубом как «лошак» в повести «Аптекарьша» [Сологуб 1841: 15], как указывает И. Г. Добродомов, неточно описанной в списке литературы к словарю. Однако нет оснований подозревать, что сам герой повести «курляндский юноша» барон Фиренгейм нуждался в таком переводе или говорил в Дерпте по-русски. Следовательно, *кондуит* у А. Свидницкого и *лошак* у В. Сологуба не являются даже иллюстрациями употребления русского школьного жаргона в иноязычном окружении, в отличие от словечек Е. Д. Поливанова и Н. И. Толстого, рассмотренных выше.

Ценность лексического материала школьного жаргонного словаря не исчерпывается собственно содержащимися в нем сведениями о быте школьников, хотя и это безусловно важно и

интересно. Словарь обогащает имевшийся прежде в наличии материал по условным языкам и жаргонам этого периода, что помогает уточнить или сформулировать новые гипотезы. Например, «затемняющий» элемент *-нд-*, как в *причиндалы* (от *причины*) [Фасмер, III: 369] и *хандырить* ‘ходить’ [Бондалетов 1967: 237—238], представлен и в словах: *извондырь* ‘извозчик’, *брюндели* ‘брюки’ [Анищенко 2007: 110, 55]. Последнее слово помогает связать со словом *брюки* также и петербургский гапакс 1859 г. *брюндары* ‘пantalоны’ [Собрания 1859: 1129], вероятно, «зашифрованный» еще и перестановкой плавных: *брюндары* < **брюндалы* *брюндели* < *брюки*, ср. иначе: [Шаповал 2004].

С одной стороны, это вероятные внутри- и межжаргонные параллели, которые касаются не вполне прозрачных с точки зрения происхождения слов, например: шутовская семинарская калька *fur-illa* ‘ворона’ из латинск. *fur* ‘вор’ и *illa* ‘она’ [Анищенко 2007: 314]; *сфурить* ‘украсть, списать чужое и выдать за свое’ [Анищенко 2007: 271] — вероятно, своеобразная полукалька русского *своровать* на основе латинского *fur* ‘вор’; ср. также: *профуря* и *провора*, ‘ловкий, бойкий, расторопный человек; иногда плут’ [Даль, III: 474]. На этом фоне не значит ли приведенное В. И. Далем без пояснения словечко морских кадетов *фурочкой* [Даль 1844: 111] — ‘украдкой’? О. А. Анищенко приводит слова *фурочкой*, *фурка* из этого источника как варианты компоненты выражения *под фуркой* (*фурочкой*, *фурка*) ‘закрыв лицо платком, остаться незнанным’ [Анищенко 2007: 291—292].

Кроме того, лексика школьного жаргона порой содержит такие лексические единицы, которые могут оказаться однокоренными со словами, описания которых прежде воспринимались более или менее изолированно. Например:

«**МАЖНЫЙ?** *новг.* веселаго, бойкаго нрава» [Даль, II: 288] и, возможно, *вызмазживать* ‘выпрашивать, клянчить’ [Анищенко 2007: 69—70].

Отмеченная В. И. Далем связь между «**ОГУРЯЛО**, -ы, м. *Кадет. Шутл.* Ученик, который, чтобы не ходить на уроки, находился в лазарете, прикидываюсь больным», «**ОГУРЯТЬСЯ**, -яюсь, -яешься, несов. **ОГУРНУТЬСЯ**, -усь, -ёшься; *сов. Кадет. Шутл.* Не ходить на уроки, прикидываясь больным» [Анищенко 2007: 182—183] и глаголом *огуряться* ‘отделяться от обязанности своей, не исполнять её, не быть на лицо, где должно’ у И. Посошкова может быть дополнена редким словом из «Князя Серебряного» А. К. Толстого: «**ОГУРСТВО** *Своеволие, строптивость» [Сомов 1994: 321].

Произвольные пропуски в словаре тех жаргонных слов, которые не были разъяснены в источниках, представляются не столь удачным решением, как прямое указание на неясность значения слова, получающего пусть и неполное описание, но зато в отдельной словарной статье. Например, значительны пропуски в двух списках слов (пропуски подчеркнуты), оставленных авторами источников в основном без комментариев:

а) «Но Поцелуев по крайней мере обогатил в корпусе знание русского языка: и вот вам целый список новых слов, принятых и понятных в Морском Корпусе; читайте и отгадывайте: бадяга, бадяжка, бадяжник, новичек, нетленный, копчинка, старик, старина, стариковать, кутило, огуряться, огуряло, отказной, отчаянный, чугунный, жила, жилить, отжилить, прижать, прижимало, сводить, свести, обморочить, втереть очки, живые очки, распечь, распекало, отдуть, накласть горячих, на фарт, на ваган, на шарап, фурочкой, фурка, и прочее и прочее» [Даль 1844: 111—112];

б) «За столами слышен бурсацкий жаргон: отшил, очебурел, взьефантулил, взбутитенил, спасаюсь, получи с Лунца, | казноташ, оптяга, китяга, кирдюк. Много блатных слов: карась, бока рыжие, малина» [Воронский 1933: 127—128].

А между тем ряд этих слов уже обращал на себя внимание исследователей, см., например: *взьефантулит* [Виноградов 1994: 364]. Однако, несмотря на эти лакуны, в словаре О. А. Анищенко учтен обильный материал. Можно сказать, что словарь не только впервые предоставляет возможность взглянуть на школьный жаргон как целостное явление, но и позволяет увидеть его в динамике в течение целого столетия. Все это делает словарь весьма ценным описанием, которое позволяет в значительной мере продвинуться по пути систематизации лексического богатства отдельного жаргона. Благодаря словарию О. А. Анищенко стали яснее видны как проблемы, так и перспективы дальнейших исследований этого и других пластов лексики ограниченного употребления.

Л и т е р а т у р а

Анищенко 2007 — О. А. Анищенко. Словарь русского школьного жаргона XIX века. М., 2007.

Балдаев I—II — Д. С. Балдаев. Словарь блатного воровского жаргона: Т. 1—2. М., 1997.

Балдаев, Белко, Исупов 1992 — Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы. Одинцово, 1992.

БАС I—XVII — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1948—1965.

Бондалетов 1967 — В. Д. Бондалетов. Цыганизмы в составе русских условных языков // Язык и общество. Саратов, 1967. С. 235—243.

- Бондалетов 2004 — В. Д. Бондалетов. В. И. Даль и тайные языки в России. М., 2004.
- Булгаков 1843 — История Киевской академии иером. Макария Булгакова. СПб., 1843.
- Бундас 1897 — А. Бундас. Очерки из жизни С...кой гимназии в пятидесятых годах (отрывки из гимназических воспоминаний) // Рус. школа. 1897. № 5–6. С. 49–69; № 7–8. С. 17–32.
- Бурнашев 1843 — В. П. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного: В 2 т. Т. 1. СПб., 1843.
- Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005 — Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: Около 5000 слов и выражений. М., 2005.
- Виноградов 1994 — В. В. Виноградов. История слов. М., 1994.
- Воронов 1859 — Н. Воронов. Школьные воспоминания // Журнал для воспитания. 1859. № 2. С. 68–83 (отд. 2-е); № 3. С. 120–128 (отд. 2-е).
- Воронский 1933 — А. К. Воронский. Бурса. М., 1933.
- Воспоминания 1861 — Воспоминания бывшего воспитанника 2 Кадетского корпуса // Военный сборник. 1861. Т. 20. № 7. С. 141–164.
- Грачев 1991 — М. А. Грачев. Словарь дореволюционного арго. Н. Новгород, 1991.
- Грачев 2006 — М. А. Грачев. Словарь современного молодежного жаргона. М., 2006.
- Даль 1844 — В. И. Даль. Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся // Повести, сказки и рассказы казака Лагунского. В 4 ч. Ч. 2. 1844. СПб., 1846. С. 97–210.
- Даль I–IV — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1978–1980.
- Деникин 1990 — А. И. Деникин. Путь русского офицера. М., 1990.
- Добродомов 2001 — И. Г. Добродомов. Конduit: история слова по текстам и словарям // Изв. УрГУ. 2001. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 189–195.
- Добродомов 2002 — И. Г. Добродомов. Конduitный список — conduit // Рус. речь. 2002. № 4. С. 109–115.
- Добродомов, Шаповал 2005 — И. Г. Добродомов, В. В. Шаповал. О призрачных словах у лексикографов // Ogrud nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi. Opole: Uniwersytetu Opolskiego, 2005. S. 147–154.
- Домрачев 1912 — Г. Домрачев. Корнеты и сугубцы // Русское богатство. 1912. № 11. С. 148–184.
- Загоскин 1981 — М. Загоскин. Магистр: Роман. Иркутск, 1981.
- Коровушкин 2000 — В. П. Коровушкин. Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000.
- Коропчевский 1897 — Д. Коропчевский. Гимназия пятидесятых годов: (воспоминания воспитанника Моск. 4-й гимназии) // Рус. школа. 1897. № 9–10. С. 56–80.
- Куприн 1906 — А. И. Куприн. Кадеты // Нива. 1906. № 49. С. 774–781; № 50. С. 789–798; № 51. С. 805–807; № 52. С. 822–832.
- Куприн 1912 — А. И. Куприн. Полное собрание сочинений. В 8 т. Т. 4. СПб., 1912. С. 24–112.
- Лухманова 1893 — Н. А. Лухманова. Двадцать лет назад // Русское богатство. 1893. № 10. С. 145–170; № 11. С. 99–127; № 12. С. 88–125.
- МАС I–IV — Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981.
- Мильяненков 1992 — Л. А. Мильяненков. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб., 1992.
- М.Л. 1862 — М. Л. Несколько заметок о втором кадетском корпусе // Военный сборник. Т. 2. № 4. С. 389–436.
- Мокиенко, Никитина 2000 — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- Никитина 2003 — Т. Г. Никитина. Молодежный сленг. Толковый словарь: более 12 000 слов; свыше 3000 фразеологизмов. М., 2003.

- Никитина 2005 — Т. Г. Никитина. Толковый словарь молодежного сленга. М., 2005.
- Н.К.М. 1908 — Н. К. М. Цук // Педагогический сборник. 1908. № 9. С. 200—212.
- Новицкий 1863 — П. Новицкий. Кое-что из жизни заскамейной // Современник. 1863. № 6. С. 241—284.
- Ольшевский 1886 — Первый кадетский корпус в 1826—1833 гг. Воспоминания ген. от инфантерии М. Я. Ольшевского // Рус. старина. 1886. Т. XLIX. № 1 (январь, февраль, март). С. 63—95.
- Поливанов 2003 — Е. Д. Поливанов. За марксистское языкознание: Переизд. работы 1931 года с придисл. и коммент. / Под общ. ред. И. А. Королевой. Смоленск, 2003.
- Помяловский 1865 — Очерки бурсы Н. Г. Помяловского. СПб., 1865.
- Помяловский 1935 — Н. Г. Помяловский. Полное собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1935.
- Попов 1912 — В. М. Попов. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912.
- Романова 1975 — Г. Я. Романова. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.
- Свидницкий 1984 — А. Свидницкий и Люборацькі. Київ, 1984.
- Собрания 1859 — Собрания выражений и фраз, употребляемых в разговоре С. Петербургскими мошенниками // Северная пчела. 1859. № 282 (24 декабря). С. 1129—1130.
- Сологуб 1841 — Аптекарьша. Сочинение графа В. Сологуба // Рус. беседа: Собрание сочинений русских литераторов, издаваемое в пользу А. Ф. Смирдина. Т. 2. СПб., 1841. С. 1—80 отд. паг.
- Сомов 1994 — В. П. Сомов. Словарь редких и забытых слов. М., 1994.
- Спротяженносложенский 1865 — М. Спротяженносложенский. Угосение // Искра. 1865. № 10. С. 149—150.
- Станюкович 1893 — К. М. Станюкович (М. Костин) Маленькие моряки // Рус. школа. 1893. № 1. С. 29—45; № 2. С. 21—34; № 3. С. 32—46; № 4. С. 34—48.
- Сычугов 1933 — С. И. Сычугов. Записки бурсака. М.; Л., 1933.
- Ткаченко 1998 — П. И. Ткаченко. Кубанский говор: Опыт авторского словаря. М., 1998.
- Толстой 1998 — Н. И. Толстой. Воспоминания о русском языке // Лики языка: К 45-летию науч. деятельности Е. А. Земской. М., 1998. С. 359—362.
- Трахтенберг 1908 — В. Ф. Трахтенберг. Блатная музыка («жаргон» тюрьмы). СПб., 1908.
- Ушаков I—IV — Толковый словарь русского языка, под редакцией Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1935—1940.
- Фасмер I—IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986—1987.
- Федосюк 1998 — Ю. А. Федосюк. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 1998.
- Шаповал 2001 — В. В. Шаповал. Текст источника как объект анализа для историка и филолога. М., 2001.
- Шаповал 2004 — В. В. Шаповал. К этимологии гапакса *блондары* «панталоны» (арго сер. XIX в.) // *Techne grammaticae* = Искусство грамматики. Вып. 1. Новосибирск, 2004. С. 560—570.
- Шаповал 2006 — В. В. Шаповал. Речь наших детей (рецензия) // Слово в словаре и дискурсе: Сб. научн. ст. к 50-летию Х. Вальтера. М., 2006. С. 750—757.
- Энгельгардт 1902 — А. Энгельгардт. Женский институт, созданный императрицей Марией Феодоровной, и его роль и значение в дореформенную эпоху // Русская школа. 1902. № 1. С. 81—102.
- Avé-Lallemant 1862 — F. Chr. B. Avé-Lallemant. Das Deutsche Gaunerthum... Bd 4. Leipzig, 1862.
- Wolf 1956 — S. A. Wolf. Wörterbuch des Rotwelsch. Deutsche Gaunersprache. Mannheim, 1956.

ОБЗОРЫ

Русское правописание сегодня: О «Правилах русской орфографии и пунктуации» / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Дрофа, 2007. — 254 с.

Представляемая книга адресована всем пишущим, но прежде всего — преподавателям русского языка всех уровней и разной специализации, а также работникам печати. Она содержит критический анализ «Правил» 1956 г. и обосновывает необходимость внесения в них изменений и дополнений, которые предложены в новой редакции правил русского правописания — итоге многолетней деятельности Орфографической комиссии РАН.

Современное русское правописание регламентируется «Правилами русской орфографии и пунктуации», действующими с 1956 г. Недавно исполнилось 50 лет этому первому в России общеобязательному своду правил, устранившему состояние хронического разнобоя и «беззакония» в русском правописании. Со временем, однако, стало очевидно, что прослужившие долгое время нормы правописания нуждаются в уточнениях, поправках, добавлении новых данных, поскольку язык, за письменную форму которого ответственны правила правописания, находится в постоянном движении, развитии. «Правила» 1956 г. перестали в полной мере отражать современное состояние русского языка и не дают ответа на актуальные вопросы орфографической и пунктуационной практики письма. Длительное применение выявило в них содержательные неточности и непоследовательности, к тому же оказалось, что некоторые языковые явления были правилами изначально не охвачены. Так, в сфере орфо-

графии к ним относятся, например, письменная передача безударных гласных в конце инфинитивной основы глаголов (*морочить — ворочать, утешить — вешать, строить — таять*); написание слов, производных от аббревиатур (*мхатовский, ДНК-содержащий*); написание существительных, образованных от собственных имен, пишущихся через дефис (*йошкарлинцы*); употребление буквы *й* и др.; в пунктуации — это проблема оформления конструкций с плеонастическим местоимением (ср.: *Россия, она огромная; Юмор. Он иногда рождается в муках; А люди — они везде люди*), конструкций с расчленением единой грамматической структуры (явление парцелляции) и другие явления, свидетельствующие о влиянии на письменную речь речи разговорной, о расширении сферы отражения на письме экспрессивного синтаксиса, о развитии качества вариативности, присущего современной пунктуации.

Книга состоит из двух частей — «Орфографии» и «Пунктуации».

В части «Орфография» содержатся главы, посвященные правилам употребления букв в значимых частях слова; правилам слитного, дефисного и отдельного написания слов, включая специальные — впервые сформулированные — так называемые корректирующие правила, необходимые при возникновении орфографических коллизий; правилам употребления строчных и прописных букв; правилам использования небуквенных знаков (де-

фиса, косой черты, апострофа, знака ударения); правилам написания аббревиатур и графических сокращений. Специальное внимание уделено принципам правописания новых слов, имеющих неустойчивую орфографическую форму.

В части «Пунктуация» излагаются сведения о принципах русской пунктуации и системности ее устройства, об этапах овладения правилами пунктуации, о причинах расхождения «Правил» 1956 г. и современной практики печати. Особая глава посвящена авторской пунктуации и ее соотношению с более

широким понятием «нерегламентированная пунктуация».

В каждой главе рассматриваемый материал анализируется с точки зрения полноты представления в «Правилах» 1956 г., соответствия современному уровню науки о языке, современной научной терминологии.

В качестве необходимой составляющей в книге воспроизводится текст «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г., практически ставший библиографической редкостью.

О. Е. Иванова

Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4 / Отв. ред. Т. В. Попова.

М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. — 176 с.

В четвертом выпуске коллективной монографии «Восточнославянские изоглоссы» продолжается комплексное лингвогеографическое исследование восточнославянских диалектов на основании сопоставления материалов национальных атласов русского, белорусского и украинского языков (ДАРЯ, ДАБМ, АУМ). Основные принципы выбора тем и типов карт, а также подходы к материалу и его комментированию, принятые при работе над картами, были изложены в первых выпусках «Восточнославянских изоглосс».

Открывает работу исследование Г. П. Клепиковой «Дифференциация восточнославянского диалектного континуума и „Общеславянский лингвистический атлас“», в котором карты 2-го выпуска Лексико-семантической серии ОЛА (Warszawa, 2000) анализируются с точки зрения особенности восточнославянского лингвистического ландшафта. Рассмотрение этих карт позволяет автору выявить несколько видов конфигураций изоглосс, членищих восточнославянский диалектный континуум.

Три работы монографии посвящены изучению фонетических явлений восточнославянских языков. Карта «Гласные предударного слога» (автор Л. Э. Калнынь) показывает, как безударность влияет на состав допустимых гласных в слоге. Отдельно рассматриваются изменения гласных в первом предударном слоге после твердых и после мягких согласных.

Серия карт, составленных А. В. Тер-Аванесовой, посвящена рефлексам фонемы *ě в восточнославянских диалектах. Представлены, во-первых, наиболее частотные рефлексы *ě в середине и в конце слова в говорах всей восточнославянской территории, во-вторых — стандартные «региональные» рефлексы *ě в отдельных частях восточнославянского континуума.

Предметом исследования Н. Н. Пшеничной стали новые сочетания согласных с /j/, возникшие, как известно, в результате падения редуцированных на месте праславянских сочетаний «согласный + ь + j». Картографирование на всей восточнославянской территории

показало, что это явление относится к числу таких, которые делят восточнославянские говоры по степени их вокальности / консонантности.

Два исследования Т. В. Поповой описывают диалектные явления в области морфологии. В первой работе анализируются различные реализации финальной части флексии глагольной формы 3 лица множественного числа настоящего времени: /т/, /т'/, /ø/. Второе исследование анализирует распределение в различных говорах флексий глагольной формы 1 лица множественного числа настоящего времени.

Два исследования монографии посвящены картографированию традиционной лексики земледелия. И. А. Букринская и О. Е. Кармакова исследуют названия орудия для ручной молотбы и его деревянных частей, которые относятся к наиболее архаической культурной лексике. Картографирование этой группы показало, что различные наименования цепа и его частей имеют хорошо читаемые ареалы, и некоторые из них,

по мнению авторов, восходят к праславянскому лексическому фонду, а потому обладают диагностирующими свойствами при толковании членения восточнославянского диалектного континуума.

Работа Г. П. Клепиковой анализирует названия укладок снопов в поле. Были выделены основные (ареалогически значимые) единицы членения восточнославянского диалектного континуума; таким образом, результатом исследования является объективная картина дифференциации изучаемого лингвистического пространства.

В конце работы опубликован доклад С. В. Бромлей «Восточнославянские изоглоссы», прочитанный на заседании Бюро ОЛЯ АН СССР 7 февраля 1990 года и сохранившийся только в рукописном виде. С. В. Бромлей стояла у истоков реализации проекта «Восточнославянских изоглосс», разработала концепцию этого лексикографического труда, его теоретические основы.

Д. М. Савинов

Р. Б. Тарковский. Русская поэзия и московские орфоэпы.

О произношении слов «сучно», «нарочно», «конечно» и подобных.

СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 396 с.

Предметом исследования является произношение [ч] в сочетании с последующими согласными [н] или [т] (*сучно, что*). Материалом служат выписки из русской поэзии. Во внимание принимаются только те места, где исследуемое сочетание находится в точной рифме, поскольку приблизительная рифмовка не может дать надежного свидетельства о произношении. Вероятно, автору пришлось прочесть весь корпус русской поэзии XVIII—XX вв.; список стихотворцев, из произведений которых приведены цитаты, занимает 16 стр. Иллюстративный материал в количестве не-

скольких сотен поэтических пассажей во многих случаях тщательно разобран, одно это делает чтение книги полезным и увлекательным. С непреложностью выявляется, что «шамкающее» произношение (термин автора) вводится как нормативное в словари и руководства лишь в 1930-е гг. и через школу действительно приобретает нормативный характер в 1950-е гг. Избранный метод анализа и филологическое мастерство, с которым он осуществлен, почти неизвестны нашей науке; в этом отношении книга может служить образцом. Поскольку материалом исследования яв-

ляются стихи, книга делает значительный вклад в изучение эволюции русской поэтической речи за три столетия.

Автор склонен рассматривать нормотворческий процесс, приведший к «шамкающей» норме, как фальсификацию. Такой оценке недостает научной объективности. Действительно, несмотря на то что базой национального литературного языка в эпоху его становления служило, по всей вероятности, московское наречие, не все черты этого наречия получили нормативный статус. Высказывания сторонников «шамкающей» нормы о влиянии орфографии на произношение являются совершенно несостоятельной гипотезой. Разрыва с теми орфоэпическими чертами, которые совпадали с церковной традицией

произношения, потребовала в условиях преодоления безграмотности революция 1917 г. с ее антирелигиозным пафосом. Возможно, поэтому сценическое произношение Малого театра было выдвинуто в качестве нового источника нормы. Можно только удивляться и радоваться тому, что разрыв с «дворянской» литературной речью ограничился в то время крайне поверхностными чертами. Было бы крайне желательно дополнить исследование Р. Б. Тарковского анализом живой речи литературно образованных лиц первой половины XX в., в особенности московских актеров; записи такого материала сохранились в большом количестве.

А. А. Алексеев

Р. Б. Тарковский. Русская поэзия и московские орфоэпы.

О произношении слов «скучно», «нарочно», «конечно» и подобных.

СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 396 с.

Книга Р. Б. Тарковского посвящена проблеме соотношения вариантов произношения на месте буквосочетаний *чн* и *чт* — *коне[ш]но* или *коне[ч']но*, *[ш]то* или *[ч']то*. Материалом исследования является анализ точной рифмы в поэтических произведениях XVIII—XX вв. Основная мысль книги — московское произношение указанных сочетаний в виде *[ш]н* или *[ш]т* никогда не являлось национальной литературной нормой, а было навязано обществу московскими лингвистами ради «столичных амбиций», при этом автор книги отказывает этим вариантам произношения в праве на существование в качестве литературной нормы как в прошлом, так и в настоящем. Автор обвиняет московских фонетистов в попытках «исподволь подменить общенациональные нормы языка формами диалектно-атавистическими», в желании «пометить

русскую интеллигентную речь выговором старомосковских торговых рядов с их обывательской клиентурой, идеологической челядью и ублажающей кулисой».

Агрессивная оценочность, которую позволяет себе Р. Б. Тарковский, выходит далеко за пределы этических норм, принятых в среде отечественной интеллигенции. В книге используется многократно опробованный в истории нашей науки прием подмены собственно научной дискуссии навешиванием идеологических ярлыков. Оказывается, что произношение *[ш]н* вместо *[ч']н* — это проявление «направляемого (sic! — М. К.) одичания России, разрушения ее духовности», при этом «подмена традиционных литературных норм диалектными старомосковскими (...) ведется и через привязанные к Москве лингвистические институты» (с. 377).

Р. Б. Тарковский считает, что произношение с *ин* «не укрепляет структурное единство языка, не увеличивает его функциональную гибкость, не обогащает духовно, не обеспечивает точность и красочность русской речи» (с. 376). Непрофессионализм этих аргументов очевиден. Что значит «структурное единство языка»? Очевидно, единство литературных произносительных норм. Но сосуществование (и вполне мирное) территориальных разновидностей литературного произношения — установленный факт развития любого литературного языка. Применение к языковому материалу определений *духовное-бездуховное*, *красочное-некрасочное* возможно только в устах некомпетентного человека. Мало того, что произношение с *ин* Р. Б. Тарковскому представляется бездуховным, «шамкающим», «манерным», но и о бытовой лексике, к которой в былые эпохи был «привязан» этот вариант, он пишет следующим образом — «бездуховность этой лексики разительно непременна» (с. 35). Что же бездуховного в зафиксированных в «Словаре русского языка XI—XVII веков» с *ин* словах *кунишный*, *мельнишный*, *немошный* и мн. др.?

Анализ точной рифмы, выполненный Р. Б. Тарковским на впечатляющем по объему материале, к сожалению, оставляет место сомнениям. Во многих случаях неясно, на основании чего принимается решение о произношении рифмующихся слов. Если В. К. Тредиаковский рифмовал *благополучно* — *сучно*, то из этого можно сделать вывод: он либо произносил *благополу[ш]но* — *ску[ш]но*, либо *благополу[ч']но* — *ску[ч']но*. Но заключить только на основе подобных рифм, что произносилось именно *ску[ч']но*, как об этом пишет Р. Б. Тарковский, невозможно.

Автор утверждает, что «единственной достойной доверия свидетельницей орфоэпических традиций остается по-

эзия». Но существуют и другие источники орфоэпической информации, сознательно игнорируемые в рецензируемой книге. В первую очередь, это типичные ошибки в письменной речи. Приведу только один пример. Коренной петербуржец А. А. Блок в письмах и дневниках многократно нарушает орфографическую традицию и пишет: *табаишный*, *цветошные*, *Кузьминишна*, *скушно* и пр. Такого рода ошибочные написания могли возникнуть только под влиянием произношения. Во вторых, имеются многочисленные описания произносительных норм, вполне компетентно выполненные в XIX — начале XX в. различными лингвистами, в том числе и не московского происхождения, и позволяющие судить о реальном распределении вариантов на месте сочетания букв *чн* в разных словах и в речи разных носителей литературного произношения (Р. Я. Брандт, Я. К. Грот, Н. Н. Дурново, Й. Люндель, Ф. Е. Корш, Р. Кошутич, В. И. Чернышев, Д. Н. Ушаков и др.). Все эти лингвисты фиксировали сосуществование двух вариантов на месте букв *чн*, причем варианты эти долгое время были распределены по группам слов — в бытовых [ш]н, в книжных — [ч']н.

Р. Б. Тарковский выдвигает многочисленные обвинения в адрес московских лингвистов. В словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова — «уродливые ушаковские предписания» (с. 377). М. В. Панов, по мнению автора рецензируемой книги, «вторит передержкам предшественников, а то и дополняет их собственным вздором» (с. 16), орфоэпические разыскания М. В. Панова, по мнению Р. Б. Тарковского, отличает «скудость реального материала, и его случайный характер, и ничтожная осведомленность о нем» (с. 18) и т. д. Между тем, сравнив высказывания московских и петербургских лингвистов по поводу рассматриваемой нормы, мы не

обнаружим особых расхождений. Москвич Р. И. Аванесов и петербурженка М. И. Матусевич, возглавлявшая совместно с Л. Р. Зиндером в течение многих лет Ленинградскую фонологическую школу, описывают эволюцию рассматриваемого явления абсолютно одинаково (ср.: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1984. С. 182—186; и М. И. Матусевич. Современный

русский язык: Фонетика. М., 1976. С. 215—216). Значит ли это, что петербургские лингвисты вступили в сговор с московскими с целью фальсификации истории русского произношения?

В целом книга Р. Б. Тарковского вызывает скорее недоумение, чем желание вступать в серьезную научную дискуссию.

М. Л. Каленчук